Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Penza State Technological University
Urgench State University named after al-Khorezmi
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS: INTERRELATION OF TRADITIONS AND INNOVATIVE APPROACHES

Materials of the international scientific conference
on September 17–18, 2014

Prague
2014

Modern philisophic paradigms interrelation of traditions and innovative approaches : materials of the international scientific conference on September 17–18, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 328 p. – ISBN 978-80-87966-52-5

EXECUTIVE EDITOR:

Umidjon R. Kushaev, Ph.D., senior research associate at Tashkent Islamic University (Tashkent, Uzbekistan).

ORGANISING COMMITTEE:

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere-CZ» (Prague, Czech Republic).

Eva Kashparova, Ph.D., research associate at University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor, head of philosophy chair in Penza State Technological University (Penza, Russia).

Vadim N. Goncharov, doctor of philosophy, professor of philosophy chair at Humanities Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

Kamoljon S. Kamilov, Ph.D., assistant professor of Tashkent Islamic University (Tashkent, Uzbekistan).

Miroslav Sapik, Ph.D., the assistent professor, prorector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences (Kolin, Czech Republic).

Tomas Sigmund, Ph.D., academic staff of University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Maksuda S. Hazhieva, doctor of philosophical science, assistant professor of Urgench State University named after Al-Khwarizmi (Urgench, Uzbekistan).

REVIEWERS:

Diana V. Efimova, candidate of psychological sciences, associate professor of Penza State Technological University (Penza, Russia).

Botir N. Valiev, Ph.D., assistant professor at Tashkent Islamic University (Tashkent, Uzbekistan).

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of modern philosophic paradigms. Some articles deal with questions of Eastern and Western philosophy. A number of articles are covered problems of modern epistemology. Some articles are devoted to issues of socio-philosophic analysis of the globalization process. Some authors are interested in philosophic problems of modern spiritual culture, information, aesthetic.

УДК 1

ISBN 978-80-87966-52-5

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014.
© Group of authors, 2014.

CONTENTS

I. EASTERN AND WESTERN PHILOSOPHY TODAY: COMMON PRINCIPLES AND DIFFERENCES

Atajanova A. J.
Views of the thinkers of the East about education of the youth 10

Дорошин Б. А.
Концепция общественно-исторической
периодизации О. Конта: мифоархетипический аспект 13

Калашников С. Г.
Проблемы истины в исторической
эпистемологии Ф. Анкерсмита..... 20

Кукарников Д. Г.
Проблема теоретических ориентаций
в социальных науках: Роберт К. Мертон 24

Мажидова О. У.
Гармония красоты в философском учении Ибн Сина..... 29

Makhmudova N. D., Hojiyev R. B.
The scientific inheritance of great ancestors who worked
in the Ma`mun academy 34

Тошов Х. И.
Тенденция синтеза культур Запада
и Востока в творчестве Гессе 36

Тулаганова М. К.
Особенности развития межкультурного диалога
в творчестве Аль-Фараби на современном этапе 46

Умаров Б.
Термезцы и образ святого Хызра..... 50

Уразова Р. Т.
К вопросу об интерпретации «столкновения»
в Авесте двух духов-близнецов..... 53

II. GNOSEOLOGICAL AND LOGICAL FUNDAMENTALS OF SCIENCE

Sapík M.
Politická filosofie v kontextu gnoseologie 57

Хайдаров Х. Ф., Хайдарова А. Х.
Гносеологические проблемы медицины 66

III. MODERN EPISTEMOLOGY: CATEGORIES, PRINCIPLES, THEORIES

Гафиатуллин Р. А.
Парадигма самоорганизации фазового перехода в космологических моделях вселенной 69

Иванова О. Э.
Конструктивистский взгляд на проблему трансформации смысла 74

Паревская И. С.
«Оборачивание теории в метод»: поиск новой методологии познания и междисциплинарные задачи во второй половине XIX – начале XX вв. 77

Серова Н. В.
Семема как темпоральная компонента языка 84

Хожиев Т. Н.
Анализ проблем теории модернизации (от истории к современности) 90

IV. EPISTEMOLOGICAL AND ONTOLOGICAL PLURALISM

Ильин С. Е.
Сущностные черты инновационного университета в контексте положений онтологического и эпистемологического плюрализма 95

Мусиец П. В.
Тело с позиций социального конструкционизма 99

Стерледева Т. Д.
Электронно-виртуальная реальность как детерминанта новой парадигмы видения мира и человека 102

V. TASKS OF GLOBALIZATION: SOCIO-PHILOSOPHIC ANALYSIS

Gaibnazarov B. K., Matkarimova I. A.
Analyzing structural changes in standard of NAS-2008 in globalization period 105

Гончаров В. Н.
Социально-философский анализ общественной информации в контексте научной деятельности 107

Задворнов А. Н.
Пути обновления философского сознания в XXI веке 111

Каланова С. М.
Трансформация поколений и поколенческий прогноз в меняющемся мире 114

Камилов К. С.
Объективные условия и субъективные факторы религиозной глобализации 119

Кодиров У. Д.
Значение формирования сознания личности в обеспечении устойчивого развития общества 124

Колосова О. Ю.
Социально-философские аспекты глобализации 130

Черников В. Г.
Социально-философские ценности в структурах социального пространства 135

Чумаков А. Н.
Сущность и основные черты глобалистики 144

VI. PHILOSOPHY OF ECONOMICS: CONTENT AND RESEARCH METHODS

Annaeva N. R.
Civil society and activity of business women 160

Мартьянов Е. Ю.
Ценностно-этические основания предпринимательства в теории стейкхолдеров 163

Юсупова И. Р., Жуманиёзова Ш. К.
Социально-экономические основы общества,
сущность и составные элементы экономического сознания 166

VII. HUMANISM AND FUNCTIONALISM AS PARADIGMS OF MODERN PHILOSOPHIC ANTHROPOLOGY

Антипов М. А.
Гуманистический дискурс: понятийные
и историко-философские контуры 169

Бегижонова Х. Н.
Некоторые проблемы развития профессиональных
коммуникативных навыков педагогов в процессе
повышения квалификации 173

Волков С. Н., Жарова О. С.
К проблеме формирования ноосферной личности:
сознание в постфольклоре 176

Ефименко Ю. А.
Экзистенциальная философия и практика
психологического консультирования 181

Курбатова Л. В.
Темпоральные парадигмы 194

Панина И. Н.
Философско-психологический подход
к анализу мотивации деятельности человека 199

Рахматуллин Р. Ю.
Современная Россия между традиционализмом
и либерализмом 212

VIII. PHILOSOPHIC DEVELOPMENT PROBLEMS OF MODERN SPIRITUAL CULTURE

Антонова Л. Е.
Спор как культурная модель становления
компетентного специалиста 215

Артыкова М. А.
Воспитательное значение семиотических
знаков национальных ценностей 218

Ивашкин И. Ф.
К вопросу о различении понятий «мораль» и «нравственность» 227

Махмараимова Ш. Т., Шаббозова Д. Р.
Теоморфическая (теоморфная) метафора
в духовной сфере жизни 231

Нурмаматов А. Ш., Валиев Э. Ч.
Некоторые вопросы психологического подхода
к воспитанию ребенка 234

Sigmund T.
Vývoj vztahu k tradici z hlediska hermeneutiky 238

IX. PHILOSOPHY OF INFORMATION: THEORETICAL APPROACHES, ANALYSIS AND REALITY

Kašparova E.
Úloha vzdělávání pro řízení a rozvoj moderní
výroby v digitálním věku (s akcentem na EU) 244

Mirzayev M.
ICT as a mechanism of improvement of professional
development system 250

Сенкевич А. В.
Человек в информационном обществе:
изменения и опасности 254

Якубов Х. К., Джуманиязов М. К.
Применение информационных технологий
как важный фактор эффективности образования 256

X. URGENT ISSUES OF LEGAL PHILOSOPHY

Кандов Б. М.
Философско-правовые вопросы прав и свобод человека 260

Кандов Б. М., Алимухамедова Н. Я.
Глобализация правовых ценностей и перспективы
развития правовой культуры 269

XI. MODERN AESTHETIC CONSCIOUSNESS OF SOCIETY: ARCHETYPICAL FUNDAMENTALS AND INNOVATIVE TENDENCIES

Абдуллаева Н. Б.
Интеграция дизайна и искусства 278

Гончарова Е. О.
Психология творчества – практическая сфера
реализации эстетических представлений 281

Шахгусейнова С. А.
Зарождение эстетических представлений
на территории Азербайджана в эпоху палеолита 287

XII. TOLERANCE AS MORAL IMPERATIVE

Aminova M. S., Salaeva L. U.
Place of factors of tolerance and market
relations in forming civil society 291

Khadjieva M. S.
Processes of tolerance in Uzbekistan
and its philosophical factors 293

Кушаев У. Р., Дорошина И. Г.
Взаимодействие как социальное условие толерантности 297

Madaminov I. D.

Conception of “murosa” and its place in development
of human and society 304

Хайдарова Н. Х.
Узбекистан – страна межнациональной
и религиозной толерантности 307

План международных конференций, проводимых
вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии,
Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году 312

Plan of the international conferences organized by Universities
of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran,
Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic
on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2014 314

Информация о журналах «Социосфера»
и «Paradigmata poznání» 316

Information about the journals «Sociosphere»
and «Paradigmata poznání»..... 320

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 326

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 327

I. EASTERN AND WESTERN PHILOSOPHY TODAY: COMMON PRINCIPLES AND DIFFERENCES

VIEWS OF THE THINKERS OF THE EAST ABOUT EDUCATION OF THE YOUTH

A. J. Atajanova *Candidate of Philological Sciences, assistant professor, Urgench State University named after Al-Khorezm, Urgench, Khorezm, Uzbekistan*

Summary. Ideas about education and spiritual concepts in ancient written sources and works of thinkers of the East are discussed in this article.

Keywords: education; spirituality; cultural wealth; handicraft; enlightenment; knowledge; heritage.

Due to independence it's became possible to learn very old scientific, cultural and religious heritage of Uzbek people, and also to use it as people's common and priceless property. Starting from "the Avesta" and study of Zoroastrism until present days our spirituality is forming, enriching and developing as universal values. Expect being holy book of Zoroastrism which is one of the oldest religions of the world, it also has a great importance in learning our ancestor's history, socio-economic life, culture and values of many years.

As world religion Zoroastrism has been developed in Central Asia, more precisely in Khorezm. Our President I. A. Karimov scientifically proved in his speeches and publications that Uzbeks didn't appear in world arena recently, our people have been living with its life, culture, history since the times of "the Avesta" in ancient Khorezm.

Namely "the Avesta" is the priceless cultural wealth that is left to us by our ancestors. "It's been almost 3000 years since our most honorable, ancient handwriting "the Avesta" is developed. The "Avesta" at present time considered as a historical document which gives evidence that great country, great spirituality, great culture existed in this ancient region and nobody can deny that" [1].

The "Avesta" is one the oldest sources of global culture. There are aids, ideas which call people to education, honesty, and dignity in it just like in ancient Indian books such as the "Mahabharata", "Ramayana", the "Rig-Veda", "Kalila and Dimna".

Educational, philosophical, legal ideas and laws that are put forward in Zoroastrism can be good examples.

One of the spiritual-enlightening laws stated in the "Avesta" – is call people to work hard, gain financial wealth with their own hands, live a peaceful life. In Zoroastrism it's been said only if human causes cattle to increase and pasture to blossom out he can deserve God's grace.

When prophet Zoroast asked from god Ahura Mazda where was the best place on earth he answered: "in the place where human builds his own house, gives place for his children and wife in the house, cattle and dogs are full, delicacies are ready in the house, if his children live in peace, if the fire is on in the house that place is great and magnificent" [2].

"Spiritual growth should include in itself human's attitude towards the earth and its riches. The earth, air, water and fire (sun) have been honored from ancient times in Central Asia and valued accordingly by our ancestor's religions from Zoroastrism to Islam"[2, p. 137–138].

Since Islam based on enlightenment it consist of belief related to making the person perfect both intellectually and physically and it calls person to serve only beneficence to be clean and noble.

It's known from the history that education is directed to learning several types of handicraft it doesn't matter whether it's a child of the king or ordinary citizen.

Everybody equally followed this unwritten law. That's why Beruni paid attention to human's knowledge in his comprehensive development together with diligent and craftsman.

While in educational-ethical works that soaked up with concepts of Islam religion, education of spiritually mature person is put forward theoretically and practically. Yusuf Has Hajib's "Kutadgu bilig", Kaykovus's "Kabusnoma", Ahmad Yugnakiy's "Hibat-ul Haqoyiq", Sadiiy's "Guliston", Alisher Navoiy's "Mahbubul-kulub", Davoniy's "Ahloqi Jaloliy", "Ahloqi Muhsiniy", Koshifiy's "Futuvvatnomai Sultoniy" and good example of these works.

From our problem's point of view in all of these works it essential to define characteristics of spiritually mature person, respect workers, appeal young generation to master a profession, concepts and requirements of teacher-apprentice. All of the above mentioned thinkers defined owners of different professions in their works.

For example, as Kaykavus paid special attention to father's duty and task, he believed that parents when their child was born should first of all give him a good name, after that find him smart and kind teacher, teach him, when he starts to grow its important to teach him to work. He thought

that every parent would accomplish their duty if they leave knowledge, handicraft and good breeding as heritage to their children [3].

One of the great people and scientists is Ahmad Danish who made a huge contribution with his activity to the development of our people's spiritual, political knowledge and views.

As he shares his opinion on importance of profession and handicraft to the children, he states that in childhood person spends his time on entertainment, but as he grows he starts to observe life and necessity for work develops in him. At the end he decides to find a job and work.

He advises not to back down when one faces difficulties. As man is born, he grows in hands of his mother; he has interest in running and games. He becomes older as he falls down and gets up, sits and stands up many times. Day by day he becomes older and he passes his childhood. Then he sees valuable things, delicacies, games and he will be busy with them. He emphasizes that in order to gain this gold and silver are needed and person starts looking for them. [4, p. 6–11].

As writer has pointed out in his meaningful, many-sided study about spirituality and enlightenment, spirituality is not only main aspect of mental condition of a person, but also main aspect of society, state, nation, development of a person. So, spirituality is peculiar to human, and its formed based on inheritance, knowledge, nurture, education of ancestors and it gives objective and direction to person's activity.

In conclusion, if we take a look at history of education, Uzbek people and their wise children we can see that they left important ideas in their inheritance about spiritual education of young generation especially learning handicraft.

Bibliography

1. Babaev H., Hasanov S. The Avesta – is source of our spirituality. – T. : Justice, 2001. – P. 59.
2. Babashev F. A. Moral and educational views of scientists of Mamun Academy Khorezm : – Abstract. diss. Doc. of Ped. Sciences. – T., 2000. – P. 324.
3. Kaykovus. Kabusnoma. (trans. of Said Rizo Ogahiy from Persian.) 2nd pub. – T.: Independence, 1992. – P. 83.
4. The Avesta : Historical – literary memorial. Trans. of Askar Mahkam. – T. : Sharq, 2001.

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ О. КОНТА: МИФОАРХЕТИПИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Б. А. Дорошин *Кандидат исторических наук, доцент, Пензенский государственный технологический университет, г. Пенза, Россия*

Summary. The article compares the three stages of development of a society from the concept of Auguste Comte, the three elements of dialectical triad and three groups of mytho-archetypal images, corresponding to the stagf mu-es of personal development in analytical psychology and identifies correlations between them. It is also concluded about the actuality of the consideration in the context of mythology rationalist social concepts and correspondences in the development of the individual, society and nature within the anthropo-cosmic approach.

Keywords: low of three studies; myth; archetype; anthropocosmism.

В рамках органического направления социальной теории довольно широко распространено сопоставление, как правило – метафорическое, структурирования прошлого индивидуумом и социумом [8, с. 78–79]. Наряду с чертами органицизма такой подход характерен для находящихся в определённой преемственности относительно друг друга трёхчастных периодизаций социально-исторического процесса, восходящих к имеющим трёхуровневую структуру мифоархетипическим символам мирового древа и мирового человека и проявляющим логику диалектической триады. С позиций антропокосмизма они интерпретируются как экстраполяция на социальное время идеи духовно-физического изоморфизма человека и мироздания, понимаемого как целокупность социокультурного и природно-космического, имманентного и трансцендентного [3; 2].

К числу таких периодизаций относится и концепция развития общества, построенная О. Контом на его законе трёх стадий. Согласно ему, человеческая эволюция характеризуется единством своего индивидуального и коллективного аспектов, интегрированных тремя главными областями бытия людей – чувствами, мышлением и действием [5, ч. I, с. 57, 55].

Начальная стадия развития общества, прежде всего, эпоха политеизма, характеризуется, согласно О. Конту, теологической систематизаци-

ей жизни, основанной на аффективном начале, чувствах и воображении, субъективность которых затрудняла развитие умозрения и практики на основе познания «неизменных законов» [5, ч. I, с. 55]. Однако сущностная ценность аффективной сферы – «расположение ко всеобщей любви», или «социальный инстинкт», «доброжелательные страсти» – уже на этой первой социально-исторической стадии ярко проявила себя как главный фактор интеграции людей в общество [5, ч. I, с. 59].

Поскольку в актуальных ныне концепциях теологическая стадия соответствует традиционному обществу, или премодерну, где в качестве основного типа социальных связей признаются основанные на кровном родстве, представляется закономерным описание О. Контом важнейших составляющих её доминирующей сферы в терминах, имеющих отношение к природе (инстинкт) и личной / семейной жизни человека (любовь). При этом важно, что в рамках преобладавшего в мировоззрении людей на протяжении большей части данной стадии мифологического синкретизма родственные отношения распространялись на весь универсум (ср. Род, фитоантропоморфное божество – персонификация мироздания у славян), а любовь в свете антропоморфизации различных составляющих вселенной понималась как некая космическая сила, притяжение объектов вплоть до их слияния [7, с. 34]. К мифологическим или мифологизированным образам идеального общества, построенного на таких принципах, относятся сюжеты о золотом веке, золотых островах (а также островах блаженных, стране блаженных, Гиперборее – Б. Д.), острове женщин, стране фей, Олимпе, Асгарде, рае [7, с. 51, 33, 388] и т. д. Показательно, что аналогично тому, как О. Конт именует теологическую стадию «состоянием младенчества» [5, ч. I, с. 70], так и современная психология связывает мифологемы золотого века и первоначального райского состояния человечества с памятью людей о беззаботном детстве в окружении любви и попечения родителей. Всем этим особенностям исходной стадии развития общества соответствует семейный круг архетипических образов (земля, дерево, дом, чёрный, коричневый и зелёный цвета), а главным относящимся к нему переживанием является аффект [9, с. 33] – так же, как для теологической систематизации О. Конта ведущей является аффективная сфера. Закономерно, что ключевые архетипические фигуры данного круга – мать и отец – получили определяющее значение в наиболее распространённых представлениях людей о богах [1, с. 16]. Поскольку в периодизации О. Конта теологическая стадия является первой из трёх, она может быть сопоставлена с тезисом в диалектической триаде.

На смену теологической приходит метафизическая систематизация, основанная на умозрении. Имеющая, согласно Конту, главным образом переходный, революционный характер, она не сумела даже на уровне предшествовавшей (теологической) освоить область чувств и охватить должным образом активную жизнь, но сыграла роль отрицания (антитезиса) в диалектической триаде – послужила разрушению первоначальной, теологической систематизации [5, ч. I, с. 56].

Неэффективность метафизической систематизации в аффективной сфере и созидании связана с её установкой на независимость человеческого бытия от внешнего мира, что, согласно логике рассуждений О. Конта, препятствует развитию, поскольку сопровождается отчуждением от естественных законов, определяющих не только природное бытие, но и основы социального [5, ч. I, с. 65, 68].

Метафизическая стадия в схеме О. Конта охватывает время замещения в Европе католицизма и теологии секулярным знанием, предшествовавшее оформлению позитивизма. Согласно В. Шубарту, оно породило прометеевскую культуру, название которой обусловлено тем, что в ряде известных произведений новоевропейского искусства, как символическая персонификация духа этого времени, представлен древнегреческий бог Прометей, относящийся в мифологии к разряду культурных героев. Его имя производно от индоевропейского корня me-dh-, men-dh-, означающего «мыслить, познавать» [6, с. 337], и может быть переведено, как «предумышляющий», что соотносится с утверждением в новое время философского рационализма и классической науки, а также идеи прогресса, взамен господствовавшей в традиционном обществе обращённости к установлениям и образцам прошлого. Данные особенности Прометея и названной его именем культуры соответствуют архетипической образности героического круга, основным цветом которого является белый, а главными психическими функциями – интеллект и расчёт [9, с. 34]. В контексте данного круга протекает стадия развития сознания индивида, когда сознание преодолевает своё детское состояние. При этом образы героя и света / просветления маркируют формирующееся эго-сознание [10, с. 116, 123]. Данный процесс можно соотнести с распространением в модернизирующемся западном обществе индивидуализма, усилившего взаимное дистанцирование и антагонизм различных субъектов общественной жизни, начиная с личности на одном полюсе и заканчивая обществом в целом – на другом (социальная атомизация, конкуренция, классовая борьба и т. п.). Распространившаяся индивидуалистически-

эгоистическая психология способствовала также формированию покоряющей установки в отношениях человека с природой, обусловившей впоследствии глобальные проблемы исчерпания ресурсов и загрязнения окружающей среды.

Наиболее полную и гармоничную систематизацию всех трёх областей человеческого бытия – чувств, мышления и деятельности, согласно О. Конту, должен осуществить позитивизм. Специфика этой позитивной систематизации, умозрения которой вытекают из активной жизни, будет заключаться в успешном воздействии на практическую жизнь [5, ч. I, с. 56]. При этом в стремлении к практической и теоретической систематизации активной и умозрительной жизни позитивизм с необходимостью произведёт и моральную систематизацию аффективной жизни как «преобладающей части человеческого существования», беспрерывно сообщающей умозрению и действию побуждение и направление, и воплощающую принцип единства. Благодаря объединению этих трёх аспектов, и, главным образом, в силу реализации основанного на чувстве принципа всеобщности, позитивная систематизация превзойдёт теологическую в оформлении единой системы, охватывающей все стороны человеческой жизни [5, ч. I, с. 57].

Таким образом, позитивная стадия и её специфическое достижение – систематизация практической жизни – основаны на диалектическом синтезе качественного содержания двух предшествовавших, соответствующих тезису и антитезису, стадий. При этом сам О. Конт придаёт ключевое значение в этом синтезе реактуализируемым составляющим первой, теологической стадии. Он утверждает в качестве основы позитивизма доминирование чувства над разумом и, признавая в этом следование католической доктрине, провозглашает, что достижение личного счастья и общественного благосостояния зависят в значительно большей степени не от ума, а от сердца [5, ч. I, с. 58].

Являющееся основным достижением начальной стадии развития общества «расположение ко всеобщей любви», или «социальный инстинкт», Конт оценивает как главный критерий общественного прогресса, поддерживаемый и усиливаемый в процессе социальной жизни [5, ч. I, с. 59]. В качестве механизмов её развития он предполагает распространение на позитивной стадии институтов гражданского общества – рабочих клубов, философских органов для формирования общественного мнения [5, ч. III, с. 15–19], салонов, реализующих социальное влияние женщин [5, ч. IV, с. 77], а также совершенствование республиканской формы правления [5, ч. II, с. 98].

В отличие от метафизической стадии с её вредной, с точки зрения О. Конта, установкой на независимость человеческого бытия от внешнего мира, на позитивной стадии он считает необходимым согласование интеллектуальных, моральных и практических привычек, имеющих субъективную основу, с явлениями внешнего мира, способными явиться для них точкой опоры [5, ч. I, с. 68].

Внешний мир – общий порядок различных явлений, он даёт объективную основу росту симпатических общественных устремлений, чувству любви, упорядочивающему человеческие наклонности, «субъективная гармония невозможна без объективной связи» [5, ч. I, с. 64].

Это даёт основания полагать, что формулируемое Контом позитивистское понимание роли внешнего мира ближе к антропокосмизму с его идеей согласования бытия человека с природно-космическим бытием, чем к новоевропейскому антропоцентризму метафизической стадии, парадигмально выраженном в картезианском «Я мыслю, следовательно, существую», и достигшему предела в солипсизме Д. Юма.

Конт осмысливает антропосоциальное как продолжение природно-космического, как часть космоса, или внешнего порядка, под которым он понимает не только мир, но и «совокупность человеческих явлений», хотя и отличающихся большим непостоянством, но, тем не менее, также подчинённых неизменным естественным законам. Альтруистические чувства как проявление социального инстинкта детерминированы этими проявленными на социальном уровне естественными законами. Поэтому рациональное познание естественных законов вообще, общекосмических, является условием прочности гармонии человеческого индивидуального и общественного бытия, возникающей на аффективной основе «наших лучших побуждений», т. е. созидательном начале человеческой психики [5, ч. I, с. 65].

Итак, сущностью позитивной стадии в учении О. Конта является, по его собственному определению, синтез [5, ч. I, с. 58, 80], проявляющийся в соотношении нового и старого, разума и чувства, антропосоциального и природно-космического. Сущность этой стадии как структурно, так и терминологически соответствует её аналогу в диалектической триаде. В мифологии же идея синтеза выражена, наряду с прочим, группой мифологических сюжетов о драконах-помощниках, выполняющих нужную людям работу, или приносящих им сокровища [4, с. 394]. Если рассматривать образ дракона как проявление синтеза зооморфных компонентов, символически относящихся к земле, воде и небу, и маркирующих своим единством сокровенное, опасное, но ценное измерение

природы, мироздания в целом, то мифологема альянса людей с этим химерическим существом отражает идею соответствующих антропокосмическому подходу гармоничных человеко-мирных отношений, удовлетворяющих человеческие потребности без разрушения окружающей среды. Применительно же к уровню микрокосма, а именно – к внутреннему миру человека, образ дракона символизирует бессознательные содержания, сопряжённые с образом матери (в контексте антропокосмических соответствий примечательна распространённая в языке и культуре ассоциация с матерью земли, природы, Вселенной). Воспринимаемые как угрожающие и задерживающие развитие личности, они могут быть интегрированы ею в процессе индивидуации – личностного самоосуществления, в результате которого регулирующим центром психики становится Самость. Этот интегральный архетип характеризуется не абсолютным снятием противоположностей, но более осознанным и позитивным взаимодействием противоположных начал, в т. ч. порядкообразующих и хаотизирующих, символизируемых фигурой Гермеса (Меркурия), предстающего в образе ядовитого дракона [10, с. 151, 172, 422]. Гермес олицетворяет в первую очередь архетип Трикстера (который может выступать одним из важнейших аспектов Самости), относится к магическому кругу архетипических образов и персонифицирует интуицию [9, с. 35]. Данная психическая функция, подобно Самости, основана на интеграции в сознание бессознательного, в т. ч. коллективного, формирующей основу точного и обширного, получаемого сразу, как данность знания, которое, в свою очередь, обеспечивает возможность высокоэффективного действия и взаимодействия в социуме.

Развёрнутая здесь схема, основанная на параллелях между стадиями развития общества, личности и элементами диалектической триады может рассматриваться, с одной стороны, как отражение проекции внутриличностных изменений на процесс развития общества и динамику абстрактно-логических форм мышления (антропоморфизация), а с другой стороны – как отражение проявлений всеобщих законов развития на различных уровнях бытия. Произведённое сопоставление показывает, что наиболее ранней и глубокой по содержанию знаковой системой, в универсальных символических и архетипических образах которой обобщён данный параллелизм или же единство законов развития, выступает мифология. Это даёт основания для широкого обращения к ней, как при теоретико-методологическом анализе существующих концепций развития общества, в т. ч. сугубо рациональных по форме, так и для выявления корреляций в динамике индивидуального, социального и природного бытия в рамках антропокосмического подхода.

Библиографический список

1. Волков С. Н., Солянова Н. М. Спиритуализм как феномен в философском и религиозном измерениях // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс : периодическое научное издание. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. акад., 2012. – № 04 (08) – С. 11–16. – Серия : социально-гуманитарные науки.
2. Дорошин Б. А. Диалектическая триада как алгоритм истории: архаические корни и актуальное значение классических периодизаций // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс : периодическое научное издание. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. ун-та., 2013. – № 11 (15). – Т. 1. – С. 181–188. – Серия : социально-гуманитарные науки.
3. Дорошин Б. А. Трёхчастные периодизации развития общества как отражение мифоархетипического фитоантропоморфного символизма // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы : материалы III международной научно-практической конференции 20–21 сентября 2013 г. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 7–11.
4. Иванов В. В. Дракон // Мифы народов мира : энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Сов.энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 394–395.
5. Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. / под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 3–е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 296 с.
6. Лосев А. Ф. Прометей // Мифы народов мира : Энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов.энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 337–340.
7. Наговицын А. Е. Древние цивилизации: общая теория мифа. – М. : Академический Проект, 2005. – 656 с.
8. Рзаев А. А., Гаджиев С. Т. Интерпретация и развитие современного исторического знания // Социосфера. – 2011. – № 3. – С. 78–82.
9. Самохвалов В. П. Психоаналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. – Симферополь : СОНАТ, 1999. – 184 с.
10. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа / пер. с англ. – М. : ЧеРо, 1997. – 416 с.

ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ Ф. АНКЕРСМИТА

С. Г. Калашников *Кандидат философских наук, доцент, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, г. Коломна, Московская область, Россия*

Summary. The given article deals with the critical analysis of F. Ankersmit's historical epistemology. The author studies F. Ankersmits's attitude to the issue of truth (verity) and singles out strong and weak points of his theory.

Keywords: F. Ankersmit; historical epistemology; truth; representation.

Дискуссии об истине имеют долгую историю. Они периодически затихают, когда утверждается очередная парадигма, формирующая представления о путях достижения истины, и разгораются во времена пересмотра ее базовых положений. В новоевропейской истории дебаты об истине активизировались со времен Реформации, когда папская курия утратила монополию на истинные знания, и сопровождают все крупные политические, культурные, научные преобразования. Не обходят стороной обсуждения истины и сферу исторического знания, составляя основу исторической эпистемологии.

Историческая эпистемология пережила многочисленные сложные периоды с начала XVII века: заключения Р. Декарта о второсортности истории, заявление об отсутствии научного статуса у исторического знания, попытки создания истории как «строгой» науки, формирование модели объяснения исторических явлений на основе «охватывающих» законов и т. д. При этом в центр подобных заявлений, проектов переустройства истории эксплицитно или имплицитно ставился вопрос об истинности исторического знания. Не является исключением тема истины и для «новой философии истории», идейным вдохновителем которой стал нидерландский философ, методолог науки Франклин Анкерсмит.

Широкий общественный интерес к истории, нестандартность трактовок традиционных эпистемологических проблем, дискуссионность выводов способствовали тому, что работы Ф. Анкерсмита были переведены и опубликованы во многих странах, в т. ч. и в России.

Сфера познавательных интересов нидерландского ученого широка. Отходя от классической теории познания, в духе постмодернизма он рассматривает семантику языка историков, анализирует роль метафоры в историческом исследовании, занимается исследованием репрезентации. Рассмотрение этих тем приводит его к необходимости дать ответ на классический вопрос: «Что есть истина?». На этот классический вопрос Ф. Анкерсмит дает неклассический ответ, уводящий нас в сферу «экзистенциального опыта историка и отражения этого опыта в создаваемых им произведениях» [4, с. 246]. Его не устраивают каноны корреспондентской теории истины, устанавливающей соответствие мысли субъекта об объекте самому объекту. Применение данной модели к познанию исторического прошлого действительно связано с серьезными проблемами [3, с. 246]. Нидерландский философ считает, что «… нельзя сказать, что исторический нарратив дает истинную картину прошлого, даже если все его утверждения истинны, что нарратив историка корреспондирует с частью прошлого и что существуют эпистемологические правила связывающие нарратив с прошлым» [1, с. 200].

В определенной степени с подобным утверждением можно согласиться, т. к. прошлое непосредственно нам не дано. Исследователю, занимающемуся изучением прошлого, приходится иметь дело со «следами» прошлого, которые сохранились в настоящем (захоронения, летописи, археологические находки, элементы фольклора и т. д.). От многих периодов истории следов осталось мало, они разрознены, собрать из них целостную картину исторического прошлого, которая бы удовлетворила всех ученых, невозможно.

Однако Ф. Анкерсмит свой вывод сделал, исходя не из признания ограниченности «следов» прошлого в настоящем, а в соответствии с постмодернистской установкой, утверждающей примат внутреннего опыта историка в написании исторических нарративов. Историк, который создает, конструирует историческое повествование, самостоятельно определяет, почему предложенный им вариант подачи материала будет лучшим предложением того, как нужно смотреть на прошлое. То есть историка по большому счету не должна заботить проблема истины в ее корреспондентском измерении, ему, по мнению нидерландского мыслителя, важно продемонстрировать свое видение прошлого, которое он считает наиболее удачным. Не нужно кропотливо фиксировать в текстах соответствие слов историческому прошлому, не нужно каждую идею сопровождать ссылкой на архивный документ, а нужно лишь придумать формы демонстрации, репрезентации нарративов.

При таком подходе значимость «истины» и «лжи» теряют свое эпистемологическое значение. «От историка, «репрезентирующего» прошлое, ожидают уважения к истине (как от портретиста – умения добиться на полотне сходства с моделью), но истина не является решающим критерием качества исторической репрезентации… Репрезентация представляет собой, по сути дела, метафорическое предложение по поводу того, как воспринимать тот или иной фрагмент реальности... Аргументы за и против, стоящие за его метафорическим предложением, могут подвергнуться рациональному обсуждению (исторические дебаты нередко протекают очень оживленно), но о самих подобных предложениях трудно сказать со всей ответственностью, истинные они или ложные» [2, с. 30–31]. Т. е. исторический нарратив есть метафора. А метафора есть выражение точки зрения автора, индивидуальной точки зрения. Споры о метафорах возможны, но эпистемологически бессмысленны. У каждого свой экзистенциальный опыт, каждый останется при своём мнении. Реальность не интересует голландского философа истории. Его интересует видимость этой реальности. Каждый историк имеет право на собственные метафоры, на собственный подбор высказываний, из которых будет соткана ткань исторического нарратива. «Предложения могут быть полезны, плодотворны или нет, но не могут быть истинны или ложны; то же самое можно сказать относительно исторических нарративов», – утверждает нидерландский философ истории [1, с. 122].

Следовательно, критерием истины в концепции Ф. Анкерсмита будет выступать не практика, не верификация, не конвенция. Его, критерия истины, по большому счету, вообще не существует. В лучшем случае, критерием истины можно объявить внутренний мир автора, создавшего текст-репрезентацию, его язык. Подобный критерий приводит нас к утверждению крайних форм эпистемологического релятивизма и субъективизма. Полностью исчезает возможность рассуждения об объективности, достоверности, верификации исторических знаний. Начинается эпоха конкурентной борьбы историков за самую красивую метафору, которая не ориентирована на достижение истины, а выражает экзистенцию историка и / или его стремление коммерчески выгодно сбыть свои тексты покупателям, что имеет мало общего с задачами истории как науки.

Практическую реализацию выводов из концепции Ф. Анкерсмита можно легко заметить в современном мире. Ценность научной истины девальвируется. Перефразируя изречение Ф. Бэкона, можно утверждать,

что истина перестает быть дочерью своего времени, а все больше становится атрибутом авторитета, власти. Экспертное мнение ученых мало востребовано обществом. Серьезных ученых-историков, философов истории заменяют писатели-беллетристы, актеры, политические деятели, занимательно и обычно безграмотно, повествующие о своем видении зарубежной или отечественной истории большой зрительской массе. Для преодоления эпистемологического кризиса, возвращения на авансцену науки «истины», «объективности», «достоверности» и др. необходимо оздоровление микроклимата научного сообщества, изменение государственной политики в сфере образования и науки, опережающее финансирование научной отрасли и иные преобразования.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
2. Анкерсмит Ф. Р. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. – 2004. – № 2. – С. 15–40.
3. Калашников С. Г. Проблемы реализации корреспондентской теории истины в исторических исследованиях / Философия и методология истории : сб. научных статей IV Всероссийской научной конференции, Коломна, 28–29 сентября 2011 г. – Коломна : МГОСГИ, 2011. – С. 349–353.
4. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. – СПб. : Изд-во «Алетейя. Историческая книга», 2007. – 523 с.

ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: РОБЕРТ К. МЕРТОН

Д. Г. Кукарников *Кандидат философских наук, доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия*

Summary. The article is devoted to identifying the role of theory in Robert Merton's philosophy of social science. The questions about the role of theoretical orientation in the natural and social sciences, the problem of understanding of theory as such, the role of theory and methodology in scientific research, the place of law in a systematic theory are also analyzed here.

Keywords: theory; systematic theory; methodology; functionalism; middle-range theories; science as a social institution; philosophy of sociology; post factum sociological interpretations; empirical generalization; scientific law.

Одним из наиболее известных социологов XX века был Роберт Кинг Мертон, профессор Колумбийского университета, долгое время занимавший пост президента Американской социологической Ассоциации. Мертон критически пересмотрел взгляды своего учителя Толкотта Парсонса, основоположника школы структурного функционализма и теории социального действия; он рассматривает в гораздо большей степени функционирование и развитие отдельных элементов системы, нежели системы как таковой.

Такой подход был связан с собственным видением построения теории, что выразилось в создании *идеологии «теорий среднего ранга»*. Указывая на то, что грандиозная концепция Парсонса мало что даёт для постижения эмпирии, Мертон считал преждевременными попытки создания подобных всеобъемлющих конструкций. Функционализм, по его мнению, должен стать методом построения концепций, основывающихся на приближении к конкретным фактам. Построение «теорий среднего уровня» может быть осуществлено через последовательную критику наиболее широких обобщений предшествующего функционализма и введение новых операциональных определений, служащих для организации и интерпретации эмпирического материала, но не являющихся лишь эмпирическими обобщениями (подр. см. [4, с. 34–61]). Лишь после создания целого массива такого рода теорий их можно будет синтезировать в систему, аналогичную парсонсианской, используя функциональный метод как средство их сближения.

Однако критика парсонсианского функционального анализа (изменения наиболее одиозных положений; введение новых понятий – дисфункция, баланс функциональных и дисфункциональных последствий, функциональные альтернативы) носит у Мертона ограниченный характер. По сути, она служит «снятию» напряжений, возникающих при анализе эмпирических фактов. Основная модель, в сущности, оставлена без изменений. Так, например, Мертон разделяет основные положения Парсонса о том, что общество – это особый вид объективной реальности, что действие индивидов рационально и сознательно мотивированно.

Сохранив в своей концепции сущностные черты функционализма, Мертон сохранил и уязвимость своих построений для критики. Основные положения этой критики аналогичны тем, что можно выделить по отношению к общей теории социального действия Парсонса. Главные из них – это общая статичность теоретической модели, не объясняющей социальные изменения, а также сверхсоциализированная концепция личности (понимание свободы человека как свободы выбора между социально структурированными возможностями).

Мертона принято также считать основоположником «институциональной» социологии науки, так как наука для него – это прежде всего социальный институт; центральным исследованием в этой области следует признать работу «*Социология науки: теоретические и эмпирические основания*» [3]. Мертон пришел в социологию как ученик П. А. Сорокина и Парсонса и быстро стал одним из лидеров структурного функционализма; данное обстоятельство в значительной мере определяет его теоретическую позицию в исследовании проблем социологии науки.

Любой социальный институт с точки зрения структурно-функционального анализа – это прежде всего специфическая система ценностей и норм поведения. Мертоновская социология науки – это нормативная социология: для нормального функционирования каждого социального института необходимо, чтобы выполнялся определённый набор норм, или, наоборот, если имеется стабильно функционирующий социальный институт, в нём непременно поддерживается и выполняется некий набор норм. Его вклад в становление социологии науки состоит не в изобретении системы норм науки или утверждении принципа, согласно которому нормы – основа всякого социального института, а в применении этих представлений в качестве основы теоретической модели науки при рассмотрении её как социального института.

Одной из центральных для Мертона проблем является решение вопроса о *роли теоретических ориентаций в социальных науках*, что на-

прямую связано с разработкой уже упоминавшейся идеологии «теорий среднего уровня». Анализ её учёный начинает с обоснования идеи о неправомерности проведения сравнительного анализа развития естественных и социальных наук. Подобный подход, по мнению Мертона, «игнорирует многовековые исследования, которые подготавливали территорию для великих прозрений в области физики. Было бы ошибкой утверждать, будто все проявления культуры, существующие в один и тот же момент истории, должны иметь одинаковую степень интеллектуальной зрелости» [3, с. 6]. Более правильным было бы сравнение социологии с физическими науками, которые только что сформировались. Между социологией и физикой XX в. стоят биллионы человеко-часов и напряжённых исследований: «Возможно, социология ещё не готова к появлению своего Эйнштейна, т. к. она не дождалась ещё своего Кеплера, не говоря о Ньютоне, Лапласе, Максвеле или Планке» [3, с. 6–7].

Важной является также *проблема понимания теории как таковой*. По мнению Мертона, теорию не следует понимать как некие общие ориентации в исследовании фактов, как типы переменных, которые каким-то образом следует учитывать. Теория – это ясные, верифицируемые утверждения, характеризующие взаимодействие между специфическими переменными: «Теория не состоит из точек зрения или подходов. Теория, продуцирующая точные теоремы, должна, по крайней мере, состоять из ясных, верифицируемых утверждений» [3, с. 9].

Не следует также отождествлять теорию и методологию. Конечно, учёные должны ориентироваться в методологии. Они должны знать, как использовать статистику и другие количественные технологии, как подготовить эксперимент; они должны понимать природу выводов теоретической системы и её необходимые условия. Но такое знание не содержит в себе или не подразумевает особого содержания социологической теории. Одна из странностей наук об обществе – в отличие от естественных наук – состоит, по мнению Мертона, в том, что методология стала самостоятельной сферой исследований со своими специалистами-профессионалами. Излишняя увлечённость методологией может и часто приводит к отклонению от задачи создания самостоятельной теоретической системы. Мертон разделяет точку зрения многих практикующих учёных о том, что «методологические дискуссии чаще всего оказываются продуктивными, если они увязаны со специфическими, независимыми проблемами научного исследования» [2, с. 84].

Будучи одним из немногих современных представителей социальных наук, в одинаковой мере заинтересованных как в истории, так и в фи-

лософии социальных наук, Мертон различает историю теоретической социологии и систематическую социологию (философию социологии). Он подчёркивает недопустимость подмены анализа систематической теории рассмотрением истории развития великих идей прошлого, с чем часто приходится сталкиваться в ходе преподавания и что находит своё выражение в университетских учебных планах в области социальных наук.

Некоторые учёные, изучающие общество, считают, что основная функция теории заключается в выработке хорошо обоснованных *эмпирических обобщений*. Конечно, эмпирическое обобщение является необходимым условием для создания теоретических систем, но не достаточным; попытки свести функции теории к эмпирическим обобщениям Мертон называет «примитивным мифом».

В социальных науках довольно распространённым является подход, согласно которому главным отличительным свойством науки является сбор фактического материала и его последующее обобщение. В XX веке техники накопления фактов действительно значительно продвинулись вперёд и стали более изощрёнными, создаются банки данных, возникают целые институты, чья основная задача состоит в совершенствовании методов сбора данных. Но нельзя процесс простого накопления фактов и выявления некоторых связей между ними рассматривать в качестве процесса создания подлинной науки. Вряд ли может иметь смысл апеллировать к авторитету классиков, как иногда случается – невозможно назвать имя какого-либо философа, который бы придерживался подобного упрощённого понимания природы науки. В лучшем случае такого рода «наивный эмпиризм» ведёт, по мнению Мертона, к бессистемному накоплению информации и хаотичной разработке эмпирических обобщений, неоднородных по своему содержанию. Несмотря на глубокие и подчас очень серьёзные разногласия среди современных философов в вопросе о природе и роли теории в науке, существует некий рациональный консенсус, что она не может быть просто эмпирическим обобщением, основанном на наблюдении фактов [2, с. 92].

Мертон попытался объяснить, что такое систематическая теория, которая, по его мнению, обеспечивает гибкую связь между эмпирическим и теоретическим уровнями исследования общества. По его мнению, в систематической теории явно или неявно «присутствует *потребность в применении законов* или, если выражаться более осторожно, утверждений, похожих на закон» [1, с. 13].

Такого рода законы должны быть тщательно отделены от просто эмпирических обобщений. Обобщения, используемые для построения

систематической теории, существенно отличаются от разнообразных эмпирических обобщений, основанных на наблюдении: «Этот тип социологического обобщения, так называемый научный закон, отличается от вышеупомянутых ввиду того, что он означает формулировку инварианта, производного от теории. Малочисленность такого рода законов применительно к обществу, возможно, отражает преобладающее раздвоение теоретических и эмпирических исследований» [2, с. 93].

Для того, чтобы теория была продуктивной, она должна быть достаточно ясной и определённой. «Ясность является неотъемлемым элементом критерия верификации» [2, с. 95], – подчёркивает Мертон. Он особо акцентирует внимание на том факте, что степень ясности и определённости той или иной теории является важнейшим признаком квалифицированного исследования вообще. Любой теоретик, работающий в данной области, должен стремиться к достижению такой степени ясности, когда создаваемые теории могли бы быть эмпирически проверены или опровергнуты.

Библиографический список

1. Bernstein R. J. The Restructuring of Social and Political Theory / Richard J. Bernstein. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1990.
2. Merton Robert K. Social Theory and Social Structure / Robert K. Merton. – Glencoe, Ill. : The Free Press, 1957.
3. Merton Robert K. The Sociology of Science / Robert K. Merton. – Chicago : University of Chicago Press, 1973.
4. Кукарников Д. Г. Теория общества в XX веке: от Парсонса до Гидденса. – Воронеж : изд-во Воронежского государственного университета, 2006.

ГАРМОНИЯ КРАСОТЫ В ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ ИБН СИНА

О. У. Мажидова *Старший преподаватель, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. This article is dedicated to philosophical-aesthetic base of the worldoutlook of the great philosopher of the Orient Ibn Sino. He considered that objective base of the beauty beautiful on high step of the development is a harmony, as direct expression perfection. The Persons capable it is correct to understand and value beautiful, becomes the spiritual rich man, morally better and deeper feels the people.

Keywords: beauty; development; harmony; morally; spiritual; value.

В последнее время в духовной жизни общества происходят значительные изменения. Актуальность данной темы обусловлена проблемой формирования культурных парадигм и вытекающих из этого изменений в эстетическом сознании общества и человека в современном мире. Быстро развивающееся информационное общество признает высшей ценностью человека, обладающего высокой степенью свободы, самостоятельности и ответственности. Изменения в геополитической ситуации, рост коммуникаций ведут за собой существенные изменения в жизни современного человека, прежде всего, в культурной сфере. Большую важность приобретают не только культурно-историческое движение человечества, но и динамика личностного становления человека в современном мире. В становлении человека как личности заложена способность к формированию общепринятых эстетических суждений.

Великий мыслитель древнего Востока – Ибн Сина видел источник красоты в объективном окружающем мире, в предметах и в каждом человеке. Врач, учёный, философ и поэт Абу Али ибн Сина жил в Средней Азии и Иране, изучал математику, астрономию, философию и медицину, занимал должности врача и визиря при различных правителях. Формирование философских взглядов Ибн Сины, как ученого и философа в частности, проходило в эпоху становления и расцвета обширной территории арабского халифата. Философские проблемы занимают его на протяжении всей его научной деятельности. Им создано большое количество трудов, посвященных различным вопросам философии. Эти

труды, на протяжении многих веков выступавшие стимулом для развития науки, не утратили своего значения и в наши дни.

Главные философские труды – «Книга исцеления» (в сокращённом изложении – «Книга спасения»), «Книга указаний и наставлений», «Книга знания» (на языке фарси) [1, с. 275–276]. Философия Ибн Сины продолжает традиции восточного аристотелизма в области метафизики, гносеологии и логики. Согласно Ибн Сине отрицается сотворённость мира во времени, объясняя его как вневременную эманацию Бога – «первой причины», из которой в иерархическом порядке истекают разум, души и тела небесных сфер. Таким образом, «универсальный разум» и «мировая душа» неоплатонизма дробятся у него на отдельные разумы и души согласно космологической схеме Аристотеля. Один Бог, по утверждению Ибн Сины, обладает абсолютным существованием, всё же остальное само по себе только возможно, а действительно лишь благодаря Богу. Однако природа, истекшая от Бога через иерархию эманаций, в дальнейшем развивается по принципу самодвижения, будучи вместе с тем замкнутой во времени и пространстве.

Первоисточником общего Ибн Сина считает божественное мышление. Согласно его учению, универсалии существуют первоначальном божественном мышлении, затем – в единичных вещах материального мира и, наконец, – как общие понятия человеческого мышления.

В этом учении об универсалиях Ибн Сина в целом выступает как объективный идеалист. Материалистическая же тенденция в его теории познания сказывается в том, что он человеческое познание понимает как процесс развития и при этом подчеркивает роль чувственного опыта в познании. Он говорит, что для познания, прежде всего, нужны чувственные представления, которые обогащают, развивают и совершенствуют разум и которые являются необходимой предварительной ступенью для познания общего. Человеческое познание, по учению Ибн Сины, движется от чувственных образов к умопостигаемым истинам, т. е. к познанию общего. Его философия обращена к познанию опыта и красоты природы. Он требует наблюдения явлений природы, накопления и обобщения фактических данных и разумного критического исследования.

Высокая оценка опытного знания и естественных наук у Ибн Сины сближает его с философией нового времени. Он делил философию на логику, физику и математику. Философия, по его определению, есть наука обо всём существующем как таковом и о принципах всех частных наук. Через познание философии душа достигает наивысше-

го совершенства. По его утверждению, бытие есть либо телесное, либо духовное, либо интеллектуальное. Телесное бытие изучает физика, духовное – метафизика, интеллектуальное – логика. Логическое есть абстракция от материи, и логика имеет то сходство с математикой, что и та, и другая имеют дело с абстракциями от материи.

В мировоззрении Ибн Сины сказывается дуалистическое противопоставление телесного и духовного мира. Дуалистическое понимается им как телесный мир, который, по его учению, состоит из двух разнородных начал – материи и формы, причем материя является принципом (причиной) множественности вещей и их индивидуального разнообразия, а форма – принципом их общности и единства. От материи в природе – единичное индивидуальное, множественное, случайное, изменяющееся, переходящее. От духовного начала, от разума, от Бога в природе – общее (форма), единство, необходимость, закономерность. По его учению, Бог есть абсолютное единство, из которого не может происходить никакая множественность. От Бога в природе, согласно Ибн Сине, – лишь закономерность, лишь то, что является в природе всеобщим, универсальным. Признавая вечность материи, Ибн Сина вместе с тем ставит духовное выше материального, а душе приписывает среднее место между духовным и материальным. Тело не может быть причиной чего-либо. В качестве причины всегда действует духовное начало (разум). То, через посредство чего он действует, есть либо сила, либо форма, либо душа. Эти действующие причины образуют, по учению Ибн Сины, ряд восходящих ступеней: силы неорганической природы, энергия растений и животных, души людей и, наконец, мировая душа.

Итак, в своих произведениях, посвящённых вопросам философии и теории познания, Ибн Сина исходит из материалистического решения вопроса об отношении мышления вообще и форм мысли в частности к предметам и явлениям действительности. Красота существует в природе, а предметы реализованной красоты, т. е. предметы искусства, создаваемые трудом человека, воспроизводят качества объективной действительности. «Прекрасное в природе существует вечно как первичное, а доброе и прекрасное в искусстве исходит только от человека как вторичное» [2, с. 151].

Ибн Сина был последователем аль-Фараби, которого считал своим духовным предшественником, в чьём учении гармония представлена в виде момента оптимального разрешения противоречий между земным и небесным в человеке. Именно эта гармония является тем необходимым компонентом для человека, который стремится к идеальной красоте,

заключенной в Первосущем. Из этого следует, что Ибн Сина объективной основой красоты, прекрасного на высших ступенях развития объявляет гармонию как непосредственное выражение совершенства. В Первопричине признается существование прекрасного, что является «высшим». Ей противопоставлено прекрасное в образах предметах и в природе, которое характеризуется как «низшее». «Высшее» – т. е. Вечные, неподвижные сущности, идеи и принципы, является образцом для «низшего», т. е. физического, телесного мира [2, с. 152].

Всё красивое и прекрасное, по мнению Ибн Сины, исходит от Первой причины и воспроизводится разумом. Оно – вечно, абсолютно, существует независимо от происходящих явлений. Это вечно существующее прекрасное есть первичная истина. Похожее мы встречаем у Платона в диалоге «Пир», где главное место отводится общей, абсолютной красоте, которая независима и имеет основание в самой себе. Все существующее в мире земном определено ею, поэтому она не требует объяснении. «Эта идея всегда одна, бессмертна, не рождается и не погибает, ни роста ей нет, ни оскудения. Это – чистая красота, истинное совершенство» [3, с. 148].

Взгляды Ибн Сины отличаются от Платоновских, так как тот отказался от красоты реальной действительности. А Ибн Сина с восхищением говорит о красоте объективно существующих предметов, вещей, человека. Красота в реальности для Ибн Сины не является просто тенью неизменной красоты Первой причины, для него важно объективно существующая субстанция – материя – носитель жизни. Красота как возвышающий и облагораживающий фактор свойственна каждому существу, не зависит от положения в космической иерархии Творца, но от объективно эстетического качества каждого.

Человеку свойственные стремления к мирским благам, но, несмотря на это, считает Ибн Сина, через них все равно он обретает более высшие блага. В союзе низшей (животной) души (т. е. Материальные потребности) с высшей (разумной) первая начинает любить более возвышенные предметы и действовать более утонченно. А вместе разумная душа и животная душа любят то, что обладает красотой внешнего вида и гармонией внутреннего содержания.

Всё это соответствует одному из важных представлений о прекрасном на Востоке: целью эстетического восприятия является установление гармонии между созерцаемым объектом и существующим в сознании человека эстетическим идеалом. Душа достигает блаженства только тогда, когда к красоте присоединяется и интеллект. Но, помимо этого, в

мире независимо от Бога существует великое множество прекрасных вещей. Поэтому великие мыслители Востока аль-Фараби, Ибн Сина и их последователи считают, что мудрый человек должен научиться чувствовать красоту и постигать их, объединив чувства и разум. Только тогда человек правильно воспримет изящность, правильное и гармоничное строение вещи. Исключительно в этом случае понимание ими красоты можно сравнить с действиями разума.

Тогда можно ли представить себе человека высокой культуры без эстетического развития? Любовь к прекрасному – это любовь к жизни, к творчеству. Это даёт стимул человеку, одухотворяет его жизнь и наполняет ее глубоким смыслом и содержанием. В прекрасном воплощается стремление человека к счастью, добру, мудрости, нравственному совершенству. Человек, способный правильно понимать и ценить красоту, становится духовно богаче, нравственно чище, он глубже чувствует и переживает и служит во благо людям. Ведь недаром говорят, красота и доброта спасёт мир.

Библиографический список

1. Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. – Ташкент : Фан, 1976.
2. Наследие аль-Фараби и формирование нового интегрального мировоззрения : коллективная монография / под общей ред. З. К. Шаукеновой. – Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2012.
3. Платон / Собр. соч. в 3–х т. – Москва : Наука, 1968. – Т. 1.

THE SCIENTIFIC INHERITANCE OF GREAT ANCESTORS WHO WORKED IN THE MA`MUN ACADEMY

N. D. Makhmudova *Candidate of Pedagogical Science, Khorezm regional in service Teacher Training Institute,*

R. B. Hojiyev *student, Urgench State University named after Al-Khorezmi, Urgench, Khorezm, Uzbekistan*

Summary. In this article, is given information about spiritual inheritance that scientists worked in Ma`mun Academy.

Keywords: historical; spiritual; scientific; humanitarianism; ethical; school.

Ali ibn Mamun was in need of wise and ingenious advisers in such difficult political situation. Fortunately, his uncle Abu Nasr ibn Irakh (Iroq) was the wittiest scholar of that time. He was nicknamed as Ptolemey of that time when he was alive. Besides, Abu Nasr brought up Beruniy himself. Because of these two scientists there was created ideal conditions for scholars. These two people were in personal correspondence with most scholars of far and middle East. In addition,the dynasty of Somoniys were ended at the end of the 10th century.The scholars started to come to Gurganch from Nishopur, Bakh, Bukhoro and even from Arabian Irakh (Iroq) in 1004 on the initiative of Ibn Irakh (Iroq) and Beruniy. Thus, there was fully formed scientific place named "Dorul Khikma and Maorif". This scientific institution became the place for research and scientific works as "Bayt al-Khikma" in Baghdad. According to the information of Beruniy, there was made translations from Greek and Suryon (tarjimasi noma'lum).

After the death of Ali ibn Mamun (1009), his brother Abu-l-Abbas Mamun II ibn Mamun became a leader of Khorazmshakhs. He called Beruniy to the Palace and appointed him as the first adviser. It brought the great opportunities for the Mamun Academy.

In the 10th century Abu Raykhon Beruniy's works were studied thoroughly including activities of scientific institution of Abul Abbas Mamun II. It was confirmed that this institution was the similar with "Bayt-al-Khikma" in Baghdad and it was called Mamun Academy.Most scholars thought that the starting date of its activity i.e. the time of all scholars gathering and working on research was in 1004.

On the creation of Khorazm Mamun Academy there was a great contribution of Abu Bakr Mukhammad ibn al-Abbas al-Khorazmiy (935–993). He was a historian, poet and scholar.

Abu Bakr had his own particular place among the scholars of that time. He was born and brought up in Khorazm. Afterwards he lived in Khalab, Bukhoro and Nishopur cities. Inspite of the difficulties in living and the struggles between some leaders he strived for science. Besides his activity as a scientist, he taught apprentices. Working with the youths served him to put in his works the moral ideas.

According to his ideas wise people should be well-mannered and have good qualities. One can be respected due to his character and occupy the highest position. He mentioned that it was duty of everybody to do goodness, be gorgeous and humane. He said: "Goodness looks like fame. Somebody avoids it, but humane person reaches fame" [1, p. 294].

Khorazm as Abu BAkr ar-Roziy gave his opinion about the pity results of being angry and sadness. He said : "Anger makes forget about respect and to do goodness" [1, p. 136].

While analyzing the history of the development of the enlightening it's impossible not to speak about the atmosphere of creating heritage in that field, economic and political conditionals of that time. It's very necessary to look back the history of Khorazm state for learning the inheritance of the scholars of Mamun Academy and using them effectively in practice.

Anyway, learning the past is the main reason of bringing people to perfection. As our President said: "…realizing himself and knowing about the origin brings people endless love for Motherland…" [2, p. 1–3].

The nations of the Central Asia has great history. According to the opinions of some scholars, there began developing of the cities culture from Ix till VII B.C. In the Central Asia people achieved great success on the cultivating land, gardening and cattle breeding in VI–XII centuries. Especially, IX–XII centuries were the time of the highest development for people.

Biblography

1. Abdullayev I. Poetry in Arabian language in the Central Asia and Khorasan in X and including the beginning of XI century. – T. : Fan, 1984.
2. I believe in the strong will of the wise nations. President I. A. Karimov. The answers for the questions of the interviewer of the newspaper "Fidokor", 2008, 8 June.

ТЕНДЕНЦИЯ СИНТЕЗА КУЛЬТУР ЗАПАДА И ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕССЕ

Х. И. Тошов

Преподаватель,
Национальный университет
Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
г. Ташкент, Узбекистан

Summary. In given article is analyzed crisis Western Europe philosophy XX age. In this allowance is spared attention idea G. Gesse concerning these problems and are discussed syntheses of the cultures, reflected in creative activity Gesse.

Keywords: global crisis of culture; play beads; game alternative culture; global bifurcations; «Deaths of the God»; syntheses of culture; world of Castalia; Epoch of feletona.

Одной из актуальных тем современной философии является глобализация. В рамках этой весьма широкой темы активно обсуждаются вопросы о причинах, сущности глобализации, о ее направленности, о взаимодействии культур, а также о негативных явлениях, порождаемых глобализацией, таких, как усиление неконтролируемой миграции, национализм, хаос, международный терроризм, антиглобалистские выступления. Причем единство мнений по различным аспектам глобализации отсутствует, что свидетельствует не только о новизне этого явления, но и о недостаточной изученности темы и настоятельной необходимости ее исследования.

Особенно настораживает вопрос о глобальной катастрофе, обсуждаемой западной мыслью уже несколько десятилетий и предрекаемой современной синергетической наукой «глобальной бифуркации». Основательно и всесторонне освещена даже структура этих катастроф [7].

Современная философская глобальная научная мысль видит причину такого масштабного негативного явления в Европейской культуре – духовной основе цивилизации. Известно, что это было замечено многими передовыми западными мыслителями XX века – философами, писателями, поэтами, учёными, как, например, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, К. Доусон, А. Вебер, Н. Бердяев, И. Гуицинг, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Кайзерлинг, Л. Циглер и др.

По нашему мнению, истоки понимания неполноценности и даже тупиковости этой культуры начинаются еще раньше. А именно, с самого предвестника романтизма («Бури и натиска») в лице таких его ярких

представителей, как Гаман, Вагнер, Гердер, Гёте, Шиллер – то есть с периода в истории немецкой литературы (1767–1785 гг.), связанного с отказом от культа разума, свойственного классицизму, в пользу предельной эмоциональности и описания крайних проявлений индивидуализма. Известно, что из интереса к этому периоду вырос романтизм, основателями которого были братья Шлегель, Новалис, Гёльдерлин, Шлейермахер. А «…романтизм не живет без Востока…», как верно заметил Н. Рерих [4]. Известно также, что такие известные философы, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, сильно тяготели к романтизму, увлекались мистикой, восточными учениями и стали ярчайшими представителями иррационализма в западной философской мысли Х1Х века. Известно, что почти все романтики и философы-иррационалисты искали альтернативу западной культуре Просвещения и находили ее в восточной мудрости – индийских, буддийских, зороастрийских, суфийских и др. учениях, и стремились к их синтезу. Понятно, что кризис Европейской культуры особенно сильно ощутили представители гуманитарной мысли – философы, писатели, поэты, художники и др. Среди них видное место занимает немецко-швейцарский прозаик, лауреат Нобелевской премии (1946 г.) Герман Гессе (1877–1962). Он являлся кумиром молодежи и самым читаемым европейским писателем 60–70 годов ХХ в. Интерес к его произведениям не угасает и сегодня. Гессе более близок нам тем, что именно благодаря ему культ Востока и восточной мудрости в значительной мере распространился на Западе.

Таким образом, все видные представители западной культуры – от Ницше и Шпенглера до Томаса Манна и Германа Гессе – ощущали перелом времен, закат эпохи позитивизма, и с тревогой ожидали – кто краха цивилизации, кто – света с Востока.

В настоящее время, в эпоху глобализма и глобальных кризисов, большинство современных мыслителей еще острее чувствуют негативные последствия технократически ориентированной западной культуры в целом. Ибо глобальные проблемы современности – это не чисто экономические, политические или научные, а, прежде всего, проблемы духовно-нравственные. Духовно-нравственной основой появления глобальных проблем современности является широкое распространение идеологии потребительства, которая побуждает людей к бесконечной погоне за новыми вещами. Именно ориентация на материальные ценности и является главным заблуждением западной культуры, ставшей за последнее столетие лидером всей современной цивилизации и приведшей ее к грани глобальных катастроф. В среде

наших узбекских философов отражение подобной мысли наиболее ярко представлено Ш. Б. Каххаровой, которая, основываясь на исследованиях всемирно известного индийского мыслителя А. Гхоша, заметила коренное отличие, даже противоположность западной культуры эпохи позитивизма традиционной восточной культуре. По её мнению, это видно даже в самой проблеме определения понятия культуры на Западе и на Востоке в данную эпоху. Действительно, в философский исканиях Запада, а также России, до сих пор существует обилие (свыше 500) определений этого понятия, что наглядно свидетельствует об отсутствии точного и истинного понимания этого феномена, в то время как восточная мысль всегда имела ясный ориентир в данном отношении. В качестве примера Ш. Каххарова приводит свое определение культуры, являющееся следствием обобщения восточного восприятия данного явления. «Культура, – пишет она, – представляет собой органическое единство (синтез) идей, представлений и чувств, способных истинно раскрыть смысл и цель жизни человека и человечества, и соответственно этому верно направлять их деятельность». При этом она приводит еще более компактное, конкретное и, вместе с тем, широкое определение, данное индийским философом XX в. [9, с. 5]. Ауробиндо Гхошем, согласно которому: «…Культура заключается в умении достижения состояния гармонии между духом, умом и телом” [8, с. 4]. Отсюда следует, что на Востоке культура оценивается в зависимости от того, насколько удачно она сумела подобрать ключ к этой гармонии. А на Западе, как справедливо указывает Ш. Б. Каххарова, «… отсутствует самая основополагающая компонента восточной культуры, а именно духовность, не говоря уже о гармонии между всеми ними» [9, с. 392].

Отсюда заключаем, что главной причиной кризиса западной культуры является ее ограниченность, состоящая в абсолютизации ума и тела (рациональности и материального благосостояния), в игнорировании духовности. Это и было отмечено Ф. Ницше в тезисах “Смерти Бога”. А это объясняет интуитивное тяготение романтиков и философов-иррационалистов Запада к мистическим ценностям Востока, к эзотерическому аспекту древнегреческих учений Платона, неоплатоников и т. п.

Следует особо отметить, что в настоящее время многие западные исследователи связывают возможность преодоления глобального кризиса с формированием и укреплением в массовом сознании качественно иной культуры, новой этики, гуманизации цивилизации. Если иметь в виду, что Запад и Восток в определенном отношении представляют со-

бой полярные противоположности, и закон диалектики настаивает на слиянии (единстве) полярностей, то, так или иначе, рано или поздно можно ожидать рождения новой культуры путем их слияния. Тем более, что процессы глобализации подготовили необходимые условия, а глобальные кризисы служат катализатором такого процесса.

Но рождение новой культуры очень сложный процесс. Ибо нельзя говорить, что Запад должен буквально воспринять восточную культуру, или, наоборот, Восток целиком будет поглощен западничеством. Культурологическими исследованиями по этому вопросу выявлен «…почти необозримый ряд смысловых антиномий. Если Запад – демократия (свобода, равенство), то Восток – деспотизм; … Запад – научное знание, рациональность, Восток – интуиция, вживание в мир; Запад – динамизм, развитие, Восток – неподвижность, стабильность; Запад – модернизация, инновация, Восток – традиционность, ритуал; Запад – "логос", Восток – "дао"; Запад – индивидуализм, личность, Восток – коллективизм, государство; Запад – активное технико-технологическое преобразование мира, Восток – достижение гармонии с естественно-природной средой обитания и медитация; … Запад – рынок, Восток – базар и т. д.» [1].

Однако обстановка всеобщего кризиса духовности остро взывает к необходимости рождения новой глобальной культуры путем снятия противостояния западной и восточной культур. А это и является, по нашему мнению, одной из актуальнейших задач современных философов всего мира, особенно тех, кто занимается непосредственным воспитанием мировоззрения нового поколения, а также сознательной интеллигенции.

Путеводной нитью в выполнении этой задачи могут служить указания таких мыслителей Востока, которые видят явные пороки и достижения и западной, и восточной культуры. Например, популярный индийский учитель-эзотерик Ошо Раджниш (1931–1990) видит выход из сложившейся мировой ситуации в "образовании нового человека", сочетающего в себе позитивные достижения, как Запада, так и Востока. Называя Зорбой западного человека, а Буддой – Восточного, он пытается нарисовать образ "нового человека" и называет его Зорбо-Буддой. Зорбой он символизирует характеристики человека, не отказывающегося от земных удовольствий и обладающего высочайшим потенциалом рационального знания, а Буддой – человека, обладающего величайшей мудростью и безмятежностью перед низменными материальными страстями. «Будда не целое и Зорба не целое, – пишет он. – Оба – половина и половина. Я люблю Зорбу, я люблю Будду. Но когда я изучаю глубокое ядро Зорбы, то кое-что отсутствует: он не

имеет никакой души. Когда я изучаю Будду, кое-что снова отсутствует: он не имеет никакого тела. Я учу вас великой встрече: встрече Зорбы и Будды. Я учу новому синтезу, Зорбе-Будде. Встреча земли и неба, встрече видимого и невидимого, встрече всех полярностей – мужчины и женщины, дня и ночи, лета и зимы … Только в такой встрече будет новый человек пребывать на Земле».

Такие же идеи выдвинуты и знаменитым индийским философом Ауробиндо Гхошем, раскрывшим главные недостатки обеих культур [8]. «Нам часто повторяли, что спасение на небесах, и это верно, потому что не может быть для человека спасения до тех пор, пока он живет, уткнувшись носом в материю, спасение его на небесах сверхсознательного. Наверное, для начала было необходимо проповедовать нам небеса, для того, чтобы вытащить нас из исходного эволюционного склероза, – но это лишь первая стадия эволюции, а мы убедили себя в том, что это и есть конец и предел, и все это навсегда, твердо, как гранит. И вот сейчас это обернулось против нас. Мы отрицали Божественность в Материи, позволив ей (Божественности) брататься лишь в наших святых местах, и теперь Материя берет реванш – мы назвали ее грубой, и она стала грубой. До тех пор, пока мы будем мириться с этим дисбалансом, для Земли не будет никакой надежды. Мы будем лишь колебаться между двумя полюсами, каждый из которых является одинаково ложным, – от материального наслаждения к духовному аскетизму, никогда не находя истиной полноты и завершенности. Древние интеллектуальные культуры Европы кончили всесокрушающим сомнением и скептическим бессилием, набожность Азии – застоем и упадком. Нам нужна и сила Материи, и свежие воды Духа. … Если мы хотим излечить этот дисбаланс, ибо все, чему не хватает равновесия, … в конечном счете, умирает... необходимо иметь ясное видение», – пишет Сатпрем, ученик А. Гхоша, объясняя точку зрения учителя [6, с. 255–256].

Передовая мысль Запада первой половины XX века постепенно созревала для таких выводов. Мы хотим это показать на примере условий и процесса формирования мировоззрения самого известного, культового, немецко-швейцарского писателя-эссеиста шестидесятых годов XX века, Нобелевского лауреата Германа Гессе (1877–1962), формировавшего, наряду с Г. Г. Маркесом, Х. Кортасаром, Ж. П. Сартром, М. Хайдеггером и Л. Витгенштейном, литературные и экзистенциальные вкусы нескольких поколений европейцев.

В творчестве Гессе приходят к единству понятия «Запад» и «Восток». Истоки тематики слияния этих двух культур кроются в биографии

самого писателя, выросшего в семье с глубокими христианскими традициями, вобравшей в себя часть культуры Индии. На книжной полке Гессе всегда соседствовали книги Ницше и Лао-Цзы. Это единство воплотилось в Йозефе Кнехте – в герое романа «Игра в бисер» – философе, в определенной степени постигшем европейскую и восточную мудрость.

Исследователи творчества Гессе считают характерным для его творчества черты немецкого романтизма в лице таких классиков, как Гёте, Шиллер, Новалис и др., и считают, что писателя можно отнести к неоромантикам [3]. А друг и биограф писателя Хуго Балль даже писал в 1927 году: «Герман Гессе – последний рыцарь блестящей когорты романтизма».

Говоря о романтизме Гессе, нам хотелось бы особо отметить, что из всех романтиков великий немецкий классик Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832) был для Гессе тем нравственным мерилом, тем образцом, которому следуют. И это не случайно, ибо, как указал Н. Рерих, «Гете кульминировал время Шиллера, Гердера, Бюргера, Винкельмана, Канта, Лессинга»; и влияние его было «…не только глубоко во всех германских странах, но и в англосаксонских, и в славянском мире, и в Америке». Величие Гёте Рерих характеризует смыслообразующим понятием «посвященный», которое характеризует человека, которому доступны тайны духовного мира, глубокие основы бытия. «Говорят: Гете – Посвященный! – восклицает Рерих. – Еще бы не посвященный, если в пламенных формулах мог прикасаться к самым священным камням, не обжигая руки. Еще бы не посвященный в законы основ, если без страха проходил все ущелья, полные отсталыми и заблудшими путниками. Еще бы не посвященный, если не искателем, но носителем сокровища миров дальних прошел он свой путь» [5].

С другой стороны, нам известно, что именно Гёте ввел в эстетику понятие «мировой литературы», был активным поборником синтеза культур Запада и Востока, решения задачи, широко осознаваемой в глобализующемся сегодня мире как жизненно необходимой, пытавшимся постичь специфику и закономерность процесса единения разных литератур, формирующих единое поле всемирной литературы. Ярким примером этого является его знаменитый «Западно-восточный диван» (1819).

Но мало известно на Западе, что Гете говорил: «Персы из всех своих поэтов за пять столетий признали достойными только семерых (Фирдоуси, Низами, Анвари, Руми, Хафиза и Джами), а ведь и среди тех, кого они не назвали, многие будут лучше меня» [2]. Отсюда и понятна сильная тяга Германа Гессе к теме Запада и Востока, к синтезу культур, путешествию на Восток, побега от кризисного общества и поисков себя – своей внутренней сущности.

Но истоки единства понятий «Запад» и «Восток» кроются не только в этом. Они уже находятся в биографии самого писателя. Он вырос в семье с глубокими христианскими традициями, вобравшей в себя часть культуры Индии, часто был окружен присутствием выездных индийских ученых, как из Европы, так и из Азии, особенно из Индии. Любовь и уважение к миру индийской духовности писатель пронес через всю жизнь. Индийская повесть «Сиддхартха» рассказывает о различных путях, ведущих к просветлению, заставляет задуматься о вечных истинах. Герман Гессе показывает мучительные, полные соблазна и разочарований, поиски истинного пути к обретению высшего «Я». Современные индийские философы и религиозные деятели признали, что ни одному из европейских писателей не удалось так ярко и глубоко проследить восточную философию, как это сделал Гессе.

Помимо интереса к восточной мудрости, на становление Гессе как писателя оказало большое влияние его увлечение новым важным явлением западной культуры – психоанализом. Он был близко знаком с Карлом Юнгом и его учеником – доктором Йозефом Лангом. Это знакомство нашло свое отражение в «Демиане», где главный герой Синклер стоит на пути поиска Самости, а друг Гессе психоаналитик Йозеф Ланг предстает в образе Писториуса.

Роман Гессе «Игра в бисер» (нем. Das Glasperlenspiel) – последнее и главное философское эссе Германа Гессе, над которым он работал с 1931 по 1942 год. За свои произведения, в том числе за «Игру в бисер», в 1946 году Гессе был награждён Нобелевской премией по литературе.

Своими произведениями Герман Гессе поставил перед современной интеллигенцией в качестве важнейшей задачи критику современной европейской культуры и мечтал о синтезе культур Запада и Востока. Ярчайшим примером этой критики служит роман "Игра в бисер" – глубокое раздумье о культурном бытии, о возможности сохранения духовности в царстве Игры.

Как отмечают исследователи творчества Гессе, роман сосредоточен на решении трех основных задач:

1) глобальная критика современной западной культуры;

2) актуализация классического культурного наследия (включающая в себя всю европейскую культуру и перерастающая в духовный синтез Востока и Запада);

3) постановка проблемы мировоззренческого обоснования культурного синтеза.

В романе «Игра в бисер» Гессе рассказывает историю несуществующей на свете провинции Касталии – особого Педагогического ве-

домства, царства духовной самодисциплины и духовного достоинства, порядка и гармонии. Трудно писать о вещах несуществующих! Во введении в историю книги Гессе объясняет свою позицию: нет ничего, что меньше поддавалось бы слову и одновременно больше нуждалось бы в том, чтобы людям открывали на это глаза, чем кое-какие вещи, существование которых нельзя ни доказать, ни счесть вероятными, но которые именно благодаря тому, что благочестивые и добросовестные люди относятся к ним, как к чему-то действительно существующему, чуть-чуть приближаются к возможности существовать и рождаться. Роман воспринимается как предупреждение писателя о грозящей гибели великой гуманистической культуры.

Читатели признаются, что книга тяжело дается пониманию, что сама форма произведения располагает к глубокому обдумыванию каждой мысли, другие также отмечают, что «Игра в бисер» очень схожа с философской герменевтикой. Действительно, перед нами не обычный художественный роман, а последний и главный, можно сказать, итоговый роман одного из крупнейших немецких писателей XX столетия, над которым Гессе работал с 1931 по 1942 год. Это – книга, без которой немыслима вся культура постмодернизма Европы – литература, кино, театр. Одни считают «Игру в бисер» гениальным авангардистским романом, стилизованным под философию сюрреализма, другие – гениальным философским эссе, стилизованным под сюрреалистический роман. Пожалуй, это и не важно. Важно одно – идут годы и десятилетия, а изысканной, болезненной и эзотеричной «игре в бисер» по-прежнему нет конца.

По нашему мнению, это, прежде всего, глубоко философское произведение, где отражены размышления гениального писателя о судьбе мира и цивилизации, о судьбах искусства, и где за внешне спокойным повествованием скрывается сокровеннейший вопрос: «Что же будет с духовностью, что же будет с искусством в современном мире?» А значит, и с человеком, ибо для гуманиста Гессе судьба наук и искусств неразрывно связана с судьбой человека, с условиями развития человеческой личности.

Как уникальное философское эссе произведение очень многогранно, многослойно. Поэтому его понимание требует особого герменевтического подхода. Уже название книги «Игра в бисер» метафорична. Игра в бисер – это игра со всем содержанием и всеми ценностями культуры. По нашему мнению, этим понятием Гессе пытался подчеркнуть необходимость критического анализа всего содержания истории культуры и выявить пути выхода ее из кризисного состояния. Сам он видел этот путь в

актуализации традиционных духовных ценностей – достижений восточной мудрости, а также платонизма, неоплатонизма и т. п.

Писатель неоднократно говорил о том, что в своем романе он пытался возвести цитадель духа, сопротивляющегося посягательствам бездуховной эпохи. В этом позитивный смысл "игровой альтернативы" кризису культуры. Но духовное, ограниченное от жизненной человеческой целостности, также обрекает культуру на вырождение – в этом негативный смысл «игровой альтернативы».

События романа происходят в далеком будущем, в атмосфере ордена интеллектуалов, расположенного в вымышленной провинции Касталия. Члены Ордена проживают в Касталии, удивительной стране, над которой не властно время. Название страны происходит от мифического Кастальского ключа на горе Парнас, у вод которого бог Аполлон водит хороводы с девятью музами, олицетворяющими виды искусства. При этом повествование ведется от лица вымышленного историка, который пишет биографию главного героя.

Предыстория Касталии излагается как резкая критика общества XX в. и его вырождающейся культуры. Индустриализованную Европу постигла духовная катастрофа. В то время авторитетность любых суждений перестала подвергаться критической оценке. Об экономике судили артисты, о философии – журналисты. Наука перестала быть серьёзным исследованием. Классическое искусство выродилось в массовую культуру. Любые публикации стали просто развлечением для читающей публики. Культура этой эпохи характеризуется как «фельетонистическая» (от немецкого значения слова «фельетон», что означает «газетная статья развлекательного характера»), т. е. суть духовности составляют лишь особо популярные публикации. В них нет глубоких мыслей, попыток разобраться в сложных проблемах, наоборот, содержание их составляет «занимательный вздор», пользующийся неимоверным спросом.

Непогрешимый Магистр Игры и герой Касталии Иозеф Кнехт, достигнув пределов формального и содержательного совершенства в игре духа, ощущает неудовлетворенность, а затем разочарование, и уходит из Касталии в суровый мир за её пределами, чтобы послужить конкретному и несовершенному человеку. Касталийский Орден, Магистром которого является герой, – это общество хранителей истины. Члены Ордена отказываются от семьи, от собственности, от участия в политике, чтобы никакие корыстные интересы не могли повлиять на процесс таинственной «игры в бисер», которому они предаются.

Автора занимает проблема, в чем смысл чисто духовной деятельности, можно ли заниматься ею одной, в отрыве от практических, житейских, бытовых вопросов. Жители Касталии именно так и живут, они сосредоточены на своих участках науки или искусства, и больше для них ничего не существует.

По нашему мнению, в образе «фельетонистической» эпохи и её кризиса автор продолжает развивать тему кризиса западной культуры, а в образе Кастальи – духовную мудрость Востока, которая также находится в состоянии кризиса. Об этом свидетельствует состояние магистра игры Йозеф Кнехта, дошедшего до высшего поста Касталии, но почувствовавшего обреченность своей страны, бесплодность хранения истиной духовности, оторванной от практической деятельности, и ушел в мир, где погиб в холодном горном пруду.

Отсюда мы делаем вывод, что Герман Гессе, как Гёте, и другие гении человечества, мечтал о действительном синтезе культур, но отчетливо видел трудность самого процесса. В этом смысле философское содержание романа неизмеримо. Ибо роман является призывом всего человечества эпохи кризисов, каждого гражданина Запада и Востока к активному участию в реализации этого синтеза. А современная ситуация глобализации и глобальных кризисов может благоприятно содействовать этому процессу: если глобализация может способствовать подготовке необходимых условий для синтеза, то глобальные кризисы могут сыграть роль катализатора этого процесса.

Библиографический список

1. Запад и Восток // Культурология. XX век : Энциклопедия. – М. : 1998.
2. Маулана Абдурахман Джами – жемчужина средневековой поэзии // История в лицах. – URL : http://www.islamsng.com/tjk/faces/7150.
3. Некрасова Т. Е. Творчество Германа Гессе и традиции романтизма. – 1987.
4. Рерих Н. IX. Гёте // Твердыня пламенная. – Париж, Всемирная лига культуры, 1932.
5. Рерих Н. Гёте // Врата в будущее. Эссе, рассказы, очерки. – М. : ЭКСМО, 2010. – Глава IX.
6. Сатпрем. Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. – Бишкек, 1992.
7. Турчин А. В. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке // Диалоги о будущем. – М. : УРСС, 2010. – Т. 2.
8. Шри Ауробиндо. Основы индийской культуры. – СПб., 1998.
9. Қаҳҳорова Ш. Глобал маънавият – глобаллашувнинг ғоявий асоси (Глобальная духовность – идейная основа глобализации). – Т. : Тафаккур, 2009.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЬ-ФАРАБИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

М. К. Тулаганова *Старший научный сотрудник, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. In this article are given some particularities of the development intercultural dialogue, in particular sounds the calls eastward and West – be turned by person to one another. The Creative activity al-Farabi is a synthesis antique and Islamic of the cultures, realization intercultural to communications and dialogue. This and there is theoretical development to ideas unity so heritage of the medieval thinker is actual for shaping the world outlook of the new world epoch.

Keywords: Farabi heritage; intercultural dialogue; idea; syntheses; antique; development; epoch.

Современный мир разнообразен, он может быть пессимистичен, так как полон многими проблемами: экономическими, политическими, религиозными и культурными. И в то же время, он и оптимистичен, так как даёт надежду на будущее. Мир меняется и стремится к интернационализации всех сфер общественной жизни. Этот процесс называется глобализацией и показывает, что мировое сообщество вступает в новый этап развития. Глобализация делает мир единым, государства и страны становятся все больше взаимосвязанными и взаимозависимыми друг от друга. Это период развития, где впервые формируется единый экономический комплекс, все более расширяются и углубляются международное сотрудничество, взаимовлияние и взаимодействие государств и народов в разных областях. Мир становится зависимым от человека, от его деятельности, решений и поступков.

В прошлом человек осваивал неведомое ему пространство природного мира, расширял мир культуры, выражающий его творческие способности и силу в освоении природного мира. На сегодняшний день расширение границ освоенного человеком мира завершилось, и мир весь стал рукотворным результатом деятельности человека. Особенно в культуре все больше звучат призывы к Востоку и Западу повернуться лицом друг к другу, в частности в отношениях между религиозными конфессиями. В философских концепциях современности

выявляется стремление объединить идеи встречи культурных миров, представить диалектическую связь прошлого, настоящего и будущего.

Если прежде наука и религия были противоположны друг другу, то сегодня они взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга. «Новация и традиция не исключают одна другую, а обнаруживают бессмысленность абсолютного противопоставления, делая связь между ними более глубокой, тонкой и проницаемой» [2, с. 5–6]. На современном этапе вырабатывается потребность нового мировоззрения, которое, в силу возрастающих глобальных кризисных явлений, основывается на единстве исторических судеб Востока и Запада и руководствуется идеями мира, гуманизма, диалога и толерантности.

Все эти изменения определяют собой новый облик современного мира, отношение человека к природному миру и социальной среде. Они меняют человека, и, тем самым, формируют новый взгляд на мир и будущее развитие. Мировое развитие переосмысливает тенденции, ранее определявшие его развитие, – оно теряет свое значение и даёт возможность человеку оценивать происходящие на его глазах перемены. «Новые информационные технологии (телевидение, Интернет, сотовая телефонная связь и т. д.) вторгаются в жизнь любого человека, создают новую виртуальную реальность, ломают сложившиеся способы индивидуальной идентификации, принятые нормы и правила поведения, ставят под сомнение привычные способы ориентации в действительности» [3, с. 93].

Роль человека значительно возросла в масштабах природного мира, а созданный человеком мир культуры почти полностью стал зависимым от него. Эта обстановка значительно повышает ответственность человека за судьбу человечества и природного мира.

Отличительными свойствами современного мирового развития является постоянное изменение, движение к обновлению. Очень часто звучит мнение о том, что вера и знание должны всегда дополнять друг друга. Развитие науки должно быть нравственно осмысленным. На сегодняшний день развитие культурного процесса характеризуется распространением массовой культуры. Культура является «душой» социума, она выражает творческую сущность человека, воспитывает и формирует его, имеет универсальное значение, которое относится к феноменам, имеющим для человека важное значение. «Культура как феномен, включающий в себя коллективное и личностное начала, этнические и религиозные особенности, испытывающий в современных условиях сильное влияние техногенной среды, не может оставаться вне изменений и вне

тех перемен, которые характерны для современности. И сохраняя в себе общечеловеческое содержание, имеющее универсальное значение, культура выдвигается на первый план в обсуждении проблем глобализации, хотя, казалось бы, первичными при ее обсуждении являются экономические, геополитические и финансовые вопросы» [2, с. 13].

Роль религии как культурного фактора усиливается в мировой коммуникации, межгосударственном взаимодействии и международном сотрудничестве разных стран. Особенно это проявляется во взаимоотношениях между странами исламского Востока и Запада. На современном этапе все большей популярностью пользуется адекватная форма общения – диалог.

Обращаясь к истории, мы видим, что взаимоотношения между исламским Востоком и Западом были сложными и неоднозначными. Эти взаимоотношения отличались иногда открытым неприятием друг друга, или признанием возможности синтеза культур. Но, во всяком случае, развитие этих стран четко определило этапы различного понимания взаимоотношений между ними, а также, как следствие, проблемы диалога между ними, как со стороны общественно-философской мысли Запада, так и духовно-интеллектуальной мысли Востока.

В дальнейшем изменилось понятие диалога со стороны Запада по отношению к Востоку. Диалог представлялся не как путь слияния, т. е. диалог-синтез, а как равноправный процесс взаимного понимания, как диалог-адаптация, путём стремления к нему на основе изучения истории взаимовлияния восточной и западной культур. Так же учитывалось их общность, и продолжение собственной традиции, и опыт других культур.

Всем известно, что без духовного опыта прошлых поколений, без освоения их культурного наследия невозможно полноценное развитие общества. Этот бесценный опыт является движущим фактором для всестороннего развития общества, тем более правомерным оно является по отношению к периодам становления молодого государства, укрепления ее независимости.

Новое осмысление мировой эпохи требует решения новых проблем. И в этом плане должен помочь бесценный опыт тех мыслителей Востока, которые своей теоретической и практической деятельностью способствовали решению задач общекультурного диалога, синтезу идей и поискам взаимодействия и взаимопонимания. Следовательно, расцвет исламской цивилизации произошел на почве взаимовлияния и взаимообогащения различных культур.

Сегодня духовно-интеллектуальное наследие Абу Насра аль-Фараби стало олицетворением богатой культуры наших предшественников и символом глубокого уважения к культурному наследию наших предков. Аль-Фараби был талантливым ученым-энциклопедистом и отличался глубиной философских воззрений и жизнью добродетельного человека. Аль-Фараби изучал сочинения древнегреческих философов и восточных мыслителей и написал ко многим из них подробнейшие комментарии [1, с. 111–112]. Он смог ответить на вопросы того времени, и всегда мог разумно решать сложные жизненные проблемы человечества.

Молодое поколение обращается к идеям аль-Фараби, возрождая их к новой жизни, осмысливая их общечеловеческое и гуманистическое значение. Богатое культурное наследие нашего народа является связующем звеном между поколениями и народами, и представляет собой уникальную духовную опору для возрождения и восстановления истинных общечеловеческих ценностей.

Мировоззрение аль-Фараби явилось высшим синтезом культурных достижений своего времени, отразив в себе все сильные и слабые стороны этого сложного этапа в развитии мировой культуры. «Аристотель Востока», аль-Фараби стремился развить учение своего великого предшественника на базе культурных достижений Ближнего и Среднего Востока [1, с. 111–112]. Наследие аль-Фараби – это синтез античной и исламской культур, осуществление межкультурной коммуникации и диалога, где встретились разные времена и культуры. Аль-Фараби мечтал об установлении справедливого, высокоразвитого, свободного, единого, «идеального общества» [4, с. 58] и видел средство его достижения в науке. Поэтому его наследие может быть актуальным для формирования мировоззрения новой мировой эпохи.

Творчество аль-Фараби – это историческое свидетельство диалога культур, которое реализуется через коммуникацию разных культур, разных философий. Оно способствовало выработке универсального языка диалога и способа бытия в культуре, представляя диалог в качестве уникального феномена культуры и коммуникации.

Таким образом, идеи аль-Фараби о единстве человеческого общества остаются очень актуальными и сегодня. Он уверен, что человек может и должен жить в согласии с истиной и со своей совестью, в единстве с другими людьми и голосом разума, слушать свое сердце и решать сложные проблемы. Аль-Фараби волнуют проблемы воспитания и образования граждан и реализация их человеческого предназначения в жизни. Во все времена общество испытывает потребность в духовном со-

вершенстве и ищет свой путь к истине. Поэтому нам необходимо обращаться к историческим истокам и идеям, в частности к творчеству аль-Фараби. Благодаря публикации переводов наследия выдающегося средневекового мыслителя и исследованиям учёных, имя аль-Фараби стало важной частью исламской культуры и философии.

Библиографический список

1. Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. – Ташкент : Фан, 1976.
2. Наследие аль-Фараби и формирование нового интегрального мировоззрения : коллективная монография / под общей ред. З. К. Шаукеновой. – Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2012.
3. Философия и демократия в современном мире. Актуальные проблемы гуманитарного сотрудничества. – Москва : Прогресс-Традиция, 2009.
4. Хайруллаев М. М. Фараби – крупнейший мыслитель средневековья. – Ташкент : Фан, 1973.

ТЕРМЕЗЦЫ И ОБРАЗ СВЯТОГО ХЫЗРА

Б. Н. Умаров

Проректор,
Институт переподготовки
и повышения квалификации
педагогических кадров,
г. Термез, Сурхандарьинская область,
Узбекистан

Summary. This article analyzed so the legend of the «Holy Khizr» and its existence in terms of Sufism, to determine the origin of the image, highlighted the similarities are associated with many signs of Hyzr Bobo.

Keywords: sufism; hakimiya; Holy Khizr; «A man of knowledge»; signs.

В 18–й суре Корана «Аль Кахф» («Пещера») рассказывается о таинственном спутнике пророка Моисея (Мусы) (аяты 60−82), который не называется по имени («один из Наших рабов»). В сборниках хадисов содержится пояснение, что таинственный спутник Моисея – это аль-Хадир (тур. Хызр).

Мифология Хызра не может быть выведена собственно из текста священной книги ислама, что служит лучшим доказательством наличия некоранических источников суфийских учений. Знаменитейшие

востоковед Е. Э. Бертельс, изучая образ Хызра, так писал о нём: «*Происхождение этого образа до сих пор уточнить не удалось. Хотя несомненно, что он восходит к какому-то древнему божеству растительного мира, у которого под ногами всё зеленеет и расцветает, но на это представление наслаивается множество других черт…»*

В суфийских представлениях Хызр является одним из наиболее почитаемых *вели* («избранников», «друзей Бога»). В суфизме существовали два противоположных взгляда на природу Хызра:

- он является суфиям в телесном облике и живёт на земле как обычный человек,
- он – лишь духовная, нематериальная сущность.

Основной функцией Хызра является передача избранным подвижникам тайного божественного знания (*ильм-и ладдуни*), носителем коего он предназначен быть свыше. Итак, образ Хызра выражает собой самую суть суфийского мистицизма. Это таинственное существо, о котором нельзя даже точно сказать, человек оно или дух, стало олицетворением вмешательства сверхъестественного начала в дела людей. В этом образе проглядывают и некоторые черты мифического пращура, постоянно заботящегося о роде людском. Хызр бессмертен, но во многом он гораздо ближе к человеку, чем небожители.

Мусульманские богословы пришли к заключению, что в восемнадцатой суре речь идет именно о святом Хызре, хотя его имя и не названо. Хызр, во время встречи с Мусы ним, лежал якобы под скалой, закутавшись в зеленый плащ или покрывало. Бесплодное пространство зеленело и расцветало, стоило лишь Хызру воссесть посреди него. Согласно толкованию имама аль-Бухари, возле скалы, под которой сидел или лежал Хызр, протекал «Источник жизни» («Айн-уль-хайат»), капли воды которого даруют новую жизнь.

В суфизме «живая вода» стала символом и обозначением духовного учения, в то время как «Человек знания» представал носителем и средоточием этого учения. В суфизме Хызр воспринимался как идеальный *мюршид*, духовный наставник, проводник *иршада,* и как скрытый, невидимый святой -*вели* высокого ранга. С Хызром лично встречались такие выдающиеся суфии раннего периода, основоположники суфийского учения, как Ибрахим Адхам, Баязид Бистами, Хаким Термизи, Ибрахим Хаввас (VIII−IX вв.).

Хызр обратил на путь суфизма заносчивого шейха Хакима Термизи, явившись ему сначала в облике кочевника-бедуина, а потом и в виде чудесной серны, разговаривавшей человеческим голосом.

Объявил о своей встрече с Хызром и Хаким Термизи основоположник тариката хакимия. В эпоху классического хакимия высказывалось убеждение, что Хызр существует «телесно» и что он никогда не умрет. Начинающие послушники могли не выдержать лицезрения Хызра в его истинном облике, и потому он обыкновенно показывался в реальности лишь наиболее выдающимся мистикам.

Считается, что Хызр путешествует по всему миру (потому и считается покровителем путешествующих), говорить о нём не разрешается никому.

У него на руке нет большого пальца. Встретишь его − он исполнит любые желания... Вот поэтому термезцы, завидев в горах путника, бегут ему навстречу и пожимают ему руку, а сами при этом проверяют, есть ли у него на руке большой палец!

И сегодня в Термезе тысячи людей мечтают встретить его, искренно веря, что Хызр Бобо («Дедушка Хызр»), как его иногда называют, принесёт им удачу. В Термезе, в обычаях которого и так принято проявлять особое внимание и уважение к гостям, считается, что гостеприимство не может быть выборочным – ведь Хызр может прийти в дом в любом обличии (некоторые полагают, что его можно встретить до трёх раз).

С Хызром может встретиться любой человек, но то, какую пользу человек извлечет из этой встречи, зависит от того, насколько чисты его намерения. Хызр, говорят, может посетить человека, если он достоин его посещения, и будет присутствовать столько времени, сколько достоин его присутствия человек.

Несмотря на кажущееся сходство со многими приметами связаными с Хызр Бобо, **приметы термезцев** сохраняют неповторимый, присущий только им колорит. Например, человеку, впервые вышедшему на охоту, нельзя дарить кому-либо свою первую добычу, иначе счастье и удачный путь к Хызру не доведут.

Святой Хизр всегда скрывается в гуще стадного скота. Пройти наперерез сквозь овечье стадо − наверняка смутить и потревожить Хызра, расколоть стадо надвое − очень плохая примета. Стадо овец на пастбище или в загоне нужно обойти стороной, а не идти наперерез.

Надевать одежду и обувь всегда надо с правой руки и правой ноги. Раздеваются в обратном порядке: с левых руки и ноги. Считается, что Хызр приходит с правой стороны. Поэтому на правую сторону приходится большинство ожиданий, упований и молитв: «Ниспошли правый путь», «Моё дело правое!», «Да будет по правде», «Да воцарится справа золотой столп!».

Библиографический список

1. Аверьянов Ю. А. Культ Хызра-Ильяса среди турецких суфиев. Образ святого Хызра в турецкой (османской) литературе // Ираннаме 2008. − № 1. − С. 193.
2. Иброҳимов А., Султонов Х., Жураев Н. Ватан туйғуси. – Тошкент : Ўзбекистон, 1996.
3. Кулинарный калейдоскоп, URL : http://www.azu.uz/assorty
4. Комилов Н. Комиллик тариқати (биринчи мақола) // «Тафаккур», 1998. − 1-сон.
5. Шейх Зейнулла ибн Хабибулла Расули ан-Накшбанди. О жизни Святого Хизра, мир ему! – Казань : Электро-типография «ШАРАФ», 1908.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «СТОЛКНОВЕНИЯ» В АВЕСТЕ ДВУХ ДУХОВ-БЛИЗНЕЦОВ

Р. Т. Уразова *Преподаватель, Ташкентский исламский университет, г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. In the given article, it is examined one of the disputable issue of avestology, associated with construction opposed two initial struggling two twins. It is produced a new approach and expressed original way out of the problem.

Keywords: Avesta; Yasna; The Holy Spirit; Bad fairy; twins; remove; alienation; struggle for spirit; «khvafna»; dualism.

Вопрос о враждующих двух духах-близнецах в содержании 30-песни авестийского наска Ясна, ставший причиной дуалистической оценки зороастрийского мировоззрения, имеет разнообразное толкование среди авестологов. Сложность проблемы заключается в том, что в оценке противоборства двух духов близнецов, специалисты часто не могут освободиться от широко распространённых представлений в отношении ходячих рамочных мифологических сюжетов о близнецах в мировой литературе и фольклорной традиции. Такие сюжеты можно встречать в различных вариациях и в религиозных учениях. Данной традицией можно объяснить, например, библейский сюжет о сыновьях-братьях Адама и Евы, рассказ о судьбе Юсуфа в Коране и др. Также много примеров данного типологического содержания в устном творчестве народов мира. Однако, когда речь идёт о двух духах в Авесте, есть

особый момент, который заставляет серьёзно подумать. Это вопрос о том, с кем сошёлся злой дух, приносящий семена зла в мир, созданный Ахурой Мазда, абсолютно благим. С кем встретился (или столкнулся) тот злой дух, нечистый в мыслях, словах и делах.

В действительности во многих случая объясняется якобы встреча авестийских двух противоборствующих духов – встретились между собою. На самом деле такая встреча (или столкновение) логически невозможна. Так как Ахура Мазда – самомогущий созидатель, и он является первопричиной появления своего противника-близнеца. Также Ахура Мазда волен в созидании добрых начал и уничтожении любого проявления зла. Однако он, при всей своей возможности, в целях сохранения благого мира не стал уничтожить будущего потенциального разрушителя его благого бытия. К тому в текстах Авесты нет оснований для суждения о каких-либо реальных намеках на именно «встречу» двух враждебных близнецов и решении какого-либо противоречия. Следовательно, факт так называемой «встречи» должен быть интерпретирован по-другому.

Во-первых, в Авесте использована склонность человеческого мышления, направленная на сопоставление и заключение о благе и зле, на основе которых человек склонен выбрать свой путь – быть ли ему на стороне блага или на стороне зла.

Как известно, вполне утопичен абсолютный благой мир Ахуры Мазда. Мир Ахуры Мазда неподвижен. Нет в этом мире заботы о завтрашнем дне. Нет необходимости в стремлении к созиданию какого-либо добра. Благой мир в целом не нуждается в совершенствовании. Причиной этого было абсолютное совершенство благого мира, в котором не было у человека ни в чём нужды. Это было утопической моделью мечты человека в зороастрийском обществе. В этом утопическом мире благо не дало места рядом с собой для злого начала. Ещё не родилась идея зла. В таком райском мире ещё нет холода. Нет жары, нет болезней, нет смерти. Пятнадцатилетний юноша равен семидесятилетнему старцу и т. д. Ахура Мазда в таком мире бездействия, где нет ни в чём нужды, усмотрел опасное начало всеобщего зла. И так, он решил показать людям драму противоположностей мира сего. По его воле в потоке безначального и бесконечного Времени, по Авесте Зурваны, появляется средоточие всего зла.

Таким образом, в Авесте появляется песнь о враждебном духе-близнеце, его воплощении в виде Ахримана как средоточия бесчисленно многого и разнообразного зла, противопоставленного всем без исключения элементам благого мира. Это было вечным предупреждением, призывом к бдительности ради сохранения благих начал мира. При

этом Ахриман выдвинул злые мысли против благих, распространил дурные слова против благих слов, вместо добрых деяний начал творить злые дела. Чего же добивался злой дух? Просто помешать ли он хотел благому началу? Нет, он прекрасно знает свою слабость перед благостью. Но он универсальной своей злой сутью проявлял всяческие формы злых деяний. Благое начало ведёт человечество в мир райский, тогда как злое тащит его в ад. Рай, по Авесте Ваху Хишта, есть бихишт – «благая жизнь», ад как воплощение недоброй, наихудшей жизни называется Дауж Ваху, то есть, дузах «ад». Из этого следует, что враждующие близнецы не спешат столкнуться между собой, а, скорее, они спешат завоевать души и сердца людей, стоящих перед выбором между добром и злом. Место их столкновения это душа человека. Человек в свою очередь, ответствен для сохранения и развития благого мира.

При этом человек призван вольно выбирать путь к благу. Однако Ахриман старается сбить человека с праведного пути. Ахура Мазда призывает человека быть активным борцом против козней Ахримана, посвятить себя всецело делу блага. Это, в свою очередь, является основным идеалом, основным условием религиозной философии зороастризма. Итак, две враждебной сущности и их вражда не просто вражда двух начал, а борьба за центральную фигуру в зороастризме, за человека и его душу. Эта борьба распространяется на всё человечество. Отсюда в зороастризме отсутствие элементов этнической направленности. Хотя язык священного слова Авесты представляет собой один из мёртвых древних восточно-иранских диалектов, её содержание целиком направлено на человечество в целом. Что касается двух изначальных духов, то они перед лицом всего человечества ведут борьбу за души и сердца каждого индивида и в целом за всё человечество:

Когда эти два духа сошлись, то из начала
Создали жизнь и смерть, то бытие, что после,
Для лживых наихудшее, а праведному – наилучшее [1, с. 53].

Имеются эпизоды, связанные с появлением двух духов-близнецов, в Ясне 30 и 9, 15-песнь. Однако неизвестно, каким образом появляется первый, который является средоточием добра, другой как средоточие зла, представляет собой семена всевозможных злых начал. На основе текста Ясна 9, 15 И. М. Стеблин-Каменский допускает несколько вариантов, типа «то ли в видении (чьём), то ли в сновидении, то ли в борении, борьбе или отделении…». Исходя из таких соображений, он допускает среднее значение ото всех вариантов и переводит пассаж как «в явлении». Вместе с тем И. М. Стеблин-Каменский подчёркивает, что

зороастрийские богословы этим двум духам придали значение: первому «Святой дух», второму «Злой дух», соответственно назвав их Ахура Мазда и Ахриман. Однако эти имена уже выступали в Гатах, и, значит, уже отпадает участие муъбадов в выборе имён двух начал [1, с. 52–53]. Кроме того, порождение двух начал И. М. Стеблин-Каменский связывает с понятием о безначальном и бесконечном вечном времени, то есть Зуруваной Акараной [1, с. 53–55].

Основные этические и философские правила зороастризма, выражаемые словами «благая мысль, благое слово, благое дело», являются главным признаком праведности. Этими свойствами человек должен готовить себя к райскому бытию на том свете.

В зороастризме признаком праведности является также абсолютная преданность идеям добра. Этот статус называется артабон, то есть сторонник Истины, быть на стороне Бога Ахуры Мазда, охранять веру от её врагов, лживых, которым предназначен ад. Быть на стороне зла, антипода добра, называется дуругбандом, то есть, связанным Ложью, неверным, идущим на поводу у Лжи, обманутым ложными сатанинскими играми Ахримана. Такой безбожный дуругбанд на том свете будет лишён райских благ и т. д.

Исходя из вышеизложенных соображений, вопрос о «встрече» двух духов решается весьма оригинально. Как было сказано выше, в данном случае речь не должна идти об их встрече. Наоборот, эти два духа на самом деле отделяются от единой сущности и идут на встречу с человеком, находящимся перед выбором пути – праведного или лживого. Цель обоих завладеть душой ЧЕЛОВЕКА, главного субъекта зороастризма в целом. При этом душа и сердце человека, избравшего путь Истины, становится пристанищем Святого духа, благой половины близнецов. Исходя из анализа данного пассажа, академик РАН М. Н. Боголюбов, в связи с толкованием слова хвафна «отдаление» в хорезмийских текстах, пишет: «имя xvafna – «отдаление, отчуждение» сообщало бы о прекращении духовной и физической близости между двумя духами-близнецами, о моменте отдаления их друг от друга» [1, с. 428–429].

Библиографический список

1. Боголюбов Н. Н. Труды по иранскому языкознанию. Избранное. – М. : Восточная литература, 2012. – 504 с.
2. Гаты Заратуштры / пер. с авест., вступит. ст., коммент. и прил. И. М. Стеблин-Каменского. – СПб., 2009. – 186 с.

II. GNOSEOLOGICAL AND LOGICAL FUNDAMENTALS OF SCIENCE

POLITICKÁ FILOSOFIE V KONTEXTU GNOSEOLOGIE

M. Sapík *Prorektor, Academia Rerum Civilium, Vysoká škola politických a společenských věd, Kolín, Česká republika*

Summary. The article discusses the relationship between political philosophy and epistemology as a philosophical discipline. The essence of theoretical knowledge translates into practical action the whole human society. Based on the theoretical understanding of human experience and the human ability to generalize empirical knowledge in the various spheres of political practice.

Keywords: political philosophy; epistemology; knowledge; human; state; society.

Problém politické filosofie je diskutován řadu let a na různých úrovních. Diskuse k otázkám politické filosofie se v akademickém prostředí objevuje v různém rozsahu a v produkci mnoha autorů – filosofů, politologů, antropologů a sociologů. Řešené otázky se vztahují ke konkrétním problémům z dějin politiky, ale i současných politických problémů, které vstupují do života dnešní společnosti. V některých případech se jedná o bezprostředně aktuální témata, v dalších případech jde o doplnění, popř. rozvinutí již řešeného problému. Současná politická filosofie se ovšem v menším rozsahu zabývá gnoseologickými aspekty v dílech konkrétních autorů, z klasického či moderního období. Existující politické teorie vycházejí právě z gnoseologického základu, který mnozí přehlížejí a považují diskutovanou teorii za fakt a skutečnost.

Domnívám se, že právě vědomosti, které jsou v dílech různých autorů prezentovány, představují jejich určitou úroveň poznání (pramenů, faktů atd.). Přitom existence politické filosofie předpokládá systematický způsob tázání se a hledání odpovědí v politickém kontextu (tzn. i určité chápání uspořádání společnosti, člověka ve společnosti a jejich vzájemnou organizaci a propojenost. Význam pojmu a původ filosofie mají své neoddiskutovatelné místo právě v antickém Řecku, v prostředí, které je i dnes stále považováno za kolébku evropské vzdělanosti a naší civilizace. Pokud

budeme považovat filosofii za systém otázek a odpovědí, nelze jednoznačně stanovit, že filosofie je věda, která očekává a neustále přináší něco nového a neprozkoumaného. I dnes je v oblasti vědy jen velmi málo oborů, které splňují kritérium vědy a vědeckosti z hlediska nových, doposud neprozkoumaných sfér. Většina vědních oborů pracuje s již poznaným a po desetiletí ověřeným materiálem, kterému někteří autoři dávají jen nové názvy, označení a pyšní se jakoby novými výsledky tzv. vědeckého výzkumu. A co je na tom to problematické, ještě se vzájemně hodnotí. To je zásadní omyl dnešního akademického prostředí a jedinců, kteří ho naplňují a dokazují svou nezastupitelnost v daném oboru.

Už E. Husserl označil vzniklou situaci jako krize vědy a vybízí k návratu k jejím počátkům formování právě do nejstaršího období – do antiky. E. Husserl v Karteziánských meditacích uvádí, že: „Problém tradiční teorie poznání je transcendence. Nechce být pouhou psychologií poznání ani tenkrát, když je empirismem, spočívajícím na obvyklé psychologii, nýbrž usiluje o objasnění principiální možnosti poznání. Její problematika vyrůstá z přirozeného postoje a v něm je také nadále traktována. Sám sebe nacházím jako člověka ve světě a zároveň jako člověka, který má o světě zkušenost a vědecky jej poznává, zahrnuje v to mne sama. A teď si říkám: všechno, co je pro mne, je tím díky mému poznávajícímu vědomí; je pro mne tím, co v mé zkušenosti je zakoušeno, co v mém myšlení je myšleno, v mém teoretickém uvažování rozvíjenou teorií, v mém nahlédnutí je nahlédnuto atd.“ [3, s. 80]. Fakt, který vychází z uvedeného je evidentní v tom, že lidské poznání má psychologický kontext. To, co navíc utváří naše poznání má empirický charakter, který potřebuje každý jedinec, který má touhu po něčem novém a nepoznaném. Každý jedinec potřebuje k získání zkušeností a nových poznatků možnost pobytu v přirozeném světě a možnost komparace sebe sama s druhými jedinci. Myslet může pouze to, co myslí a může vysvětlit na základě vlastních zkušeností (smyslové empirie). V tomto smyslu člověk dokáže vysvětlit vlastní bytí, na kterém je v průběhu života zainteresován. Důvodem tohoto zájmu je starost člověka o jeho vlastní způsob bytí – o vlastní existenci. V tomto smyslu nemůže být člověku jedno jak je, jak se má, jaký a v čem je jeho smysl života. „Každé odůvodnění, každé vykazování pravdy a bytí probíhá výhradně ve mně a končí vždy nějakým charakterem v cogitatum mého cogito. … Jak si může evidence (clara et distincta perceptio) osobovat něco víc, než aby byla charakterem vědomí ve mně?“ [3, s. 81]. Pravda poznání vychází z poznaného a podstatně i z toho, jakým způsobem člověk získal původní informace a vlastní zkušenost. Každý člověk je schopen zpracovat

určitý rozsah informací a předat dále. To vše je ovšem možné jen v případě, že se jedná o rozsah, který dokáže sám sobě zpřístupnit v podobě jasné evidence pojmů a logických návazností. Už Descartes se dostal, podle Husserlových slov, do zásadního vnitřního a přitom uzavřeného kruhu s řešením vzájemného vztahu mezi myšlením a myšleným.

Descartův způsob řešení je nasnadě v podobě vrozených idejí, které většina myslitelů v období novověku odmítá pro jejich neprůhlednost a nejasnost. „Metoda eidetické deskripce značí oproti tomu převedení veškeré takové deskripce do nové principiální dimenze a to by na začátku zvyšovalo obtíže porozumění, kdežto předchází-li dostatečný počet empirických deskripcí, lze ji docela snadno pochopit.“ [3, s. 68]. Je zcela evidentní, že každé poznání má ve svém počátku určitou metodu, která zaručuje jeho ekvivalentní přenos pro jiné subjekty v prostředí přirozeného světa. I v tomto smyslu řeší Husserl otázku politického vnímání jako neautentičnost lidské existence v prostředí přirozeného světa. V něm je pro člověka důležitý zájem a schopnost pro teoretické nahlížení reality. Rovněž habituální statut patří ke způsobu bytí člověka. Tím vyjadřuje vlastní přítomnost ve světě, dává znát druhým lidem o vlastním bytí a přitom je schopen i evidence faktů, které přicházejí z prostředí přirozeného světa.

V Aristotelově díle nacházíme velmi důležitý teoretický spis Politika. V tomto díle se Aristoteles snaží o zásadní sumarizaci poznatků z klasického období ve vývoji antického Řecka. Velmi jasným a srozumitelným stylem popisuje řeckou společnost, pro kterou vytváří ideální prostředí. Nezapomíná přitom na jedince, který vytváří základní místo pro existenci a fungování řecké polis. Proto je pro Aristotela důležité a projevuje se to i v samotném díle, že vlastní politické názory na dobovou realitu začíná z analýzy lidského společenství, člověka, státu a jejich vzájemné funkčnosti. Jaroslav Martinka se v úvodní studii k Aristotelově Politice zaměřuje na syntézu zkoumání člověka a společnosti. „Když Aristoteles dílem Politika završil své teoretické úsilí o reflexi povahy a struktury lidské praxis, sociální filosofie v antickém Řecku už měla svoji historii. … Tato reflexe, která měla zpočátku charakter mytologický a realizovala se jako nediferencovaný názor na přírodu a člověka, operovala jen v úzkém prostoru pro volbu cílů a prostředků lidského jednání.“ [4, s. 5]. Tímto prostorem byla řecká polis, pro kterou je smysluplné v Aristotelově podání vytvářet ideální obraz politiky, která je do jisté míry etika v praxi. Především formy politického života řecké společnosti sehrály v Aristotelově díle klíčovou roli. Podle Martinky: „Dodejme ještě pro úplnost, že z něho podstatně nevybočuje ani myšlení poaristotelovské v období helenismu …“ [4, s. 6].

Je to zcela logické, protože celý společenský a politický vývoj po smrti Aristotela se odehrává v jeho namíření. Je to především z toho důvodu, že se nenašel nikdo z autorů, kdo by mohl systematicky rozpracované dílo Aristotela za velmi krátké časové období přepracovat a navíc dostat do podvědomí řecké společnosti. To byl velmi těžký úkol, který se postupně podařilo uskutečnit až o několik století později a ve zcela jiných společenských a politických souvislostech, než bylo vytvořené dílo Aristotela.

Aristoteles se v Politice zabývá poměrně velkým rozsahem teoretického materiálu, který byl dílčím způsobem rozpracováván již před samotným Aristotelem. Jedná se především o oblast státu a jeho vymezení, kritiky Platonovy teorie, ústavy, která by měla platit pro Atény, stranou nezůstává ani otázka demokracie, ideálního státu a ideální ústavy. Specifickým problémem, kterým se Aristoteles zabývá v Politice, je otázka výchovy. Jedná se svým způsobem o navázání na Platonovy ideje, které bezprostředně souvisí s výchovou jedinců pro ideální stát. V první knize Aristotelovy Politiky čteme: "Když vidíme, že každý stát je jistý druh společnosti a že každá společnost sleduje určité dobro, je zřejmé, že všechny společnosti směřují k nějakému dobru, … a k nejvýznamnějšímu dobru směřuje ta společnost, která je ze všech společností nejvýznamnější a zahrnuje všechny ostatní. To je takzvaný stát a státní společnost." [4, s. 19]. V Aristotelově pojetí je každý pojem ze sféry společenské, státu a státního řízení spojován s etickou problematikou a etickými normami, které byly platné v aténském společenském zřízení. Specifickou kategorií je dobro, které Aristoteles spojuje s člověkem a rovněž se společenským uspořádáním a vedením státu. „V tomto pojetí nám klasické řecké myšlení poskytuje principy, které nás vedou při našem zkoumání politického světa." [2, s. 119]. Tradice, která vznikla v prostředí řeckého světa, je zachovávána po dlouhá století. Řecké myšlení se velmi rychle stalo základem - kolébkou západního myšlení a to včetně politického myšlení. Zrod takového fenoménu, kterým je politické myšlení starověku, má vlastní dějinnou tradici.

Nemůžeme říci, že politické myšlení ve starověku (např. v Aténách) vzniklo až sepsáním prvního teoretického spisu u konkrétního autora. Jistá podoba tohoto myšlení, které se zcela jistě lidmi v tehdejší době neoznačovala jako politické, byla. A byla dávno před samotnými klasiky řeckého politického myšlení – Platonem a Aristotelem. V jejich díle nacházíme poprvé ve velké míře shrnutí a zaznamenání poznatků o tamní společnosti, společenském uspořádání, panovnících, způsobu vedení společnosti, základech státu a různých formách, které měli oba dva možnost zažít a z této empirické zkušenosti vychází i jejich vlastní hodnocení, které se ovšem zcela

zákonitě musí lišit. Proto můžeme v jejich dílech nacházet ideje o tzv. ideální podobě - např. státu, společnosti, ústavy. V dílech obou koryfejů nacházíme i nezbytné požadavky, které společnost sjednocují a vytváří regulérní prostředí fungujícího celku, který nese i jisté označení. To, co je velmi pozoruhodné i např. z pohledu filosofie dějin, je fakt, že zmiňovaní autoři zcela evidentním způsobem reagují na bouřlivé proměny a společenské změny, kterými starověká řecká společnost procházela. Platon i Aristoteles zaznamenali zásadní proměny do svého díla a to zároveň posloužilo jako materiál ke komparaci, kterou můžeme v jejich textech nacházet. Jde především o porovnání forem vlád v různých řasových intervalech a na poměrně rozsáhlém území, které oba v dílech zpracovávají. Stálou záhadou a zároveň významným počinem byla Aristotelova snaha o vypracování ideální ústavy, která by měla nahradit v té době funkční aténskou ústavu.

I když Aristoteles nenachází jednotnou definici pro stát, jak uvádí v třetí knize Politiky, musí existovat něco, co ho ale tvoří. Tímto základním prvkem je občan. Aristoteles píše: „Když je tedy stát složeninou tak, jako každý jiný celek, který se skládá z mnohých částí, je jasné, že nejdřív musíme uvažovat o občanovi; stát je totiž jakési množství občanů. A tak tedy musíme uvažovat, koho máme označovat občanem a kdo je občan. Ani v tom totiž často není jednota. Ne všichni označují za občana toho stejného člověka; často ten, kdo je občanem v demokracii, není občanem v oligarchii.“ [1, s. 85]. Pojem občana a občanství řeší Aristoteles c celé třetí kapitole, které následně přecházejí do dalších kapitol, kde řeší otázku ústavy a státu. Občan je podle Aristotelových slov základem celé společnosti. Aristotelovým vymezením občana dochází vůbec poprvé k otevřené diskusi a teoretickému rámci tohoto pojmu, který je důležitý i v současné době, éře demokracie. Nebylo to zároveň zcela běžné, že lidé ve státě, na konkrétním území byli oslovováni jako občané. V jistém období se za občana považují lidé, kteří měli ušlechtilý původ, narodili se rodičům – občanům, dostáli označení občana za přínos obci, městu, rodině, pomohli panovníkovi a možná se účastnili válečných výprav. Při vymezení pojmu občan se Aristoteles zabývá otázkou, jak tomu bylo v předcházejícím období. Nachází logicky a obsahově bohatou odpověď: „Problém je jednoduchý: jestliže předkové podle dané definice měli účast na správě státu, tak byli občany“ [1, s. 88]. Zdá se, že účast na správě obce je podmínkou, která vede k občanství. V Aristotelově Politice nacházíme i opačnou stranu společnosti, tu která nemá práva, nemůže se účastnit na správě obce a ani rozhodovat u soudů. Jsou to otroci. I když Aristoteles uvádí, že řecká polis nemůže existovat bez přítomnosti této společenské skupiny, zabývá se otroky a otroctvím. „Otroků je podle nás více druhů, protože je i více služebních prací.

Jednu část tvoří manuální dělníci, to jsou ti, kteří, jak to naznačuje už jejich jméno, žijí z práce vlastních rukou“ [1, s. 92].

Ale jsou otroci, kteří pracují v domě svých pánů, další na poli, v zemědělství atd. Proto nelze říci, že existuje jeden typ otroků. Otroctví je tedy podle Aristotela přirozenou součástí řecké společnosti – tzn. polis. Občan je pouze ten, kdo se může zúčastňovat na správě obce, na jejím řízení a rozhodování. Pořádek ve státu zaručuje ústava. Aristoteles rozděluje ústavy podle jejich časové periodizace a existence jednotlivých polis. „Ústava je pořádek státu. Nejdůležitější je všude správa státu a tuto správu reprezentuje ústava“ [1, s. 95]. Je to zcela pochopitelné, že základním dokumentem, který je pro každý stát velmi důležitý, musí být ústava. Ta umožňuje rozdělit existenci státních forem na základě dominující ústavy. „Nesprávné formy uvedených ústav jsou tyranida místo království, oligarchie místo aristokracie a demokracie místo politeie. Neboť tyranida je samovláda ve prospěch samovládce, oligarchie je vláda ve prospěch bohatých a demokracie ve prospěch chudých. Ani jedna z nich však nemyslí na všeobecný prospěch všech“ [1, s. 98]. Aristotelova podrobná analýza jednotlivých ústav přináší klady a zápory jednotlivých forem řízení státu a umožňuje komparovat jejich věcný obsah. Zvláštní místo věnuje politeie. „Politeia totiž, jednoduše řečeno, je kombinací oligarchie a demokracie“ [1, s. 138]. Tím Aristoteles uvádí, že politeia má velmi blízko k aristokracii a demokracii s jistými úpravami, které souvisí s konkrétními počiny vládnoucí skupiny a jejich uznáním většinou.

Jak uvádí Jan Patočka: „Místem, kde se problematizuje lidské bytí ve své bezprostřednosti, je řecká polis. Zde začíná život ne už jen pro život, pro pouhé přežití, nýbrž něco jiného, život jiných cílů, život pro možnost, pro niž se člověk vydává, život svobodně lidský“ [5, s. 11]. J. Patočka konstatuje důležitý moment, který deklaruje skutečnost, že problémy spojený s lidským tázáním, otázkami a hledáním odpovědí na ně, začíná právě v řecké polis. V prostředí řecké společnosti, která dala vzniknout důležitým momentům v jednotlivých lidských oborech. V řecké polis je počátek formulace všech teoretických základů budoucí evropské vzdělanosti. Řecká polis uskutečnila to, co se dá označit jako odkrytí skrytého, odhalení tajemství, které bylo důležité pro formování života Řeků a stanovení určitého řádu v oblasti poznání. Vědomosti, znalosti, poznání to vše bylo hnací silou společenství v polis. Stěžejním problémem je příroda. Ta sloužila jako zdroj informací, které bylo nutné poznat a teoreticky zpracovat. Mnozí řečtí myslitelé si vysloužili odpovídající uznání za pokrok, který učinili na základě vlastních pozorování, byť se jednalo o

primitivní poznatky, které bylo potřeba dále zpracovávat. To se podařilo poměrně za krátkou dobu. Důsledkem toho je i to, že se mnozí z nich považují v současné době za zakladatele jednotlivých vědních oborů.

Je ovšem nutné poznamenat, že žádná teorie by nemohla vzniknout bez předchozího poznání. Proto je gnoseologický aspekt teoretického poznání prioritní a není možné vytvářet teorii bez zásadních znalostí a vědomostí z jistého oboru a mění se jen pozdější obsah teoretického sdělení. Poznání skutečnosti má směřovat k odhalení pravdy. Pravda je důsledkem poznané reality. Poznání pravdy se odráží v ucelené teorii, která odráží zobecnění ryze teoretických a abstraktních poznatků na základě předchozí empirické zkušenosti. Ta je nedílným zdrojem všech budoucích poznatků, které se průběžně upravují a zpracovávají. Na poznání určité skutečnosti se pohlíží s kritickým přístupem po určitém období a v historické perspektivě. Patočka píše: „Jak patrno, prohlubuje se tak v Evropě 19. století krize politická právě tam, kde se zdá, že otázky se řeší: otázka německá, italská; místo aby jejich řešení Evropu uklidnilo, ve skutečnosti zostřilo její partikularismy a učinilo je na úzkém evropském prostoru smrtonosnými. Rovněž sociální krize se postupem doby vyhrocuje a nezbytný průmyslový proletariát prezentuje svůj účet vždy naléhavěji“ [5, s. 101].

Patočka právě v Kacířských esejích o filosofii dějin uvádí velkou souvislost mezi dějinami politickými a dějinným vývojem společnosti, kam musíme řadit rovněž i úroveň lidského poznání a jeho myšlení. Evropské dědictví má počátky v Řecku a následně v Římě. „Je tedy dědictví Římské říše samo pokračováním v jiném dědictví, v tom, které římská a helenistická převzaly od řecké polis a jež je resumováno úsilím o obec nahlédnuté pravdy a spravedlnosti jakožto vrcholnou mravní ideou klasické filosofie. Tato myšlenka sama však vyzrála v reflexi na velikost a katastrofu polis, na světový význam a bídu řeckého člověka v jeho příznačném společenském rámci, kde se uplatnil proti pouhé kvantitativní převaze, aby sám sebe i tento rámec zdiskreditoval a zničil nedůvěrou, závistí a strachem, že bude předhoněn a zastíněn“ [5, s. 91]. Význam řecké polis je bezesporu nezpochybnitelný a má pokračování v dalším historickém vývoji, kde se nepodařilo vytvořit věrnou kopii klasické řecké polis, ale celá další doba se snaží o její napodobování. Je rovněž patrné, že rozvrat řecké polis se nedal oddálit a neměl žádné jiné směřování z hlediska dalšího vývoje. Velikost řecké polis zůstala po mnoho dalších let a staletí zaklíněna v prostředí, kde vznikla a byla funkční – v Řecku. „Dědictví řecké klasické filosofie je starost o duši. Starost o duši znamená: pravda není jednou provždy dána ani není záležitost pouhého nazírání a přijetí ve vědomí, nýbrž celoživotní zkoumavá, sebekontrolující, sebesjednocující myšlenkově-životní praxe. Starost o duši je praktická forma

onoho objevení univerza a výslovného myšlenkového vztahu k němu, ke kterému došlo již v iónské prafilosofii: zde objevení kosmu dospělo v podobu filosofického ideálu života v pravdě, který lze formulovat slovy posledního velkého diadocha této posloupnosti …“ [5, s. 92]. Řecké myšlení je dědictvím pro celou evropskou civilizaci. Poznání pravdy není ve filosofickém kontextu stanovena konstantně pro další generace. Každá nová teorie a poznání neobjasněných míst přináší nové podněty, které nacházejí vlastní odezvu v podání nových teorií a konceptů v dílčích oborech a vědních odvětvích.

Různé doby přinášejí objevné a podstatné změny, které ovlivňují chování celé společnosti a jedinců zvlášť. Výjimečné místo zaujímá období osvícenství, které v horizontu lidského myšlení představuje zlom v pohledu na společenské hodnoty. „Síla a hloubka osvícenství tkvěla nepochybně v tom, co starší, především dovnitř a lidsky orientované vědění zanedbalo, v nové ideji aktivního, účinného, výsledky bohatého a stále se obohacujícího vědění. Toto vědění nebylo lze vzít na lehkou váhu ani spojit vnějškově v pouhý slepenec se starými evropskými zásadami vědění a věření. … osvícenství mělo být přijato, ale jen jako metoda pochopení přírody, říše zákonitostí, které nevedou do jádra věcí; tam, kde tento fenomenální svět je rozebírán ve své fenomenalitě (tj. ve své podstatě), nabývá znova svého práva starý evropský princip starosti o duši, …“ [5, s. 98]. Mnozí myslitelé z oblasti filosofie, etiky, politologie se domnívají, že nebyl doceněn specifický význam období osvícenství. Vědění období osvícenství nebylo zcela doceněno a nebyly vytvořeny podmínky pro adaptaci navržených způsobů řešení v oblasti politické a především společenské. Postmoderní doba se rovněž hlásí k názoru, že osvícenství je místem, kde došlo k zásadnímu politickému obratu a směně občanských hodnot. Některé z těchto výzev se podařilo naplnit prostřednictvím „velikánů“ doby, kteří šli neúnavně, často za cenu vlastního příkoří za svým cílem a snahou, prosadit nový názor. Velkým počinem doby byly i teoretické spisy těchto autorů – Voltaire, Ch. L. Montesquieu, J. J. Rousseau, J. Locke, B. Bolzano, J. G. Herder, I. Kant atd. I když myšlenkově se jedná o velmi rozdílné pozice, které tito a další autoři zastávají a ve svých dílech prezentují, mají ovšem jedno společné. Vnímají svou dobu jako možnost výzvy, která by mohla pomoci změnit dosavadní politickou a společenskou situaci. Často se jedná o teoretický návod, který vede ke změně ze situace, kde jsou špatné životní podmínky, bizarní politické situace vedoucí k absurdním řešením a společenské chudobě a poklesu životní úrovně. Patočka zmíněnou situaci dokládá velmi výstižnou formulací na příkladu Německa a Francie. „Všecky slabosti francouzského řešení evropského problému zesilují ještě oním pruským řešením německého

problému, které Francii vytlačilo z centra Evropy a postavilo do něho opět Německo, ale v nové, vzorem západoevropského nacionálního státu ražené podobě; přitom toto pruské Německo nese v sobě jako další nesouladný element své feudální tradice nezkrácené skutečným společenským přelomem, dále konzervativní obdiv k ruskému kolosu, jemuž Prusko vděčilo celou svou kariéru v Německu a Evropě …“ [5, s. 100].

Závěr. Otázka politické filosofie v kontextu gnoseologie řeší závažný problém, který se odráží především v životě lidské společnosti. Již první antické motivy, které byly rozpracovány v teoretických dílech Platona, Aristotela a v pozdější době např. v dílech I. Kanta, G. W. F. Hegela, J. J. Rousseaua atd. Názory těchto teoretiků byly v některých případech aplikovány do praxe. Mnohé názory teoretiků z období novověku např. Machiavelliho jsou velmi aktuální i v současné době a mají své nezastupitelné místo v politické praxi. To, že gnoseologie se zabývá teorií poznání, je základem pro jakékoli zpracování lidského myšlení a následné zobecnění v podobě koherentní teorie. Politické teorie sehrály v lidských dějinách klíčovou roli. Mnohé politické názory ovlivnily osudy lidí v kladném i záporném významu. Politická filosofie vychází z důkladné znalosti filosofického prostředí, filosofické terminologie a studia původních pramenů od autorů, kteří se danému problému věnovali. Důležitou součástí politické filosofie v gnoseologickém aspektu je její aplikovatelnost do sociálního prostředí. Proto se ještě jednou vracím k myšlence, že gnoseologie (tj. epistemologie) je nezbytným atributem dějin politického myšlení v celém kontextu jejího vývoje. Důkazem toho je fakt, že mnozí autoři (tj. filosofové) ve starověku, středověku, novověku a v moderní době se v rámci vlastního filosofického systému zabývají ve svém díle otázkami, které se vztahují k politické moci, formám vlády, uspořádání nejlepšího státu, vztahu společnosti a jedince k mocenským strukturám, podobě ideálního panovníka ve státě a rovněž (moderní autoři) řeší otázky současného demokratického řízení státu a všímají si podmínek transformace od totalitních systémů k současné demokracii.

Bibliografie

1. Aristoteles. Politika. – Bratislava: Nakladatelství pravda, 1988.
2. Ballestrem K., Ottmann H.: Politická filosofie 20. století. – Praha: Oikoymenh, 1993.
3. Husserl E.: Karteziánské meditace. – Praha: Nakladatelství Svoboda, 1968.
4. Martinka J. Aristotelova syntéza zkoumání člověka a společnosti (úvodní studie). In: Aristoteles: Politika. – Bratislava : Nakladatelství pravda, 1988.
5. Patočka J.: Kacířské eseje o filosofii dějin. – Praha : Academia, 1990.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНЫ

Х. Ф. Хайдаров *Доктор философских наук, профессор,*
А. Х. Хайдарова *студентка 2 курса,*
Ташкентский педиатрический медицинский институт,
г. Ташкент, Узбекистан

Summary. This article analyzes the epistemological problems of medicine and its role in medical science. The article says that that does not matter what area you are in, gneseological thinking will you need in each of them. Including medicine, too. Content of the work, though not large, but I think that the meaning is paramount.

Keywords: logic; thinking; value; principle; knowledge; process; theory; livelihoods.

Большую роль для разрешения современных глобальных проблем медицинской науки играет теория познания (или гносеология). Специфичность процесса познания врача-педиатра заключается в том, что объектом его познания является человек с его нормальной и патологической жизнедеятельностью. Поэтому наиболее важным способом, применяемым врачом для достижения поставленной цели, является клиническое мышление.

В связи с тем, что нет статьи «клиническое мышление» ни в одном издании БМЭ, а также справочно-энциклопедической литературе, отношение к этому случаю проявляется неодинаково со стороны специалистов. В современной методологической и клинической литературе фигурируют различные термины, содержанием которых является стремление отразить специфику мышления врача: «научно-медицинское мышление», «клиническое мышление», «врачебное мышление», «диагностическое мышление» и другие.

Мы поддерживаем позицию авторов, которые обращают внимание на единство человеческого мышления и возражают против многообразных дериватов (отклонений) термина «мышление» [4, с. 50]. Философ А. Г. Спиркин справедливо считает: «Мышление – это высшая форма активного отражения объективной реальности, состоящая в целенаправленном, опосредствованном и обобщённом познании субъектом существенных связей и отношений предметов и явлений в творческом созидании новых идей, в прогнозировании событий и действий» [4, с. 382].

Действительно, философия и логика исходят из того, что человеческое мышление безотносительно к его предметному содержанию и осуществляется по одним и тем же логическим законам, что логика мышления (субъективная диалектика) отражает в одних и тех же формах логику и объективную диалектику реального мира.

Безусловно, усиливающийся в настоящее время процесс диалектизации медицины, её научного методологического оснащения позволяет более доказательно, с позиций широкого системного подхода изучить важнейшие проблемы охраны здоровья человека. Объективность, истинность, эмпирическая проверяемость (воспроизводимость), логическая доказательность (не противоречивость) укрепляют гносеологические позиции в современной медицине. В реалии клиническое мышление – это содержательно-специфицированный процесс диалектического мышления, придающий целостность и законченность медицинскому знанию. Мы убеждаемся в том, что общечеловеческий характер законов логики заключается в следующем: во все исторические эпохи люди всех наций мыслят по одним и тем же логическим законам [1, с. 7]. По существу, логика является фундаментом, основой всякого мышления, в том числе медицинского, она помогает совершать любые логические операции. Например, диагностический процесс при анализе вопроса гносеологическая специфика медицинской диагностики на начальной стадии в основном строится на законах логики (закона тождества; закона не противоречия; закона исключённого третьего; закона достаточного основания).

В свою очередь клиническая медицина исторически развивала у врачей способность восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному. В этом плане она разработала содержательное определениями понятие диагноза (патогенетический, этиологический, нозологический, дифференциальный диагнозы). В то же время слабо разработанными оказались приёмы теоретического выведения конкретного из абстрактного. Поэтому врачи до сегодняшнего дня получают хорошую постановку диагноза болезней (вплоть до программирования обучения), а всё дальнейшее движение мысли рассматривают из области врачебного искусства, приходящего с опытом. Вот почему, по нашему мнению, необходимо как можно скорее разработать алгоритмы (точное предписание, задающее вычислительный процесс, ведущий от начальных данных, которые могут варьировать к искомому результату) [1, с. 9–10]. В связи с этим блестяще подметил Д. С. Саркисов, что «клинико-антропный принцип, пожалуй, наиболее адекватно выражает специфику и потребности меди-

цинского познания» [3, с. 263]. Кроме этого логика играет фундаментальную роль в развитии современного общества.

В заключение отметим, что все логические законы служат обязательной нормой всякого правильного мышления. Поэтому без логически стройной мысли нельзя ни открыть истину, ни поставить диагноз, ни обосновать достоверность творческих обобщений педиатрической науки для практики. Для развития педиатрии нужно не только знание фактов, но и умение делать обоснованные выводы из них, обстоятельно проверять и доказывать их объективную необходимость. Только при таком подходе мысль врача-педиатра приобретает строгую научность, разумную убедительность и действительность. Надо помнить положение о том, что законы логики играют большую роль не только в решении вопроса постановки диагноза, но и в выработке прогноза заболевания. Без использования законов логики невозможно доказать правильность любых заключений и выводов. Итак, теория и практика педиатрии подтверждает, что соблюдение законов и правил логики является обязательным требованием грамотного, правильного, гибкого мышления в медицине, имеющей дело с высшей ценностью общества – детьми.

Библиографический список

1. Ахмеров Э. А, Хайдаров Х. Ф. Логика и мастерство врача-педиатра. – Ташкент, 2008.
2. Спиркин А. Г. Мышление // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
3. Философия медицины / под ред. Ю. Л. Шевченко. – М., 2004.
4. Хайдаров Х. Ф., Ахмеров Э. А. Философские проблемы медицины. – Ташкент, 2010.

III. MODERN EPISTEMOLOGY: CATEGORIES, PRINCIPLES, THEORIES

ПАРАДИГМА САМООРГАНИЗАЦИИ ФАЗОВОГО ПЕРЕХОДА В КОСМОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ВСЕЛЕННОЙ

Р. А. Гафиатуллин *Соискатель, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

Summary. The author points out on the features of synergy, which using the linearity and nonlinearity in the theory expresses the aspects of material unity of the world, linked to the general properties of self-development of complex systems. The universe is seen as a dissipative system with periodically removable elements (elementary dissipative systems).

Keywords: self-organization; dissipative structures; attractor; bifurcations; turbulence; fluctuations.

Во второй половине прошлого столетия в науке возникло новое направление – синергетика, связанная с процессами самоорганизации и кооперации в природе. Первоначально синергетика базировалась на наблюдениях её авторов Г. Хакена и И. Пригожина над некоторыми физическими и химическими явлениями. Когда условия синергетических процессов распространились на Вселенную, был сделан вывод о неустойчивости всех эволюционных процессов. Синергетические процессы могут быть как обратимыми, так и необратимыми. Это связано с природой конкретного процесса, но не является условием и причиной самоорганизации. Вместе с тем самоорганизация – это не кооперация под воздействием случайных факторов в состоянии неустойчивости, а процессы, причины которых заложены в природе. Из теории самоорганизации следует, что всякие открытые системы с сильной нелинейностью, скорее всего, пульсируют. Фундаментальный принцип поведения нелинейных систем – это периодическое чередование стадий эволюции, развёртывания и свёртывания, взрыва активности, увеличения интенсивности процессов и их затухания, ослабления, схождения к центру, интеграции и расхождения, дезинтеграции, хотя бы частичного распада. Первоначальная постановка Эйнштейном космологической проблемы во многом ещё была классической: речь шла только о простран-

ственной структуре Вселенной. Исследования Фридмана позволили существенно изменить характер постановки космологической проблемы. В его формулировке речь уже идёт о пространственно-временной структуре, ставится вопрос об изучении не только пространственного распределения космической материи, но и её эволюции в целом [1, с. 160–171].

Древневосточная концепция небытия (ничто) в его онтологическом отношении к бытию в ряде существенных пунктов напоминает современную научную концепцию вакуума как субстанционально-генетического основания астрономической Вселенной. Согласно модели Хойла скорость расширения Вселенной зависит исключительно от скорости возникновения физических форм материи, лишь при этом условии может выполняться условие неизменности средней плотности материи Вселенной при одновременном её расширении. Создателем следующего варианта идеи спонтанного возникновения материи был П. Дирак, который считал, что корреляции между большими безразмерными числами имеют фундаментальное космологическое значение. В его трактовке аддитивное и мультипликативное порождение материи влекут за собой различные типы моделей Вселенной. Для того чтобы устранить противоречие с общей теорией относительности, Дирак ввёл отрицательную массу в таком количестве, что плотность всей самопорождающейся материи равняется нулю.

Новейший вариант идеи спонтанного возникновения физических форм материи возник в рамках теории раздувающейся Вселенной, создателем которой является А. Г. Гус. Эта модель предполагает, что эволюция началась с горячего большого взрыва. По мере расширения Вселенная переходила в специфическое состояние, называемое ложным вакуумом. В отличие от истинного физического вакуума, который является состоянием с самой низкой плотностью энергии, плотность энергии ложного вакуума может быть очень велика. Таким образом, стадия раздувания заканчивается предполагаемым в теории Великого объединения фазовым переходом – выделением плотности энергии ложного вакуума, приобретающим вид процесса порождения огромного числа элементарных частиц [2, с. 70–83]; [3, с. 49].

При этом одной из центральных проблем космологии остаётся проблема конечности-бесконечности Вселенной в пространстве и времени. В свете космологических исследований выясняется, что вопреки традиционным философским представлениям всеобъемлемость вовсе не обязательно считать основным признаком понятия бесконечности как таковой. Возможны взаимные переходы Вселенной от од-

ного физико-геометрического состояния, характеризуемого пространственной конечностью, в другое, характеризуемое пространственной бесконечностью. В отличие от идеи космического плюрализма в узком смысле, постулирующей существование бесчисленных отдельных миров во Вселенной, идея космического плюрализма в широком смысле говорит о бесчисленных отдельных Вселенных, спонтанно возникающих из вакуума, эволюционирующих, а затем вновь сливающихся с вакуумом [8, с. 69–84].

Поэтому единство мира и его качественная бесконечность, неисчерпаемость являются двумя диалектически связанными сторонами материального мира. Это диалектическое противоречие лежит в основе описания реального физического мира средствами частных физических теорий [5, с. 15–23]. В последнее время активно развивается нано наука, как приоритетное направление научно-технологического комплекса России. Исследования низкотемпературной экзоэмиссии отрицательных зарядов с нанокристаллического гидроксиапатита показали, что в результате термоциклирования и хранении образцов при комнатной температуре происходят процессы самоорганизации, приводящие к разделению зарядов с образованием отрицательно-заряженного слоя на поверхности. Образующийся при этом заряд длительно сохраняется при повышенной температуре и спадает лишь в ходе охлаждения в температурной области фазового перехода [6].

Как известно, существует аналогия между равновесными фазовыми переходами и процессами самоорганизации в открытых термодинамических системах, которые получили название неравновесных фазовых переходов [9]. К их числу относятся автоколебания в системах томсоновского типа, поскольку для их поддержания необходим приток энергии извне, и, следовательно, автоколебательная система не равновесна. Доказано, что процесс возбуждения автоколебаний в распределённой системе релаксационного типа также полностью укладывается в схему не равновесного фазового перехода.

Проведём некоторые аналогии между фазовыми переходами в конденсированных средах и в системах микро- и мегамира. Гидродинамической моде среды в данном случае соответствует неустойчивая мода, амплитуда которой определяется комплексным параметром порядка, а приведённой температуре в теории Ландау следует сопоставить надкритичность системы. Отметим, что концепция фазовых переходов Ландау не даёт адекватного описания картины неравновесного фазового перехода.

Современная теория неравновесных фазовых переходов, отличается от первоначальной концепции Ландау тем, что оперирует как минимум тремя дополнительными степенями свободы, соответствующими управляющему параметру, сопряжённому полю и параметру порядка. Собственно переход, понимаемый как пространственно-временная эволюция гидродинамической моды, амплитуда которой определяется параметром порядка, является результатом конкуренции положительной обратной связи параметра порядка с управляющим параметром и отрицательной обратной связи параметра порядка с сопряжённым ему полем, где реализуется принцип Ле-Шателье. Квазистатический фазовый переход Ландау имеет место, когда параметр порядка пропорционален полю, а управляющий параметр, а, следовательно, и надкритичность от параметра порядка не зависят [7].

Из приведённых примеров следует, что Современная картина Вселенной является системой вложенных друг в друга квазизамкнутых миров, которые могут выступать как микроскопические или макроскопические объекты в зависимости от условий их наблюдения. Тем самым расширяется и обобщается идея бесконечности в космологии. Она выходит за рамки только пространственной и временной конечности и бесконечности и приобретает смысл – многообразия и неисчерпаемости свойств бесчисленного множества физических Вселенных. Статус мироздания выражается в константах физики и космологии, которые показывают искомый фундамент самоорганизации микро- и мегамира: то есть микромир – фундамент, а мегамир – аттрактор. При изменении статуса мироздания номиналы должны деформироваться. А тот факт, что процесс фазового перехода не приводит к растворению констант, можно интерпретировать как доказательство самоорганизации совместимости любой точки пространства и времени микро- и мегамира.

Анализ понятия виртуальных частиц [4], в которых отражается сущность физического вакуума, требует применения категорий возможности и действительности, отношение между которыми носит диалектический характер. Ещё Аристотель отмечал, что природа является цепью событий и превращений, в процессе которых возможное становится действительным. При рассмотрении ряда превращений, которые связывают исчезновение одного материального объекта и возникновение другого, возникает вывод, что возможность может существовать не только как отдельное свойство, тенденция, но и как совокупность свойств, которая определяет материальный объект. В последнем случае материальный объект выступает как возможность возникновения ново-

го объекта. На уровне виртуальных частиц или физического вакуума (субмикромира), свойство обладать определённой массой виртуальные частицы получают при переходе из одного уровня строения материи в другой, и тогда они становятся реальными. От обычных частиц они отличаются тем, что существуют в определённом смысле несамостоятельно, как нечто среднее между возможностью и действительностью. Детерминирующими факторами процесса самоорганизации при таких превращениях являются базисные структуры микро- и мегамира, которые играют фундаментальную роль в эволюции Вселенной, в образовании элементов структур бытия.

Библиографический список

1. Арлычев А. Н. Эволюция Вселенной: формальная и субстратная модели // Вопросы философии. – 2007. – № 9.
2. Бутрын С. Идея спонтанного возникновения материи «из ничего» в космологии XX века // Вопросы философии. – 1986. – № 4.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / пер с нем. – М. : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит. – 1989. – 400 с.
4. Готт В. С., Перетурин А. Ф. О философских вопросах теории виртуальных частиц и процессов // Философские науки. – 1965. – № 4.
5. Готт В. С., Чудинов Э. М. Неисчерпаемость материи и развитие физического знания // Вопросы философии. – 1969. – № 5.
6. Крылова И. В., Иванов Л. Н., Божевольнов В. Е., Северин А. В. Процессы самоорганизации и структурные фазовые переходы в нанокристаллическом гидроксиапатите по данным экзоэмиссии // Журнал физической химии. – 2007. – Т. 81. – № 2. – С. 300.
7. Рудый А. С. О мере упорядоченности движения и неравновесных фазовых переходах в автоколебательной системе релаксационного типа // Журнал технической физики. – 1998. – Т. 68. – № 1.
8. Турсунов А. Мирозданья тугие узлы (новейшая космология в философской перспективе) // Вопросы философии. – 1988. – № 2.
9. Хакен Г. Синергетика. – М. : Мир. – 1980. – 404 с.

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛА[1]

О. Э. Иванова *Кандидат философских наук, доцент, Челябинский государственный педагогический университет, филиал в г. Миасс, Челябинская область, Россия*

Summary. This article presents an approach to the transformation of sense from the perspective of constructivism. Sense is an idealized design, virtual image of ontological sense. Transformation sense there is an exit point in the design beyond the ontological under the influence of communication.

Keywords: communication; meaning; sense; transformation; transformation of sense.

Феноменология вопроса трансформации (от позднелатинского «*transformatio*» – «превращение») смысла указывает на оформление смысла как трансформируемого в ситуации «между», изменения, претерпеваемые смыслом под воздействием чего-либо. Трансформация показывает, как существенные свойства преодолевают собственные пределы.

Конструктивизм как направление в эпистемологии отрицает идею изначальности смысла, как существующего в форме врожденной идеи, так и приобретаемого посредством органов чувств. Смысл невозможно обнаружить в познавательной деятельности рациональным или сенситивным способом. Онтологическому смыслу, как несуществующему, конструктивисты противопоставляют проективный смысл. Смысл представляет результат активного конструирования своих мыслей и действий познающим субъектом, который опирается на неявное знание. В проектируемости смысла усматривается его изменяемость. Следствием этого является несоответствие конструируемого онтологическому смыслу: в ходе трансформации у смысла могут появиться производные свойства, не сводимые к первоначальным свойствам и их сумме.

Общее представление о трансформации смысла основано на двух принципах радикального конструктивизма Э. Глазерсфельда. Первый принцип радикального конструктивизма утверждает, что знание явля-

[1] Статья подготовлена в рамках задания № 2014/396 Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

ется активно построенным познающим субъектом, в предпочтениях о восприятии мира существует личная предвзятость. Согласно второму принципу, открытию онтологической реальности противостоит адаптивность функции познания, определяющая организацию смыслов в эмпирическом мире. В сформулированных А. Риглером программных пунктах конструктивизма отвергается репрезентационализм. Корреспондентская теория представления в вопрошании Витгенштейна побудила Глазерсфельда сформулировать парадигму радикального конструктивизма. Знание является результатом активного процесса конструирования, а не более или менее пассивного репрезентативного отображения среды объективного мира в субъективных когнитивных структурах. Поэтому знание – это системно-связанный познавательный процесс, а не репрезентация. Утверждение о том, что знание приближается к реальности, бесполезно. Напротив, реальность порождается субъектом. По мысли Глазерсфельда, «…те, кто просто говорят о конструировании знания, явно не отбрасывая понятие, что наши концептуальные конструкции могут или должны в некотором роде представлять собой независимую «объективную» реальность, по-прежнему оказываются в пределах традиционной теории познания» [3; 4].

Центральным «конструктором» смысла является познающий субъект с его предпочтениями в восприятии мира и личным опытом. В признании активной роли субъекта и релятивизма смысла позиция конструктивистов схожа с софистической. Однако, в отличие от софистов, конструктивисты учитывают не только индивидуальный опыт субъекта в производстве смысла, который остается «частным доменом». Э. Глазерсфельд обращает внимание и на роль коммуникации: «… при любых обстоятельствах смысл остается личной конструкцией, частная конструкция, которая может быть адаптирована через социальное взаимодействие (языковые игры), остается по существу субъективной» [1, с. 214].

Коммуникация есть рефлексивный социальный процесс использования знака. Это – континуум, в котором «монтируется» и корректируется смысл как конструкция. Для конструктивистов смысл – это явление, рефлексивно возникающее, развивающееся (и изменяющее значения) в коммуникации. «Истинного» смысла не существует, есть «жизнеспособный» смысл, приспосабливающийся к изменяющейся среде коммуникации. Смысл, образующийся в коммуникации, определен как «общий смысл». «Статус смысла как общего смысла означает нечто, достигнутое во взаимодействии. Таким образом, общий смысл не означает знакового соответствия, гомоморфизма или соответствия индивидуальной конструкции, это просто их взаимная установка» [2, с. 67]. Однако как понятие

«общий смысл» может быть нежизнеспособным. В этом случае его заменяет понятие «конструированно-согласованная область совместно осуществимых ожиданий» [1, с. 208]. И в том, и в другом случае подразумевают развитие совместимости между собственным своеобразным построением смысла и его построением другими (другими личностями).

Смысл является общим, но выражение «общий смысл» еще не означает существование одинаковых личных смыслов. Как «общий», смысл развивается во взаимодействии, позволяет наблюдателям сделать свой выбор из числа имеющихся возможностей и действовать сообща. Позиция человека, выраженная в коммуникации, оценивается не на основе согласия с некоторыми внешними объектами (к которым у когнитивных систем нет доступа), а на основе того, насколько она согласуется с существующими коллективными конструкциями. Подобный момент согласованности, так называемый «коммуникативный успех смысла», является для конструктивистов ведущим (хотя и не единственным, наряду с практикой, удобством в использовании и значений, и знания) критерием оценивания, описания и определения значения. Проективная сущность смысла указывает на то, что онтологического смысла не существует, смысл есть конструкт сознания человека. Происходит виртуализация смысла: смысл есть идеализированная конструкция, с потенциальной возможностью быть. Конструированный смысл представляет виртуальный образ онтологического смысла. И трансформируемым проектируемый смысл может быть исключительно по отношению к онтологическому смыслу. И дело не в том, соответствует ли сконструированный смысл реальному смыслу (его уязвимость – в расхождении с реальностью), а в том, что такой смысл когерентен коммуникации, в пределах которой он производится, соответствует ожиданиям в сообществе, и его разные проявления согласуются между собой.

Библиографический список

1. Kenny V. Continuous Dialogues III: Processes of Construction Ernst von Glasersfeld's Answers to a Wide Variety of Questioners on the Oikos Web Site 1997–2010 // Constructivist Foundations. – 2012. – Volume 7 (3). – P. 208–221.
2. Palmaru R. Making Sense and Meaning: On the Role of Communication and Culture in the Reproduction of Social Systems // Constructivist Foundations. – 2012. – Volume 8 (1). – P. 63–75.
3. Riegler A. Editorial. The Constructivist Challenge // Constructivist Foundations. – 2005. – Volume 1 (1). – P. 1–8.

«ОБОРАЧИВАНИЕ ТЕОРИИ В МЕТОД»: ПОИСК НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ЗАДАЧИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

И. С. Паревская *Соискатель,*
Таганрогский институт имени А. П. Чехова,
Ростовского государственного
экономического университета,
филиал в г. Таганрог, Россия

Summary. In this article the author identifies five groups of interdisciplinary problems of the second half of the 19th century and early 20th century and considering the process of solving them. The aim is to describe briefly the evolution of the methodological tools of scientific disciplines and to demonstrate the inevitability of the formation of interdisciplinarity new forms.

Keywords: methodological tools; scientific discipline; differentiation; integration; interdisciplinarity.

Современная научная литература ежегодно пополняется статьями, повествующими об актуальности междисциплинарных исследований, многочисленными трудами о сущности и формах междисциплинарного подхода, однако вопрос о междисциплинарных задачах, стоящих перед наукой XXI столетия, и путях их решения не нашел пока широко рассмотрения в трудах отечественных и зарубежных специалистов. Полагаем, что в решении данного вопроса способен помочь подробный анализ междисциплинарных задач предыдущих периодов развития научной мысли. В данной статье мы сосредоточим свое внимание на хронологическом отрезке со второй половины XIX в. и вплоть до начала XX в.

Вопрос об интеграции методов и реализации междисциплинарных исследований становится одним из главных условий развития науки во второй половине XIX в., выполнение которого стало возможным лишь благодаря нарастающей тенденции к дальнейшей дифференциации наук, подготовившей почву для обширного межнаучного теоретического синтеза.

Междисциплинарные задачи вышеуказанного периода можно условно разделить на пять групп:

− интеграция исследовательских методов различных наук естественнонаучного цикла;

− выделение технических наук и раскрытие их внутренней связи с естественными науками;

− оформление социально-гуманитарных наук и определение их специфики;

− решение вопроса о возможности применения естественнонаучного методологического базиса в гуманитарных исследовательских проектах;

− обоснование связи математики с науками естественнонаучного, социально-гуманитарного и технического цикла.

Вторая половина XIX в. отмечена рядом ошеломляющих открытий в естественнонаучных дисциплинах и прежде всего в физике. Начавшись с открытий Г. Герца (открытие электромагнитных волн), В. Рентгена (открытие коротковолнового электромагнитного излучения), А. Беккерела (обнаружение радиоактивности), Э. Резерфорда (доказана неоднородность радиоактивного излучения), Дж. Томсона (открытие электрона) и достигнув апогея благодаря деятельности М. Планка и А. Эйнштейна, кризис существующей картины мира постепенно охватил и другие отрасли «наук о природе», поставив под вопрос саму возможность эффективного использования научного метода. Однако именно коренные изменения в понимании свойств и явлений окружающей действительности, связанные с открытием законов сохранения и превращения энергии, заложили единую основу для всех разделов химии и физики, а осознание биологами необходимости углубленного изучения физических и химических процессов в живом организме способствовало формированию пограничных научных дисциплин: биохимии, биофизики, эргономики и т. д. Аналогично возникли физическая химия, математическая физика, химическая физика, геохимия и иные пограничные науки, являющие собой процесс «слияния» не только двух, но и трех наук, как например биогеохимия.

Тем самым был сделан шаг от простого заимствования методов к более широкому и глубокому синтезу, итогом которого стало становление самостоятельных научных дисциплин, венчающее вторую форму междисциплинарности. Преобразования понятийного аппарата и методологического инструментария естественнонаучного цикла подняли постнеклассическое естествознание на новый уровень и предопределили вторую научную революцию рубежа XIX−XX вв.

Обратимся ко второй группе междисциплинарных проблем второй половины XIX в. – к становлению технических наук. История человечества изобилует примерами технических изобретений, но только в XIX в. инженеры начинают систематически применять достижения научной мысли для осуществления своей практической деятельности.

До этого момента наука и техника существовали по большей степени автономно, хотя уже на донаучном этапе были сформированы основные типы технического знания: практико-методические, технологические и конструктивно-технические. Со второй половины XVIII в. и до середины XIX в. плодотворный союз науки и техники был ознаменован построением ряда фундаментальных технических теорий, а со второй половины XIX в. и вплоть до середины XX в. шло становление техники как прикладной науки, т. е. науки, направленной на получение конкретного научного результата, который актуально или потенциально может использоваться для удовлетворения частных или общественных потребностей [6, с. 66].

Общность предметной области инструментально измеримых явлений техники и естественных наук определила преемственность приемов и методов общенаучного знания технической наукой, стала источником оценки технических наук в качестве прикладных по отношению к последним. Несмотря на то, что к данному периоду сформировались собственно научные методы и специфические особенности исследовательского процесса технических наук, статус самостоятельных научных дисциплин технические науки получат лишь во второй половине XX в.

Третью и четвертую группу задач можно условно объединить в один блок междисциплинарных проблем, сконцентрированных в плоскости взаимодействия «наук о природе» и «наук о человеке». Несостоятельность частнонаучной методологической базы в деле всестороннего познания окружающего мира привела ученых к мысли о необходимости рассмотрения постигаемой действительности как сложной динамической целостности, функционирование которой напрямую зависит от социальных обстоятельств, системы ценностей и устремлений субъекта науки − человека. Запущенный процесс опредмечивания и овеществления человека в системе складывающегося капиталистического общества стал главным условием выделения наук о духе, социальных и гуманитарных наук. Основной целью нового класса наук должно было стать познание не только общества в целом, но и отдельных его сфер, выступавшее основой разработки определенных технологий регуляции и преобразования социальных процессов. Как подчеркивает Фуко, с того момента, «когда «норма» заняла место «предка», а мера соответствия норме – место статуса, место индивидуальности человека известного заняла индивидуальность человека вычислимого, в этот момент и стало возможным формирование наук о человеке, ибо именно тогда была запущена новая технология власти и новая политическая анатомия тела»

[4, с. 182]. Объектно-предметное отношение к человеку стало основой генезиса социально-гуманитарных наук, а усложняющийся механизм техногенной системы определил основную функцию складываемых «наук о духе» − выработку и внедрение ценностных ориентаций, присущих буржуазному обществу: обогащение, рациональность, индивидуализм, активность, труд, стремление к успеху и комфорту, право, прогресс, высокий престиж науки.

Оформление социально-гуманитарных наук стало последним этапом складывания науки как системы дисциплин, открывающей тайны устройства всех известным форм существования мира: природы, общества и человеческого духа. Дисциплинарно организованная наука, отныне представленная четырьмя научными комплексами (математика, естественнонаучные и технические дисциплины, социально-гуманитарные науки), стала характеризоваться помимо универсальности и специализации чертами междисциплинарности, проявляющимися как между научными дисциплинами, входящими в один блок, так и между образующими тесные межпредметные связи на стыке наук, имеющих разный предмет исследования. Наряду с этим осуществлялась дальнейшая дифференциация внутри каждого комплекса наук, однако если социально-гуманитарные науки шли путем, который науки о природе постигли на столетие раньше, т. е. становление внутренне целостных дисциплин со своей методологией, категориальным аппаратом и проблематикой, то процесс развития естественнонаучных дисциплин увенчался формированием отраслей наук, опирающихся на научные достижения в целом.

Структурное отставание «наук о духе» и «наук об обществе» от естественнонаучных дисциплин, а также более глубокая разработанность последних в фактологическом и методологическом плане обусловили сильное воздействие принципов наук естественнонаучного цикла на методологию социально-гуманитарных наук вплоть до конца XIX − начала XX вв. Философы первой половины XIX в., начиная с А. Сен Симона, стремились отыскать универсальные законы, управляющие всеми явлениями природы и общества, перенести приемы естественно-научных дисциплин на область общественных явлений. Данный методологический прием подвергался жесткой критике позитивистов, труды которых оказали мощное влияние на методологию естественных и общественных наук XIX в. Последователи О. Конта подчеркивали необходимость отказа от натурфилософских построений за навязывание науке неадекватных умозрительных образов изучаемых ею объектов и процессов [5]. В качестве альтернативного исследовательского метода по-

зитивисты предлагали единый научный метод, представляющий собой совокупность логических и эмпирических методов, обеспечивающий достоверное знание закономерностей природы.

В последующие годы не только приверженцы позитивного знания, но и представители других философских школ обращали внимание на несостоятельность использования приемов естественных наук в деле постижения социальных процессов, явлений и отношений, в результате чего натуралистическая парадигма уступила место культурно-ценностной, базирующейся на признании особого статуса социально-гуманитарных наук. Идея о необходимости складывания у наук о духе собственного концептуально-методологического фундамента постулировалась в указанный период представителями двух философских направлений: «философии жизни» (В. Дильтей, Г. Зиммель, Ф. Ницше, О. Шпенглер и др.) и Баденской школы неокантиантства (В. Виндельбанд и Г. Риккерт). Проведем обзор основных положений, выдвигаемых вышеперечисленными мыслителями.

Одним из первых указал на специфику содержания гуманитарного знания, а также предложил идею его методологической и гносеологической автономии выдающийся теоретик «философии жизни», известный немецкий историк культуры и философ В. Дильтей. Очерченный им круг вопросов, касающихся проблемы социального познания, в дальнейшем получил глубокую разработанность в герменевтике, феноменологии, структурализме и других направлениях современной философии. Многие концептуальные положения оказались либо предвосхищены Дильтеем, либо испытали на себе его воздействие: философская антропология, неогегельянство, экзистенциализм, философия религии Трельча, философия Литта, исторические биографии Миша и др. [1].

Философско-методологическая концепция В. Дильтея провозглашала предметом исследования гуманитарных наук социальную действительность во всей полноте форм и проявлений, а главной задачей в процессе ее постижения – познание ценностной обусловленности индивидуальных проявлений жизни, что выдвигает на первый план исследовательского поля ценности и культуру, лежащие за гранью природной причинности. Также познание требует особого метода изучения − метода понимания, сущность которого заключается во «вживании» исследователем в историческое событие, в результате чего происходит поиск смысла, имеющего субъективный характер и претерпевающего изменения от ученого к ученому, от одного общества к другому. Исходя из данных суждений, предназначением есте-

ственных наук следует определить постижение объективной истины, а главной функцией гуманитарных наук – истолкование того, что составляет деятельность человека, ее цели и мотивы.

На рубеже XIX−XX веков проблема раздела наук и поиска новой методологии познания человека, культуры и общества также стала центральной в произведениях неокантианцев (В. Виндельбанд и Г. Риккерт), предлагавших классифицировать науки не по предмету исследования, а по применяемому методу. По нашему мнению, принцип разделения наук по методу являлся наиболее прогрессивным по сравнению с выдвигавшимися на протяжении предыдущего столетия принципами классификации (по субординации (иерархии) форм знания (Гегель), по убывающей простоте и нарастающей сложности (О. Конт), по формам движения материи в природе (Ф. Энгельс) и т.д.) и не утратил своей актуальности вплоть до сегодняшнего дня.

В. Виндельбанд и Г. Риккерт предлагали разграничивать научные дисциплины на номотетические (от греч. nomothetike − «законодательное искусство») и идеографические (от греч. idios – «особенный», «своеобразный» и grapho – «пишу») [2]. Первые призваны фиксировать регулярные, повторяющиеся свойства изучаемых объектов, и на их основе выводить общие законы: к данному классу относятся науки естественные (физика, биология и т. д.). Второй тип − идеографические науки, стремятся описать индивидуальные, неповторимые события и явления, в связи с чем их необходимо расценивать как «исторические науки о культуре» (гуманитарные науки). Коренное различие предметов исследования выделенных классов наук, т. е. природы и культуры, не позволяет сформулировать универсальные законы, применимые в равной степени к уникальному и единичному существованию постигаемых объектов. Тем самым номотетический метод (генерализирующий) не является методологической догмой, и «в исторических науках о культуре мы не можем стремиться к установлению его общей «природы», но, наоборот, должны пользоваться индивидуализирующим методом» [3, с. 77]. Сущность «исторически-индивидуализирующего метода отнесения к ценностям» заключается в представлении исторических явлений как неповторимых изменяющихся стадий развития культуры, единство и объективность которых обусловлено единством и объективностью ценностей, характерных для постигаемой культуры.

В целом следует отметить, что сформированные представителями «философии жизни» и Баденской школы неокантианства методологические позиции вплоть до настоящего времени прослеживаются в

большинстве философских течений, трудах ученых различных направлений, деятелей культуры и политики.

Анализ междисциплинарных задач, стоящих перед наукой рубежа XIX − начала XX вв., мы завершим, обращаясь к такой научной дисциплине, как математика. В XIX в., благодаря трудам Д. Гиббса, Ханшельвуда, П. Дирака, Налимова, В. Ленина, математика обретает статус «языка науки». В процессе приращения естественнонаучного знания математический язык все прочнее входит в «науки о природе», становясь уникальным инструментом исследования и неким универсальным языком. Намного слабее к подобной интеграции были подготовлены дисциплины гуманитарного цикла, однако и здесь можно заметить такое исключение, как математическая лингвистика, являющая собой успешный пример взаимопроникновения математики и языкознания. Высказанное на закате XIX столетия мнение о том, что роль математики в частных дисциплинах будет возникать по мере их развития, в последующие годы действительно было подтверждено практикой, а стремление ученых «охватить науку математикой» обусловило значительный прогресс научного знания XIX − XX вв. в целом ряде областей.

Таким образом, проблема верного метода, классификации наук, определение предметного содержания научных дисциплин является главной проблемой всех ведущих мыслителей, философских школ и направлений второй половины XIX в. − начала XX в. Теоретические утверждения, выдвинутые в этот период, и сейчас являются фундаментом методологии науки, и находят дальнейшее развитие в процессе приращения научного знания.

Библиографический список

1. Будаев А. А. Философия истории Вильгельма Дильтея : дисс. … канд. наук. − СПб, 2002. – URL : http://www.dissercat.com/content/filosofiya-istorii-vilgelma-dilteya.
2. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. – URL : http://society.polbu.ru/leshkevich_sciencephilo/ch12_all.html.
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. − М., 1995.
4. Сокулер З. А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки. − М. : 1998. − Вып. 4.
5. Степин В. Философия науки. – URL : http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5321/5323
6. Титов В. Н. Институциональный и идеологический аспекты функционирования науки // Социологические исследования. − 1999. − № 8.

СЕМЕМА КАК ТЕМПОРАЛЬНАЯ КОМПОНЕНТА ЯЗЫКА

Н. В. Серова *Кандидат философских наук, доцент, Государственный морской университет имени Ф. Ф. Ушакова, г. Новороссийск, Россия*

Summary. The article deals with the problem of language as a way of existence. The problem is initiated by modern transformation language. The result of the study was the withdrawal of the sememe as the temporal component of the language in the works which is existential.

Keywords: temporality; existence; language; word; sememe.

В современных интеграционных процессах всё более отчётливо звучит вопрос о статусе национальных языков в глобальном культурном пространстве. Как известно, ещё в начале XX века попытки конструирования универсального языка международного общения не привели к ожидаемому итогу в силу его искусственного характера. Интеграционные процессы всё же повлияли на развитие национальных языков. Европейские языки, и русский язык не является исключением, испытывают влияние англоязычной и американизированной речи, пополняясь иностранными словами, вытесняющими национальные языковые эквиваленты [2, с. 5]. Научно-технический прогресс потребовал корректировки языка в соответствии с условиями современных технологий. Первоначально формализация, направленная на формирование научной терминологии, впоследствии – технологизация, связанная с приспособлением языка к технике, перекраивают естественный язык, пополняя его научными и техническими неологизмами [3, с. 96]. Современный язык представляет собой эклектику иностранной, научной, технологической и сленговой лексики. Языковой эклектизм является причиной растворения национальных культур в глобальном мире. В этих условиях культурная, историческая и этническая самоидентификация человека встречает много трудностей.

Высочайшим достижением культуры является народное словесное творчество и художественная словесность, стоящие особняком в глобальной интеграции. Народные сказания, поэзия, литература и фольклор являются самым действенным способом самосознания человека, как части народа и представителя своей эпохи. Осознание человека себя ча-

стью этнической и культурной целостности рождает в нём уважение к иным народам и культурам. Людей объединяют не технологии, но художественное слово, раскрывающее смысл нашего бытия. Механизмы научного и технологического преобразования языка хорошо известны [3, с. 96–98]. Вопрос в том, каковы пути противодействия этим явлениям и каким образом художественное слово может вернуть былое величие? Ответом на этот вопрос станет предлагаемое исследование семемы [семантики] как темпоральной компоненты языка. Семема – вариативная часть слова, интерпретирующаяся в индивидуальной речи. В ней выражается особенное прочтение жизни как текста. Для проведения исследования необходимо выполнить следующие шаги: во-первых, рассмотреть феномен темпоральности как условия подлинного человеческого бытия; во-вторых, доказать, что семема имеет темпоральную природу и является условием реализации человеческого бытия; в-третьих, показать преимущества художественной словесности в раскрытии творчества и подлинного бытия человека.

Темпоральность как смысловая основа экзистенции. Понятие «темпоральность» впервые было проанализировано в работе М. Хайдеггера «Бытие и время» и будет выступать в качестве ключевого термина в данном исследовании. Определение «темпоральности» формулируется М. Хайдеггером следующим образом: «…мы именуем исходную смысловую определённость бытия с его чертами и модусами из времени его темпоральной определённостью» [4, с. 35]. Из этого определения следует, что темпоральность есть «собственная временность» [4, с. 370] «собственной экзистенции» [4, с. 369], имеющая статус конституирующего феномена. Экзистенциальный анализ категорий должен раскрыть суть темпоральности. «Собственная временность» – единство всех моментов существования человека во времени, в котором реализуется его существо. Время человеческой жизни является основой «собственной экзистенции», то есть подлинного бытия человека в соответствии с его существом. «Само бытие, к которому присутствие может так и так относиться и всегда как-то относится, мы именуем экзистенцией» [4, с. 28]. «Присутствием» М. Хайдеггер называет отличительно человеческое существование: «Присутствие есть сущее, которое не только случается среди другого сущего. Оно, напротив, онтически отличается тем, что для этого сущего в его бытии речь идёт о самом этом бытии» [4, с. 27]. В нём человек оценивает своё бытие. Итогом самооценки становится выбор между собственным способом бытия и подражанием существованию других лю-

дей. «Собственная экзистенция» есть результат выбора человеком своего образа бытия в отстаивании своих убеждений, ценностей, языка. Умение не поступаться собой ради кажущегося лучшим иного существования есть начало осмысленно жизни. Условием её осуществления является, как было сказано, «собственная временность».

Основой «несобственной экзистенции» [4, с. 369] является «несобственная временность» [4, с. 370]. Выбор может быть сделан и в пользу подражания существованию других людей, не затрагивающего собственной сущности человека, сделавшего этот выбор. «Поскольку присутствие понимает себя ближайшим образом и большей частью не собственно, можно предположить, что «время» расхожего понимания времени представляет пусть аутентично, но производный феномен» [4, с. 367]. Расхожее понятие времени выражается в понятии «несобственная временность», то есть внешнее время, не соотносимое с существом человека, но, тем не менее, ведущее отсчёт его жизни, разделяемой им на несвязанные моменты прошлого, настоящего и будущего. Мы уступаем неумолимости времени из желания соответствовать так называемому «своему времени», современности и постепенно осознаём, что время нашей жизни проходит. Сожаление вызывает не факт неизбежности смерти, но мысль о том, что жизнь незаметно прошла, и её смысл остался не понятым. Подражая другим, мы не реализуем себя и, потому в нашей жизни нет смысла. Следовательно, «несобственная экзистенция» и «несобственная временность» воздвигают препятствия к осмысленному бытию.

Семема как условие реализации собственного проекта жизни во времени. Слово является способом самовыражения и самосознания человека. Разграничивая способы человеческого бытия во времени, логично предположить, что мы отыскиваем в «собственной экзистенции» собственные формы словесного самовыражения. Вопрос в том, являются ли ими научные, технические термины и сленговые шаблоны или художественное слово поэзии? Если мы сами созидаем своё бытие в своём времени, то мы сами должны истолковывать свою жизнь по-своему, интерпретируя известные слова. «Собственная экзистенция» есть род бытия, который подвигает нас к словесному творчеству. Вопрос о словесном творчестве – это вопрос о семантических возможностях языка.

Структура слова была детально изучена русскими философами начала XX века А. Ф. Лосевым, С. Н. Булгаковым, П. А. Флоренским и Г. Г. Шпетом. В структуре слова они выделяют его инвариантную компоненту – фонему и вариативную основу – семему. Фонема – внешняя,

звуковая оболочка слова, связанная с этимологическим и неизменным значением слова. Первые вариации начинаются в морфеме слова, благодаря которой слово связывается с однокоренными словами: «Этимон перестаёт быть неподвижным в своём значении, он начинает принимать участие в жизни» [1, с. 39]. Семема – внутреннее содержание слова, которое включает несколько ступеней оформления смысла в слове: морфему, синтагму, пойему, ноэму. Конечная цель вариаций смысла слова – его индивидуальное понимание и интерпретация.

П. А. Флоренский подчёркивает полную свободу интерпретации слова от его исходного значения: «…Семема слова непрестанно колышется, дышит, переливает всеми цветами и, не имея никакого самостоятельного значения, уединённо от этой моей речи, вот сейчас и здесь, во всём контексте жизненного опыта, говоримой и притом в данном месте этой речи. Скажи это самое слово кто-нибудь другой, да и я сам в другом контексте – и семема его будет иная…» [6, с. 236]. Образование семемы П. А. Флоренский связывает с конкретным временем высказывания и обстоятельства человеческой жизни. Подобно тому, как не похожи моменты нашего бытия, так и разнятся наши интерпретации слов. Интерпретация слова – словесное творчество, в ходе которого мы духовно богатеем, то есть реализуем «собственную экзистенцию» в «собственной временности». Следовательно, интерпретация слова, связанная с вариациями семемы, носит темпоральный характер. По словам П. А. Флоренского, «слои же семемы, её последовательные оболочки, её концентрические скорлуповатости образуются особыми творческими актами, каждым из которых полагается завершение некоего духовного роста, иногда весьма продолжительного и, вообще говоря, переживаемого целым народом» [6, с. 262]. Интерпретация, связанная с варьированием смысла слов, осуществляется при творческом участии человека, привносящего свой собственный опыт понимания. Участие человека в словесном творчестве ведёт его к обретению «собственной экзистенции». Словесное творчество разворачивается во времени и способствует духовному развитию человека, а потому определяет целостность его бытия. Таким образом, поскольку семема является вариативной частью слова и изменяется в индивидуальной речи, интерпретации носят творческий характер и способствуют развитию личности во времени его жизни, постольку семема является темпоральной компонентой языка. Семема в силу своей вариативной природы открывает возможности «собственной экзистенции» в «собственной временности».

Словесное творчество как сфера реализации темпоральности экзистенции. Художественная словесность – это народное, поэтическое и литературное творчество. Творческое отношение человека к себе и к миру М. Хайдеггер называет искусством. Словесное творчество он именует «искусством слова» [5, с. 103], реализуемого посредством языка. Оно выражается в том, что «язык впервые даёт имя сущему, и благодаря такому именованию впервые изводит сущее в слово и явление. Такое именование, означая сущее, впервые назначает его к его бытию из его бытия» [5, с. 103]. Именование есть творческое действие слова, благодаря которому человек обретает «собственную экзистенцию». Слово раскрывает суть ещё непознанного бытия. В словесном творчестве человек реализуется себя без оглядки на прошлое и проектирует себя из будущего: «Истину, разверзающуюся в творении, никогда нельзя поверить бывшим ранее, никогда не вывести из бывалого. Всё, что было прежде, опровергается творением в своих притязаниях на исключительную действительность» [5, с. 105]. В словесном творчестве реализуется исконная черта экзистенции – будущим определять настоящее понимание смысла бытия: «Исходная и собственная временность временит из собственного будущего, а именно так, что оно, настающее бывшее, впервые пробуждает настоящее» [4, с. 370]. Именование как словесное творчество есть начало осуществления «собственной экзистенции», и начало столь гениальное, что изначально в слове предопределяется весь последующий процесс её развёртывания. «Поэтический набросок идёт из ничего в том отношении, что никогда не заимствует свои дары в привычном и бывалом. Но он отнюдь не идёт из ничего, поскольку всё, что бросает он нам, есть лишь утаённое предназначение самого же исторически совершающегося здесь бытия» [5, с. 105–106]. Словом творчески выражаются те стороны «собственной экзистенции», которые ещё не были осмысленны. Следовательно, в слове воплощается «собственная экзистенция» в «собственной временности», то есть темпоральность экзистенции раскрывается в бытии посредством художественного слова.

Заключение. Смею надеяться на то, что проведённое мною исследование достаточно демонстрирует преимущества словесного творчества и художественного слова над языковым эклектизмом. Суть эклектики современного языка в подмене слов родной речи иностранными, техническими, научными или сленговыми неологизмами. Я неоднократно встречалась с феноменом отсутствия понимания смысла слов, заимствованных из иностранных языков, научной и технической терминологии. Удивительно, что даже значение слов моло-

дёжного сленга не ясен тем молодым людям, которые смело его используют в общении. Они даже не знают перевода значения этих слов на обычный язык. Эта бессмысленная речь отупляет сознание и коверкает души людей, которые забывают родную речь, культуру, историю, и о современных событиях не имеют собственного мнения. Эклектика современного языка опасна тем, что мы незаметно для себя распыляем своё бытие на призрачные образы существования, уподобляясь технике, объектам науки, представителям субкультур или иных стран. Художественное слово возвращает нас к самим себе, потому что затрагивает умы и сердца. Уважение к родной культуре, языку и истории начинается с уважение к себе. Дети, которые читают народные сказки, юноши, которые пишут стихи, их родители, которые находят время для литературного и песенного творчества, никогда не будут пренебрегать культурным наследием других народов. И им будет, что противопоставить идеям национальной вражды.

Библиографический список

1. Лосев А. Ф. Философия имени. – М. : МГУ. 1990.
2. Парзулова М. Болгарский язык в период европеизации и глобализации // Язык и культура в современную эпоху : сб. матер. Междунар. конф. – Бургас, 2012.
3. Серова Н. В. Технологизация языка – трагедия слова и человека // Развитие научной мысли в 21 веке: проблемы и перспективы : сб. матер. Междунар. науч. конф. – Рига, 2012.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. – М. : ФОЛИО. 2003.
5. Хайдеггер М. Истина и искусство // Работы и размышления разных лет. – М., 1993.
6. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. – М., 1990.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ (ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ)

Т. Н. Хожиев *Преподаватель, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. In given article is discussed multiple theories to modernizations. Emphases are spared analysis of the processes to modernizations in traditional society. Also, is considered with relations of the processes to modernizations with process of the social economic development on concrete example.

Keywords: modernization; traditionalism; «third world»; «second world»; «universal world culture»; deadlock of modernization; politic liberalism; society of transformation; «social conflicts».

Первые теории модернизации, которые возникли в 50–х годах XX века как антагонизм марксизму, рассматривали процессы вестернизации азиатских, африканских и латиноамериканских стран как идеальные проекты развития.

Но они были не совсем правы, поскольку в процессе обобщения и изучение опыта модернизационных процессов в странах «второго» и «третьего» мира можно прийти к выводу, что концептуальные основы процессов модернизации являются не только идеальным социальным конструктом развития, но и сложным, противоречивым, а иногда не совсем эффективном социально-политическим процессом, который сопровождается социальными угрозами и конфликтами в обществе.

В научной литературе в основном выделяют два типа процессов модернизации. Для первого типа характерны процессы рационализации социальной структуры. Данный тип называется первичным типом модернизации и исходит из эндогенных процессов в обществе. Также данный тип отличается постепенными и длительными процессами социального развития и управляемостью социально-политических процессов (например, США и Великобритания).

Второй тип называется отражённой, или вторичной модернизацией. Данный тип характерен для стран, которые развиваются в процессе изучения опыта развития других стран и пытаются догнать развитые страны в процессе общественного развития.

Основным фактором вторичной модернизации является взаимосвязь «универсальной мировой культуры» с тем или иным специфиче-

ским социально-культурным контекстом. В двух этих случаях успех модернизационных процессов зависит от гармоничного сочетания универсальных ценностей, традиций и обычаев общества. «В целом теории модернизации пытаются раскрыть историко-формационные процессы с последовательным развитием тех или иных государств» [1, с. 5].

Условно ученые выделяют два этапа развития теорий модернизации.

Первые теории модернизации возникли в США для понимания процессов развития азиатских стран, стран Африки и Латинской Америки. Эти теории рассматривали модернизационные процессы стран третьего мира в контексте прямой имплементации американских и европейских ценностей.

«На первом этапе в основном господствовала линейная модель развития: некоторые страны отстали в своём развитии от других стран, но, тем не менее, они стремятся к собственному развитию. Контраст традиционного и современного общества рассматривался представителями первого этапа сквозь призму индустриализации, урбанизации, образования, благосостояния, в контексте развития средств коммуникации, профессионализации, а также других количественных показателей» [1, с. 18]. То есть, они рассматривали процессы модернизации в контексте непосредственной имплементации западных ценностей и эволюционного развития государств. В сфере политики модернизация рассматривалась ими в контексте демократического транзита, а также внешних «экзогенных» процессов.

Суть этих концепций заключалась в принятии развивающимися странами таких политических институтов и ценностей, как централизованное государство, парламентаризм, выборы, многопартийность, экономическая и политическая свобода, индивидуализация и т. д.

В процессе своего возникновения теории модернизации основывались на следующих факторах:

1. Демократизация развивающихся стран на основе образцов стран Западной Европы и США;

2. Позитивный результат развития стран третьего мира заключается в универсализации процессов модернизации;

3. Модернизация понималась как продукт тесного партнёрства стран Западной Европы и США [1, с. 119].

Второй этап развития теории модернизации начинается с 70–х годов XX века. Он характеризуется пересмотром процессов вестернизации и роли традиций в процессе модернизации стран. По мнению известного американского политолога С. Хантингтона, «В процессе

модернизации общества необходимо широко использовать традиции, так как они способствуют формированию устойчивых процессов модернизации. Только лишь сильная власть может способствовать формированию в обществе механизмов рыночной экономики и мобилизации ресурсов для модернизационных процессов» [3, с. 178].

Как было сказано выше, история процесса модернизации показывает, что данный процесс являются сложным и многогранным явлением. В посттоталитарных странах процесс модернизации, как показывает история, приобретает свою специфическую внутреннюю логику с неповторимыми условиями развития.

Стратегия модернизации традиционных обществ заключается в следующем:

1. Формирование в социальной системе демократических институтов ограничения монополии государства в социальной жизни общества, формирование механизмов общественного контроля и повышение эффективности деятельности местных органов самоуправления.

2. Формирование экономических и конкурентных отношений в обществе и укрепление правовой регламентации общественных отношений.

3. Формирование критического и прагматичного мировоззрения и рационального подхода к существующим традициям.

В основе стратегии модернизации традиционных обществ лежат процессы демократизации, которые имеют антиномичный характер, так как данная модернизация предполагает управляемый экономический рост и создание устойчивого базиса развития. Именно поэтому, по мнению многих исследователей, в частности Ф. Фукиямы, после Второй мировой войны в странах Юго-восточный Азии наблюдается интенсивный экономический рост и либерализация общественной жизни [2].

По мнению А. Турена и Ш. Эйзенштадта, в процессе модернизации государства должны обращать внимание не только на мировой опыт развития, но и на свой специфический, исторический опыт государственного строительства. По их мнению, существуют и негативные аспекты модернизации, так как данный процесс может привести к ликвидации традиционных институтов общества. Это, в свою очередь, может привести к возникновению конфликтов в обществе. Именно поэтому учёные данного этапа вели понятие «контрмодернизация». Данное понятие рассматривается как альтернатива западным концепциям модернизации. Также в настоящее время происходит отказ от европоцентризма, и всё больше внимания уделяется особенностям того или иного государства [4, с. 178].

Необходимо отметить, что экономический рост и консолидация демократических процессов наблюдались почти синхронно в Японии и Корейской Республике. Также в таких государствах, как Тайвань, Таиланд, Малайзия, Сингапур и Филиппинах процессы модернизации сопровождались бурным экономическим ростом и либерализацией политической сферы. Необходимо констатировать тот факт, что процессы модернизации подразумевают устойчивое экономическое развитие, так как модернизационный процесс без экономического развития может привести к возникновению анархии и беспорядка в обществе. В свою очередь, социально-экономическими проблемами, возникшими в обществе, могут воспользоваться различные экстремистские группировки, в результате в тех или иных государствах к власти могут придти сторонники теократического управления. Примером вышесказанного может быть «Исламская революция» в Иране, случившаяся в 1979 году. Необходимо отметить, что данные проблемы и технологии их преодоления в теориях модернизации, на наш взгляд, не до конца изучены.

Несмотря на это, можно отметить, что современные теории модернизации отражают основные закономерности внутренней логики развития традиционных обществ.

Несмотря на то, что 70–е годы XX века теории модернизации подвергались серьёзной критике со стороны научной общественности, сегодня они отражают особенности развития современного глобализующегося мира. Также необходимо отметить, что в настоящее время теории модернизации являются одними из конкурирующих теорий в системе общественных наук. На сегодняшний день очевидным является тот факт, что критика со стороны ортодоксальных марксистов теории модернизации является бессмысленным, так как теории модернизации подтверждаются историей и современной фактологией. Именно поэтому теории модернизации должны рассматриваться не только с позиции политических наук или экономики, но и анализироваться с позиции культурологии, социологии, философии и права.

Процессы модернизации влияют не только на политическую и экономическую систему, но и на ментальность и мировоззрение каждого человека. Тем самым мы можем констатировать, что процессы модернизации проникают во все сферы социальной жизни общества. Следствием вышесказанного можно считать то, что процессы модернизации способствуют изменению социальных отношений, рационализации отношений между людьми в формировании новых моральных и нравственных устоев в обществе. Исходя из вышесказанного,

можно с уверенностью констатировать тот факт, что процессы модернизации приводят к появлению нового типа человека с иными качествами мировоззрения.

Библиографический список

1. Купряшин Г. Л. Политическая модернизация. – М. : Общество «Знание», 1991. – С. 5.
2. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. – Free Press, 1995.
3. Хантингтон Э. Политический порядок в меняющемся обществе. – М. : 2004.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – С. 178.

IV. EPISTEMOLOGICAL AND ONTOLOGICAL PLURALISM

СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ИННОВАЦИОННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА[1]

С. Е. Ильин

Аспирант,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия

Summary. The paper focuses on problem of determination of characteristics which are essential for the innovative university. It is shown that several aspects of the problem can be clarified due to the statements of ontological and epistemological pluralism although studying universities from this point of view requires methodological accuracy.

Keywords: education; innovative university; pluralism.

В последние годы широкое распространение получила идея, что система высшего образования, в полной мере соответствующая современным стандартам, должна быть ориентирована на включение высших учебных заведений в инновационные циклы. Предпосылки для этого создаёт специфическое положение вузов, делающее их не только перспективной площадкой для внедрения инноваций (к примеру, в области ИКТ), но и местом подготовки потенциальных разработчиков инновационной продукции. К настоящему времени на пути реализации программы по вовлечению вузов в инновационную деятельность предпринято множество важных шагов. Среди прочего к таким шагам относится актуализация вопроса о сущностных характеристиках инновационных вузов.

Данный вопрос всё чаще оказывается в центре внимания исследователей по причине высокой практической значимости получения ответа на него. В частности, установление минимального набора усло-

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта № 14-06-00353 «Теоретико-методологические основания изучения деятельности вуза в партнерских сетевых сообществах»

вий, соблюдение которых необходимо для успешной работы инновационного вуза, расширило бы спектр возможностей по созданию новых конкурентоспособных учреждений такой направленности; кроме того, обладание указанным знанием облегчило бы распространение от университета к университету хорошо зарекомендовавших себя стратегий инновационного развития.

Тем не менее, пока искомый ответ приходится признать отсутствующим. Выявление ключевых черт инновационного вуза требует предварительного решения ряда масштабных задач, среди которых: нахождение направлений инновационной деятельности, в наибольшей степени отвечающих целям университетов; выяснение оптимального соотношения традиционного и инновационного векторов работы вузов; определение факторов успеха инновационной активности университетов и пр. Имеющиеся решения подобных задач остаются локальными и открытыми для дискуссии (ср., например, [2] и [4]).

Закономерной реакцией на сложившуюся ситуацию является поиск теоретических положений, которые обеспечат систематизацию максимального количества достижений в области изучения работы инновационных университетов. Этими положениями могут стать некоторые допущения онтологического и эпистемологического плюрализма. В первом случае представляет интерес тезис о наличии множества нередуцируемых друг к другу способов существования феноменов социальной реальности, а во втором – сходный постулат о множественности методов познания данной реальности.

Теоретические допущения онтологического плюрализма [6, 7 и др.] дают основания для следующих заключений относительно инновационных университетов.

Инновационный университет – не единая сущность, стоящая за некоторой совокупностью феноменов социальной реальности, а множество множеств сущностей, «искусственно» объединяемых под общим термином. В классическом смысле можно говорить о том, что инновационные университеты онтологически разнородны с точки зрения своего состава, поскольку включают идеи, людей, транспортные средства, сооружения и мн. др. элементы, занимающие различные позиции в иерархии способов бытия. Впрочем, это не всё. Также обращает на себя внимание вариативность процедур осуществления деятельности инновационного вуза. Некоторые из этих процедур направлены на идентичные цели (взаимозаменяемы); другие оказываются взаимоисключающими, т. е. не могут реализовываться совместно. Однако было бы не-

корректным считать те или иные из них «в большей/меньшей степени» характерными для инновационного университета.

Отстаиваемая в приведённых тезисах точка зрения на характеристики вузов будет отличаться от взгляда, фундируемого положениями эпистемологического плюрализма (Н. Гудмен, Г. Кофинас, Т. Миллер и др.).

Исходным в данном случае оказывается тезис о множественности способов изучения инновационного университета. Методологическая редукция неприемлема. Как научные, так и не научные виды познания открывают новые стороны изучаемого объекта; потенциал любого из собственно научных методов также неоспорим. Отвечая на предложение заинтересованного в сотрудничестве предприятия, университет покажет себя иначе (иным способом), чем реагируя на запрос административного регулятора; научное исследование структурных, системных или сетевых свойств инновационного вуза, скорее всего, потребует привлечения соответствующих методов (см., например, [1]), или даже отдельных аспектов этих методов. Если «сеть» понимается по-разному в рамках сетевого подхода и акторно-сетевой теории, полученные в результате их применения выводы, вероятно, не будут однозначно согласовываться между собой, хотя в обоих случаях речь пойдёт о сетевых аспектах работы вуза.

Итак, опора на принципы онтологического плюрализма даёт исследователю возможность учесть объективное разнообразие форм инновационных университетов, а принятие положений эпистемологического плюрализма – избежать недооценки альтернативных подходов к решению комплекса задач, направленных на выявление сущностных черт рассматриваемых вузов.

Однако при обращении к плюрализму нельзя игнорировать свойственные ему методологические проблемы. Первой такой проблемой является риск переосмысления плюралистических тезисов с позиций радикального философского релятивизма. Результатом этого шага оказывается обесценивание любых притязаний на право распределения статусных привилегий в вопросах онтологии и эпистемологии, либо фактический уход от дальнейшего обсуждения подобных вопросов. Между тем, данные решения способны подорвать систему исследовательских ориентиров и сделать дискуссию о сущностных свойствах инновационного вуза иррелевантной запросам сторон-участниц. Вторая проблема заключается в отсутствии общепринятой процедуры согласования утверждений, составляющих плюралистическую концепцию. К примеру, обращение к онтологическому плюрализму ис-

ключает работу с идеями онтологического монизма, однако объединение онтологического монизма и онтологического плюрализма под эгидой эпистемологического плюрализма, в свою очередь, неизбежно ослабляет выводы обеих точек зрения на онтологию.

Несмотря на то, что поиску путей преодоления обозначенных проблем посвящена специальная литература [3; 5 и др.], способы преломления имеющихся решений в область изучения инновационных университетов нуждаются в дальнейшем изучении.

Библиографический список

1. Заякина Р. А. Отечественный вуз в социальных сетях: проблемы мотивации и выбора формы взаимодействия // Философия образования. – 2014. – № 1 (52). – С. 50–55.
2. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.
3. Ромм М. В., Ромм Т. А. Конструирование теоретических образов социальных феноменов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. – 2010. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 32–36.
4. Федоров М. В., Пешина Э. В., Гредина О. В., Авдеев П. А. Пентаспираль – концепция производства знаний в инновационной экономике // Управленец. – 2012. – № 3–4(31–32). – С. 4–12.
5. Law J. After Method: Mess in Social Science Research. – London, New York : Routledge, 2004. – 200 p.
6. McDaniel K. Ways of Being // Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology / ed. by D. Chalmers, D. Manley and R. Wasserman. – Oxford : Clarendon Press, 2009. – P. 290–319.
7. Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice. – Durham, London : Duke University Press, 2002. – 196 p.

ТЕЛО С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА

П. В. Мусиец *Кандидат философских наук, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского, филиал в г. Тверь, Россия*

Summary. This article examines the body from the standpoint of social constructionism. The author substantiates the need to consider a body as social construct at three levels: natural, social and cultural, analyzes the criteria for their differentiation. It emphasizes the integrity and systemic nature human as corporal being.

Keywords: body; social construction; construction levels of the body.

Актуальные тенденции социально-философской рефлексии отличаются возвращением к проблематике человеческого тела. Свою позицию по отношению к указанному феномену занимает и социальный конструкционизм, для которого тело выступает как объект созидания – часть сконструированной интерсубъективной реальности. Рассмотрим процесс конструирования тела, исходя из методологических посылок данной парадигмы.

За основу возьмём классификацию И. М. Быховской [1, с. 25–26], предлагающей выделять три ипостаси тела: природную, социальную и культурную, которые соотносятся с соответственными субъектными позициями «быть телом», «иметь тело» и «творить тело». Отметим, однако, что креативный момент не ограничивается «культурным телом», а попытки гипостазировать природную, социальную и культурную составляющие противоречат цельности человеческого существа. Исходя из этого, указанную классификацию следует рассматривать в качестве континуума условно выделяемых уровней конструирования тела, каждый из которых имеет свою эвристическую ценность.

Методологическая целесообразность выделения природного, социального и культурного уровней конструирования обусловлена различиями в экспликации тела, достигаемой в процессе конструирования цели и субъектах воздействия. Данные критерии позволяют детализировать структуру процесса конструирования тела, которая приобретает следующий вид:

a. Природный уровень: тело – живой организм, подчиняющийся биологическим закономерностям и в силу этого имеющий ограничения в своём конструировании, «снимающиеся», однако, на уровне социальном. Здесь можно обозначить два основных направления конструирования: естественнонаучное (современные технологии в попытках улучшить здоровье и продлить жизнь отдельных людей и общества в целом) и повседневное (на уровне индивида тело выступает как «моё тело» и подвержено непосредственной трансформации под воздействием социокультурных эталонов и личностных интенций). Цель – наиболее эффективное приспособление к условиям окружающей среде и повышение выживаемости организма; данной цели могут противоречить неосознаваемые и осознанные побуждения деструктивного (танатологического) характера, детерминированные влиянием определённых социальных групп. Субъектами конструирования выступают отдельные учёные (естественнонаучное направление), а также личность с её уникальной совокупностью предпочтений и аттитюдов;

b. Социальный уровень: тело – это часть отношений с Другими, граница между внутренним и внешним миром. Оно предстаёт результатом социализации и социальной регламентации витальных функций, обретая значимость и эксплицируясь в социальном пространстве посредством интериоризированных форм телесных репрезентаций. Цель конструирования – коммуникация в рамках определённых социальных групп, а также установление отношений власти в тех или иных сообществах («послушное» тело, согласно М. Фуко [2]). Субъекты конституирующего воздействия – ближайшее социальное окружение и определённые социальные институты; конструирование тела обусловлено социальным циркулированием когнитивных программ телесности, принимаемых индивидом как непосредственное руководство к действию. Однако социальное здесь понимается в узком смысле – как целерациональное, социально-утилитарное, направленное на сохранение и эффективное функционирование социальной системы и её элементов в отличие от культурного уровня, базисом которого выступает семантическая насыщенность, соотнесённость с истинно человеческими ценностями. В то же время в реальности мы всегда имеем дело с социальностью в широком смысле, включающей культуру.

c. Культурный уровень: тело опосредовано смыслом, предельно семиотизировано – это тело-текст, несущее на себе информацию о принадлежности человека к той или иной субкультуре, а также манифестирующее ценностные ориентации субъекта. Культурно-аксиоло-

гическое измерение «снимает» диалектическое противоречие социального и природного в человеке, позволяя перейти от имперсональных организменных условий к свободе и спонтанности личностного бытия. Утилитаризм социального уровня сменяется осмыслением тела как формы, наполненной внутренним содержанием и отражающей коммуникативный потенциал личности. Согласно Щепанской [3], конструирование тела на уровне культуры осуществляется в практиках целенаправленного морфогенеза и маркировки тела, которые позволяют человеку позиционировать себя в структуре социального пространства. Цель конструирования – расстановка приоритетов в соответствии с исторически сложившимися властными традициями. Воздействие оказывается конкретными (суб)культурными сообществами и культурой, как единой доминантной семиотической системой.

Тело, конструируемое в соответствии с постмодернистскими идеалами серийного производства и консьюмеризма, превращается в инструмент соблазна, фрагментируется и теряет свойство субъектности. Редуцируясь к «постчеловеческим моделям», отвечающим нуждам определённых сфер потребления, оно опредмечивается, теряет жизненность, ограничивается в своей экзистенции и превращается в симулякр. Нарушение целостности человека как одновременно природного, социального и культурного существа, гипостазирование отдельных уровней экспликации тела детерминирует формирование модели «одномерного» мышления и поведения, реализация которой характеризуется диссонансом разума и тела, дестабилизирует структуру идентичности, является основой манипулирования личностью и ущемления её потенциала. Всё это дегуманизирует не только теорию, но и практику общественного бытия. Таким образом, системность, целостность человеческого существа обусловливает неправомерность редуцирования тела к одному из уровней его конструирования.

Библиографический список

1. Быховская И. М. Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: методологические основания анализа проблемы // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 1996. – № 2. – С. 19–27.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М. : Ad Marginem, 1999. – 480 с.
3. Щепанская Т. Б. Антропология молодёжного активизма // Молодёжные движения и субкультуры Санкт-Петербурга. – СПб. : Норма, 1999. – С. 262–302.

ЭЛЕКТРОННО-ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ВИДЕНИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

Т. Д. Стерледева *Кандидат философских наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия*

Summary. The article is devoted to the important problem of formation of new paradigm of understanding of electronic virtual reality (EVR). The author suggests version of paradigm, based on new concepts: being «plasticity», «hard» world, «soft» world and new methodological principle of «overhorizontal» sight. The author distinguishes ambivalent role of EVR in its influence upon psychic world of a man.

Keywords: electronic virtual reality; being «plasticity»; «hard» world; «soft» world.

Электронно-виртуальная реальность (ЭВР) – новый тип реальности, с которой человечество ещё не сталкивалось и поэтому опыта общения с этой реальностью ещё не имеет. Сегодня существует много конкретно научной и философской литературы по ЭВР, приведём только два примера: Жижек С. и Нэмит Ф. [3; 4], но нет достаточно развитой философской парадигмы, которая бы основывалась на видении ЭВР как элемента человеческого мира. Мы предлагаем свой вариант такой парадигмы. В основе предлагаемого варианта лежат вводимые нами новое понятие бытийной «пластичности» мира и человека и новый методологический принцип «загоризонтального» видения.

«Загоризонтальное» видение – это философский принцип рассмотрения явления (в данном случае – ЭВР) в период его максимально возможного уровня развития. Такой подход позволяет выявить глубинную сущность ЭВР, не акцентируясь на конкретных технико-технологических вопросах достижения такого состояния. Под бытийной «пластичностью» мы понимаем свойство предмета противостоять воздействию на него со стороны другого предмета, субстрата. Понятие «пластичности» мира характеризует субстратную податливость любого вида объекта. Бытийная «пластичность» есть характеристика онтологической основы мира и включённого в него человека применительно к устройству (жёсткость структуры) и к функционированию (динамика изменений) как внутри мира и человека, так и в их взаимодействии.

Обладая высокой степенью абстрактности, понятие бытийной «пластичности» нуждается в своей конкретизации. Его конкретизацией служат понятия «жёсткий» мир, «мягкий» мир, соотносящиеся с понятиями «свобода» и «несвобода» человека. Аспект свободы, связанный с бытийной «пластичностью», никогда ранее не исследовался. Ценность выделенного нами аспекта в том, что он позволяет выявить сущность человека и его родового свойства – свободы на предельно глубоком, фундаментальном уровне теоретического анализа.

Понятие «жёсткий» мир характеризует мир, препятствующий в форме различного рода преград (физических, энергетических, временных, пространственных и т. д.) человеческому стремлению существовать свободно, реализовывая все свои желания и мечты. «Жёсткость» мира характеризует в той или иной степени природу, общество и самого человека, а именно его тело и значительную часть его внутреннего мира. Понятие «мягкого» мира характеризует мир, не сопротивляющийся стремлению человека в реализации своих желаний. «Мягкий» мир охватывает такие области человеческого сознания, как мечта, сон, психические расстройства (например, шизофрения), наркотическое состояние. Максимально «мягкой» из этих областей является мечта, в мире которой человек ощущает себя наиболее свободно, то есть может представить себе реализацию любого своего желания. ЭВР представляет собой искусственно созданный «мягкий» мир, который в своём будущем максимально развитом состоянии позволит человеку реализовывать любые свои мечты. Пока ещё эта возможность ЭВР скрыта в силу её начального, неразвитого этапа развития и поэтому сегодня ЭВР рассматривается в основном как сфера услуг, средство для облегчения интеллектуальной работы, обучения, развлечения и общения. Сущность ЭВР в том, что эта новая искусственная реальность, созданная человеком для человека, создаёт возможность реализовывать людям свои возможности и желания, как усиливающие их духовно-нравственное развитие, так и способствующие духовно-нравственной деградации человека. На эту двойственную роль ЭВР в воздействии на духовный мир человека необходимо обратить внимание уже сегодня, завтра может быть поздно. Предлагаемый нами вариант парадигмы имеет предварительный, черновиковый, СЛЕНТовый характер [1; 2]. СЛЕНТ можно рассматривать как промежуточную форму знания, связанную с переходом или от одного типа научной картины мира к другому типу научной картины мира, или от одной стадии развития теории к другой стадии, более развитой. СЛЕН-

Товые процессы затрагивают практически все этапы формирования научной теории: осознание проблемы, формирование гипотезы, построение теории, её экспериментальную проверку, коррекцию парадигмы или создание нового её типа [1].

Библиографический список

1. Стерледев Р. К. Слентовые модели в науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2 ч. Ч. I. – № 11 (25). – 2012. – С. 175–177.
2. Чудинов Э. М. Строительные леса научной теории и проблема рациональности // Идеалы и нормы научного исследования. – Мн. : Изд-во БГУ, 1981. – С. 361–380.
3. Zizek S. The Plague of Fantasies (Wo Es War) – N.-Y. : Verso, 1997. – 248 p.
4. Hamit F. Virtual reality and the Exploration of Cyberspace. – N.Y. : Carmel Indiana Sams Publishing, 1993.

V. TASKS OF GLOBALIZATION: SOCIO-PHILOSOPHIC ANALYSIS

ANALYZING STRUCTURAL CHANGES IN STANDARD OF NAS-2008 IN GLOBALIZATION PERIOD

B. K. Gaibnazarov *Doctor of Economic Sciences, professor, The center of retraining of specialists and statistics researches,*

I. A. Matkarimova *teacher, Urgench branch of the Tashkent University of Information Technologies, Urgench, Khorezm, Uzbekistan*

Summary. In this article the main problems of transition of national accounting system of the Republic of Uzbekistan to system of international standards of national accounting system were studied, as well as the main directions of calculations of its indicators are defined, and the main objectives of its formation are considered.

Keywords: National Accounting Systems; Balance of National Economy; Transitional Consumption; Gross Added Value; Gross Domestic Product.

Integration of Uzbekistan into world economy, modernization of economy and strengthening of diversification processes requires development of national accounting system which is being used in the our republic nowadays to the level that meets world standards. About this case President of Republic of Uzbekistan I. A. Karimov stated "Designing and implementing single statistics methodology and system of indicators which are scientifically proved, fit main models of market economy, ensure creation of national accounts and also fit world standards are one of the main tasks" [1].

If we take a look at the history of emergence of national accounts, NAS economy appeared in developed capitalistic countries which are based on market economies. NAS started developing in 30s of 21st century in today's developed countries. In 1934 leading English economist S.Kuznets calculated national income of the country for the period of (1929–1934).

The term "National accounts" was initially implemented by Dutch economist Edwarb van Cliff in 1946 in the article called "About Dutch national accounts" which was published in "De Economist" [6, p.148].

Copy of NAS-1953 was the original standard that was recognized internationally. Then in 1968 and 1993 it was updated. After NAS was totally renewed UN statistics office decided to introduce small but partial renewals, but this decision didn't work and that's why there was necessity for a big renewal.

This necessity has arisen during recent 15 years because of huge changes related with the increase of the role of information and communication technologies in production processes in the economy, increase of the role of services of non-financial instruments, globalization of national economic systems and social reforms.

Replacement process of NAS of 1993 ended at the end of March 2003, its replaced version was accepted by UN statistics office. It was called "NAS-228".

Changes in standards of NAS 2008 almost cover all sections, but they are all gathered in sections related to nonfinancial instruments, financial services and means, balance of payment, public management sector and government sector. In other words, a lot of recommendations are related to operations and economic entities that describe increase of interest of innovations in financial means in means of riches and also increase in of interest in debt of private government sector. Realization of some recommendations bring to changes of main means such as GRP and saving in the system because of changes that show some features of accumulation, consumption, production. Other recommendations are not related with main means, but terms and definitions are developed and defined.

Even though most counties are not going to realize these recommendations immediately, we believe that it would be useful if countries had imagination about how do changes in NAS of 2008 look and what effects do these consequences have on national accounts.

In terms of their impact on structure and volume from the usage of GDP for CIS countries changes in expenditure on buying weapons and scientific research activity are considered as most important.

In NAS of 2008 approach to the expression of implementation of scientific research activity results has changed. Their costs are expressed as gross fond of main capital just like buildings, instruments, equipments, software and other costs, because they may be used many times during production process. In assets and liabilities balance there is a separate position ("researches and workings") assigned for them in composition of main funds.

In NAS of 1993 weapons to attack and their delivery means, despite service due date, they will not be included in composition of capital fund, and their costs are expressed in accounts of state administration sector.

Taking into consideration increasing importance of above mentioned operations, its considered appropriate to mention realization of given recommendations concerning products and services account, production account, capital with operations account and other accounts.

Bibliography

1. Decree of President of Republic of Uzbekistan about "Reorganization of ministry of Macroeconomics and statistics of Republic of Uzbekistan" // "Khalq suzi" newspaper. 2002, 26 December.
2. Gaibnazarov B. K. To design statistics which are in conformity with world standards // "Economic herald of Uzbekistan" №3, 2001.
3. Mahmudov B. M. Foundations of national accounts. – T. : Academy, 2003.
4. Nabikhujaev A. A. Chains of national accounts. "Life and economics", 1993, № 6.
5. Qoraboev A. R. Systems of national accounts. – T. : "Economics-Finance", 2009.
6. Ryabushkin B. T. System of national accounts in foreign statistics, 1969.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Н. Гончаров *Доктор философских наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия*

Summary. In society development (its information aspect) the enduring contradiction between constantly growing volume of information and ability of its assimilation takes place. As all functioning information belongs to society and is used in its interests, by the nature it is public and therefore the social and philosophical analysis is come into the view, first of all, by public information.

Keywords: information; society; public information; information crisis; science; scientific knowledge; scientific activity.

Значение общественной информации в усвоении человеком своей социальной роли неоспоримо, ведь процесс усвоения есть по сути своей восприятие, ассимиляция человеком информации, определяющей параметры, в которых действует человек в сфере общественного развития, варианты поведения человека и свободу его выбора из числа обозначенных альтернатив, те нормы и правила, которыми он руководствуется. Что ка-

сается средств усвоения – образование, обучение, воспитание [2, с. 81–85]; [4, с. 96–104]; [5, с. 218–227]; [6, с. 29–34]; [7, с. 87–92]; [10, с. 104–108]; [12, с. 204–211] – они в основе своей суть информационные процессы.

Использованием информации, производимой и передаваемой при помощи техники в современном глобализирующемся обществе [1, с. 110–112]; [14, с. 2–4], занимается в основном человек, который, естественно, не может её всю переработать. Противоречия между человеком и частью техники здесь выявились с одной стороны и между техникой связи и техникой управления – с другой. Слабое развитие теории и техники использования информации, а также соответствующая организация этих процессов тормозят дальнейшую передачу информационных функций от человека к машине.

Передача вначале технике функций информационной связи вызвана не только техническими потребностями, но и относительной лёгкостью этой задачи. Передача информационно-управленческих функций от человека к машинам – гораздо более в социальном плане сложная задача. Для целостного развития науки и всестороннего развития учёного, попадающего в условиях информационного кризиса в весьма противоречивое положение, решение этой задачи остро необходимо. Передаваемое количество информации по каналам средств массовых коммуникаций по тому или иному вопросу настолько объёмно, что даже очень малую её долю человек не может воспринять и переработать.

Не только увеличение производимой обществом информации обусловливает кризис информации, но и её отношение к способностям и возможностям человека по восприятию, переработке, передаче и хранению информации. Причём источник информации – это ведь не только научные знания и вообще потоки общественной информации. Информацию человек воспринимает и от природы, и от средств и предметов труда, от всей окружающей его природной и социальной среды [11, с. 2–5]; [13, с. 241].

В мире происходит движение колоссальных потоков общественной информации различных интенсивностей и уровней, воздействующих на человека, которые он должен воспринимать и перерабатывать. Все они или, по крайней мере, многие из них ввергают человека в конфликтную, противоречивую ситуацию информационного кризиса.

С точки зрения науки информационный «взрыв» иногда рассматривают как чисто аккумулятивный процесс, как бесконечное собирание новых фактов и данных. Английский учёный Б. Брукс отмечал: «Но если бы этот взгляд был верным, все научные документы представляли бы постоянный научный интерес независимо от даты их публикации, а очевидно, что дело обстоит не так. Развитие науки бы-

ло бы правильно рассматривать как процесс непрерывного обновления, а не непрерывного накопления информации. Литература недавнего прошлого постоянно пересматривается и корректируется; известные данные сливаются с новыми данными, переписываются и поновому интерпретируются с точки зрения новых теорий. Работающие учёные концентрируют свой интерес на самых последних публикациях, и их статьи в литературе следует рассматривать не просто как добавление к растущему массиву, но как исправление и улучшение статей, опубликованных в более ранний период, которые они, следовательно, заменяют. Если бы вся научная литература, опубликованная десять и больше лет назад, была случайно уничтожена, пропала бы историческая летопись великих достижений человечества, но потеря для самой науки была бы невелика» [3, с. 74].

Модель развития науки лишь как накопления публикаций исходит в основном от метафизических представлений, что добытое новое знание никогда не может быть изменено, что это – полное отражение объекта познания [9, с. 68–71]. К модели развития науки только как количественного накопления истин ведёт преувеличение момента абсолютного в объективной истине. По сути дела, ведёт к «бестолковой» бесконечности. Однако и противоположная догматической релятивистская концепция, абсолютизирующая только относительное и выхолащивающая из него объективное содержание, приводит к тому же результату.

В процессе развития науки в действительности аккумулируются только моменты в объективной истине и содержащих её публикациях, включающие лишь абсолютные моменты, тогда как непрерывного накопления изменяющихся знаний не происходит. Эта изменяющаяся часть состоит из двух составляющих:

– знаний, которые оказываются заблуждением, ошибками и в дальнейшем элиминируются из науки,

– знаний, которые уточняются, отшлифовываются, наполняются объективным содержанием и тем самым прибавляются к тем частям, которые способны к аккумуляции в системе социального развития [8, с. 167–176].

Информационный кризис, таким образом, проявляется, по меньшей мере, в трёх основных моментах: в противоречивости между ограниченными возможностями человека по переработке и восприятию информации и существующими потоками и массивами научной информации, во-первых; в производстве значительного количества избыточной информации, затрудняющей и преграждающей путь к потреблению по-

лезной информации, во-вторых; в нарушении целостности системы научных коммуникаций, заключающейся в гипертрофировании «ведомственных» интересов в ущерб общенаучным, в-третьих.

Кризис информации – это вместе с тем и нарушение оптимального взаимодействия субъекта и объекта, ибо от движения и степени использования научной информации зависит как познание объекта (им может быть сама научная информация), так и целостность самого субъекта. Информационный кризис ведёт к ряду противоречивых следствий и трудностей научной деятельности, влияет на поведение учёного в обществе, развитие всей науки и на её связь с другими факторами общественного разделения труда.

Библиографический список

1. Авдеев Е. А., Бакланов И. С. Информатизация и глобализация: изменения роли знаний в современном обществе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 1.
2. Белоцерковец Н. И. К вопросу об образовании подрастающего поколения в условиях поликультурного региона // Наука и современность. – 2014. – № 28.
3. Брукс Б. Старение научной литературы // Проблемы информатики. – М. : ВИНИТИ, 1973.
4. Говердовская Е. В. К проблеме модернизации высшего профессионального образования в Северо-Кавказском регионе // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 57.
5. Говердовская Е. В. Культурно-образовательное пространство Северного Кавказа: ориентиры, проблемы, решения // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6.
6. Говердовская Е. В. Направления обновления высшего профессионального образования в поликультурном пространстве Северного Кавказа // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2008. – № 1.
7. Говердовская Е. В. Профессиональное образование как средство социализации молодёжи и нейтрализации негативных социальных явлений в регионе Северного Кавказа // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2007. – № 11.
8. Ерохин А. М., Ерохин Д. А. Проблема «профессиональная культура учёного» в контексте социологического знания // Наука. Инновации. Технологии. – 2011. – № 5–1.
9. Камалова О. Н. Проблема интуитивного познания в иррациональной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 4.

10. Кириллова Л. С. Компетентностный подход в подготовке бакалавров социальной работы // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2009. – № 4.
11. Колосова О. Ю. Техника и социотехноприродные перспективы человечества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 3.
12. Лобейко Ю. А. Роль акмеологического подхода и рефлексивной педагогики в профессиональном становлении будущего учителя // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2013. – № 1(5).
13. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9.
14. Несмеянов Е. Е., Колосова О. Ю. Информационная культура в контексте глобальных процессов // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2014. – № 3.

ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО СОЗНАНИЯ В XXI ВЕКЕ

А. Н. Задворнов *Кандидат философских наук, доцент, Набережночелнинский институт, Казанский федеральный университет, филиал в г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия*

Summary. The article shows the necessity to update objectives of philosophy and its role in the public consciousness. The development of concepts, allowing to form syncretic knowledge, is proposed as the goal of the new philosophical paradigm.

Keywords: objective; philosophical consciousness; concept.

В XX веке философия вынуждена, по выражению Л. М. Лопатина, «влачиться сзади науки, изнемогая в непосильных попытках возводить в достоинство абсолютных истин то самое, что для науки в ее собственной области все более обнаруживает свой условный, шаткий, нередко явно фиктивный характер [1, с. 6]. Например, философы (и не только) долгое время возводили в эталон теорию относительности А. Энштейна, согласно которой ничто не может двигаться со скоростью, превышающей скорость света. Однако современная наука дока-

зала, что скорость нейтрино выше скорости света. Философия «более всего боится что-нибудь изменить и прибавить к тому, что признала наука» [1, с. 7]. Ей остается только констатировать ее достижения.

Итак, современная философия перестала быть компасом и ориентиром для науки. Причины тому объективны – приобретение наукой самостоятельного статуса и колоссальный объем накопленных знаний, при котором философский энциклопедизм становится практически иллюзией.

Такое положение нельзя считать нормальным. Существует актуальная потребность в определении новой роли философии по отношению к науке. Поиск этой роли привел к тому, что в новейший период с новой силой зазвучал вопрос: «Что такое философия?». Одноименные книги в этот период писали известные философы М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. Делез, Ф. Гваттари и ряд других. Уместно вспомнить и работу М. К. Мамардашвили «Как я понимаю философию». Дж. Дьюи в своей последней лекции признавался, что в настоящее время самым важным вопросом философии является вопрос, что такое философия сама по себе, какова ее природа, каковы функции философских занятий. Академик А. А. Гусейнов в своей статье «Назначение философии» пишет о том, что предпочтительнее говорить не о том, что такое философия, а о назначении философии.

В чем же состоит современное назначение философии применительно к науке? В чем же следует искать обновление философской мысли? На наш взгляд почвой для обновления станет кризис самой науки. В общественном сознании все меньше остается сциентистских иллюзий. Постоянно возрастают сомнения в том, что наука спасет мир. Оценивая состояние науки, П. А. Флоренский пишет, что она «…хотела заменить собою то, в чем ищет себе удовлетворения личность; а в итоге стараний была сооружена огромная машина, к которой не знаешь, как подступиться» [2, с. 369]. На наш взгляд вернуть масштаб самого человека является важнейшей задачей современной философии по отношению к науке. Это станет возможным через возвращение науки в лоно философии, их синтез, через контрредукцию знания и формирование новой синкретичности.

Задачи философии в этом синтезе видятся следующим образом:

1. Формирование целостной картины мира на основе интеграции конкретно-научных знаний.

2. Введение в науку принципа, как писал У. Джеймс, нравственного миропорядка.

3. Возвращение субъективного опыта человека, его жизненных переживаний в сферу науки.

4. Содействие науке в восхождении до уровня концептов и стимулирование междисциплинарных связей. Последний пункт убедительно обоснован в книге Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?». Авторы указывают на то, что философия – это искусство формировать, изобретать и изготавливать концепты. При этом, по мнению мыслителей, концепты можно обнаружить только в философии и нигде больше. В книге встречается еще более смелое утверждение о том, что определение философии как познание посредством чистых концептов можно считать окончательным. При этом научному мышлению не нужно проходить через концепт. В сущности, концепт противоположен симулякру. Примерами концептов может быть аристотелевская субстанция, декартовское cogito, лейбницева монада, кантовское априори, шеллингианская потенция, бергсоновская длительность, соловьевское Всеединство и т. д. Термин «концепт» восходит к учению П. Абеляра. Средневековый философ «понятие» связывал со значением, а «концепт» трактовал как особого рода «схватывание» всеобщего, акт обнаружения смыслов. Отметим постоянно возрастающую популярность темы концепта в философских изданиях, включенных в базу цитирования Scopus.

Таким образом, цель философского сознания XXI века видится в разработке концептов, позволяющих подняться от уровня значения понятий к уровню постижения их глубинного смысла и характера проявлений в природной и социокультурной реальности.

Библиографический список

1. Лопатин Л. М. Настоящее и будущее философии. – М. : Лань, 2013. – 43 с.
2. Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. – М. : Мысль, 2000. – Т. 3. – 503 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОКОЛЕНИЙ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

С. М. Каланова *Старший научный сотрудник, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The theoretical and methodological aspects of the approach "generational change" in the study of historical processes are analyzed in this article.

Keywords: «generational change»; «gan»; «Generationslagerung»; «Generationszusammenhand»; «Generationseinheit».

Социологическое исследование возрастных различий или поколений на разных отрезках трансформационного процесса в Узбекистане позволяет составить динамичный социальный портрет возрастных когорт. Анализируя внутреннюю структуру когорт, динамику их социального статуса, социальных ролей и стратегий экономического поведения, можно сделать прогноз по данной проблематике. Французский социолог А. Хаузер изложил и противопоставил основные принципы и методы, характерные, с его точки зрения, для истории и социологии. По его мнению, главные различия между этими науками заключаются в том, что метод, которым пользуется в основном социология, – метод сравнительный, а в истории принят монографический и функциональный метод [2, с. 7] .

В современной социологии, в исследовании исторический памяти, широко применяются такие методы, как дискурс-анализ, нарратив-анализ и поколенческий анализ.

По мнению Т. Шанина, понятие «поколение» – широко распространенная аналитическая категория. Оно существует параллельно, но не альтернативно другим категориям анализа и системам видения. Вопросами являются здесь как характер этого понятия (что дает, а что ограничивает в видении этот инструмент познания), так и причины его сравнительно ограниченного употребления историографией [7, с. 19].

Поколенческое видение биографического и исторического материала своими истоками уходит в древность. Классиками современной теории поколений / когорт (иногда с расширением и на «современников») стали К. Мангейм и Х. Ортега-и-Гассет. Мангейм продолжил работу В. Дильтея и М. Вебера, приняв их основные неокантианские

положения. В то же время он критикует эпистемологию Дильтея за видение общества через призму фундаментального дуализма «материального» и «духовного», не выделяя особенностей равнозначной для Мангейма категории «социального» [7, с. 24].

В видении Х. Ортега, биологические процессы переплетаются с культурными. Развитие поколенческих групп определяется типичными связями возраста с типичными характеристиками действия каждого человека. Х. Ортега закладывал количественные параметры пятнадцатилетних «шагов» при определении возрастных категорий: 15–30 лет – молодость, 30–45 – век инициатив, 45–60 лет – время «облачения властью» [3, с. 43–163].

В социологии особое теоретическое значение имеет теория социальной мобильности П. Сорокина. В настоящее время, в условиях постиндустриального общества, развитие человечества характеризуется мобильностью, которая проявляется в разных формах и уровнях в зависимости от состояния и уровня развития конкретного общества и является инструментом поколенческого анализа. В традиционных обществах мобильность происходит более замедленными темпами, чем в современных постиндустриальных обществах. Мобильность является основой всякого развития, включая и человеческие ресурсы. Это особенно проявляется в процессе формирования информационного общества.

Общеизвестно, что в социологии существуют два основных вида социальной мобильности – ***межпоколенная*** и ***внутрипоколенная***, и два основных типа – ***вертикальная*** и ***горизонтальная*** [4, с. 297–302].

Межпоколенная мобильность предполагает, что дети либо достигают более высокой социальной позиции либо опускаются на более низкую ступеньку, чем их родители. Внутрипоколенная мобильность имеет место быть там, где один и тот же индивид, без сопоставления с отцом, на протяжении жизни несколько раз меняет социальные позиции. Иначе такая мобильность называется социальной карьерой.

Как известно, на процессы социальной мобильности непосредственно влияют социальные изменения, происходящие в обществе. В связи с этим, О. Тоффлер предлагает следующие доказательства социальных изменений. В книге «Шок будущего» он сделал вывод о том, что ускорение социальных и технологических изменений создает все больше трудностей для адаптации внешней и внутренней среды человека. 50 тысяч лет человеческой истории Тоффлер измерил числом поколений, каждое продолжительностью в 62 года. Таких поколений набирается приблизительно 800, 650 из них обитали в пещерах. Только 70 послед-

них поколений узнали письменность, лишь 4 поколения научились более или менее правильно измерять время, только 2 последних пользуются электродвигателем. Подавляющее большинство материальных ценностей, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни, впервые создано нынешним, восьмисотым поколением. Количество окружающих нас предметов удваивается через каждые пятнадцать лет. В конце своей жизни нынешний подросток будет жить в предметном мире, в 32 раза превосходящем предметный мир его родителей. Внутренний мир человека не сможет приспособиться к окружающему миру и эффективно взаимодействовать с ним. Отсюда – психологический шок, ожидающий человека в недалеком будущем [6, с. 74].

В социологии социально детерминированная предрасположенность личности или социальной группы к определенному действию в конкретной ситуации называется социальной установкой. Это форма реагирования на стимулы внешней среды субъекта деятельности, стремящегося удовлетворить те или иные потребности. По сути дела, при таком подходе человек отождествлялся с наличными социальными отношениями, и в первую очередь с производственными, вследствие чего абсолютизировалась его социальная принадлежность. В данном случае, следует принять во внимание, что при анализе реакций какой-либо социальной группы современного поколения мы имеем дело не с безликой массой, а рассматриваем структуру личности каждого человека. Причем мы обращаем внимание не на те характеристики отдельной личности, которые отличают ее от других, а, наоборот, анализируем те качества, которые являются общими для большинства представителей той или иной группы. Такую совокупность черт характера в социологии называют ***социальным характером***. В социальном поведении как внешнем проявлении деятельности выявляется социальный характер, конкретная позиция человека и его установка. Тем не менее, благодаря социальной среде меняется характер. Изменение характеров развивалось с такой скоростью, что в течение столетия мы отчетливо можем различать несколько поколений, своеобразную лестницу человеческих типов.

Люди начала XVIII века стремились влиться в какую-нибудь группу, стать частью какого-либо единства, сделать его законы своими собственными правилами. Для человека конца XVIII века, если можно позволить себе такое обобщение, характерны попытки найти свою судьбу, выйти из строя, реализовать собственную личность, что будет психологически обосновывать многообразие способов поведения.

С точки зрения социологии, мы можем утверждать, что индустриальная эпоха в Европе в XVIII веке, создала «пространственно протяженную» культуру мирового уровня. Люди и идеи перемещались на сотни тысячи километров, многочисленные толпы мигрировали в поисках работы. Товарное производство, рассеянное прежде по полям, теперь сосредоточилось в городах. Разросшееся население теснилось в немногочисленных, плотно заполненных узловых пунктах. Старые селения глохли и вымирали; возникали быстроразвивающиеся индустриальные центры, окруженные дымовыми трубами и огненными печами. И ситуацию, которую наблюдают социологи в XXI веке в постсоветском пространстве, можно считать продолжением поколенческого кризиса, где происходит разрыв между поколениями, где на одной стороне консервативный традиционализм, а с другой глобальный прагматизм. Причинами разрыва являются односторонняя привязанность к рыночным отношениям и процесс урбанизации, вопросы конкуренции между поколениями. Таким образом, происходит межпоколенческая трансформация.

В настоящее время уровень развития обществ и человеческие возможности все в большей степени определяются сложными взаимосвязями людей, т. е. «социальной сетью». Ссылаясь на Кастельса, Урри пишет, что конвергенция социальной эволюции и информационных технологий создала новую материальную основу для осуществления тех или иных видов деятельности во всей социальной структуре. По мнению французского исследователя П. Бурдье, сеть – это социальный капитал. Сеть как социальное поле, в котором места индивидов распределены в соответствии с их статусами. Статус, в свою очередь, зависит от совокупности ценных социальных отношений и полезных связей, которые, собственно, и представляют социальный капитал [5, с. 725–737].

В свою очередь, природа социальной сети зависит от особенностей процесса социализации. Существуют разные точки зрения на социализацию. В соответствии с одной из них, процесс социализации означает включение природно-биологического индивида в нормальную социальную среду, в результате чего происходит «очеловечивание» «животноподобного» человеческого существа. В социологии социализация рассматривается как саморазвитие личности в процессе ее взаимодействия с различными социальными группами, институтами, организациями, в результате которой вырабатывается активная жизненная позиция личности. В результате, благодаря социализации через социальные сети, новое поколение является частью глобальной сети. Так как современное общество – информационно-сетевое общество, где молодежь имеет возможность выбирать себя социальные каналы и способы самовыражения.

Материальная основа, встроенная в различные сети, оформляет саму социальную структуру. Сети образуют сложные и устойчивые связи в пространстве и времени между людьми и вещами. Материальная база связана с различными новыми машинами и технологиями, позволяющими ужимать пространство и время: оптико-волоконные кабели, реактивные самолеты, средства передачи аудиовизуальной информации, компьютерные сети, включая Интернет, спутники, кредитные карточки, факсы, мобильные телефоны и т.п. Все эти технологии «несут» людей, информацию, деньги, образы и т. д. Они позволяют, в числе прочего, мгновенно пересекать и пространство национального государства, и его границы [5, с. 598–599].

XX век был веком драматического роста человеческой мобильности: социальной, профессиональной, экономической, географической; стал периодом меньшего осознания и снижения общественной важности генеалогических связей. Тем не менее, самость человека – это не изолированная, автономная сущность; она скорее находится в постоянном динамическом взаимодействии с социальном миром. Хотя сейчас отечественные обществоведы много пишут и спорят о менталитете нации или какой-то определенной группы, понятно влияние различных периодов на мышление поколений.

Подытоживая, считаем уместными цитаты из М. Блока: «Разумеется, мы теперь уже не считаем, что, как писал Макиавелли и как полагали Юм или Бональд, во времени «есть, по крайней мере, нечто одно неизменное – человек». Мы уже знаем, что человек также сильно изменился – и его дух и, несомненно, даже самые тонкие механизмы его тела. Да и могло ли быть иначе? Духовная атмосфера претерпела глубокие изменения, гигиенические условия, питание изменились не меньше. И все же, по-видимому, в человеческой природе и в человеческих обществах существует некий постоянный фонд. Без этого даже имена людей и названия обществ потеряли бы свой смысл. Можем ли мы понять этих людей, изучая их только в их реакциях на частные обстоятельства определенного момента? Даже чтобы понять, чем они являются в этот именно момент, данных опыта будет недостаточно. Множество возможностей, до поры до времени мало проявляющихся, но каждый миг способных пробудиться, множество стимулов, более или менее бессознательных, индивидуальных или коллективных настроений останутся в тени. Данные единичного опыта всегда бессильны для выявления его же компонентов и, следовательно, для его истолкования» [1, с. 27].

Библиографический список

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М. : Наука, 1986.
2. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М. : Академический проект, 2008.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. URL: http://www.e-reading.me/book.php?book=43015
4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Полит. лит-ра, 1992.
5. Социологическая теория: история, современность, перспективы / Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб. : Владимир Даль, 2008.
6. Toffler A. Future Shock. – New York : Bantam Books, 1971.
7. Шанин Т. История поколений и поколенческая история. / В кн: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. – М. : Новое литературное обозрение, 2005.

ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К. С. Камилов

Кандидат философских наук, доцент, Ташкентский исламский университет при Кабинете Министров Республики Узбекистан, г. Ташкент, Узбекистан

Summary. The paper analyzes the issues related to the manifestation of globalization in the field of religion. Critically highlight the positive and negative interpretation of the essence of the phenomenon of religious globalization. Substantiated objective the need to strengthen mutual agreement of cooperation between the religions of the world in terms of cultural integration of the peoples.

Keywords: globalization; religion; religious globalization; extremism; radicalism; geopolitical interests.

В настоящее время углубление интеграционных процессов, осованных на принципах стремительности, гласности, свободы создаёт широкие возможности для развития всех сфер. Если, с одной стороны, в появившихся недавно новых государствах происходят процессы национального и религиозного самосознания и самопознания, то, с другой стороны, растёт межкультурное взаимовлияние, возникает тенденция глобального объединения в различных сферах общества.

Анализ позволяет утверждать, что религиозная глобализация возникает под влиянием двух основных причин. Если первая причина заключается в том, что функция религии в качестве социального явления – мировоззренческая, то вторая – отражение в практической жизни свободы – главной идеи демократии, нашедшей своё выражение во внедрении принципов открытого общества, информатизации и ряде других интеграционных процессов.

Здесь необходимо отметить, что, на наш взгляд, изучение и исследование особенностей проявления глобализации в религиозной сфере отличается своими двумя сложными сторонами. Во-первых, религия является своеобразным социальным/общественным институтом, к конкретным конфессиям которого могут принадлежать различные этнокультурные, языковые единицы. В этом смысле любая религия, особенно если смотреть на примерах форм вероисповеданий, признанных в качестве мировых религий, то можно констатировать, что они имеют громадный потенциал для распространения в глобальном масштабе. Однако время возникновения, тенденции развития, оригинальные свойства обычаев, традиций и ритуалов, количество приверженцев религий и конфессий также различны. В свою очередь это означает, что в жизни каждой религии глобализация находит своё, отличное от других отображение.

Во-вторых, различными учёными глобализация трактуется поразному и в научной литературе нет единства мнений о сути этого феномена и частях его составляющих. Это является причиной теоретико-методологической сложности в проведении исследований по проблемам глобализации.

Анализ показывает, что в настоящее время религиозная глобализация развивается в негативном и позитивном направлениях. Прежде всего небходимо обратить внимание на мнения о положительных сторонах этого явления.

Из истории известно, что ни один народ не жил без религиозных представлений. Это доказывает, что народы с древних времён имели религиозный дух и связанные с ним представления, чувства и действия. Наряду с потребностью в религии умственный потенциал человечества постоянно развивал и различные науки, посвященные рациональному анализу различных сторон действительности. Эта основная сторона, отличающая человека от других существ служит формированию и совершенствованию духовности. Как отмечает наш Президент И. А. Каримов: «... духовность – несравненная сила, которая духовно очищает человека, помогает ему духовно расти, делает внутренний мир, волю, веру и

убеждения его сильными целыми, будит его совесть, духовность – это критерий всех его взглядов» [7, с. 19].

Кроме того, религиозная глобализация непосредственно связана с религиозной свободой. Необходимо отметить, что с укреплением гражданских основ общества открылся широкий путь для усилий глобального масштаба, направленных на обеспечение свободы совести и вероисповедания. Свобода совести, вероисповедания и слова – основные правила системы прав человека и в соответствии с этим нормативные документы, относящиеся к ним, неотделимой составной частью правовой системы государств.

Глобализация происходит в условиях непрерывного взаимовлияния существующего множества языков, мировоззрений и культур. Это, в свою очередь, предполагает наличие взаимосвязей и между различными религиями, это является причиной повышения активности религиозных организаций на современном этапе. Они всё более активнее стремятся участвовать в процессе решения проблем, вызывающих тревогу всего человечества, потому что возникающие глобальные проблемы и угрозы можно решить только путём конструктивного диалога и сотрудничества членов мирового сообщества. Тем более, что «... если, с одной стороны, религиозный радикализм «ведёт свою деятельность» не в какой-то пустоте или обособленности, а во всех малых и больших процессах, происходящих в мире под влиянием идей и мнений, определяющий общее состояние мира, то, с другой стороны, он (радикализм) зависит от того, в каких целях каждое социально-политическое движение использует «возможности эпохи». Точнее «угроза времени» связана с тем, что кто и в каких целях её использует, их идеологией, со степенью их ощущения степени политической ответственности» [5, с. 93].

Необходимо отметить, что Узбекистан ясно и точно показывает своё отношение и позицию по предупреждению и преодолению последствий угроз, связанных с процессами глобализации, происходящими в религиозной сфере. В частности, примером этому являются инициативы Президента И. А. Каримова, направленные на решение афганской проблемыи результаты, полученные в этом направлении. Достойно внимания и то, что специалистами системно проанализирована стратегическая политика Узбекистана в этом направлении и разработана периодическая классификация практических рекомендаций и предложений нашего Президента, направленных на решение афганской проблемы [1, с. 54]. Ш. Акмалов комментирует вышеизложенное

следующим образом: «Необходимо отметить, что несмотря на объективные сложности, связанные с нестабильной военно-политической ситуацией, возникшей в тот период, Узбекистан является первым государством среди стран Центральной Азии, выдвинувшим предложение об участии в первых рядах международной коалиции в антитеррористической операции, проводимой в Афганистане» [1, с. 54].

Если подходить с этой точки зрения, в настоящее время близкое взаимное сотрудничество религий – объективная необходимость. Конечно же, все мероприятия, проводимые в этом направлении характеризуют позитивные стороны глобализации в религиозной сфере. «Здесь необходимо отметить, что современная действительность происходит не только лишь в связи с разрушением религиозных ценностей и развитием основ секуляризации. В результате укрепления основ строительства демократического государства и общества, широкого распространения свободы религиозного вероисповедания возникает своеобразная среда добровольности в религиозной жизни» [9, с. 46]. Это является одной из главных особенностей процесса глобализации в религиозной сфере.

В свою очередь широкое распространение свободы совести и вероисповедания приводит к трансформации социальных форм религиозной жизни. Принципы демократии, свободной конкуренции и прав человека интегрируются в систему религиозных правил. Представители различных религий именно с этой точки зрения выражают своё отношение к системе секуляритивной культуры. Другими словами, также как и в жизни других социальных институтов, эпоха глобализации считается важным историческим этапом и в жизни религий.

Прояснению данного вопроса служит также оценка религиозной глобализации в качестве негативного процесса на пути развития свободы совести и вероисповедания, религиозной жизни. В частности, по мнению некоторых специалистов глобализация приводит к ослаблению традиционных религий и усилению нетрадиционных религий. Они также отмечают, что в условиях глобализации снижается значение религиозных ритуалов и в то же время укрепляются позиции и место той или иной религии в оказании социальных услуг [2, с. 41–46].

Согласно анализу мнений ещё одной группы специалистов, религиозная глобализация наряду с усилением и укреплением мировых и традиционных конфессий протекает с появлением различных религий и вер, которые со многих своих сторон были до сих пор неизвестны человечеству [3; 4; 10; 11].

Наряду с этим, в некоторой литературе известные силы и течения, пропагандирующие от имени ислама свои фундаменталистские идеи, глобализация оценивается как агрессия против ислама, организованная индусами и христианами [6]. Несомненно, эта точка зрения пропагандируется и поддерживается нездоровыми силами в корыстных целях.

Необходимо отметить подход к религиозной глобализации, как к оказывающему большое влияние на геополитические процессы, изменяющиеся в связи с формированием многополярного мира. В частности, В. Немыченков отмечает, что «... теперь геополитические противоречия в большинстве случаев излагаются в цивилизационных терминах религий и конфессий, приведших к возникновению различных культур» [8, с. 103]. Таким образом, всякие мнения, выражаемые от имени религий на самом деле не имеют ничего общего доброй, толерантной сутью религиозных ученых, а только в них отражены интересы некоторых лиц или групп, преследующие корыстные цели.

Исходя из выше изложенного следует отметить, что в настоящее время использование различными политическими силами религиозного фактора, его новых методов и средств в достижении корыстных целей ведёт к углублению проблем религиозного экстремизма и терроризма. А то, что эти явления в течение очень короткого времени приобрели глобальный характер, ставит во главу угла необходимость более подробного и тщательного исследования вопроса развития религиозной сферы в современный период.

Библиографический список

1. Акмалов Ш. Национальная стратегия Республики Узбекистан в вопросах мирного урегулирования афганского конфликта (1991–2009 гг.) / учебное пособие. – Ташкент : «Тошкент ислом университети», 2009. – 54 с.
2. Алексеева Т. «Реванш кочевников» или ценностное осмысление глобализации // «Космополис», 2003. № 2 (4). – С. 41–46.
3. Аскеров Э. Колонка редактора. http://www.qutb.org.
4. Гордеев К. Глобализация против христианства. http://www.zaistinu.ru/skrest/sk/100 shtml.
5. Жўраев Т., Пахрутдинов Ш. Дунёвий давлатчилик ва сиёсийлашган динийлик: азалий мухолифат. – Тошкент : “Akademiya”, 2008. – 93 б.
6. Игнатенко А. Убийственная благотворительность – http://www.i-r-p.ru/page/stream-trends/index-9774.html.
7. Каримов И. А. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Тошкент : Маънавият, 2008. – 19 б.

8. Немыченков В. Использование религиозного фактора в целях разложения стран с традиционной культурой. // Вестник Мирового общественного форума «Диалог Цивилизаций» 2004. – № 3. – С. 103.
9. Орлов М. Место и роль религии в глобальных процессах современности // Власть. – 2008. – № 1. – С. 46.
10. Подберезский И. В. Вызовы глобализации. http://www.religare.ru.
11. Сидеров В. Глобализм – последний этап попытки колонизации Православного Востока. http://www.zaistinu.ru/news/global/sid 250102.shtml.

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

У. Д. Кодиров *Кандидат психологических наук, Институт переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров Сурхандарьинской области, г. Термез, Сурхандарья, Узбекистан*

Summary. This article analyze the concept of «consciousness» and «thinking» in terms of psychology, neurophysiology, emphasized the special role of socio-psychological climate and other social factors in the formation of information-psychological security of the society.

Keywords: information; information-psychological security; thinking; information society; globalization.

В XXI веке деятельность людей все более приобретает зависимость с одной стороны от обладания информацией, с другой стороны – от использования этой информации. В настоящее время любой специалист должен уметь получать информацию посредством информационно-коммуникационных средств, перерабатывать и использовать её. В последнее время развивается мнение о том, что информация является фактором**,** определяющим стратегическое направление и уровень развития государства. Глобализация ускорила переход обществ к информационному обществу. Информационный рынок предоставил потребителям все необходимые продукты и услуги, которые производит информационная индустрия.

Узбекистан старается быть не только участником и потребителем на мировом информационном рынке, но и ведущим государством в производстве информации. В частности, в условиях «информацион-

ной войны», появляются новые угрозы, связанные с вопросами информационной безопасности, а это имеет актуальное значение для безопасности нашего государства, нашего народа. Президент И. Каримов в книге «Высокая духовность – непобедимая сила» отмечает, что, говоря о духовной угрозе, нужно, прежде всего, иметь в виду идеологическую, идейную и информационную агрессию, направленную против свободы каждого человека, независимо от его языка, религии, веры с целью полного разрушения духовного мира [4, с. 13].

Хакерские атаки на порталы и компьютерные программы Узбекистана, а также акты информационной агрессии, осуществляемые с территорий различных государств, являются примерами информационных войн, ведущихся против нашего государства.

На сегодняшний день вхождение государства в мировое сообщество обеспечивается не только его военной, финансовой мощью, но и умением точного применения интеллектуальных достижений других государств, притом предупреждая культурную экспансию зарубежных стран, своевременной агитацией и внедрением национальных духовных ценностей, степенью развития общественного и личностного сознания. С этой точки зрения, можно сказать, что информация – это политический капитал нации.

В информационном обществе одним из основных факторов, обеспечивающих развитие общества и государства, является быстрое информирование населения о событиях, происходящих в мире. В формировании данного фактора не последнее место имеет система народного образования.

Несмотря на порой противоположные точки зрения, взгляды (религиозные, философские, биологические, медицинские) на сущность сознания, до сих пор нет единого его определения. Но психологами изучены, внедрены его общие особенности, и они могут иметь большое значение в понимании (осознании) управленческого механизма действий человека. Это:

1. Сознание человека отражает окружающий его внешний мир.

2. Сознание каждого индивида свойственно только ему.

3. Один из основных средств осмысления и анализа окружающий среды, внешнего мира – это мышление.

4. Сознание крепко связано речью (вербальной, письменной).

5. Сознание человека имеет важное место в определении его деятельности.

6. Сознание имеет важное место в определении отношения субъекта к различным ценностям (аксиологическая сторона).

7. В сознании выражается последовательность символов (знаков, изображений), воспринимаемых мышлением и ощущением.

8. В становлении сознания особое значение имеет как физиологические и общественные процессы, так и среда, внешние факторы.

9. Обстоятельство, которое осознаётся человеком, зависит от предположений и догадок, а также от содержания его деятельности на тот момент.

10. Процессы, взаимосвязанные с психикой и осмыслением, зависят от деятельности мозга [1, с. 245].

В данной статье мы рассматриваем понятие «сознание» не с точки зрения религии или философии, но с точки зрения медицины и психологии, которые описывают психические процессы как мышление, речь, ощущение, соображение (разум), представление (воображение), внимание, мысль, воля, память; как обозначающие смысл деятельности человека. Сознание проявляется в качестве аргумента (доказательства) эмпирической оценки человеком его познаний самого себя и внешней среды, мотива своих поведений, поступков.

Некоторые российские ученые-психологи (в основном представители Санкт-Петербургской научной школы) не включают в своих работах ощущение (чувство), интерес и эмоцию в состав психических процессов. Они сторонники изучения ощущения, желания и эмоции как психических обстоятельств.

Но анализируя психические процессы в совершенно ином, в отличие от сторонников отдельного изучения эмоциональных отношений, аспекте, русский ученый В. С. Дерябин еще в 1927 году в одной из своих работ подчеркнул, что исследование новой болезни – летаргического энцефалита – предоставило интересные сведения для изучения деятельности головного мозга. При этом заболевании в большинстве случаев бывает повреждена чувственно-волевая область. Как свидетельствуют практико-психологические исследования, в большинстве случаях заболевшие не уступают обычным людям в интеллекте, но у них не наблюдается чувства скорби, радости, ненависти, надежды, в особенности стремления к цели. Они похожи на живой труп. Результаты исследований показывают, что чувственность имеет основное место в деятельности человека, в его стремлениях. «Разум без чувственности ничто. Его можно сопоставить с механизмом, у которого изъята пружина. Разум – исключительно рабочий аппарат» [2, с. 10]. В настоящее время при описании исходной стадии эпидемического энцефалита (японский вирусный энцефалит) отмечают такие психические изменения у больных, как нарушение внимания,

задержка мышления от мягкой умственной заторможенности до глубокого снижения мыслительных способностей.

Мы считаем, с этой точки зрения целесообразно оценивать, систематизировать, изучать психическое состояние человека.

Анализ понятий «сознание» и «мышление» показывает, что понятие «сознание» является наиболее широким и включает в себя различные функции. Мышление в свою очередь является составной частью сознания. Таким образом, понимание реформирования, изменения мышления в процессе управления человеком принимает во внимание только мысленные операции (операции мышления). Остаются в стороне такие важные аспекты, как речь, ощущение, разум, внимание, мысль (воображение), воля, память.

При вовлечении людей в деструктивные группы, внедрении в них чуждых им идеологий, эффективно используют специфические особенности мозга. Например, в процессе медитации снижается возможность передачи словами чувств и ощущение состояния, критической оценки поведения. Если анализировать это состояние с точки зрения нейрофизиологии, то всяческие виды медитации являются причиной активности мозга на разных уровнях, постепенно переходящей с ритма альфа на ритмы тета и дельта. Человеку с закрытыми глазами в расслабленном состоянии свойственны альфа-волны, частота которых составляет 8–12 Гц. На первом этапе сна в мозге человека, сидящего в огражденном месте (например, в камере), возникают тета-волны частотой в 7–8 Гц. Дельта-волны с силой 0,5–3 Гц наблюдаются, когда человек погружен в глубокий сон. Для активной работы мозга свойственны бета-волны 13–25 Гц [5, с. 89].

Хотя человек свободен от всякого содержания, но если он будет беспрерывно концентрировать внимание на правильно подобранном сочетании звуков, неустанно повторять разные тексты, то некоторые процессы, тормозящие нервную систему, могут снизить влияние психической деятельности. В этом главное не содержание текста, а темп, тембр и число повторов. В таком случае многократное повторение одного и того же текста – это ни что иное как вербализованная медитация. Это придаёт особое значение тому, что привлекает внимание человека и направляет на нужный объект, к цели, и при этом нужно иметь в виду, что есть нечто, что расслабляет личность и способствует её ограждению на некоторое время от внешнего мира. Электроэнцефалографические исследования свидетельствуют, что такое состояние человека ближе к состоянию гипноза.

Кроме принятых способов наблюдения сознания, эффективно используются в определённых целях различные механизмы, оказывающие

влияние на психику людей. Основной такой механизм – это внушение. Внушение – это такой процесс, который оказывает влияние на психическое состояние, при котором личность, не осознавая полностью содержание сведений, предлагаемых ей, не может отнестись к ним критически, сознательно распознать их. Несмотря на это, человек беспрепятственно принимает предложенную или насильно внушаемую информацию. Внушение может осуществляться при помощи слов, жестов, искусственно создаваемых обстоятельств. Человеку можно внушать в состоянии бодрствования, сна и гипноза. Эффективность этого процесса зависит от внушаемой личности (от ее силы воли, притяжения, превосходства) и от внушающего человека (во многом зависит от степени влияния). Очень трудно «поправить», скорректировать, повернуть в нужное русло сознание, сформированное или запрограммированное воздействием полученных сведений в результате внушения.

Степень внушаемости является тем фактором, появление которого зависит от положения и особенностей личности. К таким особенностям личности можно отнести следующие: неуверенность в себе, низкий уровень самооценки, чувство неполноценности, покорность, зависимость, трусливость, застенчивость, доверчивость, беспокойность, тревожность, высокая эмоциональность, низкий уровень логического мышления, экстраверт (безусловно, типичным экстравертам свойственны общительность, взволнованность, социальное приспособление, у них бывает много друзей, любят веселье, развлечения, однако они затрудняются контролировать свои ощущения и эмоции, склонны к злости и агрессии).

Можно убеждать и образованных, спокойных людей. В различных чрезвычайных ситуациях, особенно во время пожара, землетрясения, после гибели близкого человека, снижается степень защиты сознания. В такой момент легче воспринять определенные события, воспринимать чью-то мысль [5, с. 90].

К факторам, связанным с ситуацией способствующей внушению, можно отнести такие мотивы, как неожиданное воздействие на человека, отсутствие всякой информации о внушаемом материале или осуществляемой деятельности, ограниченные возможности критической оценки ситуации, психофизическое состояние субъекта.

С развитием культуры представители человечества, не получившие образования, знаний, лишаются возможности использования всех благ цивилизации.

Всякий недостаток в учебно-воспитательной системе, в том числе не охваченность образованием всех слоёв населения, является причиной

умственно-интеллектуального и культурного кризиса личности, а это, в свою очередь, оказывает отрицательное влияние на информационную безопасность, одновременно и стабильному развитию государства.

С этой точки зрения принятые в нашей республике Национальная программа по подготовке кадров и Закон «Об образовании» важны тем, что они, сообразуясь с принципами органичности и непрерывности, направлены на формирование кадров нового поколения, с высокой общей и профессиональной культурой, творчески и общественно активных, с развитыми навыками самостоятельно принятия решений в общественно-политической жизни, способных продвигать и решать перспективные задачи.

Наша республика успешно ликвидирует различные угрозы на пути построения информационного общества и занятия достойного места на мировом рынке высоких информационных технологий. Этой задаче уделяется особое внимание в образовательных учреждениях нашего государства. Знакомство учеников и студентов на информационных часах и общественно-гуманитарных занятиях с событиями, изменениями, происходящими в нашей республике и в мире, имеет важное значение в патриотическом воспитании, развитии аналитического мышления, обеспечении информационно-психологической безопасности личности.

В целом, в XXI веке в процессе глобализации перед государствами и обществами стоит важная задача создания информационной среды, направленной на обеспечение интересов человека, формирование, развитие сознания личности. Личность, её сознание, интересы и потребности, духовность, идеалы являются задачами, стоящими в центре внимания государства в политике информационной сферы.

Библиографический список

1. Аллахвердов В. М.Сознание как парадокс. – СПб. : ДНК, 2000. – Т. 1.
2. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений // Иркутский медицинский журнал. – 1927. – Т. V. – № 6.
3. Ильин Е. П.Эмоции и чувства. – СПб. : Питер, 2001.
4. Каримов И. Высокая духовность – непобедимая сила. – Т. : Маънавият, 2008.
5. Скородумов А. А. Социально-психологический анализ дезадаптации личности (на примере современных внеконфессиональных течений) : дисс. …канд. психол. наук. – СПб., 1997.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. Ю. Колосова *Доктор философских наук, доцент,*
Министерство внутренних дел
Российской Федерации,
Краснодарский университет,
филиал в г. Ставрополь, Россия

Summary. Global problems of adaptation of society to changing living conditions, arise thanks to activity of the society. The initial stage of the solution of these problems is, formation in recent years new integrated science about the modern world which received the global studies name.

Keywords: globalization; personality; society; education; economic globalization; political globalization; culture globalization; global problems.

Глобалистика (от франц. global – всеобщий, от лат. globus – шар; буквально наука о всеобщем) – наука, которая изучает наиболее общие закономерности развития человечества и модели управляемого, научно и духовно организованного мира в единстве и взаимодействии трёх основных глобальных сфер человеческой деятельности – экологической, социальной и экономической – в реальных условиях Земли с её конечными физическими размерами и ограниченными природными ресурсами в наступившую эпоху антропогенно перегруженной Земли.

Под «миром» («мировой системой») понимается человечество, его социально-экономические системы, технологии и окружающая среда. Глобалистика охватывает единый мир единым взглядом и описывает этот мир, его динамику развития, его внутренние взаимосвязи единой системой обобщённых параметров.

Если говорить о концепции глобализации, то можно выделить три измерения феномена глобализации:

– глобализация – это исторический процесс, развивающийся на протяжении многих столетий;

– глобализация означает гомогенизацию мира, жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям, стремление все универсализировать;

– глобализация – это признание растущей взаимозависимости, главным следствием которой является ослабление национального государственного суверенитета под напором действий новых факторов

общепланетарной сцены – глобальных фирм, религиозных группировок, транснациональных управленческих структур [12, с. 179].

В настоящее время правильнее говорить, по крайней мере, о трёх формах глобализации в системе общественного развития: экономической; политической; культурной. Экономическую глобализацию можно рассматривать как новую, высшую стадию интернационализации хозяйственной жизни. Она означает не просто сближение или даже интеграцию экономик отдельных стран. Изменяются качественные характеристики самих этих экономик – из более или менее замкнутых систем они превращаются в звенья единого мирового хозяйства. А главной движущей силой экономической глобализации становятся транснациональные корпорации, размещающие свои производства и сбывающие свои товары там, где им выгоднее, не считаясь с границами государств. Политическая глобализация в самом общем смысле представляет собой более тесное и широкое взаимодействие государств и международных организаций во главе с ООН в оценке состояния и поисках решений обостряющихся время от времени политических проблем, которые затрагивают интересы не только отдельных государств, но и всего человечества в стремлении обеспечивать его всеобъемлющую безопасность. Глобализация культуры касается вопросов влияния глобализации на современного человека, на его экономический, социальный и морально-психологический статус, на его самочувствие, личностное развитие, на его ценности и устремления. Существует многообразие взглядов по поводу роли средств массовой информации в процессе сближения народов и континентов, путей сближения культур и цивилизаций, использования таких терминов, как «мировая интеллигенция» или «гражданин мира». В 1994 году сначала ЮНЕСКО, а потом и ООН была принята специальная программа под названием «Культура мира». Суть её заключается в выработке новой глобальной системы ценностных ориентаций [13, с. 223–233].

Ещё больше исследований затрагивают вопросы глобального образования, которое знаменует качественно новый этап сотрудничества в этой сфере, начало формирования единого мирового образовательного пространства. Поиск новых идей духовной жизни социума и личности, возрастание роли общественного интеллекта сопровождается разработкой новой концепции образования будущего человека и человечества [2, с. 81–85]; [3, с. 96–104]; [4, с. 218–227]; [5, с. 29–34]; [6, с. 87–92]; [9, с. 104–108]; [10, с. 204–211].

Несмотря на то, что при оценке роли и значения глобализации главное внимание обычно обращают на её положительные стороны

(иногда достигая состояния эйфории), теперь анализу подвергают и её негативные последствия. В самом деле, по мере развития глобализации вширь уже не региональный, а планетарный характер стали приобретать и многие отрицательные явления экономической жизни: например, образование мирового финансового рынка явно способствовало более широкому распространению по планете финансового кризиса. В ещё большей мере вызовы глобализации испытывает на себе социальная сфера [1, с. 26–32]; [11, с. 241]: здесь и распространение преступности и наркомании, и международный терроризм, и бесконтрольная экспансия низкопробных образцов массовой культуры, которые наносят большой ущерб национальным и культурным традициям стран и народов. К этому перечню можно добавить поистине глобальное распространение разного рода техногенных катастроф, ухудшающих и без того кризисную экологическую обстановку. Вот почему в последнее время участились, особенно в Западной Европе и в Азии, массовые выступления так называемых антиглобалистов против дальнейшего развития процессов глобализации, бурные выступления общественных движений в отдельных странах, создание целых течений научного мышления, отвергающих эйфорию по поводу глобализации, во всяком случае, в её нынешней форме. Именно в рамках этих течений происходит разнообразный поиск уяснения путей и факторов преобразования этого процесса в более приемлемые формы.

Все эти кризисные процессы, начиная с 60–70-х гг. XX века, стали объектом внимания учёных, философов, социологов, политиков, широкой общественности. Постепенно сложилось и само понятие о глобальных проблемах, которые:

– во-первых, касаются всего человечества, затрагивая интересы и судьбы всех стран, народов и социальных слоёв;

– во-вторых, свидетельствует о значительных экономических и социальных потерях человечества, а в случае их обострения могут угрожать самому существованию человеческой цивилизации;

– в-третьих, могут быть решены лишь при сотрудничестве в общепланетарном масштабе, совместных действиях всех стран и народов.

Наиболее актуальной, по нашему мнению, считаем проблему кризиса культуры и нравственности [7, с. 14–17]; [8, с. 67–69], которая и является главным систематизирующим стержнем всех остальных проблем человечества и экологической, в первую очередь. Из всего современного научного знания эти проблемы на теоретическом уровне способна решить философия.

Для того, чтобы более отчётливо представить себе значимость постановки и решения в социально-философском аспекте сложнейших проблем человечества, условно представим весь комплекс знаний, имеющихся в современном мире как взаимосвязанное, структурированное единство, последовательно отвечающее на следующие вопросы, наиболее отчётливо сформулированные В. Н. Сагатовским [14, с. 11–14]: что является предметом воздействия человека, на что направлена его творческая преобразующая окружающий мир активность; как, каким образом человек намерен изменять окружающий его мир, какие способы воздействия на природу, общество, самого человека как часть природного мира или творение Бога он намерен использовать (каков инструмент его деятельности); ради чего, с какой целью человек намеревается изменить, преобразовать окружающий мир.

Философский мировоззренческий уровень способствует решению важнейшего вопроса – ради чего, с какой целью человек намерен изменить окружающий мир. Активно действующий субъект призван определить для себя ценностную шкалу, которая позволила бы ему не только выстроить иерархию ценностей, но избрать ценностно-оправданный и осмысленный тип социально-преобразующей деятельности, направленной не на разрушение, а на созидание.

Библиографический список

1. Авдеев Е. А., Бакланов И. С. Социокультурная идентификация: формирование социокультурных ориентиров личности в условиях глобализации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 32.
2. Белоцерковец Н. И. К вопросу об образовании подрастающего поколения в условиях поликультурного региона // Наука и современность. – 2014. – № 28.
3. Говердовская Е. В. К проблеме модернизации высшего профессионального образования в Северо-Кавказском регионе // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 57.
4. Говердовская Е. В. Культурно-образовательное пространство Северного Кавказа: ориентиры, проблемы, решения // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6.
5. Говердовская Е. В. Направления обновления высшего профессионального образования в поликультурном пространстве Северного Кавказа // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2008. – № 1.

6. Говердовская Е. В. Профессиональное образование как средство социализации молодёжи и нейтрализации негативных социальных явлений в регионе Северного Кавказа // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2007. – № 11.
7. Гончаров В. Н. Религия в системе современной культуры // European Social Science Journal. – 2014. – Т. 1. – № 1.
8. Камалова О. Н. Эстетическое освоение действительности в контексте философских идей Шеллинга // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 1.
9. Кириллова Л. С. Компетентностный подход в подготовке бакалавров социальной работы // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2009. – № 4.
10. Лобейко Ю. А. Роль акмеологического подхода и рефлексивной педагогики в профессиональном становлении будущего учителя // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2013. – № 1(5).
11. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9.
12. Митель А. Дилемма глобализации. Социум и цивилизации: иллюзии и риски // Вопросы философии. – 2003. – № 9.
13. Несмеянов Е. Е., Руденко А. М. О культурфилософском потенциале трёхтомника «Лекции и доклады членов российской академии наук в СПБГУП (1993–2003)» в контексте научной мысли современности // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1.
14. Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии: Философские основы мировоззрения. В 3 ч. Ч. 1. Введение: Философия и жизнь. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В. Г. Черников *Доктор философских наук, профессор, Рыбинский государственный авиационный технический университет имени П. А. Соловьёва, г. Рыбинск, Ярославская область, Россия*

Summary. Among variety of values the special place is taken by social and philosophical values which determine not only ordinary and theoretical values, but also character of society, an orientation of its development. As system and integrative expression of social and philosophical values the social and philosophical principles act. The modern principles indicate what has to be good society and act as criteria of development of society.

Keywords: social and philosophical principles; principle of humanistic unity of the world; principle of a practicality; principle of individualism; principle of rationalism; principle of materialism; principle of democratism; principle of justice; principle of humanity; etc.

В человеческой жизнедеятельности существует множество разнообразных ценностей: экономические, политические, юридические, эстетические, нравственные, медицинские, религиозные и т. д.; материальные и духовные; индивидуальные, групповые, классовые, народные, общечеловеческие; финальные и инструментальные; первичные, вторичные, третичные; индивидуальные и общественные; концептуальные и реальные и т. д. Наряду с общепринятыми классификациями ценностей возможно их разграничение в зависимости от уровня познания действительности на обыденные и теоретические. Последние могут быть разделены по методологическому основанию на частнонаучные, общенаучные и философские ценности.

Философские в свою очередь подразделяются в зависимости от характера отношения человека к действительности на гносеологические, аксиологические и праксеологические, а в зависимости от объекта исследования – на социально-философские, природно-философские и общефилософские. Для существования человечества большое значение имеют обе классификации философских ценностей. Но в условиях медленно меняющейся природной и космической среды первостепенную роль играют социально-философские ценности. Более

того, природно-философские и общефилософские ценности того или иного конкретно-исторического общества как социального организма зависят от того, какие социально-философские ценности приобретают в нём господствующее положение, детерминируют характер общества и направленность его развития.

В то же время именно социально-философские ценности, наиболее распространённые в обществе, принимаемые им и внедрённые в структуры социального пространства, оказывают определяющее воздействие на все теоретические и обыденные ценности.

Однако и социально-философские ценности бывают разными. История развития человечества показывает, что на каждом конкретно-историческом этапе общество вырабатывает и руководствуется специфическими для данных пространственно-временных условий его существования социально-философскими ценностями. Историческое развитие философии, отражая реальный исторический процесс, на каждом его этапе формулирует соответствующие ему социально-философские ценности в форме понятий, категорий, законов и принципов. Наиболее общим, системно-интегративным выражением социально-философских ценностей выступают социально-философские принципы. Они, как наглядно демонстрирует история философии, вырабатываются в борьбе материализма и идеализма, диалектики и метафизики, сциентизма и антисциентизма и других противоположностей.

Вместе с тем история познания социально-философских принципов свидетельствует о неуклонном, не всегда последовательном, но всё же, с одной стороны, всё более глубоком познании и всё более точном формулировании их. А с другой стороны, о всё большем внедрении их в социальную действительность наиболее развитых на том или ином историческом этапе стран мира. Поэтому современные социально-философские принципы организации социального пространства, всей общественной жизнедеятельности конкретных социальных организмов представляют собой результат многовекового трудного пути философского развития человечества. Одни из них более или менее внедрены в практику передовых стран мира, другие находятся на пути к внедрению в жизнь, а третьи выступают своеобразными ориентирами движения человечества к лучшей организации своей жизни.

Социально-философские принципы должны соответствовать современному этапу прогрессивного, устойчивого развития человечества. Они должны не только указывать, каким должно быть общество в своих фундаментальных основах, нацеливая государство и гражданское общество на определённые перспективы, но и выступать крите-

риями практической реализации этих перспектив, развитости общества. Эти принципы должны быть не только теоретической основой будущего лучшего общества, но и методологической базой для проведения систематических эмпирических исследований.

По моему мнению, к современным социально-философским принципам относятся:

1. Принцип гуманистического единства мира. Он характеризует современные отношения между человечеством и природой. Самой глубокой причиной, породившей глобальную экологическую проблему, явился эгоизм господствующих в обществах классов. Если господствовавшие в традиционных (аграрных) обществах классы (рабовладельцы и феодалы), руководствуясь классовым эгоизмом, имели в своём распоряжении ручные орудия труда, то господствующая буржуазия обрела с помощью машинных орудий труда огромную мощь в отношениях с природой. Её безудержный эгоизм, выражавшийся в стремлении получать максимальные прибыли, поддерживался наукой, которая на заре своего существования выдвинула лозунг: «Знание – сила, с помощью которой человечество должно покорить природу».

К середине 20 века нарушилось динамическое равновесие между человечеством и природой, которая перестала справляться с антропогенными воздействиями. Выяснилось, что в отношениях с природой человек действует не как индивид, а как большие социальные группы, господствующие в обществе. Эгоизм последних оборачивается антигуманизмом в отношении не только к индивидам, но и к природе, её уничтожением. Отсюда вытекает вывод о необходимости замены принципа классового эгоизма принципом гуманистического единства мира. Это означает постановку в центр взаимодействия людей с природой не тех или иных больших социальных групп, а конкретно-исторических индивидов. Следствием этого будет, как показывает социальный опыт во второй половине 20 века наиболее развитых стран мира, замена классового гуманизма индивидуалистическим, демократическим гуманизмом, во главу угла отношений общества с природой будет поставлен интерес не одного господствующего класса, а каждого индивида. Вместе с тем этот демократический гуманизм породит и гуманистическое отношение к природе, т. е. возникнет гуманистическое единство мира.

2. Принцип практичности социально-философской теории. Маркс в процессе разработки своей философии выдвинул принцип единства теории и практики. Теоретически он выглядит привлекательно. Однако попытка реализовать его на практике тотчас разрушает его и превраща-

ет в принцип господства теории над практикой, первичности теории и вторичности практики. Именно так произошло с большевиками в России после совершения Октябрьской революции 1917 года. Захватив власть в стране, они приступили к строительству социализма. И при всей их любви к классикам марксизма, уважительном и бережном отношении к их теоретическому наследию принцип единства теории и практики превратился на практике в принцип первичности теории, господстве её над практикой. Произошло это потому, что жизнь, социальная действительность меняется быстрее, чем теория. Поэтому необходим постоянный социологический мониторинг действительности посредством проведения эмпирических исследований. И только на этой основе может развиваться теория, адекватно отражающая реальную социальную действительность.

Перестройка, начавшаяся в Советском Союзе с конца 80-х годов 20 века, подтвердила несостоятельность принципа первичности теории по отношению к практике. Отсюда вытекает необходимость замены в социальной философии принципа единства теории и практики принципом практичности социально-философской теории. Это означает, что теория должна быть лишь адекватным отражением реальной социальной действительности. Если теория неадекватно отражает действительность либо вообще не отражает её, то она превращается в фантазию изощренного ума её автора. Такая теория утопична. И если она внедряется в жизнь (а такое, как показывает история, вполне возможно), то это приносит народам бедствия, неисчислимые страдания, жертвы и потери. Сама же теория, в конце концов, терпит крах.

3. Принцип индивидуализма. Преодолевая абстрактный подход к человеку и обществу, Маркс разработал конкретно-исторический классовый подход. Выражая и защищая интересы класса пролетариев, Маркс утверждал принцип коллективизма. Дальнейшее его развитие и практическое применение осуществлено было в 20 веке в социалистических странах, где на принципе коллективизма строилась вся система воспитания подрастающих поколений. В настоящее время принцип коллективизма как противоположность принципу эгоизма подвергнут справедливой критике. Принцип же индивидуализма следует рассматривать как преодоление крайностей, с одной стороны, коллективизма, который преувеличивает общее у индивидов, а с другой стороны, эгоизма как преувеличения единичного у индивидов. Иначе говоря, принцип индивидуализма, преодолевая метафизические крайности коллективизма и эгоизма, представляет собой диалектический взгляд на человека.

К середине 20 века в наиболее развитых странах Запада принцип индивидуализма привёл к утверждению не только свободного, автономного и ответственного индивида, но при этом имеющего достойный современного человека уровень жизни. Если раньше он выживал, то теперь стал жить. И делать это с наслаждением, не жалея денег на развлечения, туристические поездки, покупки предметов роскоши, экологически чистые продукты питания, оздоровление организма, модные вещи и т. д.

4. Принцип рационализма как метод мышления, верящий в неограниченную силу человеческого разума и полагающий его в качестве высшей инстанции для оценки, критики и переделки существующей социальной действительности. С 18 века в западноевропейских странах, вставших на путь индустриального развития, он превратился в главный принцип, на основе которого происходило переустройство и совершенствование социальной действительности. Результатом явилось то, что эти страны (не только Европы и Америки, но даже Азии, где лишь в 20 веке некоторые страны взяли на вооружение принцип рационализма) представляют собой образец наиболее развитых обществ, как в технико-технологическом, экономическом, так и в демократическом, гуманистическом отношении.

Онтологической основой социально-философского принципа рационализма выступает уверенность народа (или, по крайне мере, большинства его) в том, что именно он является главным субъектом общественно-исторического процесса, что от его деятельности зависит состояние общества, характер и направленность его развития, что власть должна быть лишь слугой народа, а не его господином. Однако одной такой уверенности недостаточно для реализации принципа рационализма в жизни. История развития западноевропейских стран была тесно связана с борьбой народа за создание действенных механизмов реализации принципа рационализма (как, впрочем, и других принципов, на основе которых существуют сейчас передовые страны мира). Эти механизмы направлены, прежде всего, на удержание власти от развращения и злоупотреблений. Современный переход человечества к информационной цивилизации, а постнеклассической науки к новому типу рациональности порождают и новый тип социально-философской рациональности. Основоположником её явился французский философ Г. Башляр. Современная научная мысль, утверждал он, проявляет себя между ценностями экспериментального и рационального характера, впадая в одну либо в другую крайность, что ведёт к неподвижности мышления. Между тем новая рациональность требует исходить из подвижного синтеза разума и опыта, воспринимать мир как творение познающего субъекта,

объективацию его рациональных схем. Подлинный рационализм должен быть открытым, развивающимся, диалектическим.

5. Принцип материализма. Современный материализм в понимании человека и общества принципиально отличается от марксовского материализма. Маркс брал за первичное в обществе способ производства материальных благ. Реализуя такой подход на практике, советская номенклатура как реально господствующий класс собрала все ресурсы общества, ограбив для этого народ, и вложила их в развитие сферы материального производства. Результатом внедрения марксистского материализма в жизнь явилось то, что было создано экономически и особенно в военном отношении сильное общество (СССР в этом плане уступал только США), в котором прекрасно жил господствующий класс – номенклатура, а народ находился в полунищем состоянии. Такой итог, естественно, неприемлем, ибо властвующая элита, представляющая численно ничтожную кучку людей, не может быть выше, ценнее и значимее народа. Тем более, что советская номенклатура в управлении обществом преследовала, прежде всего, свои эгоистические интересы и недооценивала, а то и игнорировала интересы народа. Таким образом, марксистский материализм, внедрённый в жизнь, не принёс материального благополучия, достойной жизни народу, которая бы соответствовала технико-технологическому уровню развития, уровню совокупного богатства общества. Тем самым марксовский материализм выявил на практике свою несостоятельность. Поэтому он должен быть заменён иной формой материализма.

С моей точки зрения, новый материализм должен брать за первичное, главное, определяющее в понимании человека и общества материальные потребности и интересы конкретно-исторического индивида. Речь при этом должна идти об индивиде не как единичном представителе человеческого рода, а об индивиде как носителе особенных свойств и качеств, т. е. об индивидуализированном типе людей, имеющем конкретно-исторический характер.

Маркс и Энгельс, преодолевая абстрактный подход к человеку, выработали конкретно-исторический, классовый подход и взяли его за основу при разработке материалистического взгляда на человека и общество. Однако к концу 20 века стало очевидным, что классики марксизма в понимании человека и общества приняли видимость за сущность. Обыденная жизнь показывает, что социальные классы существуют гораздо дольше, чем жизнь одного человека. Классы кажутся вечными, пропуская через себя одно поколение за другим. Отсюда делается вывод, что классы с их материальными интересами первичны, а

составляющие их индивиды вторичны. Именно такой вывод и сделали Маркс и Энгельс в качестве основы для разработки своего материализма. Между тем практика всех социалистических стран продемонстрировала в 20 веке, что классовый подход к человеку и обществу автоматически порождает антигуманное отношение к индивиду, и этот антигуманизм буквально пропитывает всё общество от экономики и политики до литературы и искусства. Если же подойти к социальному классу исторически, то вырисовывается иная картина. Любой социальный класс появляется тогда, когда сначала один индивид, а затем несколько, тысячи, миллионы действуют однотипно, удовлетворяя свой интерес. Таким образом, деятельность индивидов является источником возникновения и основой существования класса. В деятельности индивида в свою очередь самыми глубокими, фундаментальными побудителями выступают материальные потребности и интересы. Поэтому их следует взять за первичное в понимании человека и общества.

6. Принцип гуманизма. С возникновением марксизма был осуществлён переход от абстрактного к конкретно-историческому гуманизму. Создатели классового пролетарской формы гуманизма надеялись на способность пролетариата обеспечить установление подлинного и всеобщего гуманизма, связанного со свободным и всесторонним развитием каждого человека в будущем коммунистическом обществе. Реальная же история человечества в 20 веке показала, что все формы гуманизма, опирающиеся на те или иные классы, большие социальные группы, элиты, не только по форме, но и по содержанию остаются абстрактными. Ни одна из них не смогла принести счастливую жизнь не только всем членам общества, но и даже избранным социальным группам.

Таким образом, история человечества и эволюция социально-философских гуманистических воззрений подводят к необходимости создания новой формы гуманизма – демократического гуманизма, который провозглашает любовь к каждому человеку независимо от его расовой, национальной и всякой иной принадлежности. Создание гуманистического материализма является назревшей философско-теоретической и практической задачей современного общества.

7. Принцип диалектичности. С каждым историческим этапом в философском развитии человечества диалектика как учение о наиболее полном, глубоком, всестороннем состоянии мира в целом и в том числе природы, общества, человека выходит на новый уровень своего развития. Думается, что дальнейшее развитие диалектики должно быть связано с такой её формой, которая существенно отличается от марксистско-ленинской. Она должна быть, прежде всего, гуманистической диа-

лектикой. Т. е. в центре её должен стоять человек, но не абстрактный (как в эпоху Возрождения), не завуалированно-классовый (как в Новое время), не идеалистически-мистифицированный (как в немецкой классической философии), не природный (как в Новое время и у Фейербаха) и не марксистский социально-исторический в виде класса, а конкретный социально-исторический индивид. Его потребностям и интересам, его благополучию и счастью должна служить современная демократически-гуманистическая диалектика. Эта диалектика должна быть соединена с гуманистическим материализмом.

8. Принцип демократизма. Современная эпоха требует самого широкого демократизма при принятии важных решений на всех уровнях существования социальных субъектов, во всех уголках социального пространства. Если власть служит не избранной социальной группе (олигархов, элите), а всему народу, стремится к удовлетворению его интересов, то она закономерно принимает наилучшие решения проблем, ибо при этом может использовать весь творческий потенциал общества, а не только своих услужливых и лукавых специалистов.

Глобальные процессы, происходящие в современном мире, создают противоречие, которое делает невозможным демократическое решение проблем на всех уровнях. Так, З. Бауман приходит к выводу, что в настоящее время сформировался «гордиев узел», по рукам и ногам связывающий будущее демократии: возрастающее бессилие социальных институтов разрушает интерес к общественным проблемам и общим позициям, в то время как исчезающие способность и желание переводить частные страдания в плоскость общественных проблем облегчают работу тех глобальных сил, которые способствуют этому бессилию и кормятся его результатами» [1, с. 258]. Эта тенденция имеет, конечно, объективный характер, ибо всякое отстранение от глобальных процессов в современном мире ухудшает шансы страны на её прогрессивное развитие. Парадокс заключается в том, что для глобальной финансово-экономической власти более привлекательна та страна, в которой дешевле рабочая сила, т. е. хуже, по сравнению с другими странами, уровень жизни народа и стабильнее политическая власть. Стабильность же власти в неразвитых странах связана, как правило, с уничтожением оппозиции, отсутствием (или неразвитостью) гражданского общества и существованием какой-нибудь квазидемократии. Однако эта стабильность в современном мире ненадежна, поскольку время диктаторских и авторитарных режимов прошло. Тысячекратно стабильнее развитое общество с прочными демократическими порядками. Именно за такими обществами будущее и глобальных тенденций.

9. Принцип справедливости. Известный американский создатель либеральной теории справедливости Дж. Ролз писал: «Справедливость есть главная добродетель социальных установлений, как истина есть главная добродетель систем мышления» [2, с. 19].

Историческое развитие принципа справедливости убедительно показывает, что на первом плане стоят те стороны справедливости, которые касаются фундаментальных материальных потребностей людей, – экономические и политические. Но как только они получают справедливое удовлетворение, они отходят на задний план, а на передний выходят иные – материальные либо какие-то духовные потребности. Ведь не случайно то, что именно в западных современных концепциях справедливости впервые был перенесён акцент с социально-экономического распределения на культурный аспект. Именно западные, наиболее развитые страны первыми в мире обеспечили достойные материальные условия жизни своему населению, построив так называемые «социальные общества», «общества всеобщего благоденствия», «массового потребления» и т. д. Когда экономические проблемы были решены, тогда на первый план в общественной жизни и соответственно в концепциях справедливости вышли проблемы образования, самореализации каждого индивида, культурной и этнической идентификации и другие, связанные с духовным развитием человека и общества.

Ценность теории справедливости Ролза заключается в том, что она утверждает демократизм и гуманизм в организационных основах общества. Конечную цель и условие существования людей Ролз видит в свободе каждого индивида, утверждаемой самим устройством общественной жизни: «Свободны люди или нет – это определяется правами и обязанностями, установленными главными институтами общества. Свобода – это некоторая структура социальных форм» [2, с. 69]. Вместе с тем огромным достижением теории справедливости Ролза в сравнении как с существовавшими ранее, так и существующими теперь теориями, является постановка в центр её индивида.

Индивид как основополагающий социальный субъект выступает центром притяжения, стягивания всех социально-философских принципов (как отмеченных здесь, так и оставшихся за рамками данной статьи) в единую систему, образующую социально-философское основание лучшего общества в сравнении с ныне существующими.

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М. : Логос, 2005.
2. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

А. Н. Чумаков *Доктор философских наук, профессор, первый вице-президент РФО, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия*

Summary. This article elucidates the features of formation and globalistics as an integrative science. It has comparatively been studied different points of view on the interpretation of the subject matter of this science and identified political, informational, environmental, economic, geographical and other aspects of contemporary globalization processes. On the basis of the objective tendencies in this direction the author put forward the theoretical generalization of social and philosophical essence of the phenomenon of globalistics, the status of science and globalization in the social sciences as well.

Keywords: globalistics; globalization; the noosphere; the new thinking; integrative science; global issues.

Появление глобалистики, как междисциплинарного научного направления, относится к последней четверти XX столетия и обусловлено в значительной степени процессом интеграции различных наук в решении сложных комплексных проблем глобального характера. При этом сам термин «глобалистика», хотя и ввели в научный оборот уже в 70–е годы, но серьезно о его содержании заговорили только с конца 90–х годов, когда основное внимание ученых переключилось с глобальных проблем на осмысление феномена глобализации. К этому времени термины «глобалистика», «глобализация», «антиглобализм», «глобальный мир», «глобальные опасности» и т. п. уже стали расхожи, получив широкое распространение не только в научной литературе, средствах массовой информации, политическом лексиконе, но и в обыденном языке. Сегодня основной смысл указанных понятий на уровне общих представлений, казалось бы, не вызывает особых проблем, однако в научной среде содержание их остается предметом серьезных дискуссий и нуждается в уточнении, т. к. разные ученые зачастую вкладывают в них различный смысл.

Так, в специальной литературе можно встретить точки зрения, в соответствии с которыми глобалистика именуется как новая научная дисциплина, наддисциплинарная интегративная наука, или как отрасль научного знания, изучающая процессы глобализации и порождаемые ими глобальные проблемы. При этом, по мнению одних, гло-

бальные проблемы предшествовали глобализации, тогда как, по мнению других, – все обстоит как раз наоборот. Одни полагают, что глобализация – объективный процесс, а глобалистика призвана исследовать этот процесс и его последствия; другие рассматривают глобализацию как результат действия определенных социально-политических сил на международной арене, что задает и принципиально иную перспективу в понимании глобалистики.

Следует отметить, что в данном случае имеет место не схоластическая игра в понятия, а установление единого и понятного языка междисциплинарного общения. Потому так важно знать этимологию слов и, в частности, подчеркнуть, что термин «глобалистика» появился на волне активных разговоров и многочисленных публикаций по поводу опасностей глобальных проблем, на которые обратили серьезное внимание после опубликования первых докладов Римского клуба. Первоначально Римский клуб обозначил лишь сферу научного знания, связанную с исследованиями в области глобальных проблем. А произошло это на пару десятилетий раньше, чем заговорили о «глобализации». Слово же «антиглобализм» и вовсе вошло в обиход всего лишь несколько лет тому назад, когда в различных странах международное *движение антиглобалистов* заявило о себе экстравагантными акциями протеста.

Итак, в настоящее время назрела актуальная задача – уточнить статус глобалистики и круг основных проблем, которые она решает, что практически невозможно сделать без уточнения основных понятий. Это хорошо видно на примере термина «глобализация», который употребляется, как правило, для характеристики интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества. При этом можно отметить две крайности в истолковании как самого феномена глобализации, так и истории его появления. Одна из них состоит в том, что планетарный характер социальных связей и отношений трактуют, неправомерно расширяя, пытаясь усмотреть их уже в первобытном обществе, и с этой точки зрения даже ранние этапы развития человечества характеризуют, как глобальные. Такое понимание глобализации мы находим, например, у В. И. Пантина, [12, с. 18–20], Э. А. Азроянца, [1, с. 11] И. В. Василенко, [2, с. 11], А. П. Назаретяна [10, с. 94–176].

Другая крайность в истолковании глобализации заключается в том, что ее понимают слишком узко, когда в расчет берутся только

современные процессы общественного развития, а то и вовсе лишь отдельные их аспекты, например, экономические, рассматриваемые к тому же без учета истории и динамики становления глобальной проблематики, международных структур и транснациональных связей, т. е. всего того, что объективно лежит в основе современной глобализации. Так, например, известный специалист по проблемам цивилизационного развития И. Валлерстайн справедливо относит начало реальной глобализации к появлению колониализма, т. е. к началу XVI века, но связывает ее только со становлением и развитием мировой капиталистической системы, что, хотя и соответствует действительности, но в целом не охватывает весь этот сложный и многоаспектный процесс. Другие западные специалисты называют слишком поздние сроки начала глобализации, в частности, А. Гидденс – XVIII век, Р. Робертсон – конец XIX – начало XX вв., а Г. Перлмуттер и вовсе время краха восточного блока [18–21].

Такая же позиция узкого понимания глобализации характерна и для ряда отечественных ученых: А. С. Панарина [11, с. 5], А. А. Зиновьева [6, с. 68], В. И. Самохваловой [13, с. 10–15], В. С. Васильева [3, с. 46–47], а также просматривается в работах А. И. Уткина, который, в частности, пишет: «Термин «глобализация» является метафорой, придуманной для выяснения смысла и понимания природы современного капитализма… глобализация – это в возрастающей степени интенсивная интеграция как рынков товаров и услуг, так и капиталов» [14, с. 9]. При таком подходе к пониманию глобализации, когда она рассматривается применительно лишь к периоду развития капитализма и связывается только с рынком и капиталистическими отношениями, без внимания остаются многие аспекты современных процессов глобализации: географический, политический, информационный, экологический, и другие. Понимая узко глобализацию, ее нередко трактуют как сознательно осуществляемую кем-то политику (целенаправленный процесс), и даже говорят, как о субъективной реальности, как чьем-то коварном замысле, реализуемом в интересах определенного круга лиц. Речь в таком случае идет о «мировой элите», «международном закулисье» и т. п., или об отдельных государствах, в частности, США.

Приведенные примеры различных взглядов на глобализацию не охватывают всего спектра существующих точек зрения по этому вопросу, что объясняется не только сложностью проблемы, но и недостаточной разработанностью данной темы. В итоге затрудняется взаимопонимание между людьми, тормозится междисциплинарное взаимо-

действие, создаются серьезные препятствия на пути осмысления истинных причин глобализации и порождаемых ею глобальных противоречий. Здесь же кроются причины недопонимания и многих конфликтов, обусловленных тем, что мир в своих отдельных частях и отношениях все больше становится единым, целостным, взаимозависимым, в то время как достаточно эффективные механизмы, призванные регулировать общественные отношения на глобальном уровне, в современных условиях отсутствуют. Вполне очевидно, что без глубокого анализа и достаточно ясного понимания сути процессов глобализации трудно рассчитывать на успешное преодоление указанных выше проблем.

Итак, сегодня мы стоим перед необходимостью определиться со статусом глобалистики, которая накопила богатый материал, получила достаточное развитие и представлена многообразием школ, направлений, различных объединений, творческих коллективов, групп ученых и т. п. Сложный характер объекта исследования и неизбежная в этом случае междисциплинарность значительно затрудняют установление четких границ интересующего нас предмета, ибо они нередко сливаются с другими областями познания: футурологией, культурологией, философией. К тому же теоретические знания, получаемые в глобалистике, зачастую оказываются связанными с необходимостью принятия конкретных решений, что ведет к расширению границ обсуждаемого предмета. В целях лучшего понимания поставленной проблемы сделаем краткий экскурс в историю становления глобалистики [15]. Её зарождение приходится на конец 60–х – начало 70–х гг. XX столетия, когда в советской и зарубежной литературе впервые заговорили о глобальных угрозах всему человечеству, и стали активно обсуждаться различные проблемы, которые получили название «глобальные». Это важно подчеркнуть, т. к. сегодня рассуждения о глобализации слабо коррелируются, а то и вовсе не увязываются с глобальными проблемами и началом их исследования более тридцати лет тому назад, а глобалистику нередко трактуют как зарождающуюся науку, становление которой соотносят лишь с последним десятилетием. Однако следует подчеркнуть, что хотя в 70–е – 80–е гг. внимание ученых было приковано не к процессам глобализации, а к их следствиям, т. е. к отдельным проблемам общечеловеческого масштаба, тем не менее, в науке уже тогда все чётче вырисовывалась интегративная область междисциплинарных исследований, направленных на теоретическое исследование и практическое преодоление принципиально новых опасностей, обнаруживших свою значимость для всего человечества. Тогда же стало очевидным, что наряду с дифферен-

циацией научного знания, веками сопровождавшей науку, возникла настоятельная необходимость в интеграции теоретических и практических знаний, направленных на изучение новых явлений, которые отличались масштабностью, целостностью и сложной системой взаимоотношений как внутри самих глобальных проблем, так и в их связи с экономической, социальной, политической сферами.

Таким образом, глобалистика изначально стала складываться и как принципиально новое научное направление, где на первый план выступили интеграционные процессы, и как сфера общественной практики, охватывающая международную политику, экономику и даже идеологию. Ее появление было своеобразным ответом на вызов времени. Этому способствовало и то, что сначала в промышленно развитых, а затем и в других странах резко ухудшилась экологическая обстановка – следствие усилившегося дисбаланса в отношениях человека с окружающей средой, – и которая, как вскоре выяснилось, оказалась тесно связанной с другими противоречиями, достигшими планетарного масштаба: гонкой вооружений, неравномерным социально-экономическим развитием отдельных стран и регионов, демографией и т. п. За открывшимся беспрецедентным загрязнением окружающей среды наиболее зримо обнаружились и угрожающие тенденции неконтролируемого роста численности народонаселения, безудержной гонки вооружений, исчерпаемости природных ресурсов и т. п., обозначившие серьезную опасность поступательному общественному развитию и даже существованию жизни на Земле.

Количественные и качественные и изменения в различных сферах общественной жизни и во взаимодействии общества с природой, исподволь накапливавшиеся в течение долгого времени, отразили не только сложность, многообразие и динамичность современной эпохи, ее сугубо технократический, сциентистский характер, но и экспансионистские настроения, направленные на безусловное покорение природы. Становилась очевидной антигуманная сущность безудержного роста неэкологичного промышленного производства и ничем не сдерживаемого технического прогресса. Тем самым новая область знаний все больше рассеивала технооптимистские настроения и раскрывала глаза все большему числу людей на то, что мир кардинально изменился, ибо наша планета никогда прежде не подвергалась таким перегрузкам. Ранее человек никогда не вступал в такие противоречия с результатами своего труда, сделавшими его предельно зависимым от научно-технических достижений и незащищенным перед мощью,

которую он сам же создал. Дисбаланс в отношениях общества и природы, достигший к тому времени предельно допустимых значений, а также фрагментарность и раздробленность человечества перед лицом глобальных проблем стали очевидны уже не только для специалистов, но и на уровне массового сознания. Однако здесь следует заметить, что некоторые тенденции становления целостного мира и происходящих в нем перемен оказались в центре внимания ученых и философов несколько раньше, чем эти изменения стали очевидными для всех. Так к первым попыткам осмыслить нарождающиеся мировые тенденции и вызванные ими принципиально новые общечеловеческие проблемы можно отнести идеи Т. Мальтуса о естественном регулировании численности населения [8, с. 341], рассуждения И. Канта о вечном мире [7, с. 83; 403], размышления Ж. Ламарка о роли человека, а также универсалистские взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенные ими в «Манифесте коммунистической партии»[9, с. 427–428] и ряде других работ. Созданный же по их инициативе в 1864 г. «*Первый Интернационал*» отразил назревшую потребность в консолидации на глобальном уровне различных политических и профессиональных сил и стал по сути одним из первых провозвестников множества международных организаций, которые во все большем количестве возникали с начала XX века. Теперь же они являются неотъемлемой частью современной жизни мирового сообщества, а число их многократно приумножилось.

Применительно к теме нашего исследования важно подчеркнуть, что появление международных организаций во второй половине XIX в. было явлением не случайным, а *закономерным.* Это был ответ на развившиеся экономические и социально-политические отношения, которые вышли за рамки национальных государств и породили объективную потребность в кооперации и координации межгосударственных усилий в решении принципиально новых, транснациональных задач. Примером тому, наряду с Первым Интернационалом, являются также *Красный Крест*, основанный в 1863 г. швейцарцем Анри Дюнаном, и первая международная межправительственная организация – Всеобщий почтовый союз – созданная в 1874 г. для обеспечения организации и совершенствования международной почтовой службы (с 1878 г. – Всемирный почтовый союз). Важную роль в создании международных организаций сыграли Первая и в особенности Вторая Мировые войны, окончание которых сопровождалось стремлением не допустить повторения пережитых ужасов и желанием выстроить эф-

фективную систему международной безопасности. Так, в 1919 г. была учреждена *Лига наций* – международная организация, основной целью которой провозглашалось развитие сотрудничества между народами и обеспечение гарантии мира и безопасности. В 1946 г. Лига наций была упразднена, т. к. к тому времени сложилась новая система международных отношений – в 1945 г. в Сан-Франциско был принят устав *Организации объединенных наций*, которая создавалась с целью поддержания и укрепления мира, безопасности и развития сотрудничества между государствами в послевоенный период. Суть новой ситуации состояла в том, что мир, окончательно разделившийся на два идеологически противоположных лагеря, все больше втягивался в гонку вооружений, порожденную «холодной войной», и нараставшие тенденции глобализации на десятилетия оказались вне поля зрения.

Вместе с тем, в теоретическом плане важную роль в осознании глобальных тенденций, когда они еще не были столь очевидными, сыграли работы В. Соловьева, Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, К. Э. Циолковского, А. Тойнби, К. Ясперса, Б. Рассела, Дж. Соммервилла и др. В первую очередь эти мыслители были озабочены принципиально новыми тенденциями, нарушившими естественное равновесие природных и общественных систем, и пытались дать им объяснение, опираясь на доступные их времени знания. Своими работами и рассуждениями о «численности населения Земли», «вечном мире», «мировом объединении пролетариата», «едином богочеловечестве», «ноосфере», «мировом правительстве», «космополитизме», «ядерном омнициде» и т. п., они подготовили философское, научное и широкое общественное сознание к пониманию того, что человечеству как единому целому, неразрывно связанному с естественными условиями его существования – биосферой, географической средой, космосом – уготована общая судьба и общая ответственность за будущее планеты [16]. Так, В. И. Вернадский, развивавший концепцию *ноосферы*, уже в 30–е годы XX в. сделал принципиальный вывод о видоизменении облика Земли вследствие современных масштабов преобразовательной деятельности человечества и предупреждал, что если общество не будет развиваться на разумных началах, согласуясь с естественными законами природы, то гибель всего живого на Земле неизбежна. «Человек впервые реально понял, – писал он в работе «Научная мысль как планетарное явление», – что он житель *планеты* и может – должен – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности,

семьи или рода, государств или их союзов, но и в *планетарном аспекте*» [4, с. 35]. А английский историк А. Тойнби, рассматривавший общественное развитие как сосуществование и взаимодействие различных цивилизаций, еще до компьютерной революции утверждал, что «в XX веке началась всеобщая всемирная история». Тем самым подчеркивалось, что кардинальные перемены затронули не только основы общественного устройства, но и основные тенденции мировых социальных процессов. К извечным философским проблемам бытия, сознания, смысла жизни, социально-политической перспективы современная эпоха добавила, таким образом, принципиально новую, никогда не существовавшую ранее тему – единой судьбы человечества и поиска путей выживания земной цивилизации.

Выступившие на первый план и резко усилившиеся во второй половине XX в. процессы глобализации, а также возросшая в этой связи взаимозависимость различных стран и народов обусловили и новый уровень осмысления данной темы. Еще больше стало новых международных структур и организаций, среди которых оказалось немало и таких, деятельность которых была направлена на осмысление глобальных проблем и порождающих их причин. Примерами такого рода являются: «Институт проблем будущего», созданный в Вене в 1965 г., Международный фонд «Человечество в 2000 году», основанный в 2000 г. в Нидерландах, «Общество по изучению будущего мира», организованное в 1966 г. в Вашингтоне и др. Подобных организаций со временем становилось все больше. Однако подлинный интерес к глобальной проблематике проявился после первых докладов созданного в 1968 г. *Римского клуба* – «*Пределы роста*» (1972 г.), «*Человечество на перепутье*» (1974 г.), «*Пересмотр международного порядка*» (1974 г.), «*За пределами века расточительства*» (1976 г.) и др. Исследовательские проекты этого Клуба очень быстро получили мировую известность и стали теоретической базой современной глобалистики, выполнив не только необходимую эвристическую и методологическую функцию в формировании принципиально новой области междисциплинарного знания, но и сыграв важную просветительскую роль. Таким образом, можно сказать, что глобалистика как особая сфера научных исследований и целостное миропредставление в основном сложилась к концу 80–х годов, и в последующем получила развитие за счет осмысления процессов глобализации, которые в то время еще оставались вне поля зрения ученых и специалистов, работавших в данной области. Основным импульсом, повернувшим науч-

ную и общественную мысль от изучения следствий к анализу их подлинных причин стали события, вызванные распадом социалистической системы и обусловившие новую расстановку сил на международной арене. И произошло это лишь во второй половине 90–х годов, когда мир в основном оправился от кардинальных перемен и занялся осмыслением новой ситуации. Именно тогда и пришла «вторая волна» интереса к глобалистике, которая обрела как бы «второе дыхание» за счет активного осмысления процессов глобализации.

При этом следует подчеркнуть, что для многих современных исследователей, пришедших в глобалистику на этой (второй) волне интереса к ней, наработанное раньше в значительной степени оказалось вне поля зрения, прежде всего, потому, что почти десятилетний разрыв между двумя «волнами» сопровождался ломкой прежних устоев и представлений, которые теперь нередко воспринимаются как рудименты прошлого, не достойные серьезного внимания. В итоге появилось множество работ, авторы которых утверждают, что будто бы глобалистика только начинает свою историю и не имеет никаких заслуживающих серьезного внимания наработок. Между тем, в этой области, еще до появления термина «глобализация», сложились достаточно четкие представления о тенденциях становления мирохозяйственных связей как единой системы и порождаемых ею глобальных проблемах. Были выявлены природа и генезис глобальных проблем, определены критерии их выделения и подходы к их систематизации, раскрыта глубокая взаимосвязь не только природных и общественных процессов, но и вытекающих отсюда противоречий, их обусловленность социальными, экономическими, политическими, идеологическими и научно-техническими обстоятельствами. Важнейшим достижением глобалистики в первые два десятилетия ее развития стала выработка и формирование приемлемого для различных наук языка междисциплинарного общения, разработка и уточнение с этой точки зрения ключевых, принципиальных понятий и категорий таких, например, как «*глобальная проблема*», «*экологический кризис», «экологизация производства», «демографический взрыв*», *«ядерная зима», «глобальная зависимость», «мировое сообщество», «новое мышление*», «*новый гуманизм*» и т. п. В итоге значительные изменения претерпело мировоззрение людей, как и понимание ими того, что человек в гораздо большей степени, чем то осознавалось раньше, зависит от природы, от окружающей его земной и космической среды, а также от складывающихся отношений и расклада сил на мировой арене. Стало

очевидным, что взаимозависимость всех сфер общественной жизни в мире неуклонно усиливается, в частности, усиливается воздействие друг на друга различных государств, которые, отстаивая свои сугубо национальные интересы и суверенитет, в условиях глобализации порождают принципиально новые противоречия в международных отношениях. Также было установлено, что появление и резкое обострение во второй половине XX в. глобальных проблем – это не результат какого-то просчета, чьей-то роковой ошибки или преднамеренно выбранной стратегии социально-экономического развития. Это и не причуды истории или результат природных аномалий. Глобальные изменения и вызванные ими общечеловеческие проблемы явились результатом многовековых количественных и качественных трансформаций как в общественном развитии, так и в системе «общество-природа». Причины их появления корнями своими уходят в историю становления современной цивилизации, породившей обширный кризис индустриального общества, технократически ориентированной культуры в целом [17, с. 174–180]. Этот кризис охватил весь комплекс взаимодействия людей друг с другом, с обществом, с природой и затронул жизненные интересы всего мирового сообщества.

Итогом такого развития стали не только «демографический взрыв» и глобализация экономики, но и деградация окружающей человека среды, очень быстро обнаружившая тенденцию к деградации и самого человека, так как его поведение, представления и образ мышления оказались не в состоянии своевременно меняться адекватно тем переменам, которые с нарастающей быстротой стали происходить вокруг него. Причиной же ускоренного развития социально-экономических процессов, как показали специальные исследования, явился сам человек и его целенаправленная преобразующая деятельность, многократно усиливаемая все новыми и новыми достижениями в области науки и техники. Было установлено, что только за последние десятилетия в результате стремительного роста научно-технических достижений в развитии производительных сил общества произошло больше изменений, чем на протяжении многих предшествующих столетий. При этом процесс изменений происходил с нарастающей скоростью и неизменно сопровождался все более глубокими и основательными преобразованиями в социально-экономических сферах. Так, если от вербального общения к письменности человечество шло около 3 млн. лет, от письма к печатанию – примерно 5 тыс. лет, от печатания к таким аудиовизуальным средствам, как телефон, радио, звукозапись, телевидение и т. п. – при-

мерно 500 лет, то для перехода от традиционных аудиовизуальных средств к современным компьютерам и космических средствам связи потребовалось уже менее 50 лет. Еще более короткими сроки, от новых изобретений до их практической реализации, стали к концу XX века, измеряясь зачастую уже не годами, а месяцами и даже днями. Подтверждением тому стало беспрецедентное по скорости и масштабам распространение сети Интернет, электронной почты, радиотелефона. В то же время техника, экономика, наземный и морской транспорт колоссально увеличили мобильность и преобразующие возможности людей, численность которых все еще продолжает увеличиваться угрожающими темпами. Так, если в начале нашей эры все человечество насчитывало не более 250 млн. чел., а отметки в 1 млрд. оно достигло только к 1800 г., то в 1930 г. на Земле было уже 2 млрд. чел.; в 1975 – 4 млрд., а в октябре 1999 г. – 6 млрд. В результате на Земле не осталось не только неизведанных человеком мест, но практически чистых территорий, водного и воздушного пространства, естественное состояние которых не было бы прямо или косвенно подвержено влиянию человеческой деятельности. Все это дало основание называть нашу планету к началу 90–х гг. «общим домом», «островком во Вселенной», «мировой деревней», «космическим кораблем «Земля», проблемы же, которые оказались общими для всех людей – глобальными, а сферу их исследования – глобалистикой.

Наряду с другими областями научного знания, затрагивающими общественные процессы, глобалистика тесно связана с политикой и идеологией. В этом аспекте правомерно говорить о различных направлениях и течениях глобалистики, которые наиболее ярко проявились с конца 60–х до начала 90–х гг. XX в. Тогда становление и развитие глобалистики проходило в условиях жесткого противостояния двух идеологически враждебных общественно-экономических систем, что и предопределило ее развитие в двух направлениях, одно из которых получило название «западная», другое – «советская глобалистика». В последнее десятилетие идеологическое противоборство уступило место разногласиям экономическим, культурным, религиозным, национальным, которые стали основанием разделения мира на ряд крупных регионов – своеобразных субъектов международных отношений, а на первый план выдвинулись культурно-цивилизационные различия в понимании тенденций и противоречий современного мира. Это дает основание, как и прежде, но уже по другим критериям, выделять в глобалистике различные подходы к пониманию современных мировых процессов, в частности, *западный, евразийский, восточ-*

ный, исламский и др. Из множества таких подходов выделим наиболее распространенные и чаще всего встречающиеся в литературе.

Так, в западной глобалистике изначально наиболее отчетливо проявлялось два крыла: «технократическое» и «технопессимистское». В последующем их позиции сблизились и, в то же время, по-разному скорректировались под влиянием различных оценок перспектив развития мирового рынка, а потому указанное деление теперь можно принять весьма условно. Представители первого из них в решении глобальных противоречий подчеркивают широкие возможности науки и техники, придают важное значение научно-техническому прогрессу, подчеркивают его важное значение и влияние на жизнь общества (Т. Веблен, Г. Кан, У. Браун, Д. Белл, А. Тоффлер, А. Турен, А. Шафф, Г. Фридрихс, А. Винер, Г. Скотт, Д. Несбит, Э. Вайцзеккер, Л. Ловинс и др.). «Технопессимисты» же возлагают ответственность за негативные последствия глобализации и обострение глобальных проблем на научно-технический прогресс, крупный международный капитал, транснациональные корпорации (Г. Маркузе, Д. Медоуз, К. Боулдинг, Т. Роззак, П. Гудмен, М. Робертс, К. Девис, А. Эрлих, У. Бек, а также многочисленные представители «новых левых», «зеленых», «антиглобалистов» и др.).

В россиийской науке и философии глобалистика представлена рядом направлений, которые с определенной долей условности можно разделить на:

1. «Философско–методологическое и научно–теоретическое». В его рамках исследуются философские основания, сущность, генезис глобальных процессов, анализируются наиболее важные социально-политические и экономические преобразования, необходимые для успешного решения глобальных проблем и лежащих в их основе процессов. Здесь широкую известность и важное значение приобрели работы В. И. Вернадского, И. Т. Фролова, Н. Н. Моисеева, В. А. Энгельгардта, П. Л. Капицы, Е. К. Федорова, Н. Н. Иноземцева, Д. М. Гвишиани, В. С. Степина, В. В. Загладина, Г. С. Хозина, И. Б. Новика, Э. А. Азроянца, И. В. Бестужева-Лады, Ю. В. Шишкова, А. С. Панарина, А. И. Уткина и др.).

2. «Социо-природное» направление в глобалистике охватывает широкий круг проблем, из которых наибольшую озабоченность и беспокойство вызывает экология, обеспеченность сырьевыми, энергетическими, водными, земельными и др. ресурсами. В этой области исследований в тесном контакте работают представители естественных, технических, общественных наук, политики, производственники, общественные деятели. Их усилия направлены на выработку принци-

пов и методов оптимизации взаимодействия общества и природы, экологизацию производства и рациональное природопользование (А. Л. Яншин, Н. Ф. Реймерс, М. М. Камшилов, Г. В. Добровольский, М. И. Будыко, В. А. Ковда, Ю. А. Израэль, А. С. Исаев, М. Г. Хубларян, В. И. Данилов-Данильян, И. И. Мазур, В. В. Снакин, Н. Н. Дроздов, Э. В. Гирусов, А. Д. Урсул, В. А. Лось, Н. М. Мамедов и др.).

3. «Культурологическое», где в центре внимания находятся проблемы глобализации, возникающие в сфере научно-технического прогресса, народонаселения, здравоохранения, культуры, права, образования и других областях общественной жизни (Н. А. Агаджанян, С. П. Капица, Н. С. Касимов, Г. С. Гудожник, Э. А. Араб-Оглы, В. В. Петров, Б. Ц. Урланис, А. В. Кацура и др.).

В последние годы в глобалистике наметилась новая тенденция, показывающая, что внимание ученых, исследователей и даже политиков все больше смещается от отдельных глобальных проблем к процессам глобализации и росту взаимозависимости современного мира. Причиной тому является не вполне удовлетворительный почти тридцатилетний опыт осознания и преодоления отдельных глобальных проблем и стремление выяснить фундаментальные причины их появления и нарастающей остроты. Данная тенденция характерна как для конкретных научных дисциплин, так и для философии в целом, представленной различными странами и континентами. В частности, на Всемирных философских конгрессах, проходивших в Москве (1993 г.) и в Бостоне (1998 г.), хотя непосредственно о глобализации и не шла речь, но секции и круглые столы, посвященные глобальным проблемам, были. А XXI Всемирный конгресс философов, состоявшийся в августе 2003 г. в Стамбуле, и вовсе целиком был посвящен теме «Философия лицом к мировым проблемам». В России в последние годы также активизировались исследования в данной области, о чем свидетельствует и рост публикаций на эту тему, и плодотворная работа Клуба ученых «Глобальный мир», и издание на русском и английском языках междисциплинарной энциклопедии «Глобалистика», подготовленной большим коллективом ученых и специалистов, представляющих около трех десятков различных стран мира.

В подведении общего итога можно сказать, что к настоящему времени *глобалистика* обрела достаточно четкие и вполне сформировавшиеся очертания. В узком смысле этого слова она являет собою *междисциплинарную область научных исследований, направленных на выявление сущности процессов глобализации, определение причин их появ-*

ления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею глобальных проблем и поиск путей утверждения позитивных и преодоления негативных для человека и биосферы последствий этих процессов.

В более широком смысле термин *«глобалистика»* обозначает всю совокупность «научных, философских, культурологических и прикладных исследований различных аспектов глобализации и глобальных проблем, включая полученные результаты таких исследований, а также практическую деятельность по их реализации в экономической, социальной и политической сферах, как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе» [5, с. 199].

Во избежание неправомерных аналогий и методологической путаницы важно еще раз подчеркнуть, что глобалистику не следует понимать как какую-то отдельную или специальную научную дисциплину, которые во множестве возникают, как правило, в результате дифференциации научного знания или на стыке смежных дисциплин. Она рождена противоположными – интеграционными – процессами, характерными для современной науки, и представляет собой сферу исследований и познания, где различные научные дисциплины и философия, по большей части в тесном взаимодействии друг с другом, каждая с позиции своего предмета и метода, анализируют всевозможные аспекты глобализации, предлагают те или иные решения глобальных проблем, рассматривая их как в обособлении друг от друга, так и в качестве целостной системы. Отсюда проистекает важное следствие. Можно ставить вопрос о *предмете, объекте, методе, цели, понятийном аппарате* и т. п. глобалистики, как то предлагают некоторые исследователи. Однако нужно иметь в виду, что ответы на эти вопросы применительно к глобалистике лежат в иной плоскости, нежели относительно той или иной конкретной науки. В частности, предмет ее не может быть определен однозначно, хотя упрощенно и можно сказать, что ее предметом является целостность мира, человечество в целом или вся биосфера с основным ее элементом – человеком. Также и понятийный аппарат глобалистики только в определенной мере (на философско-методологическом уровне) будет единым, в остальном же он оказывается «размытым» по отдельным наукам, причастным к соответствующим исследованиям. А если говорить о методах или целях глобалистики, то помимо определения каких-то базовых подходов придется заняться перечислением не только отдельных наук и их вклада в исследование соответствующих проблем, но и выявлением того, каким образом в глобалистике задействованы философия, культурология, политика, идеология, что делает решение такой задачи заведомо практически невыполнимым [17].

Еще одно важное отличие глобалистики от конкретных научных дисциплин состоит в том, что осмысление глобальных тенденций и принципиальное преодоление порождаемых ими проблем требует не только теоретических исследований, но и соответствующих им результативных практических действий. Глобалистика тем самым объективно выполняет интегративную роль в сфере науки и практики, заставляя многих ученых, политиков и общественных деятелей по-новому посмотреть на современный мир и осознать свою сопричастность единой судьбе человечества. Она заставляет задуматься над тем, что глобализация и порождаемые ею проблемы не оставляют человечеству иного выбора, как, преодолевая раздробленность и разногласия, идти к своему единству, по возможности сохраняя самобытность культур, вековых традиций и особенностей отдельных наций и народов. Но такое единение и согласованность действий может обеспечить лишь адекватное понимание происходящих в современном мире процессов и событий, знания о которых вырабатываются и формулируются в глобалистике.

В заключение необходимо отметить, что ряд выводов, основанных на анализе объективных тенденций общественного развития, могут встретить обоснованные возражения со стороны тех, кто видит в глобализации, прежде всего, борьбу интересов и целенаправленную деятельность отдельных кланов или государств, в том числе и ценой игнорирования интересов, а то и попрания законных прав других. Замечания такого рода будут справедливы, и их следует учитывать как в теоретических исследованиях, так и в практической деятельности, когда дело касается феномена глобализации. Однако в вопросе о статусе глобалистики мы имеем дело с решением другой задачи и сталкиваемся не с субъективным фактором, а, как правило, с субъективизмом и пристрастием отдельных исследователей, мнения которых не должны подменять анализ объективных тенденций мировых процессов и естественным образом складывающихся форм их исследования.

Библиографический список

1. Азроянц Э. А. Глобализация как процесс : материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир» / Выпуск пятый. – М., 2001.
2. Василенко И. А. Политическая глобалистика. – М. : Логос, 2000.
3. Васильев В. С. Древний Рим и Палестина: имперские прообразы современной глобализации : материалы постоянно действующего междисци-

плинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир» / вып. 2 (25). – М. : Институт микроэкономики, 2003.
4. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М. : Наука, 1988.
5. Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.
6. Зиновьев А. А. Глобальное сверхобщество и Россия. – Минск ; Москва, 2000.
7. Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. – М. : АО «Ками», 1993. – Т. 1.
8. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения и его воздействие на будущее процветание общества. – СПб., 1868. – Т. 2.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / 2-е изд. – М., 1956. – Т. 4.
10. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории / Синергетика – психология прогнозирование. – М. : Мир, 2004.
11. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М., 2000.
12. Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. – М., 2003.
13. Самохвалова В. И. Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии : Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир» / Вып. 11 (23). – М. : Институт микроэкономики, 2002.
14. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2001.
15. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. – М. : Проспект, 2005.
16. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. – М. : Канон+, 2006.
17. Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. – 2011. – № 2.
18. Immanuel Wallerstein, One World, Many Worlds. – New York : Lynne Reiner, 1988.
19. Giddens A. Jenseits von Links und Rechts / Die Zukunf radikaler Demokratie / Edition Zweite Moderne. – Frankfurt : Suhrkamp, 1996.
20. Roland Rodertson. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London : Sage, 1992.
21. Perlmutter H. V. On the Rocky Road to the First Global Civilization / in: A. King (Hg.), Culture, Globalization and the World Sistem. – London, 1991.

VI. PHILOSOPHY OF ECONOMICS: CONTENT AND RESEARCH METHODS

CIVIL SOCIETY AND ACTIVITY OF BUSINESS WOMEN

N. R. Annaeva *Candidate of Philological Sciences, Urgench State University named after Al-Khorezm, Urgench, Khorezm, Uzbekistan*

Summary. Essential side and opportunities of development of entrepreneurship among women are discussed in this article.

Keywords: entrepreneurship; civil society; social; economical; political; democratic country.

It was very responsible objective for Uzbekistan to choose its own way of development. Our President I. A. Karimov correctly stated that its impossible to build democratic country and civil society without renewing socio-economic views, without changing the views of people towards work. I. A. Karimov pointed out that the way we have chosen is directed at building social market economy. This way is based on comprehensively taking into account world experience and also life conditions of our people, traditions, customs and life styles [1].

Market economy and civil society are phenomenon that interrelated dialectically, fulfills each other. "Free economy is the system of equality of opportunities [4]. Civil society is a social place that provides person's rights and freedom. So personal freedom and rights are the values which they respect.

Market economy creates an opportunity for women to realize their economic democratic rights, and also to participate in the life of socium social active work.

Of course, using these opportunities would be different in different stages. For example, participation of the women in Uzbekistan in social economic sphere was 46,5 percent in 1992, 42,2 percent in 1997, and in 1999 it was 42 percent. Between the years of 1992–1999 participation of women in social economic sphere was reduced by 4,5 percent. "This situation (that's reducing N.A.) might have continued, because of some reasons as spiritual, religious, family, limiting rights of women to work and participate in social life increased.

Our Republic authorities who realized this issue on time took immediate measurements to increase women's social, economical, political activity" [2, p. 159–160].

As a result, today women occupy 12,5 percent in small and medium business entities, 67–70 percent of employees in farms and 80 percent of entrepreneurs consist of women [3].

51 percent of population of Republic of Uzbekistan is women. It's a great socio-economic potential. Usage of this potential helps not only to solve socio-economic problems, but also develop free civil society.

Involving families of our Republic to socio-economic life starts from provision of employment to women. 45–47 percent of families are large families. Creating opportunities to do business for women in these families first of all provides country's socio-economic development; secondly, increases employment of population; thirdly, achieves to make women happy and active member of society. Because its difficult for woman who is not satisfied with her way of living, and place in society to contribute to formation of healthy generation.

One of the main aims of civil society is to involve women to business, to teach them to foundations of entrepreneurship, to help to fortify their knowledge on business and by this way to create new jobs by supporting women financially.

The main side of the development of business among women is to create jobs by taking into consideration their interests.

Improving entrepreneurship of women is an objective that comes out of economic policy. In addition, its found out that entrepreneurship of women is facing a range of problems. It's known from popular surveys, that to the question "Which things are preventing you from doing business and entrepreneurship?" 80 percent of women answered "lack of finances", 72 percent answered "local authorities prohibited", 61 percent "permanent job is not allowed", 43 percent "no time", 29 percent "lack of knowledge", 27 percent "no organizational and business skills", 12 percent "no support from family".

It's clearly seen that government and society supports entrepreneurship of women, but carelessness in some places, conservative views in the family, along with that lack of knowledge, initiative and judicial illiteracy are still remaining as main obstacles.

During independence years special attention has given to the social activity of women in our country. So activeness of entrepreneur women is one of the problems of today. Taking these into account strengthening women's entrepreneurship finds its expression in the followings:

- to analyze the role and place in society from today's point of view;

- to analyze legal bases of entrepreneurship developed during independence;

- to analyze theoretically views and approaches related to activities of business women in society;

- to fortify the problems of studying of social activity of women in Uzbekistan;

- to analyze positive affect of women's business activity on family environment;

- to analyze affect of women's business activeness in market relations conditions on development of society;

We know that civil society requires social activity from everybody. Defending his own stand in life, rights turns into social active subject. It's been said that "the one who wants to work finds both chance and mean".

Today time has come to propagate seeing women's entrepreneurship as society's permanent part and study specially the positive experiments about this.

Bibliography

1. Karimov I. A. Motherland is as holy as holy place. – T. : Uzbekistan, 1996.
2. Nishonova N. R. Social-political activeness of women in state management system. – T. : Science, 2013.
3. Sharifhadjaeav M. Formation of open civil society in Uzbekistan. – T. : Sharq, 2003.

ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТЕОРИИ СТЕЙКХОЛДЕРОВ

Е. Ю. Мартьянов

Аспирант,
Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия

Summary. The article presents analysis of entrepreneurship phenomena in stakeholder's theory – one of the schools of business ethic. Page sets such core definitions of stakeholder's concept as value, value relationship, entrepreneurship. Author declares necessity of research values aspects of entrepreneurship, sets value relationship as foundation of entrepreneur activity.

Keywords: value; stakeholder; entrepreneurship; entrepreneur; value relationship; Wartiovaara.

В актуальной научной литературе по предпринимательству представлено значительное количество форм ведения бизнеса: семейное предпринимательство, серийное предпринимательство, принудительное предпринимательство. Термин «предприниматель» включен в широкую междисциплинарную сферу исследований, к которой относятся такие науки, как этика, экономика, социология. Тенденция разложения гуманитарного знания приводит к появлению таких прикладных дисциплин, как этика бизнеса. Многочисленные факты в социальной и культурной действительности подтверждают, что проблемы предпринимательства и бизнеса – одни из важнейших в современной науке.

Современное состояние общества определяет ситуацию, когда экономика оказывается включенной во все аспекты социальной действительности. Все геополитические проблемы связаны с экономикой, философия и теология стремится к разработке экономической методологии для обоснования и доказательства широкого круга исследовательских проблем. Подобные процессы можно наблюдать в культуре и искусстве. Вне зависимости от нашего желания экономический стиль мышления охватывает всю жизнь современного человека. Подобная интеграция приводит к появлению популярной экономики, значение которой неоднозначно. Немногие способны понимать экономику в ее фундаментальном, академическом дискурсе, большинство осваивает экономику на уровне популярных интерпретаций или же исключительно на

прикладном. Популяризация «маргинальной» экономики, в основе которой лежат индивидуальные интерпретации, рождает различные формы экономического экстремизма, существующие в нашем обществе. Влияние теорий, где господствует исключительно экономический подход, приводит к частичному или полному уничтожению ценностного содержания феномена предпринимательства.

В зависимости от рассмотрения тех или иных проблем предпринимательства, теоретический фундамент и методология исследования могут быть совершенно противоположными. Обращаясь к вышесказанному, отметим, что существуют теории предпринимательства, которые исследуют бизнес исключительно с точки зрения экономической выгоды. Примером подобных концепций могут являться теории агентства, стоимости экономической сделки, индустриальной организации, структурного подхода к общественным сетям. Теоретическая база подобных концепций исключает какое бы то ни было моральное содержание. Тезис о максимизации прибыли, идея о полном разделении морали и экономики появляется в научной мысли достаточно часто. Интересно мнение М. Вартиоваара, который в своей работе «Ценности и свобода» рассматривает подобную ситуацию. «Роберт Фримен, в свою очередь, обобщил сущность разделения дискурса бизнеса и этики в идее, которую он назвал «Принцип разделения». В соответствии с данным принципом, «…Дискурс бизнеса и дискурс этики могут быть определены как высказывания типа: «Х – бизнес решение», не имеющее морального содержания, и «Х – нравственный поступок», не имеющий бизнес-составляющей. Фримен продолжает утверждать, что весь смысл теории заинтересованных сторон заключается в отрицании идеи разделения и схожих с ней принципов. Пока экономика и этика будут рассматриваться отдельно друг от друга, у теоретиков бизнеса будет свобода для создания «свободных от морали теорий, таких, как теория агентства, которые могут быть использованы для оправдания большого вреда» [1, с. 3].

Теория заинтересованных сторон, или теория стейкхолдеров, представляет собой опыт рассмотрения феномена предпринимательства средствами и методологией этики. Сторонники теории заинтересованных сторон признают, что этические вопросы неизбежно существуют во всех аспектах бизнеса. Любое принятое решение имеет этические последствия, вне зависимости от нашего желания. Обращаясь к мнению исследователя теории заинтересованных сторон, М. Вартиоваара, отметим: «…экономика без морали может привести к созданию беспринципных теорий, отрицающих какие бы то ни было ценности, кроме выгоды» [1, с. 3].

В центре концепции теории заинтересованных сторон лежит идея о множестве субъектов предпринимательства. В отношения включается не только предприниматель, но и акционеры, инвесторы, управленческий и обслуживающий персонал, покупатели. Расширение числа субъектов позволяет воспринимать предпринимательскую деятельность как открытую систему, оказывающую влияние на все заинтересованные группы, но также и преобразуемую этими группами. Подобная ситуация, когда субъект одновременно оказывает и испытывает влияние, определяется как ценностное отношение. Главной же характеристикой ценности как фундаментальной категории теории стейкхолдеров является изменение.

Сторонники теории заинтересованных сторон исследуют ценностную и социальную природу среды отношений, возникающих в предпринимательстве. Например, М. Вартиоваара задачей исследования теории заинтересованных сторон считает не попытку определения человеческой природы, но попытку понимания человеческих возможностей.

В своем исследовании «Ценности и свобода» Вартиоваара определяет предпринимательство как характеристику, которую можно найти везде в любое время [1, с. 6]. Обращаясь к определению термина «предприниматель», исследователь обнаруживает наличие в нем устойчивого смыслового значения – «активность». Это подтверждается исследованием словарных статей на французском, финском, английском языках. Таким образом, главную характеристику предпринимательства можно определить как деятельность, а значит предпринимательство – это вид социальной активности, который может проявляться везде и всегда. Главным отличием одного индивида от другого в предпринимательской среде является лишь степень, глубина и вид деятельности, которые проявляет предприниматель по отношению к предмету своего интереса.

Библиографический список:

1. Wartiovaara M. Values and freedom: An inquiry to the rise and fall of billionaire wealth. – Helsinki : Hanken school of economics ; Edita prima ltd., 2012. – 647 p.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА, СУЩНОСТЬ И СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

И. Р. Юсупова *Преподаватель,*
Ш. К. Жуманиёзова *студентка,*
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми,
г. Ургенч, Хорезмская область,
Узбекистан

Summary. The article is about social economic basis of the society, its common laws and the types of economic consciousness.

Keywords: economics; social life; historical process; social consequence; culture; economic life.

Общие законы, на которые опирается социально-экономическая основа общества, оказывают влияние на формирование и реализацию экономического сознания. Мы, основываясь на концептуальное правило, «оказываем влияние», стараемся сформулировать свою точку зрения. Это правило относительно спорно при традиционном подходе к материалистической философии.

Известно, что материалистическая философия в процессе влияния «социального быта», «социальной среды» на сознание, особенно стараясь обосновать, подчеркнуть, разъяснить значение его «определённой» роли, претендовала на его единственность, «истинность» [2, с. 56–59].

На всех этапах социального развития государством, обществом и учёными всегда уделялось внимание проблемам и процессам экономики. Для удовлетворения потребностей населения даны экономические понятия материального и духовного производства.

В экономике решающую роль играет человеческий труд. Хлеб и сталь, уголь и ткани, машины высокой производительной мощности, мощные электростанции и скотоводческие комплексы, дома – всё это, как и остальное, создано человеческим трудом [3, с. 34].

Анализ изменений в социально-экономической жизни общества показывает, что оно, **во-первых**, не самостоятельно развивающийся общественный комплекс; **во-вторых**, нельзя отрицать зависимость социально-экономической жизни от разума: на какие важные правила, учения опирается экономический разум, если люди соблюдают их, то изменения в социальной жизни тоже будут аналогичны им; **в-третьих**,

идея, что «быт определяет разум» будет правильной, если сформулировать её как, «быт влияет на разум». Тогда появляется возможность поразмыслить об отрицательном влиянии разума, в том числе, экономического разума, на социально-экономическую жизнь общества; **в-четвёртых,** это показывает высокую роль экономического разума. Тогда станет ясным, что социально-экономическая жизнь и есть следствие влияния экономического разума.

При каждом трудовом процессе личность, чтобы выполнить определённую задачу, тратит физическую и умственную силу в соответствии с целью. Но это означает, что умственный и физический труд не соответствуют друг другу, а имеют значительные различия. Разделение труда на умственный и физический виды играет важную роль в развитии общества.

Постепенно изменяет влияние на процесс развития общества сфера применения умственного труда, его социальное направление. Материальные блага, ремесленные изделия, производились на основе эмпирического знания в эпоху, когда не требовалось грамотных людей.

Создание механических орудий производства породило возможность внедрения в производство научных изобретений, потребовались специальные теоретические знания агрономов, инженеров, техников и др. А умственный труд стал достоянием социального слоя грамотных людей. Ныне многие исследователи считают их социальной группой. Мы присоединяемся к этому мнению, поскольку образованные люди, специалисты, являются хозяевами интеллектуального богатства и продают его в качестве товара, в качестве особой формы профессионального труда.

Вообще, социально-экономическая жизнь есть отображение социального разума. Иначе говоря, люди по своему воображению, мировоззрению строят социально-экономическую жизнь. Становится ясной проблема взаимоотношений, взаимосвязи между социально-экономической жизнью и экономическим разумом. Социально-экономический разум не становится таким, каким является социально-экономическая жизнь. Наоборот, каким является экономический разум, в соответствии с ним изменяется социально-экономическая жизнь. Можно сказать, что в изменении социально-экономической жизни общества место человеческого разума имеет приоритетное значение. Большим стимулом для социального развития общества является то, насколько развит социальный разум, в том числе экономический разум. «Если не меняется разум и мышление, не меняется и жизнь».

Какие функции выполняет умственный труд, и какие характерные особенности он имеет сегодня?

Умственный труд в процессе развития обрёл ряд следующих признаков:

а) интеллектуальность, эмоциональность. В умственном труде эти качества имеют приоритет по сравнению с физическим трудом;

б) независимо от того, какой формы и степени бывает умственный труд, он имеет большое социальное значение. Умственный труд обеспечивается и становится реальным благодаря физическому труду. Он зарождает возможность повышения эффективности производства материальных благ, изменение характера труда, позволяет механизировать тяжёлый физический труд;

в) умственный труд, будучи не столь тяжёлым, по сравнению с физическим трудом, более значим для культуры трудящихся людей и совершенствования производства;

г) сложна деятельность любой профессиональной группы, занятой умственным трудом. Она различается по творческой составляющей и исполнительской лепты, а также по степени и связи с его руководящей системой. Это, в свою очередь, показывает внутреннее социальное разнообразие (внутренняя дифференциация) грамотных людей;

д) чем быстрее идёт социальное развитие, тем больше становится роль людей умственного труда.

На всех этапах социального развития главная задача умственного труда заключается в ускорении социального развития во всех сферах общественной жизни, в разностороннем развитии каждого члена общества на основе научно-технического развития производства материальных и культурных благ. Люди умственного труда или активно участвуют в развитии производственных сил, в познании и изменении мира, в ускорении научно-технического развития. Они теоретически объединяют исторические культурные богатства и открытия сегодняшних социальных исследований. Человечество выступает в качестве гуманитарного знаменоносца культурного, исторического развития. Люди умственного труда, играя коммуникативную роль в культурных, исторических процессах, объединяя научные, культурные информационные институты, доводят их из поколения в поколение. Таким образом, они также выполняют функцию научно-социального, творческо-эстетического познания мира.

Библиографический список

1. Каримов И. А. Озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт – пировард мақсадимиз. – Т. : Узбекистан, 2000. – 14 с.
2. Рахматуллаева Д. Ўз даври тафаккури – маҳсули // Тафаккур. – 2013. – № 4.
3. Холмурадов А. Ижод-тафаккур // Мулоқот. – 2013. – № 4.
4. Экономическая теория / под ред. М. Ш. Шарифходжаева. – Т. : Узбекистан, 1999. – 21 с.

VII. HUMANISM AND FUNCTIONALISM AS PARADIGMS OF MODERN PHILOSOPHIC ANTHROPOLOGY

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ПОНЯТИЙНЫЕ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ КОНТУРЫ

М. А. Антипов *Кандидат философских наук, доцент, Пензенский государственный технологический университет, г. Пенза, Россия*

Summary. This article presents the author's attempt to examine the causes, origins and features of the formation of humanistic ideas in the context of the socio-historical process. The author introduces and interprets the concept of humanistic discourse and outlines key historical milestones in its development.

Keywords: humanism; humanist discourse; humanistic concept.

Исходя из социально-феноменологического подхода, ориентирующего на анализ чистых форм сознания и их проявления в социальном конструировании реальности, интерпретация гуманизма как философской категории и как возможного принципа социальной жизни представляется нам результатом личностной интерпретации проблемы должного отношения человека к человеку [1, с. 26]. Любая трактовка гуманизма – это продукт работы сознания философа на основе синтеза личного жизненного опыта и философского метода, то есть особым способом духовного освоения действительности, сложившихся канонов и подходов.

Гуманистические концепты, составляющие часть общественного сознания, вмещают в себя комплекс идей и представлений о должном или нормативном характере социальных отношений. В области социальной жизни данные идеи проявляются в виде гуманистических практик в отношениях между индивидами и социальными группами. При чём, какие практики считать гуманистическими зависит от сложившейся в данный момент как в сознании данной здесь и сейчас группы, так и в сознании социального актора, понимания гуманизма.

Гуманизм – неоднозначное понятие с подвижными и размытыми семантическими границами, поэтому в нашей работе мы считаем целе-

сообразным ввести еще одно понятие – гуманистический дискурс, под которым в самом общем смысле следует понимать всё многообразие рассуждений о гуманизме, оформленных по определенным правилам.

Гуманистический дискурс актуализировался в те моменты истории человечества, когда наблюдался кризис, затрагивающий духовную мировоззренческую сферу жизни общества, когда вновь пробуждались вопросы о месте человека в мире, о его судьбе, смысле жизни, свободе, ответственности и т. д.

Истоки гуманистического дискурса можно проследить в осевом времени, когда человек сделал объектом познания самого себя и свое место в мире, а также свою неразрывную связь с другими людьми, причем не только с современниками, но и с предками и потомками [6, с. 127]. Среди вопросов подобного плана важную роль стал играть вопрос о должном отношении человека к человеку. Стимулом к возникновению гуманистических рассуждений как дискурсивного процесса и гуманистических представлений как мыслительно сформированных и выраженных в знаковой (преимущественно языковой) форме стала рефлексия человечества над своим местом в мире и понимание своей «бездомности», «заброшенности», погруженности в безбрежную пучину бытия. Ведь выдержать подобные условия бытия человеку в одиночестве намного сложнее, чем сообща, вместе с другими.

Именно это способствовало формированию стремления к единению, сплоченности, что, в свою очередь, послужило стимулом к осознанию необходимости взаимопомощи, соучастия в жизни другого, уважения его особенностей и потребностей. Хотя с другой стороны, формирование гуманистических принципов и идеалов, выраженных чаще всего языком философии, не означало и не означает их абсолютное воплощение в социальной практике. Иными словами, гуманистические представления существуют и развиваются скорее как аксиологический фрагмент коллективного сознания, духовной жизни, чем как реально воплощаемые в практике принципы социального взаимодействия, правила социального поведения.

Так, античный гуманизм, получивший выражение не столько в философии, сколько в художественном искусстве, означал стремление к достижению человеком физического и духовного совершенства, развития как тела, так и духа, хотя уже в античные времена это было значительной редкостью среди людей той эпохи. Параллельно на Востоке формируются и получают развитие такие философско-религиозные учения, как конфуцианство и буддизм, исходящие из принципов уважения и сострадания в отношениях человека человеком.

Возрожденческий гуманизм сформировался в условиях секуляризации общественного сознания в странах Западной Европы и перехода от теоцентризма к антропоцентризму. При этом, переход этот был обусловлен нараставшим кризисом теологического мышления: религиозные объяснения мировоззренческих вопросов все больше не устраивали общественность, а методы познания, признаваемые Церковью, не могли решить насущных познавательных задач, что требовало развития иных форм познания и мышления. В результате дискредитации церкви христианская картина мира начинала «давать сбои», а это означало разрушение традиционных для людей Средневековой эпохи мировоззренческих принципов, что вело к образованию мировоззренческого вакуума. Иными словами, на вопросы, ответы на которые можно было найти в религии, утратившей прежнее значение, стали нужны иные ответы. Это привело к смене понимания человека и его места в мире.

Следующий «всплеск» гуманистического дискурса приходится на период с конца XIX века по середину XX столетий, что было обусловлено нарождающимся духовным кризисом европейской цивилизации, апогеем которого стали две мировые войны и угроза экологической катастрофы. Это время, когда формируется особое понимание гуманизма в России в рамках русской религиозной философии, затем позднее француз Жан-Поль Сартр заявляет в своем своеобразном манифесте, что экзистенциализм – это гуманизм, формируя экзистенциалистское понимание должного отношения к человеку [4, с. 69]. А. Швейцер, теолог, философ и врач-подвижник, формирует гуманистический принцип благоговения к жизни, распространяя его не только на человека, но и на все живое на Земле [5, с. 95].

В тоже время XIX век – это и время формирования антигуманистических концепций, например, учения о человеке Ницше, в котором он идеализирует силу и власть, выражение презрение ко всяким проявлениям слабости и посредственности [3, с. 192]. Ф. Ницше, по нашему мнению, не идеализировал человеческую природу, а показывал человека и его отношения с другими людьми такими, какие они есть на самом деле. Об этом и свидетельствует знаменитое «падающего толкни».

Обнажение противоречивости и трагичности бытия человека за двести с лишним лет нашло отражение и в художественной литературе (Ж. П. Сартр, А. Камю, Ф. М. Достоевский), так и в кино (кинокартины А. Тарковского, Ларса фон Триера, Д. Кроненберга и т. д.) [2, с. 201]. Так, в кинофильме «Догвиль» мы видим наглядную картину реальности межчеловеческих отношений, в которой наиболее ярко проявляются фальшь,

цинизм, жестокость и абсолютно прагматичный подход в отношении к индивиду. И это художественно-образное, пусть гротескное, но пугающее отображение реальной жизни и ее перипетий, которые всегда имели место, есть сейчас и всегда будут встречаться в обществе.

В целом, в развитии гуманистического дискурса можно проследить диалектический процесс столкновения изначальных представлений о человеке как существе, способном и стремящемся к совершенству с заложенным в нем невиданным потенциалом, и последующих идей о низменности и слабости человеческой природы, её эгоизме и неспособности к активной и продуктивной жизни. Результатом диалектического синтеза таких представлений стало формирование концептов, признающих противоречивость человеческой природы и трагичность бытия человека в мире.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности // Трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – М. : Художественная литература, 1978. – 462 с.
3. Ницше Ф. Сумерки кумиров, или как философствуют молотом // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. – СПб. : Худож. лит., 1993. – 672 с.
4. Сартр Ж. -П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Составление и общая редакция А. А. Яковлева. – М., 1989. – 398 с.
5. Швейцер А. Культура и этика – М. : Прогресс, 1973. – 344 с.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории – М. : Республика, 1994. – 527 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ ПЕДАГОГОВ В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Х. Н. Бегижонова

Проректор,
Сурхандарьинский областной
институт повышения квалификации и
переподготовки педагогических кадров,
г. Термез, Сурхандарьинская область,
Узбекистан

Summary. This article analyzes the problem of the development of general and specific communication (communication path, contact) skills of school teachers and teacher specialists recommended methodological approaches to creating professional communication training.

Keywords: communication skills; teacher training; adaptation; system approach; personal approach; cooperation in training activities.

Проблема развития общих и специальных коммуникативных (пути связи, контакта) навыков школьных преподавателей является важной социальной проблемой, её же воплощение в будущем будет связано с производством конкурентоспособной и качественной продукции в социальной сфере. Но это влечёт за собой множество проблем и противоречий. Здесь речь идёт, с точки зрения требований социальных заказов, о подготовке специалистов, владеющих высокими профессиональными знаниями, навыками и специализацией, но подходы развития профессиональных коммуникативных навыков не рассмотрены на уровне требований, а также у школьных преподавателей не разработано научно-методическое обеспечение, связанное с развитием профессиональных коммуникативных навыков. В этой проблеме, с научно-методической точки зрения, как первостепенная задача требуется правильная организация системы повышения специализации педагогов и их переподготовки, и развитие специальных коммуникативных навыков у слушателей.

Поэтому в создании профессионально-коммуникативной подготовки педагогов-специалистов были выбраны как методологическая основа три подхода:

1. Системный подход. Данный подход как универсальный метод способствует определению важных коммуникативных особенностей слу-

шателя. Как оправдавшее себя методология в области исследований трудовой деятельности специалистов сферы производства и легкой промышленности она имеет огромную значимость в раскрытии коммуникативных условий процесса образования и деятельности специалистов.

2. Личностный подход. Это переход в систему образования в духе человечности, который даёт возможность организовать учебную деятельность слушателей в сотрудничестве и определить между ними взаимные коммуникативные навыки. Также этот подход, направленный личности, может свободно и эффективно вести процесс общения среди слушателей. В процессе повышения квалификации коммуникативные навыки слушателей формируются непосредственно в процессе деятельности, то есть мы должны организовать такой учебно-воспитательный процесс, который находит решение реальным производственным проблемам. Эта ситуация приведёт к развитию коммуникативных профессиональных навыков, объединению результатов двусторонней деятельности.

3. Сотрудничество в учебной деятельности. В процессе этого сотрудничества у слушателей формируются профессиональные коммуникативные навыки типа ведения предметной дискуссии, правильного осознания высказанной мысли другими, понятие содержания преимуществ и недостатков проблемных задач, объединение разных мыслей в одну [1, с. 163].

В процессе повышения квалификации педагогов, в развитии профессиональных коммуникативных навыков в проектировании технологий учитываются следующие этапы:

1. служит основным источником сведения в изучаемой проблеме (самостоятельная работа, диалог или процесс передачи своих мыслей);
2. преодоление возникших педагогико-психологических преград;
3. развитие сознания проблем и решение задач;
4. организация ведения деятельности слушателей в группах;
5. определение уровня использования методов вербальной и невербальной дискуссии (даётся оценка эмоциональной, когнитивной и системе поведения качеств личности) [4, с. 35].

Развитие профессиональных коммуникативных навыков в основном происходит в процессе образования, где необходимо широкое применение современных форм технологий, таких как дискуссия, диалог, «круглый стол», конференции, соревнования и проектирование.

Развитию профессиональных коммуникативных навыков и адаптации к условиям реальной жизни, связанных с освоением содержания специализированных наук с наибольшим преимуществом служит

технология проектирования, которая основана на взаимном посредничестве и служит созданию дискуссий и необходимых условий среди слушателей. Во-первых, создаются необходимые условия для слушателей, которые учатся творчески излагать свою мысль, то есть развивают навыки выступления перед аудиторией, навыки убеждения аудитории, навыки проведения опроса, навыки оценки ситуации. Во-вторых, определение соответствия решения проблемы реальным условиям жизни, то есть формирование навыков управления процессом взаимоотношений, навыков демонстрации творческой инициативы, навыков понимания и развития мыслей, навыков интегрирования и навыков оценивания. В-третьих, внедрение в профессиональную деятельность результатов личного труда, то есть формирование навыков решения творческих задач на основе анализа, навыков критической оценки своей деятельности и прогнозирования [2, с. 280].

На основе вышеизложенного анализа процесса повышения профессиональной квалификации, направленного на развитие коммуникативных навыков слушателей, а также развития основ проектных технологий выявляются содержательно-ценностные и итоговые этапы процесса в целом. В содержательном этапе слушатели анализируют технические проблемы и задачи, проводят опрос, занимаются анализированием выдвинутых мыслей. На проектном этапе составляется схема решения задач, разрабатываются решения задач, стратегия организации посреднической работы и оцениваются методы поведения каждого члена группы. На заключительном этапе формируются такие компоненты коммуникативных навыков, как оценивание, прогнозирование и моделирование [3, с. 86].

В процессе повышения специализации слушателей при проведении «специализированных» учебных занятий по развитию коммуникативных навыков слушатели не только освоят новые для себя коммуникативные знания, но и займут позицию эффективного для себя сотрудничества в рамках межличностных отношений. Такое сотрудничество не противоречит социальному партнёрству в условиях свободной конкуренции. Тем самым, появится возможность к ещё большему развитию коммуникативных навыков слушателей на основе специализированных учебных планов и пособий по повышению специализации педагогов.

В заключение: на курсах повышения квалификации педагогов процесс развития коммуникативных навыков основывается с точки зрения методологии. Развитие системы профессиональных коммуникативных навыков в процессе образования связано с организацией проблемных

профессиональных и производственных ситуаций. Организация деятельности на основе проектных технологий и взаимного сотрудничества слушателей даст возможность перехода коммуникативных навыков в процесс образования и развития их в уме слушателей.

Библиографический список

1. Ибрагимова З., Пулатова А. Таълим сифати – ёшларимиз хаётидаги энг мухим мезон. // Ж. Таълим муаммолари. – 2002. – № 3.
2. Ишмухамедов Р., Абдукодиров А., Пардаев А. Таълимда инновацион технология (таълим муассасалари педагог-укитувчилари учун амалий тавсиялар). – Т. : Истеъдод, 2008.
3. Сайидахмедов Н. С. Педагогик махорат ва педагогик технология. – Т. : УзМУ кошидаги ОПИ, 2003.
4. Фарберман Б., Гольдман Н. Критерий конкурентоспособности кадров – умение проектировать конкурентные преимущества. // Ж. Янги педагогик ва ахборот технологиялари. – 2002.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НООСФЕРНОЙ ЛИЧНОСТИ: СОЗНАНИЕ В ПОСТФОЛЬКЛОРЕ

С. Н. Волков
О. С. Жарова

Доктор философских наук, профессор,
кандидат философских наук,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия

Summary. This paper examines the phenomenon of postfolklore consciousness, its origins and the specificity, as a certain «other» consciousness. Substantiates the idea of regulating the «other» in terms of understanding the noosphere personality.

Keywords: noosphere postfolklor; consciousness; archetype; coexistence.

Любая деятельность человека в социуме сопряжена с разумными либо инстинктивными действиями, которые, так или иначе, формируют модель взаимоотношений индивида и общества. По мнению таких мыслителей, как Ю. М. Лотман, А. И. Ферсман, П. В. Флоренский, В. Гумбольдт и др., разумная деятельность человека на планете формирует некую сферу сознания. В трудах русских космистов (В. И. Вернадский, А. К. Манеев, Н. Г. Холодный и др.) наиболее содержательно и перспективно была обоснована сфера сознания. На основании ряда представле-

ний о специфике сферы сознания [6, с. 181–216], мысли и идеи наших предков, сложившиеся веками и тысячелетиями, не исчезают, но возможно, существуют в некой сфере – пространстве, окружающем всех живущих и в современном мире. Это пространство, или сферу мысли, рассматривали в своих работах также Т. де Шарден, Э. Ле-Руа. К примеру, Т. де Шарден отмечает: «… для разума «быть положенным» не означает «быть завершенным». Едва родившись, ребенок должен дышать – иначе он умрет…» [4, с. 282]. Напрашивающийся вывод: сфера мысли существует вне времени, она есть суть отражения мышления человека вчера, и одновременно включает сегодняшний день. А завтра сформирует и сохранит новые мысли.

Французские мыслители и русские космисты (особая роль в этом вопросе принадлежит Вернадскому) ввели в науку для его обозначения такое понятие как «ноосфера». По мнению А. К. Адамова, «ноосфера – это пятая оболочка, построенная на планете Земля по идеям разума, в которую входят люди, объекты природы, обработанные людьми, и объекты, созданные по идеям разума и трудом человека» [1, с. 73]. В. С. Данилова отмечает, что по взглядам В. И. Вернадского, ноосфера представляет собой сферу человеческой культуры с широким спектром духовных и материальных проявлений. Ее развитие он связывает с культурогенезом [2, с. 28].

Ноосфера – это область, не имеющая границ во времени и пространстве, непрерывно расширяемая. Возможно, архетипические мотивы, передаваемые из поколения в поколение, имеют статус внеконтинуальных образований. Мистические и эзотерические образы, единицы символизмов, отражающиеся в мышлении предков тысячелетия назад, ориентируясь на первобытное мифологическое мировоззрение, вне времени и пространства сохраняются до сих пор. Формирование нового ноосферного пространства, возможно, связано с рождением идей архетипической природы. Те представления, которые бытовали в архаичной культуре, реализуются и трансформируются в современные образы-идеи. Подобные мысли оформлялись на протяжении последних десятилетий в работах следующих авторов: А. М. Буровского, Л. М. Гиндилиса, В. П. Казанчеева, Ю. И. Кулакова, В. Г. Немировского, М. Ю. Шишина, А. Д. Урсула, Ф. Т. Яншиной и др.

Оценка современной проблемы постфольклорного сознания сопряжено с социокультурным феноменом ноосферы. Под постфольклорным сознанием мы понимаем совокупность мыслительных актов (включая желания индивида, его бессознательные инстинкты, представления, идеи, образы и его обязательства перед обществом), дающих возмож-

ность существовать человеку в обществе, сохраняя при этом свою аутентичность, индивидуальность, и форм их представления, присущих современному информационному техногенному обществу.

Постфольклорное сознание корелирует с такой категорией как «другое сознание». В связи с этим, данные понятия отождествимы, если говорить о принадлежности данных составляющих к представителям субкультурных тенденций в социуме.

Проявление «другого сознания» в теоретическом рассмотрении имеет связь с концепцией ноосферного сосуществования, подразумевающего свободу мышления и выбор личностного способа существования. Ноосферная личность способна следовать в полной мере своей подлинной экзистенции во всех ее проявлениях. Общая идея существования в социуме видится как необходимая и понимаемая одинаково всеми его членами. В результате «другое сознание» обретает собственную нишу существования, и в соотношении «постфольклорное – общепринятое» не происходит конфронтации.

Архетипическое начало в человеке, по мнению А. Бергсона, а впоследствии В. Вернадского, скрыто в понимании «homo faber – человек-ремесленник, человек, созидающий искусственные вещи и орудия. А искусственное есть тот исключительно человеческий вклад в наличность мира» [Цит. по: 3, с. 7]. Образы символического мира от лопаты до самолета есть архетипические проекции представлений древних о мире животном и растительном. Человек формирует ноосферу, а ноосфера формирует, в свою очередь, его, оказывает на него влияние, делая ноосферной личностью.

На наш взгляд, под ноосферной личностью стоит понимать целостного человека, самоподобного окружающему миру, процесс развития которого сопоставим с процессом формирования нообиогеосферы. Например, А. Д. Урсул пишет: «антропоноосферная революция как изменение природы человека должна сопровождаться выдвижением на приоритетные места тех качеств, которые имеют ноосферную ориентацию, и избавлением от негативных черт… …Изменение человека, его качеств в соответствии с новым, я бы назвал его «ноосферным» гуманизмом, требует не только изменения мира, но и трансформации, причем кардинальной, самого человека» [5, с. 123].

Постфольклорное сознание субкультурных отсеков социума формируется в рамках информационного общества. Фольклорные представления «мира тогдашнего» в ноосферном измерении есть постмодернистские основания постфольклорных представлений «мира нынешнего».

Информационное общество программирует определенный тип мышления, управляя и манипулируя ценностными ориентациями человека.

Ноосферная личность может существовать в пространстве, где ощутимо влияние ноосферы. Ноосфера должна быть сформирована, и тогда именно она будет «поддерживать» тенденции в социуме. Агрессия и инаковость отойдут в сторону. В своей работе «Ноосферная демократия – система истинного народовластия» А. К. Адамов указывает, что ноосферная демократия есть народная власть разума, «власть свободного человеческого сознания, усвоившего умение согласовывать истины естественного научного знания с истинами культуры и, диалектически осмысливая их, возвышать истины научного знания до уровня истин культуры…» [1, с. 78].

В нашем случае понимание демократических основ ноосферы видится в приятии «другого сознания», направленное на допущение и неосуждение существования иных взглядов и т. д.

В информационном обществе процесс формирования ноосферы только начат. Поколение старших не признает новаций, а поколение молодых не готово к оценке и анализу нравственных форм бытия. Отсюда следуют «всплески» отклонений в мышлении, образе жизни, конкретных поступках.

Чтобы приблизится к решению проблемы понимания «другого сознания» в рамках ноосферы, необходимо определить, каким образом можно «примирить» или «состыковать» сознательные потребности общества и отдельных индивидов с постфольклорным мировоззрением с учетом влияния и на тех и на других сферы разума. Вероятнее всего, необходимо выявить некоторые основы ***ноосферного сосуществования***.

Для обеспечения ноосферного сосуществования, например, идей субкультуры и идей традиционного общественного сознания, как нам видится, должны выполняться следующие положения.

Первое. Ноосферное сосуществование не должно ориентироваться только на мыследеятельность большинства.

Второе. Мораль большинства должна сосуществовать, не довлея над моралью меньшинства (носителей «другого сознания»). Ноосферная демократия, таким образом, должна проявляться в безболезненном ненасильственном принятии новой постфольклорной морали. Необходимо ограничить давление общественной морали на меньшинство (вплоть до законодательного контроля).

Третье. Важным фактором для обеспечения ноосферного сосуществования должен стать принцип неагрессивности со стороны меньшинства. На основании выводов А. К. Адамова [1, с. 109–111], на наш

взгляд, ноосферное сосуществование закладывает в перспективе ноосферное общество, критериями которого являются:

1) свобода мышления и выбор личностного способа существования;

2) широкая сеть образовательных и эстетических учреждений;

3) распространение среди населения основ ноосферизма – теории строительства ноосферной республики;

4) увеличение объема и углубление знаний;

5) внедрение в жизнь законов ноосферной демократии и др.

Формулирование критериев ноосферного сосуществования требует более углубленного изучения ноосферных теорий и не является объектом и предметом настоящего исследования. В связи с этим мы только обозначаем возможную проблему соотнесения архетипических личностных переживаний, проявляющихся в «другом сознании» с оболочкой мысли – ноосферой.

Таким образом, ноосфера есть нечто, что способно сформировать идею равноправного существования культурных и субкультурных отсеков с разнонаправленными взглядами. Проявление двоякости взглядов постфольклористов (свой в своей субкультуре и чужой в обществе) должно быть сглажено принципом ноосферного сосуществования.

Библиографический список

1. Адамов А. К. Ноосферная демократия – система истинного народовластия. – Саратов : Аквариус, 2003. – 144 с.
2. Данилова В. С. Планетарное мышление и его основные характеристики // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2001. – № 3. – С. 28.
3. Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. – М. : Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе: пер. с фр. / сост. и предисл. В. Ю. Кузнецов. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553 с.
5. Урсул А. Д. Путь в ноосферу: концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. – М. : Луч, 1993. – 275 с.
6. Яшин А. А. Феноменология ноосферы. Предтеча ноосферы. Ч. 2: Мышление и виртуальная реальность / предисл. В. Г. Зилова. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 280 с.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Ю. А. Ефименко

Аспирант,
Московский институт
психоанализа,
г. Москва, Россия

Summary. The article analyzes the philosophical views of some representatives of existentialism, and discusses the philosophy of existentialism connection with the practice of counseling as well.

Keywords: existentialism; existential philosophy; counseling; existential psychology; psychological practice.

«...Мы – живущие существа, и потому в определённой степени все мы – экзистенциалисты».
Дж. Бьюдженталь

Проблемы бытия, жизни, смерти, свободы, существования всегда интересовали человека. В период мировых войн, политических и экономических кризисов эти проблемы встают особенно остро. В это время происходит переоценка идеалов, осмысление потерь и разочарований. Так, в начале XX века возник экзистенциализм – философское течение, дающее ответы на поставленные социумом вопросы. Экзистенциализм быстро распространился по странам Европы, таким образом подтвердив свою актуальность и ценность. Экзистенциальное влияние стало ощутимо в литературе, живописи, психологии и других сферах человеческой деятельности. Фундаментальной проблемой экзистенциальной психологии стала проблема переживания человеком социального бытия. Переживание часто происходит в момент духовного кризиса человека, сопровождаясь сильными эмоциями.

Экзистенциальное психологическое консультирование направлено на помощь человеку в сложившихся подобного рода ситуациях. В результате человек учится понимать жизнь и её противоречивость. Задача экзистенциального психологического консультирования – научить людей жить так, чтобы требования жизни дарили радость и удовольствие вместо страха. Экзистенциальный подход в психологическом консультировании вдохновляет людей жить правильно, полной жизнью, в согласии с миром и реальностью.

Цель данной статьи – провести анализ философских взглядов некоторых представителей экзистенциализма, проследить динамику его развития, философские взгляды представителей экзистенциального психологического консультирования, выявить связь философии экзистенциализма с практикой психологического консультирования.

В середине XIX в философии преобладали идеи рационализма. Рациональное познание ставило под сомнение эффективность принципов познания мира. Неудовлетворённость сложившимися философскими мыслями привела к «философскому бунту», следствием которого стало философское направление, названное экзистенциализмом [18, с. 173]. Центральными вопросами экзистенциализма явились смысл жизни человека, его существование, отношение к смерти. Идеи данного направления распространились во многих странах Европы, а чуть позднее и в США. Представители экзистенциализма в России Л. Шестов, Н. А. Бердяев, в Германии М. Бубер, М. Хайдеггер, К. Ясперс, во Франции Ж. -П. Сартр, Г. Марсель, А. Камю, М. Мерло-Понти, в США У. Лоури, Дж. Эди. Предшественниками экзистенциализма его представители считали Б. Паскаля, Г. Сковороду, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Ф. Ницше и др.

Термин «экзистенциальная философия» ввёл в научный оборот Карл Ясперс в 1931 году. Сам Ясперс считает основоположником экзистенциализма Сёрена Кьеркегора (1813–1855), который ставил под сомнение идеи рационализма [18]. Взгляды на человеческую жизнь как на «поток переживаний» впервые появились в его работах. Экзистенциалисты «подхватили» и развили это понятие.

Суть экзистенциализма – иррациональная реакция на рационализм. По мнению экзистенциалистов, основной недостаток рационального мышления заключается в противоположности субъекта и объекта. Рациональное мышление разделяет мир на две половины – объективную и субъективную. Экзистенциалисты же считают, что истинная философия должна объединить объект и субъект. Это единство называется «экзистенцией» – иррациональной реальностью. Согласно учению экзистенциализма, чтобы почувствовать себя как «экзистенцию», человек должен оказаться в «пограничной ситуации», например такой, как страх смерти. Тогда, по мнению экзистенциалистов, проявляется истинное существование [15].

В отличие от гносеологизма и методологизма, распространённых в конце XIX – начале XXв., экзистенциализм своими идеями пытался возродить онтологию (учение о бытии) [18, 20]. Выступая против классической университетской философии, экзистенциалисты упрекали её в том, что она упускает из внимания человека с его повседневными заботами горестями и печалями [18, с. 173].

Смысл экзистенции и трансценденции раскрывается в концепциях личности и свободы представителей экзистенциализма. Общество даёт возможность развития личности, оно призвано обеспечить личности свободу. Подлинная же свобода начинается в мире духовной жизни личности. При этом общество лишь ограничивает личность. Экзистенциализм вычленяет в человеке несколько слоёв:

- природный (биологический и психологический), изучаемый естественными науками;
- социальный, изучаемый социологией;
- духовный, изучаемый историей, философией и др. науками;
- экзистенциальный слой – он не поддаётся научному изучению и может быть прояснен только философией.

Свобода, согласно данному учению, должна быть понята, исходя из экзистенции. Так как структура экзистенций выражается в трансцендировании, то понимание философами экзистенциалистами свободы определяется их трактовкой трансценденции [10, с. 643–672].

Условно экзистенциализм делят на религиозный (Н. А. Бердяев, Л. Шестов) и атеистический (М. Хайдеггер, Ж. -П. Сартр, М. Мерло-Понти, А. Камю). Признавая реальность трансцендентного, религиозный экзистенциализм пользуется символическими и мифопоэтическими образами, так как трасцендентное не подаётся познанию. Атеистический экзистенциализм, напротив, ставит цель открыть нереальность трансцендентного и поэтому ему свойственны критика и анализ [18, с. 173].

Накануне Первой мировой войны экзистенциализм проникает в Россию (А. Н. Бердяев (1874–1948)). Главным объектом бердяевского экзистенциального философствования является понятие свободы [20, с. 403]. По мнению Бердяева, человек – существо двойственное и противоречивое, и понять его можно лишь в отношении к Богу. Существование Бога делает человека независимым. Отношение между человеком и Богом – есть высший смысл существования человека. Бердяев подчёркивает, что Бог – это Дух, и встреча с ним возможна лишь в свободе, а не в мире, где имеет место разобщённость объекта и субъекта. Способ разрыва мира объективации – освободиться от рабства, осуществить победу над бытиём. Именно в экстазе, в трансцендировании происходит освобождение человека от бремени мира объективации. Таким образом, согласно Бердяеву, личность – это свобода и независимость по отношению к обществу, к природе, к Богу. «Свобода не легка, – писал Бердяев, – как думают её враги, клевещущие на неё, свобода трудна, она есть тяжёлое бремя. И люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя… Всё в че-

ловеческой жизни должно пройти через свободу, через испытание свободы, через отвержение соблазнов свободы» [2, с. 26].

Лев Шестов (1866–1938) ещё один российский философ-экзистенциалист. На его труды повлияли произведения Л. Толстого, У. Шекспира, Ф. М. Достоевского. Трагизм жизни человека является главной темой всех произведений Л. Шестова. По его мнению, жизнь наполнена «ужасами», и в ней бесконечно копятся страдания. Л. Шестов пропагандировал единственный правильный жизненный (экзистенциальный) путь веры. Единственным ответом на вопрос о смысле существования человека, по мнению Л. Шестова, является идея веры-свободы [10].

Возникновение экзистенциализма в Германии пришлось на период после Первой мировой войны. Его яркий представитель в Германии – Мартин Хайдеггер (1889–1976). Свою задачу М. Хайдеггер как философ видел в том, чтобы проанализировать и объяснить смысл бытия. Бытие у М. Хайдеггера – это экзистенция. Он подчёркивает, что только самому человеку известно о его смертности, и только он сам знает временность своего существования. Благодаря всему этому человек способен осознать свое бытие. М. Хайдеггер утверждает, что новый мир придёт сам, незаметно, для этого необходимо пройти путь ошибок, заблуждений и познания. Идеи М. Хайдеггера – не что иное, как попытка учесть недостатки старой философии и найти пути к решению выживания человека. М. Хайдеггер писал: «Сопротивление характеризует «внешний мир» в смысле внутримирного сущего, но никогда не в смысле мира. «Сознание реальности» само есть некий способ бытия-в-мире. К этому экзистенциальному основофеномену необходимо восходит вся «проблематика внешнего мира»» [22, с. 103].

Карл Теодор Ясперс (1883–1969) – немецкий философ-экзистенциалист, доктор философии, доктор психологии, психиатр. Широкую популярность ему принесла публикация «Психология мировоззерений» (1919). На мировоззрение философа повлияли труды Б. Спинозы, Ф. М. Достаевского, М. Вебера. К. Ясперс говорил о том, что эпоха переживает духовный кризис, который в состоянии понять лишь философия. По К. Ясперсу, в человеке есть нечто, что невозможно анализировать научными методами. Это нечто он именует «экзистенцией». Экзистенция – это та сторона человеческого бытия, которая не может быть научно изучена. Для К. Ясперса экзистенция – это свобода, которая существует за пределами предметного мира. Ясперс считал, что для понятия экзистенции необходим ненаучный метод – религия. Он сближает философию и религию. Ясперс полагал, что веру, общую для человече-

ства, не может дать ни одна из религий, так как они часто спорят между собой. Лишь философская вера может стать общей для всего человечества [10, с. 654–664]. Согласно К. Ясперсу, философствование доступно любому человеку. Это особое состояние души, которое К. Ясперс называет «экзистенциональное прояснение» [10, с. 654–664].

Габриэль Марсель (1889–1973) французский философ-экзистенциалист, драматург. Его философия носит религиозный характер. Г. Марсель в своём учении утверждал, что Бог принадлежит особому миру существования, который невозможно научно обосновать. Бог, согласно Г. Марселю, не принадлежит миру «вещей». Г. Марсель выделяет понятия «проблема» – мир объективности и «таинство» – сфера «существования». «Проблема» – это нечто, преграждающее путь. «Таинство» – это понятие, которое Г. Марсель противопоставляет понятию «проблема». В сфере «существования» мир перестаёт быть «проблемой» и становится «таинством». Ещё два понятия в философии Г. Марселя «быть» и «иметь». «Иметь» – это отношение к объекту, вещи, к тому, что может быть отдельно от человек. Категория «быть», по Г. Марселю, – проникновение в «таинства» бытия в мире. В учении Г. Марселя особую роль играет понятие «тело». «Тело» – это граница между «быть» и «иметь» [11].

Жан-Поль Шарль Эмар Сартр (1905–1980) – представитель атеистического экзистенциализма. Ж. -П. Сартр утверждал, что человеческое существование абсурдно и бессмысленно, и эту абсурдность надо героически принять. Этим утверждением экзистенциализм Ж. -П. Сартра основательно отличается от экзистенциализма Хайдеггера и Ясперса, которые стремились постичь смысл человеческого бытия. Важный пункт в философии Ж. -П. Сартра – свобода. Человек обречён на свободу, но свобода как суть бытия неотделима от абсурда. Человек оказывается обречён на эти изматывающие моменты. Но свобода не только абсурд, но и выбор. Человек способен проектировать и созидать себя посредством сознания. Мнение Ж. -П. Сартра едино с мнениями других экзистенциалистов в том, что жизнь человека является «неподлинным бытием». «Подлинность» человек обретает тогда, когда сутью его действий становится свобода. У Ясперса – это устремлённость к Богу, а у атеистов – свобода и личный выбор самоценны [10, с. 665–672]. « Для экзистенциалиста человек потому не поддаётся определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причём таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы её задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представ-

ляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает» [7, с. 323].

Особенностью философии Альбера Камю (1913–1960) является то, что он занимался в основном этическими проблемами. Одна из самых важных – проблема смысла жизни. По мнению Камю, человек, стремясь понять смысл жизни, обращается к окружающему миру. Но чем больше он пытается разобраться в этом вопросе, тем больше осознаёт равнодушие природы. Люди не понимают ни себя, ни остальных, они одиноки, между людьми царит бессмысленность [9, с. 73]. А. Камю в своих работах приводит факты жестокости и иррациональности в отношениях между людьми. Ведущий мотив произведений А. Камю – несчастье, обречённость, нелепость существования. Несчастные люди живут в абсурдном мире. А. Камю считает, спасение в Боге – бессмысленные иллюзии, абсурд – есть реальность. Тот, кто понял, что мир – это абсурд, обретает свободу. Бунт и свобода неразделимы. Свобода в бунте придаёт смысл человеческой жизни [8, с. 3–9]. А. Камю утверждает, что безнадёжная борьба человека с бесчеловечностью есть источник радости и счастья.

Рассмотрев взгляды основных представителей экзистенциализма, мы видим, что все они придерживаются разных политических и религиозных убеждений. Но их привлекают одни и те же вопросы: человек и его место в мире, смысл жизни, проблемы жизни и смерти. Таким образом, к середине XX века экзистенциализм стал самым популярным направлением философии и оказал большое влияние на многие сферы человеческой деятельности.

Экзистенциальная психология – это направление в психологии, возникшее в русле философии экзистенциализма, её относят к гуманистическому направлению. Экзистенциальное направление в психологии возникло в первой половинке XX века. Рассмотрим наиболее ярких представителей экзистенциального консультирования, их концепции и взгляды.

Ролло Мэй (1909–1994), американский психолог, теоретик экзистенциальной психологии. Для человека, по мнению Р. Мэя, важно то, что происходит здесь и сейчас. Размышляя об отличиях психически больных и здоровых людей, он пришёл к выводу, что многим людям не хватает смелости встретиться со своей судьбой лицом к лицу. Многие пытаются уйти от ответственности, говоря о несвободе своих действий. Здоровые люди, напротив, ценят свободу, бросают вызов судьбе [1, с. 98]. Важно,

что люди делают, а не то, что они есть. Люди являются и думающими, и действующими существами, таким образом, сочетают в себе черты «субъекта» и «объекта». Люди хотят найти ответы на вопросы о смысле жизни. Свобода и ответственность балансируют друг друга и обе присутствуют в человеке. Жёсткие, негуманные теории личности склонны превращать человека в предмет исследования.

По мнению экзистенциалистов, существует три формы бытия-в-мире: отношения с внешним миром объектов и вещей; отношения с другими людьми; отношение человека с самим собой.

Здоровый человек живёт во всех трёх формах бытия. Жизнь становится более ценной, когда человек стоит перед фактом неизбежности смерти или небытия. Р. Мэй писал: «Я убеждён, что тот факт, что экзистенциальная психотерапия ставит серьёзные акценты на трагических аспектах жизни, вовсе не означает её пессимистичность. Скорее наоборот... Трагедия неотделимо связана с человеческим достоинством и величием и является аккомпанементом в моментах великого инсайта человеческого бытия» [23, с. 39].

Признание небытия развивает у человека чувство тревоги, которая может расти от осознания человеком ответственности за свои действия. Тревогу может испытывать каждый человек. Нормальная тревога пропорциональна угрозе и человек справляется с ней. Невротическая тревога непропорциональна угрозе и вызывает чувство подавленности. «Встреча с тревогой может освободить нас от скуки, может обострить наше восприятие, она создаёт то напряжение, на котором основано сохранение человеческого существования. Если есть тревога, значит, человек живёт» [12, с. 9].

Чувство вины, как и тревоги, является нормальным для человека. Он испытывает вину в следующих случаях: разделения с природой; невозможности точного суждения о нуждах окружающих; неприятия собственных возможностей.

Р. Мэй ввёл в научный оборот термин «интернациональность». Это – структура, которая позволяет человеку принимать решения относительно будущего и придаёт его переживаниям смысл. Интернациональность предполагает не только пассивное желание, но и активное действие [1, с. 102].

Любовь вызывает чувство заботы и требует от человека ответственности. Р. Мэй выделил четыре вида любви:

1. Секс как физиологическая функция.

2. Эрос, стремящийся к длительному союзу с любимым человеком.

3. Филия – дружба, не подразумевающая сексуальное влечение.

4. Альтруистическая любовь (агапе), не требует взамен ответа.

Р. Мэй считал, что свободу человек обретает тогда, когда он противостоит своей судьбе, осознаёт, что смерть или небытие возможны в любой момент. Существует свобода действия, которой обладают многие. Более редкий вид свободы – это свобода бытия.

Экзистенциальная психодинамика Ирвина Ялома (1931 г. р.) ставит акцент на конфликте человека с «данностями существования». Под «данностями существования» И. Ялом понимает неотъемлемые факторы бытия человека в мире. В книге « Экзистенциальная психотерапия» он говорит о четырёх конечных данностях: свобода, смерть, изоляция и бессмысленность. Экзистенциальный динамический конфликт человека возникает в результате его противоборства с любым из этих факторов.

Смерть – наиболее легко осознаваемая человеком конечная данность. «Смерть – неотъемлемая часть жизни, и, постоянно принимая её в расчёт, мы обогащаем жизнь, а отнюдь не обкрадываем её. Физически смерть разрушает человека, но идея смерти спасает его» [26, с. 18]. «Вопрос о смерти, не оставляя нас ни на миг, стучится в дверь нашего существования, тихонько, едва уловимо шелестя у самых границ сознательного и бессознательного. Спрятанный, замаскированный, пробивающийся наружу в виде разнообразных симптомов, именно страх смерти является источником многих беспокойств, стрессов и конфликтов» [25, с. 5]. Обычно свобода позитивна, но первоначально она порождает ужас. Человек несёт полную ответственность за свой мир, сам является его творцом. В этом смысле свобода подразумевает ужас: мы ни на что не опираемся, под нами – бездна, пустота. Осознание пустоты вступает в конфликт с потребностью в структуре [1, с. 108]. Как бы мы ни были близки к кому-то, между нами всегда остаётся пропасть. Каждый из нас приходит в этот мир в одиночестве и в одиночестве его покидает. Зарождается экзистенциальный конфликт между одиночеством и потребностью в общении. «Мы должны умереть; мы сами структурируем свою вселенную; каждый из нас фундаментально одинок в равнодушном мире; какой же тогда смысл в нашем существовании? Почему мы живём? Как нам жить? Если ничто изначально не предначертано значит, каждый из нас должен сам творить свой жизненный замысел. Но может ли это собственное творение быть достаточно прочным, чтобы выдержать нашу жизнь? Этот экзистенциальный динамический конфликт порождён дилеммой, стоящей перед ищущей смысла тварью, брошенной в бессмысленный мир» [26, с. 5].

Таким образом, понятие «экзистенциальная психодинамика» относится к названным четырём факторам, а также осознаваемым и неосознаваемым мотивам, которые эти факторы порождают.

Базовые положения И. Ялома следующие:

1. Страх смерти имеет огромное значение, он преследует человека, как ничто другое.

2. В раннем возрасте ребёнка глубоко волнует страх смерти.

3. Чтобы справиться со страхом смерти, мы строим защиты, которые формируют наш характер.

4. Осознание смерти может служить основой эффективной психологической коррекции.

И. Ялом формулирует два основных тезиса, которые имеют большое значение в психологической практике.

1. Жизнь и смерть взаимосвязаны, они существуют одновременно. Смерть, проникая в границы жизни, оказывает большое влияние на поведение человека.

2. Смерть – источник тревоги. Она является первоосновой возникновения психопатологии.

Касаясь психотерапии, И. Ялом писал: «Отношения между экзистенциальной терапией и экзистенциальной школой философии во многом сходны со связью между клинической фармакотерапией и биохимическими лабораторными исследованиями» [26, с. 9].

Логотерапия (от греч. logos – смысл) – это оригинальный психотерапевтический подход, разработанный Виктором Франклом (1905 – 1997), австрийским психиатром и психологом. На её создание повлияла философия экзистенциализма и труды З. Фрейда и А. Адлера. Основной мотивацией человека в логотерапии считается стремление к смыслу. Франкл представил трёхмерную модель личности, в которой три компонента образуют единое, неразделимое целое: физическое, психическое и духовное (ноэтическое). Духовное – это то, что отличает человека от животных. Психическое здоровье возможно, утверждает В. Франкл, когда существует напряжение между человеком и смыслом, находящимся во вне, который предстоит ему осуществить. Согласно В. Франклу человек свободен, ответственен и духовен. К духовной сфере человека можно отнести стремление к смыслу жизни, свободу, любовь, совесть, ответственность.

Человеческие поступки В. Франкл делит на три типа: способствующие духовности, разрушающие духовность, безразличные к духовности [14].

Логотерапия В. Франкла основана на трёх понятиях: свобода воли, воля к смыслу, смысл жизни. У человека существует базовая свобода для принятия решений. Базовая свобода – это пространство, для создания человеком жизни с учётом данных ему возможностей. Свобода – часть духовной сферы человека. Именно человеческая свобода позволяет справиться клиенту с телесными переживаниями и вернуться к полноценной жизни. Свобода людям дана не просто, а для того, чтобы добиться определённых целей. Стремление к смыслу жизни рассматривается как ведущая мотивация. Не реализовав свою «волю к смыслу» человек чувствует пустоту. «Воля к смыслу – наиболее человеческий феномен, так как только животное не бывает озабочено смыслом своего существования» [21, с. 2]. Согласно В. Франклу смысл – это объективная реальность. Человек призван сделать лучше себя и окружающий мир, реализуя смысл каждого конкретного случая. «Сомнения в смысле жизни, таким образом, нельзя рассматривать как проявления психической патологии; эти сомнения в значительно большей степени отражают истинно человеческие переживания, они являются признаком самого человечного в человеке» [21, с. 78].

Джеймс Фредерик Томас Бьюдженталь (1915–2008), американский психолог, психотерапевт, основатель экзитенциально-гуманистического подхода в психологии. Он был лично знаком с А. Маслоу и К. Роджерсом, которые оказали на его взгляды большое влияние, а также много лет сотрудничал с Р. Мэем. Экзистенциально-гуманистический подход Дж. Бьюдженталя считают одним из самых глубинных и гуманных подходов в психологическом консультировании [4, с. 24]. Рассмотрим основные идеи этого подхода. У человека есть «внутреннее видение», шестое «экзистенциальное чувство», помогающее ему понять и осознать свою жизнь. Работа психолога-консультанта и клиента направлена на то, чтобы клиент смог ответить на свои экзистенциальные вопросы. «Жизнеизменяющая терапия» требует признания субъективности клиента, как единственного места приложения усилий психолога-консультанта. Драма человеческого развития заключается в том, что в ней действуют два противоречия – сила, зовущая к изменениям, и сила, им сопротивляющаяся. Роль психолога-консультанта не в том, чтобы менять клиентов, а в том, чтобы помочь клиенту стать хозяином своей жизни. «Присутствие» означает максимальную включённость клиента в консультирование. В процессе беседы важно уделять большое внимание внутреннему миру клиента.

Основной целью экзистенциального консультирования является помощь клиенту в обретении смысла жизни, осознании личной свободы. Одновременно с этим задачей экзистенциального взаимодейст-

вия выступает признание клиента как личности [16, с. 565]. Цель работы психолога-консультанта – научить клиента продуктивно жить в настоящем и не пытаться возродить прошлое. Также целью консультирования является понимание клиентом смысла собственного существования, понимание собственной уникальности [5, с. 220–224].

У психолога-консультанта в практике экзистенциального психологического консультирования не существует общепринятых ролей, каждый клиент считается уникальным. Поэтому психолог-консультант уделяет внимание всем особенностям клиента: голос, выражение лица, движение, одежда и т. д. В процессе консультирования для консультанта важно достичь аутентичности. Несмотря на отсутствие ролей, психолог-экзистенциалист выступает для клиента в качестве образца психически здоровой личности [5, с. 220–224].

В процессе беседы психологи-консультанты обращаются к вопросам существования: свободы, жизни, смерти, утраты смысла жизни и т. д. Цель экзистенциального консультирования заключается в том, чтобы помочь клиенту осознать значение свободы, ответственности, потенциала. Психологи-консультанты стараются в течение курса консультирования помочь осознать клиенту ответственность за собственную жизнь. Клиент начинает осознавать личную свободу, он перестаёт зависеть от суждений других людей. Экзистенциальный подход не использует психологических тестов и имеет в своём распоряжении меньше методов, чем любой другой подход в психологическом консультировании. Этот факт позволяет психологам-консультантам заимствовать идеи других подходов и использовать профессиональные навыки индивидуально для каждого случая.

В экзистенциальном консультировании психологами-консультантами используется метод конфронтации. Консультант вступает с клиентом в противостояние, борьбу, преследуя цель указать клиенту на все его уловки, используя которые клиент обманывает сам себя. Конфронтация применяется в следующих случаях: при противоречии в суждениях клиента, клиент не объективно видит ситуацию, клиент неосознанно уклоняется от обсуждения конкретных проблем.

Экзистенциальный подход в психологическом консультировании подчёркивает неповторимость каждого клиента, представляет собой гуманный способ работы с клиентами. Данный подход признаёт, что тревожность не всегда отрицательна, она – часть человеческой жизни.

Отличительная особенность экзистенциального подхода в консультировании заключается в том, что человек в нём впервые выступил как личность. До этого рассматривались лишь его влечения, по-

требности, мотивы, поведение. Вторая особенность подхода – его представители отвергали экспериментально-исследовательскую позицию по отношению к личности клиента [5, с. 224].

Экзистенциализм повлиял на многих писателей и художников XX века: Пикассо, Хеменгуэя, Сент-Экзюпери и других. Многие идеи экзистенциализма оказали большое влияние на становление герменевтики – нового философского направления XX века. Также экзистенциализм не мог не повлиять на психологию, в те времена недавно отделившуюся от философии.

Таким образом, проведённый анализ показал, что экзистенциальное направление в консультировании затрагивает философские проблемы понимания человеком жизни, этики, морали. Экзистенциальный метод в психологическом консультировании помогает клиенту обрести состояние личной свободы, справиться со страхом смерти, обрести смысл жизни.

Однако существуют и недостатки данного направления в консультировании. Философский язык сложен и далеко не всем понятен. Поэтому данный вид психологического консультирования подходит далеко не всем. Недаром И. Ялом писал: «Профессиональные экзистенциальные философы по неясности и усложнённости своей манеры выражения превосходят даже психоаналитиков-теоретиков. Исключительный, важнейший в данной области философский текст – «Бытие и время» Хайдеггера остаётся непревзойдённым примером словесного тумана» [24, с. 9].

Библиографический список

1. Багадирова С. К., Юрина А. А. Материалы к курсу психологии личности. – Ч. 1. – Майкоп : Изд-во Магарин О. Г., 2011. – 165 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. – М. : Изд-во АСТ, 2011. – 606 с.
3. Бондаренко А. Ф. Психологическая помощь: теория и практика. – М. : Независимая фирма «Класс», 2001. – 336 с.
4. Братченко С. Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. – М. : Смысл, 2001. – 197 с.
5. Глэддинг С. Психологическое консультирование. – СПб. : Изд-во «Питер», 2002. – 736 с.
6. Дорцен Э. Ван. Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия. – Ростов-на Дону, 2007.
7. Ж. -П. Сартр. Экзистенциализм – это гуманизм,1946 // Сумерки богов. – М. : Политиздат,1989. – С. 319–344.
8. Камю А. Бунтующий человек. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.
9. Камю А. Избранное. – М. : Прогресс, 1969. – 542 с.

10. Мареев С. Н., Мареева Е. В. История философии (общий курс). – М. : Академический проект, 2004. – 880 с.
11. Марсель Г. Быть и иметь / пер. И. Н. Полонской. – Новочеркасск : Изд-во «Сагуна», 1994. – 159 с.
12. Мэй Р. Смысл тревоги. – М. : Изд-во Института общегуманитарных исследований, 2011. – 416 с.
13. Немов Р. С. Психология. – Кн. 1. – М. : Владос, 2013. – 687 с.
14. Осипова А. А. Общая психокоррекция. – М. : Сфера, 2002. – 510 с.
15. Отто Ф. Больнов. Философия экзистенциализма. – СПб. : Изд-во «Лань», 1990. – 222 с.
16. Психологическое консультирование. Практическое руководство / ред. Д. Я. Райгородский. – Самара : Изд-во «Бахрах-М», 2011. – 824 с.
17. Распопин Е. В. Предпосылки развития экзистенциально-гуманистического направления в психологии // Методология и история психологии. – 2010. – Т. 5. – Вып. 2. – С. 23–39.
18. Смирнов И. Н., Титов В. Ф. Философия : учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.,1998. – 288 с.
19. Спиркин А. Г. Философия. – М. : Гардарики, 2000. – 368 с.
20. Философия : учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. – М. : Норма, 2005. – 928 с.
21. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М. : Изд-во «Прогресс», 1990. – 368 с.
22. Хайдеггер М. Бытие и время. – М. : Изд-во «Академический проект», 213. – 460 с.
23. Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мэя, пер. М. Занадворова и Ю. Овчинниковой. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 624 с.
24. Экзистенциально-гуманистический подход в психологии и терапии // Психологическая газета. – 1997. – № 1. – С. 7.
25. Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. – М. : Изд-во ЭКСМО, 2008. – 352 с.
26. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М. : Изд-во «Римис», 2008. – 608 с.

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ

Л. В. Курбатова *Кандидат философских наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия*

Summary. The article is devoted to the possible approaches to the formation of the philosophy of time, based on the recognition of the temporal diversity of opportunities that can lead to the formation of temporal paradigms, discusses temporal communications.

Keywords: time; organization of time; temporal paradigm.

Организация времени как некоего вместилища человеческих событий и историй в новейшей жизни российского, европейского, американского и иных миров стала темой, в которую вложено множество вопросов, относительно преимуществ выбора той или иной национальной, региональной или персональной стратегии его (времени) использования как некоего не всегда очевидного, но монетизируемого ресурса.

В настоящем тексте мы станем использовать слово «темпоральный» – в смысле, который указывает на различные временные денотаты. Заметим, что одно и то же слово «время» в разные периоды человеческого существования, в разных ситуациях может указывать на различные денотаты. Это, в свою очередь может порождать напряжения и конфликты.

Человеческая история сегодня, что очевидно, переживает «исторический материализм». Поэтому мы рискнём предложить иное, нежели «общественное», понимание группировки денотатов. Не станем пытаться «привязать» «понимание времени» к историческим эпохам или историческим героям. Под парадигмой же будем понимать устоявшуюся конструкцию внутренних очевидностей. Тех «принципов», которые для человека кажутся само собой разумеющимися, не требующими обсуждения или доказательств. Понятно, что мы таким образом расширим словоупотребление. Мы попадём в пространство ненаучного мышления. И обретём здесь свои трудности идентификации. Но, надеемся, что каждый из читателей, каждый взрослый в состоянии предъявить важные для себя, ну, хотя бы моральные принципы. Даже если они будут изложены, например, в формате «десяти библейских заповедей». Не все готовы помнить эти десять заповедей. Однако даже интуитивно люди склонны на них настаивать.

Какое основание мы готовы различить, размышляя о «парадигмах»?

Представляется, что преодоление последствий Второй мировой войны привело мир, и в том числе европейский континент к пониманию, что любые социальные фантазии и изобретения, тем более – те, что основываются на приоритете «общественного» над «человеческим» – должны быть преодолены и отвергнуты. Приоритетным для организации общественного пространства являются персональные человеческие ценности, человеческие качества. Разумеется, не сразу, но постепенно мировая цивилизация, и в том числе европейские страны отстроили систему норм, законов и правил, определяющих форматы человеческих отношений как раз с этой – приоритетной – точки видения границ общественной жизни. Россия – как в своё время и Советский Союз – имеет своё видение, здесь признается периферийное – соотношение «человеческих ценностей» и «общественных ценностей». В таком контексте совершенно не случайны тексты о «русском мире», «особом пути» и прочие совсем не экзотические экзерсисы в пространстве общественной мысли, философии, культурологи. Игнорируя вопрос о ценности и безусловности ценности отдельной конкретной человеческой жизни, можно управлять правосудием, справедливостью, моралью, обществом. И, напротив… Допустив однозначный ответ, что «человек» – выше «общества», оказаться перед собственным изумлением относительно деятельных последствий такого ответа. Слишком много нужно менять. Со слишком многим соглашаться. От слишком много отказываться. Слишком многое – переосмысливать. Как к этому быть готовыми? Кто может быть готов?... Поэтому множество людей так за всю свою жизнь могут и не добраться до комплекса этих рефлексивных вопросов.

Вопрос о человеческих качествах – не случайный. Он в числе прочих связан и некоторыми преувеличениями, которыми изобиловал довольно длительный период европейской истории, который именовался Просвещением и был связан с упованием на то, что разум, мышление, рациональность в состоянии при надлежащем к себе отношении обеспечить почти что идеальное существование, в рамках научно-обоснованного преобразования человеческого общества. Этим занимался Ленин с единомышленниками в России. Этим занимался Гитлер «со товарищи» в Германии, Муссолини – в Италии. Многие страны в состоянии вспомнить 20 век: век социальных утопий и экспериментов. Если попытаться отнестись к последствиям этих «экспериментов», «материалом» которых стали миллионы людей, то легко заметить, что при их осуществлении игнорировались такие стороны человеческого существования, которые, как нам кажется, уместно

связать с использованием модальных глаголов. Пока не станем вникать в подробности, однако предложим пометить: тоталитаризм начинается там, где игнорируется право людей произносить: «я хочу (не хочу)!», «я могу (не могу)», «я должен (не должен)!», «мне должны (не должны)!» … и так далее. Игнорируется право людей на «модальный выбор» и, следовательно, директивно вменяется отношение к таким важным понятиям, как Долг, Любовь, Могущество, Права, Возможности… Эти понятия консервируются и канонизируются.

Незаметная операция со смыслами приводит к необратимым последствиям – культурным, политическим, экономическим, религиозно-идеологическим, историческим… Операции с денотатами – меняют ход истории, её темп, «нарезку», способы фрагментации и дефрагментации, создают основания для последующих «темпоральных конфликтов».

Что стоит видеть за словами о «темпоральных конфликтах»? Во-первых, они основаны на различном понимании группировки модальных глаголов в практике персонального словоприменения. В советской практике модального словоприменения – я помню: на первом месте стоял глагол «должен». Вероятно, на последнем: «хочу». Исполнение «своего долга» – перед различными проявлениями и структурами советского государства предстояло как естественное оформление социальной жизни. Поэтому логическая формула директивных высказываний имела, примерно, такой вид: «Должен, должен, потому что Долг – превыше всего, должен, должен, можешь, могу!. Хочу? Люблю?...»

Альтернативная конструкция? «Хочу, хочу, хочу, могу? Могу! Смогу, люблю, люблю, должен…» А теперь – попробуем представить себе коммуникации людей, радикальных в отношении предпочтений. В Советском союзе или России слово «хочу» чаще всего слышалось в контекстах примерно такого содержания: «Я хочу выразить глубокую благодарность партии и правительству, коммунистической партии за… что-то…» Все иные употребления – отдавали диссидентством, инакомыслием, крамолой, покушением на «основы». Поэтому поверить в возможность существования диалога между носителями различных предпочтений – кажется невыполнимой задачей.

Как это может относиться к нашей теме? Давайте проведём мысленный эксперимент, основанный на простом допущении: мир времени человека образуется из допустимых для него модальных измерений. Причём имеются и национальные особенности миров. По количеству употребимых и существующих модальных глаголов. Так, например: «…в татарском и арабском языках реальная модальность выражается изъявительным наклонением глагола, ирреальная модаль-

ность может выражаться различными способами. В татарском языке для выражения ирреальной модальности выделяют желательное, повелительное и сослагательное наклонения, в арабском языке – повелительное, сослагательное и условное (усеченная форма) наклонения. В отличие от татарского языка наклонениям в арабском языке присущи не только категории числа и лица, но и рода» [3].

Следует заметить, что такого специального раздела «модальные глаголы» – в русском языке нет. Что бы это могло означать? Готовы допустить, что с одной стороны – большую вариативность временных глагольных форм. С другой – другие возможные итерации в означении отношения ко времени. В том же источнике – можем найти текст об употреблении словосочетания «чёрный день» в русском языке [1]. В немецком языке – шесть модальных глаголов, в английском языке – 12. Значит ли это, что между носителями различных языков конвертация темпоральных смыслов: невозможна? Денотаты – не совпадают?

Если предположить, что время является тем, что организованно как пространство с несколькими измерениями, а измерениями являются координаты, совпадающие с модальностями, тогда всё упрощается. Если попробовать представить себе геометрическую фигуру – многоугольник, который имеет 12 вершин, то можно представить и операции, которые редуцируют его до многоугольника с 6 вершинами. То есть «времена» – могут «вкладываться друг в друга. При этом мы упустили одно важное замечание: язык обеспечивает своих носителей национальной (сообразной с языком) парадигмой времени.

Однако не очевидно, что возможность попадать в мир, допустим, 6 измерений – реализуется. Доводилось ли вам встречать людей, мир для которых был односторонне окрашен, людей, попавших на «край»? Такие люди мотивированны только одним глаголом – например: «должны» (к примеру – в армейских соединениях и организациях). Или – «хочу»: те, кто впал в постоянную нищету. Конечно, «одномерный человек» – это некое преувеличение! Только такое преувеличение, которое готовит нас к следующему признанию.

Люди с разным количеством измерений своего времени по-разному относятся к дебатам относительно существования. Во фразе «блаженны нищие» – люди, лишенные средств к пропитанию и существованию, станут находить денотаты, связанные с оправданием своего существования. Те же, кто наделён большим количеством измерений – услышат и каноническое продолжение про «…нищие духом, ибо…» и, возможно, ход их мысли станет иным, и они увидят указание на силу, а не слабость.

Возвращаясь к заявленной теме, именно теперь мы готовы настаивать на том, что количество «измерений времени» определяет и темпоральную парадигму, в которой пребывает человек. Значит, миры вокруг нас – сообразно улавливаемым и используемым модальным глаголам – делятся на 1-мерные, 2-мерные, 3-мерные … и так далее. Вплоть до 12-мерного «английского мира». Остаётся, конечно, вопрос: как же быть с «русскими модальностями»? Не может ли это означать, что в русском языке нет специальных модальных экспозиций, что «русские люди» находятся за пределами цивилизации? Что они пока ещё не перешагнули порог, не справились с приглашением – «открыть дверь»? И, тем самым, находятся в мире 0-мерном, где как раз и возможны определения времени – через «цвета»: упоминавшийся уже «чёрный день».

Однако, с другой стороны, попробуем оценить возможности, которые даются нам «цветом». Или «светом».

Свет и цвет – заменяют модальные глаголы – применительно к описанию будущего состояния. Понятно, что классическое разделение мира – на средний, верхний и нижний – в религиозной картине мира понуждает учитывать эти возможные «территории присутствия». И угрозы, которыми чреваты перешагивания через систему моральных запретов – по дороге к наказанию. В этом смысле «русский модальный мир» кажется более перспективным с точки зрения использования глагольных форм, относящихся к деятельности на белом или на чёрном свете [2].

На наш взгляд, пометка про свет и цвет мира, равно как и пометка про разнообразие измерений времени через модальные глаголы – позволяет считать, что «темпоральная парадигма» формируется через атрибутирование используемых в коммуникациях модальных глаголов, а так же допущений относительно значимости цвета и света для разметки времени.

Библиографический список

1. Владимирова Л. В. Темпоральная номинация **чёрный день** // Филология и культура. URL: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=node/1332 : (дата обращения: 08.08.2014).
2. Курбатова Л. В., Вороно С. В. Про неуместность и методологию // Academic science – problems and achievements IV. Vol. 2 - spc Academic. – North Charleston, SC, USA 29406, 2014.
3. Мингазова Н. Г., Шангараева Л. Ф. Категория модальности в татарском и арабском языках // Филология и культура. URL: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=arhiv1&tid=1180: (дата обращения: 08.08.2014).

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ МОТИВАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

И. Н. Панина *Аспирант,*
Московский институт психоанализа,
г. Москва, Россия

Summary. The article elucidates the philosophical foundations of psychological trends, studying the motivation of human activity. The determination of the activity of the person is represented in different ways in the scale of each philosophical trends. This explains the current psychology diversity of opinions about the causes of human behavior and his motivation. The article presents the views of philosophers on the determination of human activity, the transformation of these views over the historical development of society. It has analyzed the following psychological approaches to human motivation and their philosophical basis: behavioristic, psychoanalytic, humanistic, cognitive, factor-analytical, social and psychological.

Keywords: motivation of human activity; motivation theory; the philosophical foundation; anthropocentrism; theocentricism; voluntarism; rationalism; positivism; irrationalism; existentialism; pragmatism; psychological approaches; the structure of activity; psychological foundation activities; the problem of consciousness and activity.

Исследованием проблемы человека как личности занимаются такие науки, как философия, психология, социология и другие. Среди наиболее важных аспектов этой проблемы – мотивация личности. Данный вопрос касается выявления причин, определяющих поведение человека, разработки модели детерминации его поведения в различных социальных ситуациях. Мотивация деятельности человека, её формирование и развитие позволит решить задачи по совершенствованию научного управления как обществом в целом, так и более малыми группами, например, общественным производством.

Существует несколько подходов к исследованию мотивации. Р. С. Немов выделяет три направления развития знаний о мотивации человека: биофизиологическое, бихевиаристское, психологическое [20, с. 640]. Е. П. Ильин определяет эти направления как потребностные, бихевиористские, когнитивные, психоаналитические, билогические теории мотивации [14, с. 9–13]. Отсутствие общей концепции мотивации обусловлено, на наш взгляд, тем, что каждая из существующих теорий исследует отдельные факторы детерминации поведе-

ния человека и рассматривает проблему мотивации в достаточно узком, специализированном аспекте.

Психология изучает мотивацию человека, используя узкое понятие мотивации, понимая мотивацию как «совокупность конкретных причин, объясняющих поведение человека» [20, с. 639]. В психологическом направлении исследования мотивации изучаются психологические факторы, оказывающие влияние на поведение людей. Основания для выделения этих факторов различны в разных областях психологического знания.

Р. С. Немов выделяет психоаналитический, бихевиористский, гуманистический, факторно-аналитический, когнитивистский, социально-психологический подходы к изучению мотивации [20]. Эти подходы различаются предметом исследований. Так, психоаналитический подход уделяет повышенное внимание бессознательным процессам и изучает глубинную мотивацию, основанную на инстинктах жизни и смерти. Бихевиористский подход изучает поведение человека и животных, считая его обусловленным внешними стимулами. Гуманистический подход опирается на высшие уровни сознания человека. Факторно-аналитический подход ориентирован экспериментально. Когнитивный подход объясняет поведение людей путём изучения законов восприятия и переработки человеком информации. Социально-психологический подход видит причины поведения человека в процессах, происходящих в обществе, во взаимодействии человека с другими людьми и группами.

Каждый из этих подходов пытается дать ответ на вопрос о детерминантах человеческой деятельности, центральным местом которой является мотивация.

С. Л. Рубинштейн определяет мотивацию человеческого поведения как «опосредованную процессом отражения субъективную детерминацию поведения человека миром. Через эту мотивацию человек вплетён в контекст действительности» [22, с. 364].

В. Г. Асеев также понимает мотивацию как «одну из высших форм психической детерминации поведения человека» [3, с. 7].

Философский подход к изучению мотивации основан на объединении достижений различных наук. Философия, как полагают И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин, играет двоякую методологическую роль. «Во-первых, она осуществляет конкретную критику наличного научного знания с точки зрения условий и границ его применения, адекватности его методологического фундамента и общих тенденций его развития. Во-вторых, философия даёт мировоззренческую интерпретацию результатов науки – в том числе и методологических результатов – с точки зрения той или иной картины мира: материалистической

или идеалистической, диалектической или метафизической» [9, с. 69]. По мнению Н. М. Бережного, деятельность как нечто всеобщее в человеческой активности обнаруживает себя в конкретных делах, действиях и поступках. Деятельность не сводится к ним, а является их сущностью. Дела, действия и поступки становятся деятельностью в той мере, в какой они воплощают в себе элементы структуры деятельности, каковыми являются субъект, источник, цель, средство, объект, действие, результат [6, с. 29–30]. С развитием человеческой истории деятельность человека всё более подчинялась не естественноисторической необходимости, а социальной, и этот факт явился предпосылкой для теоретического осмысления деятельности человека. Структура человеческой деятельности, по Платону, связана с тремя способностями души и тремя функциями государства. Платон настаивает на принудительной специализации каждого члена общества на определённом виде деятельности, регулируемой государством. По его мнению, так может разрешиться противоречие между умом, аффективной способностью и чувственным влечением, составляющими способности души и управлением, охраной и обеспечением материальных благ, составляющими функции государства [15, с.108–109].

В трудах Аристотеля говорится о психологическом основании деятельности человека. В «Этике» он пишет: «Блага делятся на три группы: на так называемые внешние, на психические и телесные; психические блага наиболее важные, и их по преимуществу мы называем благами» [2, с.155]. Цель человеческой жизни Аристотель помещает в число душевных, а не внешних благ. Кроме определения внутренних психических детерминант деятельности, Аристотель также говорит об использовании орудий деятельности, отличая их от предметов домашнего обихода: «Орудия, как таковые, имеют своим назначением продуктивную деятельность (poetika), собственность же является орудием деятельности активной (praktikon); ведь, пользуясь ткацким челноком, мы получаем нечто иное, чем его применение; одежда же и ложе являются для нас только предметами пользования» [2, с. 416].

Античную культуру с антропоцентричным подходом к деятельности замещает средневековый теоцентризм, рассматривающий человека как проекцию божественного абсолюта, в отличие от античных мыслителей, считавших, что человек руководствуется в своих поступках волей и чувствами. Деятельность личности в средние века понималась как задача осознания своего божественного предопределения. Труд становится средством религиозного воспитания и умерщвления плоти, ценность его этим и определяется, в отличие от античного понятия труда как средства удовлетворения потребностей. [15, с. 120–124].

Эпоха Возрождения провозгласила идею блага человека как главную цель общественного развития. Идея антропоцентризма возвратила представление о человеке как об активном субъекте деятельности, управляющем своей внешней и внутренней природой. Для возвращения этой идеи должна была быть решена проблема свободы воли человека. Имеет ли человек свободу воли, и этим ограничивает волю божественную, или бог несёт ответственность за деятельность всех людей? Человек в эпоху Возрождения был признан связующим звеном между богом и миром, и «ему дано счастье владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет» [4, с. 59].

В Новое время у человека вновь «отняли» свободу воли. Б. Спиноза утверждает субстанциональность бога и отрицает её у человека: «Сущности человека не присуща субстанциональность, иными словами субстанция не составляет форму человека» [24, т. 1, с. 410]. Он также вводит понятие аффекта как состояния человека под воздействием резкой смены обстоятельств: «Аффекты желания, радости, печали, рассматриваемые сами по себе, вытекают из той же необходимости и могущества природы, как и все остальные единичные вещи» [24, т. 1, с. 466]. Таким образом, Б. Спиноза усматривает детерминанты человеческой деятельности не в её целях, а в её действующих причинах. Френсис Бэкон настаивает на опытном, экспериментальном познании мира. Свобода, по Ф. Бэкону, это практическое применение научного знания: «Власть человека над вещами заключается в «искусствах и науках» [10, т. 2, с. 81]. Ценность же научного знания определяется его социальной значимостью.

Рационалисты рассматривают труд как источник богатства и товар, подлежащий обмену на какую-либо вещь. С точки зрения Джона Локка собственность возникает в результате труда: «Труд, который был моим, выведя их (предметы природы) из того состояния общего владения, в котором они находились, утвердил мою собственность на них» [17, т. 3, с. 278]. «Именно труд создаёт различия в стоимости всех вещей» [17, т. 3, с. 285].

Представитель немецкой классической философия XVIII–XIX веков Г. В. Гегель утверждал, что труд есть средство удовлетворения потребностей человека, что в процессе труда возникают определённые отношения между самим человеком, его деятельностью и предметом деятельности. Такая категория, как «труд», позволила Г. В. Гегелю увидеть реализацию деятельности через её предметность. Однако «сам труд как таковой есть не только деятельность, но и рефлектированное в себе произведение наружу, односторонняя форма содержания» [11, т. 1, с. 306]. Диалектическая взаимообусловленность труда и потребностей человека, со-

циально обусловливающих друг друга, по Г. В. Гегелю, выражается в том, что: «человеческий пот и человеческий труд добывают для человека средства удовлетворения его потребностей» [11, т. 4, с. 219]. Таким образом, Г. В. Гегель видит роль труда как посредника в отношениях природы и Абсолютного духа (гегелевская абстракция).

С развитием в XX веке персонализма, экзистенциализма и других направлений науки проблема человека и его бытия стала рассматриваться с иных позиций. Например, в философии Н. А. Бердяева субъектом бытия является двуединство человека и бога. Главная проблема его философии – смысл существования человека. Смысл бытия в целом – в смысле собственного существования. По Н. А. Бердяеву, существует два рода познания: свободное (вера) и принудительное (наука). Высший уровень познания – религиозный, который возможен на высочайшем духовном уровне [5].

Н. О. Лосский, выражая взгляды персоналистов, полагал, что каждый организм, оставаясь при этом собой, живёт тройной жизнью: своей, жизнью включённых в него низших целых и жизнью того целого, в которое поименованный организм сам входит как часть. Он вводит понятие «субстанционального деятеля», в котором коренится начало индивидуальности. Индивидуальность тем ярче, чем выше степень эволюции органического целого. Каждый субстанциональный деятель может развиваться бесконечно, от молекулы до такой формы жизни, как человек, и, возможно, выше. Таким образом, наш мир – это живая личность (субстанциональный деятель) [18].

Проблема сознания и деятельности перешла далее из философии в область психологии. Её исследованием после С. Л. Рубинштейна занимался выдающийся советский психолог А. Н. Леонтьев. Результаты своей работы он представил в труде: «Деятельность. Сознание. Личность» [16].

Деятельность человека, по А. Н. Леонтьеву, иерархична и состоит из следующих уровней: уровня особых видов деятельности, уровня действий, уровня операций и уровня психофизиологических функций [16]. В основу теории деятельности был положен принцип философии марксизма о бытии, порождающем сознание. Основным предметом исследования становится деятельность, которая опосредует все психические процессы человека. Предмет, направляющий деятельность, является мотивом. В своем труде А. Н. Леонтьев сделал попытку осмысления и обобщения психологического знания: «Я думаю, что главное в этой книге состоит в попытке психологически осмыслить категории, наиболее важные для построения непротиворечивой системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психи-

ческого отражения реальности, которое опосредует жизнь индивидов. Это категория предметной деятельности, категория сознания человека и категория личности» [16, с. 12].

Философский подход, в отличие от частных научных, призван дать целостное представление о мотивации как о внутреннем психологическом образовании, и, опираясь на достижения других общественных наук, раскрыть понятие мотивации в аспекте общефилософских принципов.

Однако, определяя мотивацию как источник самореализации сущностных сил человека как субъекта деятельности, познания и общения, мы приходим к широкому определению понятия «мотивация», включающему в себя «почти все психологические и физиологические особенности человека, многие факторы внешней среды, влияющие на поведение человека. Это понимание мотивации почти ничего нового не вносит в общепсихологическое понимание и объяснение поведения» [22, с. 639]. В настоящее время существует плюрализм мнений относительно причин поведения человека, его мотивации. Поэтому существует более пятидесяти теорий мотивации. Основаны эти теории были на популярных в своё время философских воззрениях.

К этому можно добавить, что также существует множество направлений философской мысли, и в рамках каждого философского направления детерминация человеческой деятельности объясняется по-разному. Учёные философы не удовлетворяются общефилософским понятием мотивации как внутреннего психологического образования и высказывают различные предположения о характере и месте этого источника.

Позитивизм и прагматизм послужил опорой и философским основанием возникновения бихевиоризма. Натурализм и иррационализм, так же, как философия А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, оказали влияние на формирование взглядов З. Фрейда и развитие психоанализа. Экзистенциализм стал опорой гуманистического направления в психологии. Идеи Ж. -П. Сартра оказали непосредственное влияние на представление о человеке, как о цельной личности. Прагматизм и общая семантика А. Коржибски стали идейными предшественниками теории когнитивных конструктов Дж. Келли. Философы и лингвисты М. Лацарус и Г. Штейнталь способствовали развитию социальной психологии.

Одну из первых теорий мотивации предложили представители бихевиоризма Э. Торндайк и Дж. Уотсон. Их концепция сложилась в духе позитивизм и прагматизма, таким образом, бихевиористская теория отождествляла поведение человека и животных, рассматривая человека или животное как организм, как «совокупность реакций» [25, с. 20]. Суть бихевиористского учения о причинах поведения описал М. Г. Ярошевский: «Постоянный стимул, производимый лишением, имел очевидную цен-

ность для выживания в том, что он заставлял организм действовать, что увеличивало возможность того, что животное найдёт нечто, что покончит с лишением и позволит ему выжить. Всё, что производило сильный стимул – чрезмерная жара и холод, физическое повреждение, отсутствие воды – рассматривалось как источник мотивации» [29, с. 337].

Огюст Конт – французский философ и основатель позитивизма – полагал истинным знанием только то, которое мы можем объективно наблюдать и измерять. Исследованию подлежали только наблюдаемые факты. Представители прагматизма У. Джемс и Дж. Дьюри критерием истинности учения полагали практическую пользу. Идею аналогии поведения живых организмов с механизмами высказывал Р. Декарт, рассуждая о «животных духах» в человеческом теле.

Человека бихевиористы понимают как организм, реагирующий на изменение условий окружающей среды. Поведение человека или животного обусловливается ожиданием положительного подкрепления или попыткой избежать отрицательного. Предмет исследования – наблюдаемое поведение. Исходя из этих положений, мотивация поведения сводится к изменениям условий окружающей среды. Для получения желательных действий их следует положительно подкреплять. Избегать нежелательного поведения следует, применяя отрицательное подкрепление.

Во второй половине XX века бихевиористы обращают внимание на поведение человека в обществе, что даёт начало новым теориям: оперантного научения Б. Скиннера и социального научения А. Бандуры. Несмотря на социализацию изучаемого «объекта», Б. Скиннер отказывал человеку в признании его как личности. Выводы о поведении человека делались на основании экспериментов с животными. Приобретение какой-либо формы социального поведения объяснялось следующим образом: те действия, которые в определённой ситуации порождают максимальный эффект при минимальных затратах запоминаются, и далее воспроизводятся в похожих жизненных ситуациях [28, с. 253–281].

В концепции А. Бандуры утверждается, что новые формы поведения можно приобрести без внешнего подкрепления, как утверждал Б. Скиннер. То поведение, которое мы демонстрируем, мы усвоили и продолжаем усваивать, беря пример со значимых для нас людей. Человек учится, наблюдая за другими людьми, при этом активную роль играет познание и мышление. В своей теории А. Бандура отступил от принципов радикального бихевиоризма, отделив человека от животного и представив его способным к самонаблюдению и активной реакции на себя и события в жизни [21, с. 429–457].

Психоаналитическая теория З. Фрейда возникла под влиянием двух концепций: существующей в то время натуралистической и новой – ир-

рационально-феноменологической. С бихевиоризмом Э. Торндайка и инстинктивизмом Мак-Дауголла З. Фрейда сближает поиск источника мотивации в физиологических процессах. С философской антропологией и направлениями иррационалистической философии – концепция бессознательного.

Определённое влияние на развитие психоанализа оказали идеи А. Шопенгауэра и Ф. Ницше [15]. Основные идеи иррационализма говорят об ограниченных возможностях разума и утверждают иррациональный характер действительности. Учение З. Фрейда о двух базовых инстинктах жизни и смерти отсылает нас к этике абсолютного пессимизма А. Шопенгауэра, предлагающего искоренить волю к жизни, дабы упростить страдания, и к философии Ф. Ницше, полагавшего в основе всего волю к власти. В своём учении З. Фрейд пытается найти баланс между жизнью и смертью.

Психоаналитическая теория основывается на предположении о существовании двух врождённых бессознательных влечений – инстинкта жизни (Эрос) и инстинкта смерти (Танатос), которые находятся в конфликте. Эти инстинкты входят в состав бессознательной части личности, не осознаются человеком, однако управляют его поведением.

Основным методом познания бессознательного З. Фрейд считает толкование сновидений. Сновидения, по З. Фрейду, – это попытка фантастического исполнения тайных желаний. «Сравнивая большое количество толкований сновидений, я в состоянии последовательно показать вам, что проделывает работа сновидения с материалом скрытых его мыслей» [27, с. 160]. Для бессознательного безразлично, как достигается удовлетворение инстинктов – в физической реальности или в воображаемом мире сновидений. Такая постановка вопроса ещё более подчёркивает иррациональность теории З. Фрейда. Поскольку человек не осознаёт психологические силы, управляющие его поведением, то он не может дать себе отчёта в истинных мотивах своих действий.

Гуманистическое направление, названное А. Маслоу «психологией третьей силы» [19, с. 29], в психологии возникло как протест против бихевиоризма и психоанализа, которые отказывают человеку в осознанности. Философской основой для гуманистической психологии стал экзистенциализм – философское направление, развивающееся в XX веке наряду с персонализмом и философией антропологии. Экзистенциализм утверждает полную ответственность человека за свою жизнь и судьбу, не принимая положения о влиянии на личность человека генетических факторов и факторов окружающей среды. Жан-Поль Сартр, представитель этого философского течения, выразил это утверждение в принципах экзистенциализма: «Человек не что

иное, как то, чем он делает себя сам. Таков первый принцип экзистенциализма» [23, с. 35].

По мнению экзистенциалистов, каждый человек обязан найти смысл жизни в абсурдном мире, который ничто без присутствия этого человека. Каждому предоставлена свобода выбора, от которого зависит то, кем или чем он станет. Каждый волен сделать себя таким, каким он хочет быть. Экзистенциалисты подчёркивают субъективность реальности. Человек, наделённый свободой выбора, несёт личную ответственность за реализацию как можно большего количества своих возможностей, и только тогда он живёт полной, насыщенной жизнью. Для его становления или, говоря словами А. Маслоу, «самоактуализации» [19, с. 27] недостаточно удовлетворения только биологических потребностей, поскольку в этом случае жизнь станет бессмысленной, что с экзистенциальной точки зрения является предательством себя. «**Быть** человеком – в смысле принадлежать от рождения к человеческому роду – должно означать также возможность **стать** человеком». [19, с. 27], – писал А. Маслоу в предисловии к своему труду.

А. Маслоу отразил взгляды экзистенциализма в своей теории мотивации. Исходя из принципов гуманистической психологии, он попытался объяснить поведение человека, взглянув не него как на единое целое: «Наше первое положение гласит, что личность представляет собой интегрированное, организованное целое… Это положение… предполагает, что мотивирована скорее личность в целом, нежели отдельная её часть» [19, с. 46]. Рассмотрение человека в качестве личности, а не организма, является новым, противоположным бихевиоризму, и отражает экзистенциальные идеи. В отличие от психоаналитиков, исследующих неврозы, гуманистические психологи поставили в центр своего внимания здоровую, развивающуюся личность.

Исходя из этого, А. Маслоу разработал теорию мотивации человека. Считая, что человек может быть счастливым только в том случае, если достигнет самоактуализации, потребность в самоактуализации автор теории поместил на вершину своей знаменитой «пирамиды». Разработав положение о том, что человек имеет потребности различных уровней: высшие и низшие, автор расположил их в виде пирамиды, соблюдая иерархию [23, с. 60–68].

Мотивировать человека, точнее, личность, автор концепции предполагает созданием условий для удовлетворения следующей в иерархии потребности, исходя из нужд каждой личности. Автор теории предполагает, что стремящаяся к самоактуализации личность будет развиваться именно таким образом. Поэтому, предсказать её поведение достаточно

просто: если человек был голоден, а теперь сыт, он будет стремиться получить жильё и стабильность, и далее по списку.

Факторно-аналитический подход к мотивации человека был ориентирован на экспериментальное изучение индивидуальных различий личности. Основанием для возникновения этих теорий послужило не какое-либо новое философское направление, а появление факторного анализа как инструмента классификации признаков. Основные идеи факторного анализа предложил Ч. Спирмен – психолог, занимающийся исследованием умственных способностей. Благодаря созданию метода факторного анализа, личность стала рассматриваться как совокупность черт, в отличие от взглядов на личность гуманистических психологов как на единое целое. В теории Р. Б. Кэтелла, основанной на теории черт, сущность личности формируют её динамические черты. Психологическое исследование личности и её мотивации должно быть подчинено выявлению законов поведения людей в типичных социальных ситуациях. [21, с. 260–265].

Факторно-аналитическая теория личности разработана Г. Ю. Айзенком. Она построена по иерархическом типу и включает в себя следующие психодинамические свойства: экстраверсия-интроверсия, нейротизм и психотизм [21, с. 267–285]. Заслуживает упоминания теория Дж. П. Гилфорда [21, с. 255–260], выделявшего в структуре личности три сферы: способностей, темперамента и гормическую сферу. Поведение определяется чертами личности, считают психологи, использующие факторно-аналитический подход. Пытаясь изучить личность как можно глубже и точнее, учёные вновь не устояли перед искушением разложить её на более простые для понимания черты. Однако предсказать поведение личности в различных ситуациях, опираясь на теорию черт, оказалось не всегда возможным, поскольку обнаружилось наличие двух типов черт личности: базисных и ситуационных. Базисные черты личности проявляются всегда и везде, ситуационные – в исключительных случаях или эпизодах жизни.

Теорию личностных конструктов, призванную объяснить поведение человека как личности, Дж. Келли создал, опираясь на следующие положения: поведение людей зависит от их восприятия себя и окружающей среды [28, с. 375–401]. В отношении одного и того же явления или события может быть множество мнений, правильных из которых несколько. Эти правильные, но различные между собой мнения объясняют действительность с различных сторон. Для понимания, объяснения и предсказания поведения человека нужно понимать, каким образом этот человек воспринимает окружающий мир. Невозможно найти истинную интерпретацию поведения человека. Люди,

действуя, выдвигают гипотезы относительно того, что их интересует, и опытным путём проверяют их на практике. В своих поступках они ориентированы не на прошлое, а на будущее, их поведение регулируется прогнозом на будущие события.

Реальный мир, по Дж. Келли, для нас искажается в силу нашего его понимания и восприятия. Для каждого существует нечто вроде своей личной картины мира. «Независимо от того, какова природа вещей, или того, чем закончатся поиски истины, события, с которыми мы сталкиваемся сегодня, могут быть истолкованы с помощью столь большого числа конструкций, какое только позволит нам измыслить наш разум» [28, с. 296].

Таким образом, чтобы понять и предсказать поведение человека, следует знать, каким образом он прогнозирует будущие события в соответствии со своими личностными конструктами. В отличие от теории черт, Дж. Келли полагает личность системой индивидуальных личностных конструктов, которая судит о мире «накладывая» эти конструкты на реальность. И также в отличие от теории черт человек выступает как единое целое, несмотря на то, что система личностных конструктов находится в состоянии трансформации в связи с приобретаемым опытом и изменяющимися условиями. Некоторые личностные конструкты являются очень устойчивыми, именно на них стоит опираться при прогнозировании поведения носителя и архитектора этих конструктов.

В социально-психологическом подходе к мотивации человека утверждается, что поведение человека обусловливается его взаимоотношениями с обществом, а также с другими людьми. Вводятся такие понятия, как социальные роли, групповые процессы, межличностные взаимодействия и другие понятия, относимые к области социальной психологии. [20, с. 641–642].

Социально-психологический подход нашёл своё отражение в теориях личности К. Левина [13] и Э. Берна [7; 8]. Свою теорию К. Левин назвал «теорией психологического поля». Эта теория была разработана под влиянием идей, почерпнутых из естественно-научных дисциплин, таких как математика и физика, а также под влиянием гештальт-психологии. К. Левин попытался объединить в своей теории философские научные знания с знаниями естественнонаучными. Понятие «жизненное пространство» заимствовано из физики и означает комплекс реально действующих, воображаемых, существующих, потенциальных, будущих и прошлых событий, отражённых в психике человека и влияющих на его поведение. Таким образом, поведение человека можно описать как функцию от этого жизненного пространства. Главным предиктором поведения являются представления человека об окружающем его мире.

Этот постулат роднит теорию К. Левина с когнитивным подходом. Система потребностей, создающих напряжения в психике человека, представлена в личностной части жизненного пространства. Устранения напряжений происходит в определённой ситуации, и пространство ситуаций – вторая часть жизненного пространства, по К. Левину [13]. Человек оценивает любую жизненную ситуацию в контексте своих потребностей и вместе с тем оценивает её на предмет возможности их удовлетворения. Чем сильнее потребность человека, тем большую область она занимает в жизненном психологическом пространстве, и тем сильнее мотивирует человека на её удовлетворение.

Э. Берн в своей книге «Игры, в которые играют люди» [7] пытается дать объяснение поведению человека исходя из созданной им теории транзакционного анализа. Согласно этой теории каждый человек в каждый момент времени находится в одном из трёх эго-состояний: ребёнок, взрослый и родитель. Поведение личности обусловлено выбранным на данный момент состоянием. По Э. Берну жизнь – это игра, представляющая собой системы транзакций с предсказуемым исходом и скрытой мотивацией. Предсказать поведение человека можно, определив его текущее эго-состояние во время общения или другого взаимодействия.

Философское научное знание, его идеи составляют фундамент методологической основы психологических теорий. Психология возникла как самостоятельная наука в процессе поиска практического применения положений, выдвинутых философами. Философия включает в себя множество направлений, таких как позитивизм и прагматизм, иррационализм и экзистенциализм, и другие, не рассмотренные в данном реферате. Вместе с тем целостность философии определяется логикой и критическим анализом предшествующих концепций.

Объясняя вопросы бытия и познания, человека и мира, используя для этого разные подходы, философия рождает такие науки, как биология, физика, психология и другие. В число выделившихся в самостоятельное научное знание дисциплин входят те, для которых философия предоставила работоспособную методологическую парадигму. Философия обнаруживает эффективную методологию познания, после чего та область, где это было обнаружено, отделяется в самостоятельную науку. Философия представляет собой мировоззрение, она рождает из себя науки, определяя для них методологию.

Изучение истории и характера взаимодействия между философским и психологическим научным знанием открывает перспективы для развития новых психологических теорий и концепций. Знание фундаменталь-

ных философских идей необходимо для более глубокого понимания основ психологии, а также успешной психологической практики.

Библиографический список

1. Алтунина И. Р., Немов Р. С. Социальная психология : учебник для бакалавров. – М. : Издательство Юрайт, 2011. – 427 с. – (Сер. «Бакалавр»).
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск, 1998.
3. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М., 1976.
4. Баткин Л. К. К истолкованию итальянского Возрождения: антропология Марселино Фичино и Пико делла Мирандолы // Из истории классических искусств Запада : сб. статей. – М., 1980.
5. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М., 1994.
6. Бережной Н. М. Социальная философия. – М., 1996.
7. Берн Э. Игры в которые играют люди. – СПб. : Специальная литература, 1995.
8. Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия / пер. с англ. – СПб. : Изд-во «Братство», 1992. – 224 с.
9. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. – М., 1973.
10. Бэкон Ф. Соч. В 2 т. – М., 1972.
11. Гегель Г. В. Работы разных лет. – М., 1971.
12. Гронский А. Человек: траектории понимания : сб. ст. на основе межрегиональной научной конференции. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2002. – С. 272–279.
13. Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. – М. : МГУ, 1981.
14. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб. : Питер, 2011. – 512 с.: ил. – (Сер. «Мастера психологии).
15. История философии. – Т.1. – М., 1957.
16. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Политиздат, 1975.
17. Локк Д. Сочинения. В 3т. – М., 1988.
18. Лосский Н. О. Мир как органическое целое // Избранное. – М., 1991.
19. Маслоу А. Мотивация и личность. – 3-е изд. / пер. с англ. – СПб. : Питер, 2012. – 352 с. – (Сер. «Мастера психологии»).
20. Немов Р. С. Общая психология. В 3 т. Т.III. Психология личности : учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2012. – 739 с. – (Сер. « Магистр»).
21. Первин Л., Джон О. Психология личности. Теории и исследования. – М., 2001.
22. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М., 1976.
23. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2000. – 639 с. – (Сер. «Мыслители XX века»).
24. Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. – М., 1957.

25. Торндайк Э. Процесс учения у человека. – М., 1935.
26. Философия : учебник / под ред. проф. Лавриненко. – М., 1998.
27. Фрейд З. Введение в психоанализ/ пер. с нем. Г. В. Барышниковой. – М. : АСТ: Астрель, 2011. – 633, с. – (Сер. «Philosophy»).
28. Фрейджер, Р., Фрейдмен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. – СПб., 2004.
29. Ярошевский М. Г. История психологии. – М., 1985.
30. Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. (Preface by Robert P. Pula). – Institute of General Semantics, 1994.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ И ЛИБЕРАЛИЗМОМ

Р. Ю. Рахматуллин *Доктор философских наук, профессор, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Россия*

Summary. Search for a way out of the crisis of society involves finding the prerequisites of innovation. Denial of tradition, commitment to innovation raises the question of the limits of liberalism. Solution we see in the liberal conservatism, which seeks a compromise between traditionalism and liberalism.

Keywords: liberalism; traditionalism; cosmological variation of natural law; liberal conservatism.

Периоды кризиса в обществе, как правило, сопровождаются поиском эффективных методов их преодоления. Во многих случаях это проявляется в виде выбора между традиционными и либеральными ценностями. Преобладание тех или других в политической и духовной сферах общественной жизни закрепляется и в праве. Нынешняя ситуация в России характеризуется разочарованием значительной части населения в либеральных ценностях, ассоциируемых, как правило, с западным образом жизни. Главную причину такого положения дел мы видим в продолжающихся с 1990-х годов не совсем удачных попытках реформирования отечественной экономики, образования и науки по западным образцам.

Поскольку ключевые для нашей работы понятия «традиционализм» и «либерализм» имеют разные толкования, то поясним, в каком значении они здесь используются. Традиционализм рассматривается

нами как приверженность такому способу социальной преемственности, при котором политические, правовые и иные решения принимаются исходя из незыблемости основополагающих принципов и ценностей существования социальной системы. Последовательная редукция в поиске оснований такой традиции приводит в конечном счёте к идее существования метафизической, сакральной матрицы, находящейся за пределами как социального, так и рационального. Примером такого понимания этого феномена выступает интегральный традиционализм Р. Генона и М. Элиаде.

Традиционализм обнаруживается ещё в Древнем Китае – в идеологии даосизма и конфуцианства. Известно, что эти учения рекомендуют человеку следовать Дао, «законам Неба», не противодействовать «ходу вещей» для достижения гармонии. Это нормы, преобразующие Хаос в Космос, по которым должна быть организована и общественная жизнь. Проекция этих норм в область права порождает космологический вариант естественного права [3].

Понятие «либерализм», выражающее стремление к свободе, выходу за рамки общепринятого, традиционного, консервативного ради реализации естественных прав человека, выступает в этом контексте как антитеза традиционализму.

Либерализм притягателен тем, что даёт человеку возможность выйти за рамки привычного, пробовать иные способы решения задачи. Но в этом заключается и его опасность. Можно ли, к примеру, разрешая гомосексуализм, лесбиянство, однополые браки, употребление марихуаны, разрешить и педофилию, и скотоложство, и некрофилию, и употребление ЛСД, если часть населения это одобряет? Подобные вопросы и вызывают, думается, негативное восприятие либерализма как идеологии традиционалистами, не без основания опасающимися разрушения устоев русской культуры ускоряющейся вестернизацией, охватившей не только сферы экономики, политики, права, но и образования. Как пишет А. Н. Швечиков, «либерализм стать национальной идеологией России не может, ибо он по сути враждебен её православному духу, смысловым основам её бытия» [4, с. 26]. Напрашивается вывод, что либерализм должен иметь границы, за которые человек не должен выходить. Казалось бы, традиционализм и задаёт эти границы. Однако последовательный традиционализм ведёт общество назад – к устоям средневековья. Например, Р. Генон считает традиционным лишь общество, построенное в соответствии с сакральной матрицей [1].

Решение проблемы мы видим не в критике либерализма, а в учёте возможностей применения западных моделей развития в условиях российской действительности. Очевидно, что методы и формы обучения, с успехом применяемые в Гарвардском университете, и рекламируемые Министерством образования и науки РФ, могут оказаться неэффективными в условиях российских реалий (с этой проблемой и сталкиваются ныне российские педагоги). Поэтому решение может быть выражено как компромисс между традиционным и новым. А. Г. Дугин назвал такую идеологию *либеральным консерватизмом*: «Для либеральных консерваторов «сегодня» – это разумный компромисс между «вчера» и «завтра» [2, с. 13]. Думается, такая парадигма была бы полезна и для нынешних российских реформаторов.

Библиографический список

1. Генон Р. Кризис современного мира. – М. : Эксмо, 2008. – 784 с.
2. Дугин А. Г. Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория? // Философия права. – 2009. – № 4. – С. 7–15.
3. Рахматуллин Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2011. – № 4. – С. 43–47.
4. Швечиков А. Н. Либерализм как идеология секуляризации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 89. – С. 19–26.

VIII. PHILOSOPHIC DEVELOPMENT PROBLEMS OF MODERN SPIRITUAL CULTURE

СПОР КАК КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ СТАНОВЛЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОГО СПЕЦИАЛИСТА

Л. Е. Антонова

Кандидат культурологии,
Колледж искусств
им. П. И. Чайковского,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия,
Россия

Summary. Deficiency of personal principle in all areas of activities, especially in the areas of culture and education, a growing increase in the distance between culture and social actors in education understood by the author as a serious problem for Cultural Research.

Keywords: cognition; professional education; the subject of cognition; cultural competency; controversy; reflective thinking of specialist.

В повседневной жизни люди, как правило, не зная истинных причин поведения другого человека в условиях дефицита информации, начинают приписывать друг другу различные причины поведения, что и создаёт базу для непонимания, конфликтов, некомпетентного решения. М. Хайдеггер такую беспочвенное мнение определяет как молву, и выделяет как особый феномен речи. Речь без собственного понимания, формирующаяся в пересказе, искажающая социальную коммуникацию, создаёт в её пространстве отвлекающие шумы и помехи, дезорганизуя деятельность и взаимодействие людей. Отшлифованная молва публичного истолкования подталкивает к индифферентной понятности толкуемых вещей для всех и для каждого. Вот почему молва представляет способ, которым преимущественно реализуют власть над обществом, а культурная компетентность при этом сводится к репродуктивно-познавательной деятельности индивида, что также является проявлением власти в познании. Сегодня в этом мы видим одну из главных причин пассивности в обучении. Следовательно, в целях достижения целей эффективного социально-культурного воспроизводства необходимо выявить фактор компетентности, направленный на обеспечение активности самой личности в процессе познания.

Насущным проблемам современного профессионального и не только профессионального образования отвечает познание, которое «становится не одним лишь, по Н. Бердяеву, поиском «чего-то», но и «чем-то» самим по себе, событием человеческой самоидентификации: не только открытием истины, но и переживанием истины, а также актом её осознания» [2, с. 40]. Вряд ли сегодня найдётся среди практиков образования тот, кто не согласится с утверждением философа.

В процессе познания истина предстаёт либо как норма, идея, ценность наряду с другими ценностями (добром, красотой, справедливостью), которые служат мировоззренческими ориентирами, либо истина раскрывает цель познания и описывает характеристики полученного знания (объективность, точность, конкретность, правильность, общезначимость, достоверность, полезность). И то, и другое включены в цель образования, поэтому можно понять обеспокоенность деятелей образования, предполагающих, что в таких ситуациях истина теряет свой объективный характер.

На самом деле известно, что этого можно избежать, если формирование объективной истины будет сопровождаться процессом формирования ценностей самой личности, что осуществляется в ходе практической деятельности субъекта. Ценности связаны с реальными отношениями, предопределены соответствующими культурно-историческими архетипами. Именно они служат принципом отбора объекта, включения его в сферу познания. Поэтому в образовательном процессе, организуемом как культурный процесс, представляющий собой единство гносеологического и аксиологического начал, возможно формирование субъекта познания как носителя ценностей. Оно направлено на обеспечение меры соответствия, определяемой в большей степени не внешними критериями, а формой внутреннего самоконтроля самой личности, связанной с принципиальной ориентацией человека «на сознательно культивируемую свободу и ответственность перед лицом вызова реальности, с самокритичностью и рефлексивностью в проблемных ситуациях» [3, с. 1]. Иначе говоря, личностная организация человеческого бытия и персонально полагаемое отношение к миру есть то человеческое, по мерке которого определяется культурно значимое и оценивается степень человеческой культурности.

Исходя из того, что «культурные модели образования – способы организации поиска сообществом наилучших образцов культивирования человека и своеобразное выражение надежды на то, что можно влиять на деятельность будущего общества» [1, с. 204], мы рассматриваем спор как

образовательную модель, отвечающую в наибольшей степени потребностям современного образования ввиду его эффективности в формировании рефлексивной компетентности будущего специалиста.

Ведь сама сущность образовательной деятельности предполагает спор как бытие другим. Бытие другим – это бытие в возможности, а бытие в возможности – это становление. Спорить – значит становиться, потому что для спорящего открываются новые онтологические горизонты, открывается возможность изменения, трансформации. Спор есть разновидность трансценденции, выход за пределы своего собственного, обретение собственного в другом. Другой – не замена для «я» и не новое «я», но инстанция, указывающая направление, путеводитель. Нельзя стать другим, потому что другого нет как ставшего, другим можно только становиться.

Истинность трактуется как отношение соответствия между описывающим знанием и его предметом, а рациональность – как отношение соответствия между предписанием, законами природы и человеческой потребностью, детерминированной этими законами, что и создаёт основу для формирования рефлексивного мышления личности как базы его культурной компетентности.

Библиографический список

1. Крылова Н. Б. Культурология образования. – М., 2000.
2. Крымский С. Б. Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса // Вопросы философии. – 1998. – № 4.
3. Швырёв В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М. : Прогресс-Традиция, 2003.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

М. А. Артыкова

Соискатель,
Национальный университет
Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
г. Ташкент, Узбекистан

Summary. In the article it is given the information about formation of semiotics as a science, signs that turned as people values, symbols that have characteristics of stability. As well as it is investigated about semiotic importance of values like kindness, family, institute of matchmaking, neighbourhood, relationship between neighbours, respect to women.

Keywords: semiotics; values; sign; symbols; kindness; relationship; family; matchmaking; neighbourhood; women.

С точки зрения семиотики – науки о знаках – ценности, как национальные, так и общечеловеческие, являются сложной системой знаков и символов, имеющих непреходящее значение в духовной жизни общества, в социализации личности. Именно благодаря своему глубокому смыслу, богатому содержанию, аллегорической форме и символизму ценности не утрачивают своей притягательности в течение тысячелетий, передаются из поколения в поколение. Известно, что ценность – термин, широко используемый в философской и социологической литературе для указания человеческого, социального и культурного значения определенного предмета или явления действительности. По существу, все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве «предметных» ценностей, как объект ценностного отношения, т.е. оцениваться в плане добра или зла, истины или неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д. [4, с. 763].

Аксиология – учение о ценностях, включает в их число все то, что необходимо, что важно и значимо для всего общества и отдельной нации. В этом плане к общечеловеческим ценностям относятся всеобщий мир и безопасность, свобода и равенство, гуманизм и межнациональное согласие, наука и просвещение, нравственность и духовность. К национальным ценностям мы относим материальные и духовные достижения каждого народа, прогрессивные традиции и обря-

ды, эстетические и этические богатства отдельной нации. И каждая из этих составных частей системы ценностей имеет свою символику, свои семиотические знаки, без знания и глубокого усвоения которых невозможно обеспечение преемственности поколений и полнокровного воспитания молодого поколения.

Как система, так и структура национальных ценностей имеет динамический характер, подвержена трансформации и модернизации, испытывает воздействие внешних и внутренних факторов. Взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур, с одной стороны, глобализация и «массовая культура» – с другой, оказывают сложное, противоречивое воздействие на систему национальных ценностей, иногда приводят, в силу ослабления или отсутствия духовного, идеологического иммунитета, к деформации данной системы. В этих условиях актуальной задачей прогрессивной части каждого народа является бережное отношение к своему неповторимому духовному наследию, приумножение ценностей и передача их подрастающему поколению. А это задача не из легких, так как каждое новое поколение, вступая в самостоятельную жизнь, стремится создать нечто новое и сохранить что-нибудь из «старого» и через философский закон отрицания отрицания создает свою, обновленную систему ценностей.

Таким образом, национальные культурные традиции и духовные ценности, сформировавшиеся на протяжении тысячелетий, не становятся достоянием, «собственностью» каждого нового поколения сами по себе – автоматически или стихийно, а требуют организации систематической и целенаправленной воспитательной работы, гармоничного сочетания образования и воспитания. Каждая этническая общность – нация и народность имеет свою специфическую систему воспитания, свой опыт подготовки подрастающего поколения к жизни. И вот эта, выпестованная веками, прошедшая проверку времени, «апробированная» в жизни сотен поколений система национального воспитания должна опираться на научные постулаты семиотики, использовать ее новейшие достижения.

Общечеловеческие и национальные ценности содержат в себе целую гамму семиотических знаков и символов, которые играют важную роль в социализации молодого поколения, сохранении преемственности между различными возрастными группами – пожилыми и молодыми, обеспечении непрерывности материальной и духовной жизни нации.

Семиотика, хотя и участвует в воспитательном процессе издавна, но как наука сформулировалась в XX веке. Его теоретические постулаты, круг задач и методы исследования были разработаны американ-

ским философом Чарльзом Пирсом (1839–1914) и швейцарским языковедом Фердинандом де Соссюр (1858–1913), примерно в одно время, но независимо друг от друга. В последующем Чарльз Моррис (1901–1979), Рудольф Карнап (1891–1970) внесли весомый вклад в развитие теоретико-методологических основ семиотики. В прошлом столетии в результате ускоренного развития семиотики появилось несколько направлений и отраслей этой молодой науки, таких как биосемиотика, этносемиотика, лингвистическая семиотика и т. д. [2; 3].

Настоящая статья, посвященная символике и семиотическим знакам узбекских национальных ценностей, опирается на методологическую идею одного из основоположников семиотики – Чарльза Морриса о том, что выявление значения знаков должно сопровождаться выявлением привычек, обрядов и ритуалов, которые вытекают из этих символов. Он в своей книге «Знаки, язык и поведение» последовательно проводил идея гармоничной связи обрядности и традиций с символами и знаками, культивируемыми в данном сообществе.

Анализируя социально-философские аспекты национальных ценностей, выраженных через систему оценок, почитания и отрицания определенных правил и положений, мы приходим к выводу о том, что нормы общежития устанавливаются самим социумом исходя из своих интересов и потребностей, образа жизни и мировоззрения. Причем спектр отношений к тому или иному объекту у разных народов весьма различна (так, к примеру, чрезмерное гостеприимство и ксенофобия – суть два разных полюса отношения к другому, чужому человеку).

Различны также отношения членов общества к духовному богатству и нравственным критериям. Каждая социальная группа или отдельная личность в меру своего уровня воспитания, самостоятельно воспринимает и осваивает духовность. Дух эпохи, настрой времени также влияют на процесс реализации и «оздоровления» общественных ценностей.

Таким образом, национальные духовные ценности, являясь многогранным и сложным объектом семиотики, имеют важное значение в формировании благословенного общества и гармоничной личности. В ходе перманентного развития и диалектического совершенствования национальные ценности внедряются в сознание людей, особенно молодежи, через систему нравственного воспитания, пропаганды и агитации.

Возьмем такую национальную ценность, которая называется «**мехр-окибат**» – то есть любовь к ближнему и преданность ему до конца, милосердие и благотворительность, бескорыстная помощь и поддержка нуждающихся. Символическое, семиотическое значение

имеют внимание человека к человеку, дружелюбие, добрососедство, прочные родственные связи и семейные узы и, самое главное, гармонизация отношений между личностью и обществом.

В настоящее время самой острой проблемой в мире становится недостаток, дефицит гармонии между личностью и обществом, в результате которого большая часть финансовых и материальных средств развитых государств тратится на вооружение, а в неразвитых странах миллионы детей умирают с голода.

Одним из важных качеств, характерных для нашего народа, является **толерантность**, терпимость к другому мнению и убеждению, в целом, широта души. Данное благородное качество, это мерило стало неотъемлемой частью духовности узбекского народа. Яркое подтверждение тому – исторические традиции мирного сосуществования, совместного проживания представителей различных конфессий и национальностей в согласии и добрососедстве на этой благодатной земле. В этом плане собранный нами исторический материал свидетельствует о том, что тенденции прошлого продолжают свое существование и в наши дни.

Такие исконно национальные ценности узбеков, как смирение и терпение, шарм и такт, уважение к старшим и забота о младших, гостеприимство, почитание родителей, подчинение своих интересов интересам общества, умение прощать и быть компромиссным стали той почвой, на которой развивалась толерантность.

Ни одна культура и ни один народ не могут жить и развиваться в разрыве друг от друга. Историческая память, наследие предков, которые связывают прошлое и настоящее, являются неотъемлемой частью культуры и духовности личности. Чем богаче духовность и культура человека, тем благословеннее и благороднее, тем открытее общество.

Характерна в этом плане позиция Узбекистана, так как в этом молодом независимом государстве создана среда уважения к представителям этнических меньшинств, стимулируется социально-политическая активность нетитулованных наций, обеспечиваются межнациональное согласие и гражданское единство, создано около двухсот национально-культурных центров. «Узбекистан – единая Родина» - этот лозунг одинаково вдохновляет людей разных национальностей и приверженцев различных конфессий.

Семья является важным семиотическим явлением в системе национальной культуры. Семейные отношения прошли долгий путь трансформации и развития на протяжении многовековой истории человечества, испытывая влияние эпохи и причуды времени. Сущность

этих отношений, хоть и не менялась, но они приобретали различные формы. Но где-то еще сохранилась сакраментальность семьи, трепетное и уважительное отношение к членам семьи. Вот, к примеру, узбекские семьи, в которых благополучно и дружно проживают представители нескольких – трех, четырех и, даже пяти поколений (т.е. прадед, дедушка-бабушка, отец и мать, дети, внуки, правнуки). У каждой возрастной категории, каждого звена есть не только свои права, почет и статус, но и свой долг и ответственность.

В семье, во взаимоотношениях между родителями и детьми, братьями и сестрами, между сватами и родственными существует своя, присущая только этой среде система своих ценностей, знаков и символов, понятные и дорогие каждому члену. Во многих семьях глава семейства пользуется непререкаемым авторитетом, высоким уважением и служит примером мудрости и благочестия для молодёжи.

У узбеков семья считается священной, создание семьи – ответственным делом, иметь детей – истинным счастьем, воспитание их достойными общества, дать образование, обучение их профессиям – смыслом жизни. Большая часть семейного бюджета тратится, притом добровольно и с радостью, на организацию свадебных торжеств, строительство жилья и т.д.

Как известно, стартовая позиция, с которой родители направляют своих детей в самостоятельную жизнь, различается у разных национальностей. В некоторых культурных системах, дети, достигнув совершеннолетия, покидают родной очаг, заодно и своих родителей и ищут свой путь становления и обустройства самостоятельно. Нередки случаи, когда от разрыва связей между постарелыми родителями и детьми страдают обе стороны. В узбекской социально-культурной среде проблемы геронтологии решаются на последовательно гуманистической основе, жизненно важные проблемы обсуждаются на большом семейном совете, где каждый имеет свое слово. Отдельные коллизии, разногласия и скандалы между мужем и женой, свекровью и невесткой, между братьями и сестрами обсуждаются на семейном совете, далее по месту жительства – махалле с участием близких родственников. Наш народ уверен, что все это вполне в духе демократизма, что здесь нет и тени ущемления прав сторон.

С семьей связан своеобразный институт «**сватовства**», который имеет древнюю историю в национальной культуре и доказал свою эффективность в течение тысячелетий. На протяжении веков важную роль в создании прочной семьи играла «связующая нить» – третье лицо, ко-

торое знакомит будущих сватов – родителей жениха и невесты, самих будущих молодоженов. Это было особенно важно в условиях, когда кодекс приличий не позволял молодому парню и девушке в открытую знакомится и встречаться друг с другом. Такая «служба знакомств» в течение веков выработала свои неписанные законы, возлагала огромную ответственность на лиц, которые брались за это доброе дело.

В Узбекистане функционирует уникальный институт социального общежития – **махалля**, которая имеет глубокие корни и непревзойденное значение в жизни народа и сохранении национальных культурных ценностей. Узбекские махалли служат своего рода очагом, хранилищем добрых традиций и обрядов, в них царит атмосфера взаимного уважения и добрососедства, милосердия и взаимовыручки. В махаллях никто не чувствует себя одиноким и отверженным, нуждающийся получает помощь, сироты – отцовскую заботу соседей. На больших семейных торжествах, на свадьбах и сабантуях самые почетные гости – махаллинцы. «Хашар» – бескорыстная помощь жителей махалли в возведении дома – эта добрая традиция считается изобретением узбекского народа. Такая традиция совместного проживания породила в народе массу пословиц и поговорок, таких как «махалля тебе и отец и мать», «моя махалля – моя гордость»…

Махалля была и остается уникальным органом самоуправления граждан, своеобразным институтом демократии, она глубоко укоренилась в сознании и душе народа как нечто сакральное. Здесь очень высок авторитет и вес общественного мнения, все считаются с мнением соседей, махаллинцев. Свойственная узбекскому народу оригинальная форма самоуправления получила дальнейшее развитие в годы Независимости благодаря целенаправленной активной политике государства по укреплению социального статуса и усилению духовного значения махалли [1, с. 13].

Конституция Республики Узбекистан содержит отдельную статью о махалле, принят закон об органах самоуправления граждан. Махалля стала неотъемлемой составной частью культуры нашего народа, величайшей ценностью и достижением совместного проживания. Многие зарубежные эксперты, гости страны подчеркивают уникальность и дееспособность махалли, признают ее действенным институтом социализации молодого поколения.

Особая роль в воспитании подрастающего поколения принадлежит махалле, где с самого детства прививаются навыки уважения к старшим, культивируется скромность и терпеливость, милосердие и

благочестие. Наш народ хорошо понимает, что никого не уважающий подросток вырастит в хорошего негодяя.

Не случайно появление поговорки «одному ребенку семь соседей как родители». Махалля выполняет функцию сильного общественного контроля, тем самым формирует у граждан уважительного, сознательного отношения к окружающим. Одним словом, махалля – это духовное объединение людей, сплоченность народа, социальная солидарность. Махалля и есть семиотический феномен, олицетворяющий национальное единство и сплоченность. Движущая сила института махалли это – взаимоотношения между соседями, это – добрососедство, которое имеет древнюю историю, долгий путь эволюции и становления как ценности. С годами эти отношения вылились в семиотическую систему, сформировали свои символы и знаки, создали свои приоритеты и запреты. Также сформировалась определенная система обрядов и традиций, свойственная только взаимоотношениям между соседями. Значение соседства отражена во многих пословицах и поговорках, которые заняли особое место в философской культуре нашего народа: «Ближайший сосед – дорогой сосед», «Добрый сосед дороже родни», «Когда покупаешь дом, смотри кто твой будущий сосед» и т.п.

На фоне интенсивного взаимоотношения между соседями у подрастающего поколения формируются положительные качества, такие как почёт и уважение пожилых, забота о младшем, любовь к матери и детям. В этом смысле почтенные жители махалли – аксакалы являются не только соседями по улице, но и воспитателями, духовными наставниками. В результате близких отношений между жителями махалли создается благодатная почва для нравственного, духовного роста личности молодого человека, ему прививается самая высшая ценность – уважение к Человеку.

Высочайшим гуманизмом, неподдельным патриотизмом проникнуты вековые ценности узбекского народа, такие как содружество, сочувствие, преданность друг другу, чувство локтя, опора друг на друга, добрососедство, многодетность, забота родителей о детях и сыновья благодарность предкам.

Узбекский народ всегда отличался милосердием, протягивал всем руку помощи. Ещё одно духовное качество нашего народа проявляется в почитании **Женщины**. В условиях углубления демократических реформ и развития гражданского общества еще более укрепилась социальная позиция женщины, заметно вырос ее общественный статус. Особое место женщины в обществе и семье вызывает к ней почти-

тельное отношение. На женщин, на своих матерей и сестёр наши люди смотрят как на досточтенную и высокоуважаемую особу. В богатом культурном наследии народа, в литературе и искусстве, философии и национальной идее женщина выступает в качестве олицетворения верности, преданности, нежности и красоты.

В нашей Республике 1999 год был объявлен «Годом женщины», а 2014 – «Годом здорового ребенка», что свидетельствует о неустанной заботе государства о материнстве и детстве, во исполнение Государственных программ была проведена плодотворная работа по улучшению условий жизни и труда женщин, охране материнства, улучшения репродуктивного здоровья. И в настоящее время не ослабевает забота о «прекрасном поле», так как почёт к женскому полу – это важный семиотический признак культуры нашего народа. В контексте национальной духовности понятия «личность», «семья», «женщина» и «Родина-мать» воспринимаются как однопорядковые, родственные, без отрыва друг от друга.

В годы Независимости в Узбекистане разработана и реализована программа по укреплению социального статуса женщины, совершенствованию законодательной основы, повышению престижа женщин в общественной жизни. Созданы необходимые условия для охраны здоровья матери и ребёнка, а также активного участия женщин в экономической и социально-политической сферах жизни страны. Опыт нашего народа свидетельствует о том, что женщины сохраняют свою красоту, нежность, когда чувствуют уважительное, чуткое отношение к себе со стороны общества, они вдохновляются на большие свершения, когда осознают свое равноправие.

На протяжении тысячелетий разные социально-политические системы, исходя из степени своего культурного и духовного совершенства формировали свое отношение к женщине. В узбекской национальной среде внедрены правила восточного этикета и уважения к ней. Наш народ всегда восторженно и с гордостью вспоминает своих славных дочерей, отличившихся непоколебимостью, остроумием, проницательностью, нежностью и т.п. История сохранила светлую память о Томарис, Бибиханум, Гулбаданбегим, Зебуниса, Нодирабегим, Увайси, Анбар-атын многих других.

Всеобщим уважением и в наши дни пользуются женщины почтенного возраста, женщины-труженицы, предприниматели, политические деятели, ученые и поэтессы и т.д. Одной из отличительных черт, свойственных нашим женщинам, это – несомненно, шарм и застенчивость, которые имеют глубокий смысл и большое значение. Именно

чувство стыда оберегает личность от низости, предотвращает ее моральную деградацию. Скромная и застенчивая женщина своим примерным поведением становится образцом для подрастающих девушек и юношей. Как бы наши женщины ни «осовременивались», все равно сохраняют превосходные узбекские отличительные качества семиотического характера. Так как семиотические отличия формируются объективно, на основе внутренних закономерностей и тенденций развития духовной культуры.

Национальные духовные ценности, их семиотические знаки и символы искореняют негативные факторы, препятствующие моральному очищению и духовному возвышению общества и человека, совершенствуют позитивные качества.

Из вышеизложенного вытекают следующие выводы:

- духовная жизнь, национальные ценности имеют большой спектр семиотических знаков и символов;

- к национальным ценностям относятся и обряды, церемонии, ритуалы, праздники, которые так важны для развития личности и общества, и которые являются неизученными темами для семиотики;

- находясь на стадии формирования, семиотика духовной жизни, семиотика ценностей могла бы стать особой, самостоятельной отраслью этой молодой науки.

Таким образом, мы вправе констатировать, что национальная культура узбекского народа, его нравственные постулаты и духовные приоритеты, особенно в организации совместного проживания в махалле и семье, опираются на созидательные идеи и благородные идеалы, устремлены в будущее. Вывод один – пока существует народ, пока жива нация, навеки будут сохраняться, должны сохраняться семиотические символы духовной жизни.

Библиографический список

1. Иброхимов А. Ўзбек махалласи. – Т. : Маънавият, 2007.
2. Pierce. How to make our ideas clear. – N-Y. : New Press, 1968.
3. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. – М., 2000.
4. Философский энциклопедический словарь. – М. : Энциклопедия, 1983.

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «МОРАЛЬ» И «НРАВСТВЕННОСТЬ»

И. Ф. Ивашкин *Кандидат философских наук, доцент, Вологодская молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина, г. Вологда, Россия*

Summary. In this article the concepts of 'moral' and 'morality' are differentiated in the concept of levels and types of existence. Morale is justified as a manifestation of subjective qualities of the person in socio-dynamic, socio-cultural and activity-based worlds. Morality is justified as an internal position of the person with the voluntary submission of the world of culture as a world of values and as a universal and eternal foundation of a truly human being.

Keywords: morals; morality; individual; entity; personality; culture; levels of being.

Россия на протяжении последних десятилетий переживает довольно сложный исторический период. Помимо кризиса в экономике и развала производства, происходит явное ослабление личностной позиции и чрезмерное усиление в обществе потребительского отношения к жизни. Личностная позиция неотделима от нравственной позиции. Однако в литературе на протяжении многих лет наблюдается слияние понятий нравственности и морали, индивида, субъекта и личности, а точнее отсутствие их проработки именно как понятий. В повседневности мораль и нравственность сопоставляются на уровне частных представлений, смыслов и, например, на форумах приводятся такие определения морали и нравственности, которые не позволяют их различить.

Во многих источниках по вопросам нравственного воспитания говорится о том, что материальные ценности доминируют над духовными, а это ведет к искажению у молодых людей представлений о доброте, милосердии, великодушии, бескорыстии, долге. Молодежь отличает эмоциональная, интеллектуальная, волевая и духовная незрелость. Широкий размах приобрела ориентация молодежи на атрибуты массовой, в основном западной культуры, за счет нивелирования истинных культурных и духовных, ценностей, характерных для российского менталитета. Этому всячески содействуют и средства массовой информации. Год от года растет число разводов, ослабляются семейные связи, постепенно утрачиваются формы коллективной деятельности. Все это и определяет актуальность рассматриваемой темы.

Цель данной статьи провести и обосновать различие понятий морали и нравственности.

Надо заметить, что в век информационного взрыва люди большую часть сведений получают из средств массовой информации. Это отмечал В. С. Библер, говоря, что проблема нравственности заключается в морализировании. А морализирование вытекает из идеологизации сознания и в отрыве идеологии от самого сознания. И тогда содержание мысли становится несущественным. Появляется идеологическая структура, способная внушить что угодно [4, с. 52]. Но в целом мораль и нравственность В. С. Библером рассматриваются как тождественные [4, с. 53]. Главное же здесь в том, что давление идеологии и растущий объем информации усиливают смысловое содержание в ущерб понятийному, причём в анализе любых вопросов. А потом это проникает на уровень учений, где мораль и нравственность рассматриваются как неразличимые термины. Например, в словаре по этике мораль и нравственность рассматриваются как синонимы [9, с. 430]. Связано это и с тем, что, если мораль и нравственность исследуются только эмпирически и прорабатываются как эмпирические термины или понятия, то неизбежна множественность представлений об одном и том же, а это и ведет к стиранию различий между моралью и нравственностью. Но если вопрос ставится о различении морали и нравственности как теоретических понятий, то слияние понятий уже недопустимо и требуется обоснование их различия.

О. Г. Дробницкий в своей работе о понятии морали ставит вопрос о том, что такое нравственность, но в содержании всей работы мораль и нравственность у него предстают как синонимы [6, с. 249]. Синонимами оказываются эти термины и в более современной работе Р. Г. Апресяна. При этом он мораль и нравственность относит только к социальной сфере [3, с. 3–17].

Сложности анализа связаны еще с тем, что, например, Дж. Мур полагает, что этика имеет дело с такими образованиями, как ценности, а они не подлежат определению. Добро определить невозможно [8, с. 66]. В тоже время русский философ В. С. Соловьев в своей работе «Нравственная философия» ставит задачу разработки именно понятия добра, и оперирует понятием нравственности, а не морали [10, с. 98]. Но если не будет понятия ценности, то тогда произойдет «склеивание» понятия «потребность» и понятия «ценность», что и наблюдается в ряде работ. Отождествляются понятия морали и нравственности в работе Ю. М. Федорова, который делает акцент на термине «мораль», рассматривая нравст-

венность как предмет морали или как синоним морали [11, с. 395]. Таким образом, в одних работах мораль рассматривается как термин этики, а нравственность как предмет изучения, а в других – наоборот.

Но, несмотря на то, что многие исследователи, отождествляют мораль и нравственность, есть научные труды, в которых мораль и нравственность различаются. К числу таких работ можно отнести взгляды Гегеля. Гегель связывает мораль с проявлением субъективной воли [5, с. 334], а нравственность он связывает с объективным духом, с нечто более общим, с семьей и гражданским обществом [5, с. 339–342]. На основе размышлений Гегеля о различении морали и нравственности можно сделать вывод, что Гегель для различения морали и нравственности опирался на критерий целого и части. Подобную мысль проводил и русский философ Н. Лосский, говоря о том, что есть моральные кодексы, которые содержат искажения по объему и содержанию, и есть нравственность, которая едина и целостна [7, с. 86–90]. Линию различения морали и нравственности с опорой на Гегеля продолжает О. С. Анисимов. Для целей анализа он опирается на концепцию уровней и типов бытия. Первый уровень бытия он рассматривает как чисто природный уровень. Мир же человека начинается с уровня жизнедеятельности. На этом уровне поведение человека определяется потребностями, то есть основание бытия носит еще природный характер. Вступая в отношения с другими людьми, человек по инерции сохраняет мотивирующие потребности и переносит это отношение на другого человека, что порождает социальный конфликт. Для выхода из конфликта человек должен договориться с другим человеком и выработать норму совместного бытия. Мораль и является нормой для преобразования конфликтов. Но нормы в социодинамике субъективны, зависимы от частных потребностей, и потому мораль явление неустойчивое и случайное и различается от общности к общности. На этой позиции сошлись те, кто рассматривает мораль как норму социальной регуляции. Для совершенствования социальных отношений, уменьшения роли субъективности и случайности договоренностей, человек переходит на социокультурный уровень. На этом уровне норма приобретает надсубъектный характер, используется критерии, но пока не всеобщие, а особенные, хотя и достаточно общие, появляется механизм идентификации. Дальше выделяется мир деятельности, с нормореализационным процессом, затем мир культуры с всеобщими нормами и духовный мир, с универсумами, космическими нормами [2, с. 137]. Нравственность, согласно О. С. Анисимову, появляется на социокультурном уровне и продолжает совершенствоваться на

других уровнях [1, с. 104]. Рассматривая соотношение понятий «индивид», «субъект», «личность», О. С. Анисимов понятие личности связывает с уровнем культуры, понятие субъекта – с уровнем социодинамики, социокультурного мира и мира деятельности, а понятие индивида – с миром жизнедеятельности [1, с. 214]. Поддерживая мысль В. С. Библера о том, что нравственность – это позиция личности, и что нравственность отличается всеобщностью и целостностью и предстает как вечное образование [4, с. 52], мораль следует связать с социокультурным уровнем и миром деятельности, так как на этих уровнях нормы внешне принудительны и не носят всеобщего характера. Поэтому следует говорить о совершенствовании морали и о появлении нравственности на культурном уровне, когда норма приобретает добровольный характер. Личность подчиняется нормам культуры как ценностям, и не потому, что они заданы властью, сообществом, а от осознания того, что это именно нормы культуры, и он обязан этим нормам следовать через самоопределение к этим нормам, как к внутреннему долгу. Именно на уровне культурного бытия потребности сменяются на ценности.

Итак, соотношение морали и нравственности осуществляется по критерию развития уровней и типов бытия. Человек, переходя с уровня бытия как индивида к бытию как субъекта, формирует мораль как норму преобразования конфликта, когда ему необходим другой человек, но при сохранении к нему потребностного отношения. Поскольку субъектное бытие сохраняется в социокультурном мире и в мире деятельности, то на этих уровнях мораль появляется и совершенствуется, и является внешним требованием. На культурном уровне человек самоопределяется как личность, подчиняется нормам культуры, и это добровольное подчинение выводит его на нравственную позицию, которая формируется и совершенствуется на основе участия личности в различных типах игр как форм развития универсальных способностей. Итак, мораль – это норма, фиксирующая потребностно-целевое бытие человека как субъекта социальных отношений и деятельности, а нравственность – это норма, фиксирующая идеалы и ценности человека как личности, самоопределяющейся в мире культуры и в направлении к духовности.

Библиографический список

1. Анисимов О. С. Стратегическое управление: единство интеллектуальных, нравственных и духовных оснований. – М., 2006. – 335 с.
2. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. // Философско-психологические предпосылки акмеологии: понятийная парадигма. – М., 2009. – Выпуск 9. – 382 с.

3. Апресян Р. Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 3–17.
4. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность. // Этическая мысль : научн. публицист. Чтения / Ред. кол. : А. А. Гусейнов и др. – М. : Политиздат, 1990. – С. 16–57.
5. Гегель // Гегель / Энциклопедия философских наук. – Т. 3. Философия духа. – М., Мысль, 1977. – 471 с.
6. Дробницкий О. Г. Моральная философия. – М. : Гардарики, 2002. – 323 с.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра : Основы этики : Характер русского народа. – М. : Политиздат, 1991. – 308 с.
8. Мур Дж. Принципы этики. – М. : Прогресс, 1984. – 327 с.
9. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. – М. : Политиздат, 1981. – 430 с.
10. Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. – Т.1. – М. : Мысль, 1990. – 892 с.
11. Федоров Ю. М. Универсум морали / Российская АН. Сибирское отделение. Тюменский научный центр. – Тюмень, 1992. – 418 с.

ТЕОМОРФИЧЕСКАЯ (ТЕОМОРФНАЯ) МЕТАФОРА В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ

Ш. Т. Махмараимова
Д. Р. Шаббозова

Преподаватели,
Термезский государственный университет,
г. Термез, Узбекистан

Summary. Some features of theomorphic metaphor are considered in the article. The distinguishing features of theomorphic metaphor are described from other types of metaphors, such as: contradictory character of concepts, carrying simultaneously optimistic and similarly pessimistic spirit.

Keywords: theomorphic metaphor; specificity; meaning.

Сегодня уже много и верно сказано о теоморфизме, о его субстанции и значении в духовной сфере жизни человеческого общества. Глобальность и масштабность этого понятия дают право уверенно выдвигать субъективные взгляды на теоморфическую метафору. Так как теоморфическая метафора (называемая также *теоморфной* и определяемая как натуроморфная [4]) как концептуальное явление, не совсем олицетворяющее мотивы теоцентризма, выражает собой на первый взгляд примитивные черты мистицизма. Отсюда кажется, что теоморфизм и теоморфическая метафора далеко не сходные понятия.

Однако значение, расшифровывающееся ментальными особенностями отдельно взятой языковой личности, раскрывает теоморфическую метафору как одновременно промежуточно-сложный символический признак. Ибо, «…каждую национальную культуру отличают специфические языковые образы, символы, образующие особую систему кодов, с помощью которой носитель языка описывает окружающий его мир, используя её в интерпретации окружающего мира, а также своего внутреннего мира» [6].

Если учитывать, что «мифология – это еще и элемент «коллективного сознания» [8], то теоморфическая метафора, происходящая в основном от мифологического мировоззрения, имеет достаточно широкий спектр когниции, определяющий культурные особенности определённой языковой личности. Так как «…накопление и переработка информации, получаемой в процессе человеческой деятельности, и, как следствие, формирование тех или иных жизненно важных, ключевых понятий непосредственно связаны с особенностями менталитета этноса» [5], и только универсальные образы составляют универсальную парадигму образов [5].

И надо иметь в виду, что мифологический характер познания общества, несмотря на индивидуальные особенности интерпретации природных, социальных и др. явлений у носителей языков, – это совокупный опыт всего коллектива, и он носит единый общекультурный характер, в данное время отличающийся национальной спецификой. Так, например, существуют межкультурные различия мифологических понятий. От этого – разные подходы к теоморфизму. Именно это положение делает теоморфическую метафору уникальным явлением: противоречивость и однородность с антропоморфизмом своего рода ассоциативным образом вовлекают теоморфическую метафору якобы в «неразборчивость», неопределённость, вызванное слиянием с антропологическими признаками. Но нельзя сказать, что теоморфической метафоре сопутствует бессистемность, так как «априорная способность человека к ассоциациям и аналогиям позволяет предположить, что организация ассоциативной деятельности человека реализуется по строго определенным, ограниченным в своем числе моделям» [1].

При различении теоморфической метафоры и других видов метафор (например, антпропоморфной, демоноформной [3]) важен тот момент, в котором Теоморфическая метафора как онтологическое явление легко определяется когницией как фрейм более гуманного характера (*Я издали смотрел, почти желая, / Чтоб для других очей твой блеск исчез; / Ты для меня была, как счастье рая / Для демона, изгнанника небес.(М. Лермонтов).* Так же: (*Видал ли ты эльфов в полночную тьму / Сквозь дым*

лиловатый костра? / Звенящих монет от тебя не возьму, / – Я призрачных эльфов сестра...(М. Цветаева). Иль женщин уважать возможно, / Когда мне ангел изменил? (М. Лермонтов). Этим объясняется высокая частотность теоморфической метафоры в художественном дискурсе: чем ярче выражены порицания (в основном, в отношении любви), тем больше обращения к теоморфической метафоре.

Местами выражая иронию, в другой момент отчаяние, иной раз оптимизм, надежду, эти черты, как ни странно, наделены высокопарностью, возвышенностью, исходящими из «эмоциональных и поэтических импульсов человека» [2] (*Что самодержцем Вас признав на веру, / – Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос, / Без Вас мне не был пуст!* М. Цветаева. Так же: *Слишком долго причалить тщусь, / – Голова устала от чуств: / Гимнов – лавров – героев – гидр, / – Голова устала от игр!* М. Цветаева).

Следует отметить, что религиозный характер, свойственный теоморфической метафоре, способствует выражению чётко определённых понятий, относящихся к верующему социуму, и отражает в себе общепонятные, общепринятые взгляды. Этим теоморфическая метафора, якобы «памятная записка», служит морально-этическим мерилом, предупреждающим каждый человеческий проступок.

Библиографический список

1. Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка) : автореф. дисс. … докт. филол. наук. – Томск, 2003. – 18 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Ерофеева Л. А. Метафорические репрезентации доминантных концептов в поэтической картине мира Р. М. Рильке : дисс. … канд. филол. наук. – URL : http://www.allbest.ru/ (дата обращения : 03.08.2014).
4. Ерофеева Л. А. Метафорическая объективация концепта *ночь* в поэзии Р. М. Рильке / Вестник ВГУ, серия : лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2 (69). – URL : http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2006/02/2006-02-11.pdf (дата обращения : 03.08.2014).
5. Жаркынбекова Ш. К. К вопросу о методах сопоставительного исследования в лингвокультурологии / Cuadernos de Rusística Española. – 2010. – № 6.
6. Коды культуры и принципы концептуализации мира (об основных структурных признаках базовых концептов культуры). – URL : http://everlastpro.ru/sopostavitelnoe-issledovanie-konceptualnyx-struktur/ (дата обращения : 27.07.2014).

7. Мифология как элемент осмысления мира. Размышления по книге Александра Богаделина «Кикимора и другие…». – URL : http://proza.ru/2009/12/24/484 (дата обращения : 12.08.2014).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ВОСПИТАНИЮ РЕБЕНКА

А. Ш. Нурмаматов
Э. Ч. Валиев
Старшие преподаватели,
Сурхандарьинский областной институт переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров,
г. Термез, Узбекистан

Summary. In this article it is possible to get introduced with the issues of organizing the literature classes for the teachers and this is based on Boomerang latest technologies, for this firstly it's necessary to make conclusions about the process of gaining experience, infusing this into the mental being of the student, and making him aware of the feelings of education. Moreover, the main target of teaching literature is to teach and bring up the harmonious generations with the abilities to realize feelings of other people, thinking independently.

Keywords: technology; boomerang; to work with the text; free training; to work in smalls groups; the fisth climate; natural condition; social-political reason; shield; public.

После достижения нашей страной независимости и реализации реформ во всех сферах общественной жизни, Республика Узбекистан за 23 года независимости вошла по этим показателям в число ведущих стран. Например, так же, как и в других сферах, в сфере образования мы достигли высоких результатов, которыми тоже можем поделиться с ведущими странами.

В реализации задач по воспитанию ребенка велико место педагогов-наставников, а также родителей. Психологи считают, что в развитии ребенка во все времена нужно прививать в сознании соответствующие чувства. Например, считается, что понятия «родина», «отец», «мать» прививаются еще не рожденному ребенку, проникают в его сознание через колыбельные песни, то есть «алла» на узбекском языке. В случае если в сознании ребенка эти чувства будут не в достаточной степени развиты, то уровень патриотизма у развивающегося

ребенка не будет соответствовать нашим ожиданиям, и в социализации он будет испытывать определенные затруднения.

В связи с тем, что у человека оба полушария головного мозга постоянно получают информацию, он воспринимает ее, не разделяя сразу на хорошую или плохую. Иногда в сознании человека первоначально возникает мысль: лучше делать плохие дела, чем хорошие. Поэтому не зря в нашем народе есть поговорка: «Не все могут делать хорошие дела, но плохие дела могут делать все», – она опирается на психологические установки нашего сознания. Значит, если в воспитании ребенка колыбельная (алла) матери – основное, и она влияет на качество духовного сознания, сознание питается этой данностью, и в результате в сознании ребенка развиваются чувства патриотизма и любви к родителям. Зародившиеся психологические наклонности беспрестанно развиваются, начиная с этапа эмоционального общения с эмбрионом, и после развиваются на основе игровой деятельности в дошкольном возрасте, который считается основным периодом овладения психическими и психологическими возможностями.

Матери, думающие, что «…ребенок еще ничего не чувствует или не понимает», глубоко заблуждаются. Американские ученые-психологи провели эксперимент: ввели будущую мать, находящуюся на шестом месяце беременности, в специальный аппарат. Внутренние и внешние проявления психологического состояния матери и ребенка передавались в виде изображения на экране. Если психологическое состояние матери было хорошее и радостное, то ребенок внутри нее улыбался и производил движения радостного человека. Плавающий в околоплодных водах ребенок поочередно забирает все необходимые для развития вещества. После того, как экспериментатор специальными щипцами сжимал мизинец на руке и ноге матери, причиняя ей тем самым боль, настроение матери менялось, а ребенок внутри нее начинал плакать, и его движения становились похожими на движения обиженного человека. Значит, ребенок в пренатальном периоде не только ощущает через мать внешние воздействия, но и отвечает на них соответствующими реакциями. Такое положение требует не просто воспитания ребенка, но очень внимательного и ответственного подхода к воспитанию. Отсюда видно, ребенок имеет очень тонкие и многосторонние психологические чувства.

Нам известно, что каждый ребенок имеет неповторимые, отвечающие его внутренним психологическим возможностям, особенности. Поэтому в привлечении их к процессу обучения и воспитания велика роль использования качественной службы психологов.

Особенно хорошие результаты дает использование в общеобразовательных школах деятельности практических психологов. Они должны выполнять свои обязанности так чутко и ответственно, чтобы пришедший в школу ребенок развивал свои умственные способности в соответствии с учебно-воспитательной обстановкой. В процессе выполнения этих обязанностей практический психолог пользуется психологическими тестами (например, Равена, «найди буквы» и др.) и методиками для измерения умственных особенностей ребенка. Исходя из результатов теста, определяет, идет ли ребенок впереди своих сверстников по состоянию умственного развития и легко ли усваивает знания, может ли обобщать их и делать выводы по ним, затрудняется ли в усвоении новых, незнакомых ему ранее сведений.

Поэтому, во-первых, во внимание берется готовность психологического состояния ребенка и его умственных возможностей, во-вторых, принимаются во внимание учебно-воспитательные методы, применяемые к конкретному ребенку. Учебно-воспитательные методы должны быть: а) в случае если его особенности логические – без образа, б) если наглядно-образные – то с образом; однако, после усвоения знаний отдельные ученики затрудняются в применении знаний, в отличие от детей с наглядным мышлением.

В вопросах обучения и воспитания ребенка многие ученые-психологи, наряду с чисто теоретическим обоснованием своих мнений, в свое время возглавляли научно-практические поиски. Так, например, известные русские психологи Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и другие в 20–30 годы прошлого века говори о необходимости научных исследований по вопросам умственного развития и о первостепенности в биологическом развитии ребенка его собственных психологических качеств и о примате воспитания.

Для этого, во-первых, необходимы все условия для всестороннего воспитания ребенка; во-вторых, создание условий для воспитания его собственного мнения; в-третьих, приведение в соответствие внутренних психологических возможностей ребенка с внешними физическими; в-четвертых, своевременно определив, в каких именно направлениях развиваются способности ребенка, последовательно развивать и другие. Если ребенка при помощи взрослых всему этому научить, то завтра он сам сможет безо всякой поддержки это развивать.

В школах Узбекистана большое внимание уделяется вопросам психологического развития ребенка и успешности его обучения и воспитания. Над этим вопросом работает много ученых-психологов. Так, Э. Г. Газиев уделяет особое внимание задачам психологической служ-

бы и ее психологическим особенностям, М. Г. Давлетшин – состоянию психологической службы в Узбекистане и особенностям решения ее задач, В. А. Токарева – необходимым возможностям самопознания и поведенческого развития ученической личности, Г. Б. Шаумаров – проблемам психологической службы в системе народного образования и путям их решения, Б. Р. Кадыров – вопросам выявления и воспитания одаренных детей Узбекистана и другие.

Исходя из научных взглядов ведущих ученых-психологов, практические психологи, учитывая проблемы, исходящие из их деятельности по воспитанию сознания детей, считают важнейшими задачами следующие:

– практический психолог должен иметь разработанный индивидуальный план психологических мероприятий, рассчитанный на один учебный год;

– определение индивидуальных особенностей психического и умственного развития пришедших в школу детей;

– создание психологического климата в педагогическом коллективе;

– создание учебно-воспитательных условий, соответствующих возрастным группам учащихся, их психологическим особенностям;

– постоянное наблюдение за психологическими особенностями подростков и их развитием, в случае выявления недостатков оказывать практическую помощь в улучшении методов воспитания на основе психологических признаков;

– в юношеском возрасте направлять интересы, склонности и способности учащихся на выбор профессии и на решение возникающих у них психологических проблем и другое.

Учитывая вышеуказанное, уделяя особое внимание этим вопросам, практические психологи, ведущие свою деятельность в общеобразовательных учреждениях, повышают качество своей работы и своевременно выполняют свои задачи по развитию сознания учащихся.

Библиографический список

1. Ляудис В. Я. Формирование учебной деятельности студентов. – М., 2004. – 240 с.
2. Мюнстерберг Г. Психология и учитель. – М., 2008. – 320 с.
3. Янешкевич Ф. Технология обучения в системе высшего образования. – М., 2005.
4. Талызина Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. – М., 2005.
5. Ғозиев Э. Ғ., Тошимов Р. Психология ўқитиш методикаси. – Т., 2006.
6. Хайдаров Ф. И., Халилова Н. Психология ўқитиш методикаси. – Т., 2008.

VÝVOJ VZTAHU K TRADICI Z HLEDISKA HERMENEUTIKY

T. Sigmund *PH.D.,*
Vysoká škola ekonomická v Praze,
Praha, Česká republika

Summary. In my article I trace the ways of dealing with tradition in the area of hermeneutics. From understanding texts hermeneutics developed into existentially relevant relationship between the interpreter and the text or between two the participants of a dialogue. Tradition should be respected and if it is proven ideological and manipulating it should be abandoned. However the process of learning from tradition and surpassing it is a never ending process because of the finite character of man and never-ending richness of reality.

Keywords: hermeneutics; tradition; pre-understanding; interpretation.

Úvod

Filosofové mají k tradici různý přístup, často minulost kritizují, ale ještě častěji kritizují současnost nebo budoucnost. Kritika současnosti nebo budoucnosti je častější proto, že se s nimi dá ještě něco dělat. Velkým tématem je také vztah k minulosti, neboť představuje něco, s čím se musíme vyrovnat a z čeho se můžeme poučit. Nerespektování minulosti kritizujeme hlavně v přítomnosti nebo budoucnosti, neboť je v případě současnosti přímo patrné a v případě budoucnosti hrozí. Minulost se již udála, nedá se s ní mnoho dělat, nebo jsme si na ni již zvykli. Přítomnost nás pálí a s budoucností můžeme ještě něco dělat. Dějiny ale nutně postupují tak, že něco musí potlačit, zanedbat, opustit, aby daly prostor něčemu jinému. Co je na všech kritikách přítomnosti a budoucnosti příznačné, je fakt, že se odhadovatelé jejich důsledků málokdy přesně trefí a změny přinesou důsledky, které nikdo nečekal a nepředpovídal. Takový je nakonec i charakter budoucnosti, že není přesně předpověditelná.

Pokud se tedy vztahujeme k minulosti, je to hlavně kvůli přítomnosti a budoucnosti. Otázkou ovšem zůstává, jak se k minulosti vztahovat a co takové vztahování vlastně znamená.

Ve svém článku se chci věnovat přístupům k historickým textům v rámci oboru hermeneutika. Postoj k tomu, jak se k tradici chovat a jak ji rozvíjet, se v čase měnil a měnil se i význam, který tento postoj měl. Nejdříve se autoři snažili najít metodu, jak textu porozumět a jak správně rekonstruovat záměr autora, později získával vztah k tradici existenciální význam a nakonec se zdůrazňuje metoda dosažení dohody a tradici lze v zájmu osvobození

individua v rámci dialogu zcela odmítnout. Chtěl bych sledovat, jak se vztah k tradici vyvíjel v disciplině zkoumající naše rozumění světu, v hermeneutice, a vyvodit z něj závěry pro náš vztah k minulosti.

Hermeneutika

Původní význam hermeneutiky

Hermeneutika je latinská podoba řeckého hermēneuein, které znamená něco prohlásit, vyhlásit, vyjasnit a také přeložit (Ramberg, Gjesdal, 2010). Znamená, že něco je učiněno srozumitelným, nebo pochopitelným. Sloveso bylo pravděpodobně odvozeno od jména boha Herma, posla, kterému Řekové přisuzovali původ jazyka a písma. Tento termín původně znamenal pochopení a vyložení temné a enigmatické věty boha nebo věštce, které bylo třeba vysvětlit. Jiný výklad dává hermeneutiku do souvislosti se školou ustavenou v Egyptě, která nesla jméno svého zakladatele Herma Tremegista – Herma třikrát požehnaného. Tento bůh byl kombinací řeckého boha a egyptského Thotha, boha moudrosti. V této škole se vyučovala tajná nauka využívající pseudografické písmo, která hledala významy skryté za slovy.

Termín hermeneutika používá v mnoha dialozích Platón (např. 1993, 1994, 2010), když porovnává hermeneutické poznání a sofii (moudrost). Náboženské vědění je vědění o něčem, co bylo zjeveno nebo řečeno a neobsahuje vědění o pravdivosti tvrzení. Aristoteles posunul význam termínu modernějším směrem, když nazval svůj spis o interpretaci Peri hermeneias (1959). K problematice pochopení textu se Aristoteles vyjadřuje i v jiných spisech, např. (Aristoteles, 1978, 2008). Až stoikové si při reflexi na interpretaci mýtu všimli, že existuje problém pochopení textu, nicméně systematickou teorii interpretace nevytvořili. Moderní pojetí interpretace ovlivnil až Augustin, kterého ocenil Dilthey, Heidegger a Gadamer.

Hermeneutika jako pochopení textu

Koncem 18. a během 19. století se objevuje snaha oddělit společenské vědy od věd přírodních. Děje se to v období německého romantismu a idealismu. Friedrich Schleiermacher (1993) formuloval jako první intelektuální proudy své doby a sestavil koncepci univerzální hermeneutiky, která se vztahuje ke každému typu jazykového významu. Pochopení druhých vyžaduje podle Schleiermachera kritickou reflexi vlastních předsudků. Hermeneutika není postačující podmínkou pro rozumění, je ale podmínkou nutnou. Pomáhá k tomu, abychom neviděli cizí text nebo promluvu prostřednictvím naší vlastní kultury. Hermeneutika ale slouží také k lepšímu pochopení vlastní kultury.

Abychom pochopili text druhého člověka, je podle Schleiermachera nutné zaměřit se jak na společné vlastnosti jazyka jako je gramatika a syn-

tax, tak na jejich individuální použití. Hermeneutik by měl porovnávat zkoumaný text s dalšími texty ze stejného období, od stejného autora, ale neměl by zapomínat na jedinečnost daného textu.

Významnou roli ve vývoji hermeneutiky hrál Wilhelm Dilthey (1996). Vědecké vysvětlení přírody by podle něj mělo být doplněno teorií poznání zprostředkovaného symboly. Tuto teorii by měly poskytovat společenské vědy. Dilthey přišel s rozlišením prožitku (Erlebnis) a pochopení (Verstehen). Prožitek je základem sebepochopení a pochopení je základem pochopení druhých. Sebepochopení je získáno tím, že se já vztahuje k druhým a zprostředkovaně získává vztah k sobě. Hermeneutik by měl spojovat intuitivní formulování hypotéz a komparativní metodu, která by zajistila objektivitu celého procesu.

Hermeneutika jako existenciální faktor

Nejvýznamnější rozkvět ale zažila hermeneutika ve 20. století, kdy M. Heidegger (2002) začal chápat hermeneutiku jako ontologii. Časovost člověka je základní podmínkou jeho bytí ve světě. Člověk žije na světě v hermeneutickém kruhu. V naší souvislosti je důležité, že člověk podle Heideggera se nevztahuje ke světu sbíráním nějakých neutrálních dat o něm, ale jistým základním intuitivním způsobem. Vždy již světu nějak rozumíme. Tuto obeznámenost si uvědomíme až reflexivní interpretací, ke které dochází, když něco přestane fungovat očekávaným způsobem a hermeneutický kruh se jakoby zasekne. Ale tato interpretace je možná jen na pozadí celku světa jako totality všech věcí, lidí a zacházení s nimi. Pravdou je pak otevření a odkrytí světa jako takového. Toto pojetí mění strukturu hermeneutického kruhu. Dříve se hermeneutický kruh chápal jako vztah celku textu a jeho částí nebo jako vztah textu a tradice. U Heideggera má hermeneutický kruh ontologický význam, ukazuje se v něm bytí a přes toto bytí rozumí také člověk sám sobě – jde ovšem o nekonečný proces. Už nejde o metodu vědeckého poznání, ale o existenciální význam. Hermeneutice tím začíná jít o význam lidského života.

H. G. Gadamer a hermeneutika jako dialog s tradicí

Heidegger sice tento způsob uvažování později opustil a začal vykládat bytí z něho samého, nicméně na jeho myšlenkový odkaz navázal jeho žák Hans-Georg Gadamer, např. v díle Pravda a metoda (2009). V jeho chápání se naše sdílení světa s ostatními lidmi vyjadřuje v jazyce, jazyk je naší druhou přirozeností. Tento jazykově vyjádřený společný svět vytváří netematické předporozumění (podobá se Heideggerovu světu jako totalitě), na kterém je založeno porozumění tematické. Všechna historická díla, která jsou součástí naší tradice, jsou součástí horizontu, v rámci kterého se

díváme na svět a posuzujeme ho. Nejsou neutrálními objekty, ale působí na nás dřív, než je začneme posuzovat. Nemá smysl snažit se rekonstruovat původní záměr autora díla nebo jeho působení na příjemce. Tradice je stále živá a stále se vyvíjí. K minulosti se dostáváme prostřednictvím complexních a stále se měnících sítí interpretací, které jsou v průběhu času stále složitější. Dějiny na nás stále působí. Historická díla tak na nás působí a odkrývají se v průběhu své interpretace. Naše předsudky, které ukazují náš zájem na světě kolem nás a jisté předběžné porozumění, se střetávají s minulostí v procesu dialogu. Tradice zůstává živá, jen pokud je uznána přítomností. Jak postupně poznáváme text, a platí to i o dialogu s druhým člověkem, dochází ke spojení horizontu díla a interpreta. Tím začneme lépe chápat sebe i text. Původně neznámý text se otevírá a tím ukazuje omezení našeho vlastního přístupu. Tuto metodu pochopení nelze shrnout do nějaké metody nebo teorie, je to spíše praktická dovednost, nelze ji přesně popsat, jde o jistou citlivost ve vztahu k textu, která se realizuje při interpretaci. Gadamerův hermeneutický kruh ukazuje vzájemnou provázanost textu a interpreta. Interpretace není nikdy hotová, probíhá stále. Gadamer tak oceňuje pozitivní přínos předsudků při interpretaci tradice.

Gadamer hodnotí tradici pozitivně jako inspirativní pohled na text, který podněcuje sebepoznání interpreta. Tradice a historie vlastně interpreta podmiňují.

Podle Gadamera je veškeré chápání interpretací. Interpretace se rozvíjí prostřednictvím jazyka. Nalezení společného jazyka je spojené s aktem pochopení a dosažení shody. Pokud se veškeré chápání odehrává v jazyce, musí být i lidé situováni v jazyce, aby mohli chápat. Ovšem jazyk má v sobě cosi spekulativního. Je uskutečněním významu, událostí řeči, dovršeným procesem vzájemného pochopení. Toto uskutečnění je spekulativní v tom smyslu, že danému smyslu jsou přiřazovány konečné možnosti slova v orientaci na svou nekonečnost. Když chce někdo v každodenní řeči někomu něco říci, musí hledat slova, která ulehčí chápání. Ne všechno, co chceme říci, řekneme, ale všechno, co řekneme, otevírá možnosti nevyřčenému. Jazyk, kterým mluvíme, je otevřený. Jednotlivé výrazy nesou s sebou celý horizont jazyka.

Mysl není tabula rasa, tzn., není pouhým pozorovatelem reprodukujícím vnější objektivní realitu. Předporozumění nelze nikdy eliminovat. Význam věty není určen pouze teorií, do které patří, ale širším kontextem lidského jazyka. Proces rozumění je bytostně otevřený. Jeho výsledky jsou závislé na kontextu a mohou být vždy kritizovány z jiných stanovisek. Podobně se vyjadřuje např. také K. Popper. Jeho testování hypotéz pomocí zkušenosti lze považovat za dynamický vztah mezi situací, pochopením a interpretací.

Gadamerův postoj k tradici byl poměrně smířlivý, i když nevylučuje její změnu v průběhu dialogu s ní. Nikdy nemůžeme odmítnout celou svou tradici, protože z ní nemůžeme zcela vystoupit, ale částečné odmítnutí a změnu Gadamer nevylučuje. Z pozic Frankfurtské školy byl nicméně za tento smířlivý postoj k tradici kritizován. Hlavním kritikem byl J. Habermas.

J. Habermas a hermeneutika osvobozující

Habermas (1981) upozorňuje na nedostatek kritického distancovaného posouzení tradice u Gadamera. Snaží se proto navrhnout sadu transcendentálních principů, které by umožnily zhodnocení tradice. Gadamerova hermeneutika se tak jeví jako nedostatečně univerzální. Nechybí ovšem nějaká teoretická metoda, ale transcendentální principy komunikačního jednání. Habermas kritizuje interpretativní model společenských věd, pro které doporučuje emancipatorní zájem na osvobození člověka. Vědec zabývající se společností by měl nejdříve pochopit ideologicky pokřivenou subjektivní situaci individua, pak najít síly, které tuto situaci vyvolaly a nakonec prokázat, že tyto síly mohou být překonány, pokud si je dotyčné individuum nebo skupina uvědomí.

Habermasova teorie komunikativního jednání je pragmatická (Bohman, Rehg, 2014). Důležité je, jak subjekt získává a používá vědění. Habermas se pokouší najít praktické vědění nutné pro to, aby byl subjekt informovaným sociálním agentem. Proto Habermas hledá neměnné struktury komunikace. Obě komunikující strany by se měly snažit dosáhnout vzájemného pochopení, které je základem komunikativního jednání. Strany pak koordinují své jednání a sledují vlastní nebo společné cíle na základě sdíleného pochopení, že cíle jsou rozumné a hodnotné. Obě strany by měly souhlasit, že jejich cíle přispívají ke komunikativnímu jednání. Komunikativní jednání je tak konsensuální podoba společenského jednání, jehož cílem je racionálně motivovaná shoda založená na prostoru pro racionalitu obsaženém v jazyce. Podle Habermase rozumíme řečovému aktu, pokud známe způsoby, které ho učiní přijatelným, pokud víme, co a jaké argumenty obsahuje jeho zdůvodnění. Nejde pouze o empirické ověření, ale jde také o argumenty morální, estetické, odvolávající se na autenticitu, upřímnost atd. Habermas nachází tři požadavky platnosti tvrzení: upřímnost (neklamnost) řečového aktu, jeho společenská vhodnost a snaha reprezentovat vnější svět. Tyto charakteristiky obsahuje silný řečový akt. V odůvodněných případech můžeme jejich platnost oslabit.

Závěr

Hermeneutika nás učí, jak rozumět tradici a historickým dílům, přičemž si musíme uvědomit, že mnoho historických děl v nás žije v podobě předsudků a předporozumění, a tak nás výklad díla zasahuje více, než by se zdálo. Jsme úzce spojeni s historií, ze které pocházíme, a s její změnou měníme i sebe.

Pokud bychom si měli něco z vývoje hermeneutiky ve vztahu k historii odnést, bylo by to spojení existenciální důležitosti minulosti a tradice pro člověka (Heidegger), které můžeme porozumět dialogem s textem (Gadamer), ale můžeme ji také zcela odmítnout (Habermas). Inovativní přístupy by měly tradici pochopit a pokud prokáží, že omezuje člověka, měly by ji odmítnout. Tento proces je ale nekonečný, protože čisté a úplné poznání není pro člověka kvůli jeho konečnosti dosažitelné.

Bibliografie

1. Aristoteles. O vyjadřování. – Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1959.
2. Aristoteles. O sofistických důkazech. – Praha: Academia, 1978.
3. Aristoteles. Poetika. – Praha: Svoboda, 2008. – ISBN: 978-80-7298-131-1.
4. Bohman J. and Rehg, W. Jürgen Habermas // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2014 Edition), Edward N. Zalta (ed.), 2014. http://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/habermas/.
5. Dilthey W. Hermeneutics and the Study of History. Eds. Rudolf A. Makkreel and Frithjof Rodi. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1996.
6. Gadamer, H.-G. Pravda a metoda. – Praha: Triáda, 2009. – ISBN: 978-80-87256-62-6.
7. Habermas J. 1981. Theorie des kommunikativen Handelns. (Bd.1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung, Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft). – Frankfurt am Main, 1981. – ISBN 3-518-28775-3.
8. Heidegger M. Bytí a čas. – Praha: OIKOYMENH, 2002. – 487 s. – ISBN 80-7298-048-3.
9. Platón. Ústava. – Praha: Svoboda, 1993. – ISBN: 80-205-0347-1.
10. Platón. Kratylos. – Praha: OIKOYMENH, 1994. – ISBN: 80-85241-44-7.
11. Platón Hippias Větší; Hippias Menší; Ión; Menexenos. 4. vyd. – Praha: OIKOYMENH, 143 str., 2010. – ISBN 978-80-7298-454-1.
12. Ramberg B. and Gjesdal, K. "Hermeneutics", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2013 Edition), Edward N. Zalta (ed.)., 2010. http://plato.stanford.edu/archives/sum2013/entries/hermeneutics/.
13. Schleiermacher F. Hermeneutik und Kritik. Ed. Manfred Frank. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993.

IX. PHILOSOPHY OF INFORMATION: THEORETICAL APPROACHES, ANALYSIS AND REALITY

ÚLOHA VZDĚLÁVÁNÍ PRO ŘÍZENÍ A ROZVOJ MODERNÍ VÝROBY V DIGITÁLNÍM VĚKU (S AKCENTEM NA EU)

E. Kašparova *PH.D.,*
Vysoká škola ekonomická v Praze,
Praha, Česká republika

Summary. Continuing digitization of all significant aspects of human life influences our thinking and affects the nature of the human perception of social reality similarly like the formation of interpersonal relationships. The author examines the question how the processes are reflected in the management and development of the advanced manufacturing. The article focuses on the role of the adequate education and training of managers to manage the transformation and innovative processes in the digital age. The author draws attention to the current status and the significance and the importance of adequate education as a one of the key´s factor leading to the effective adoption of new situations and the ability to optimally respond to the changes.

Keywords: advanced manufacturing; digitalization; education; training; changing minds.

1. Introduction

Za desítky let globalizace prodělal tradiční systém výroby více změn a růst prosperity zaznamenalo více společností, národů a lidí než v jakékoli fázi průmyslové revoluce. Pokračující digitalizace jednotlivých odvětví průmyslu však ukázala na nutnost naučit se reflektovat tuto novou realitu, orientovat se v nové situaci a efektivně reagovat na nastalé změny. Proces digitalizace je v této souvislosti možné označit jako cestu k moderní inteligentní výrobě. Využívání nových výrobních technologií nám tak v širších souvislostech umožňuje budovat kyber-fyzikální svět. Implementace těchto nových technologií do výroby bývá označována jako progresivní cesta resp. cesta vpřed. Na druhou stranu tento směr technologicko-sociálně-ekonomického vývoje vyvolává i řadu znepokojivých otázek. Aktuální je bezesporu otázka, zdali jsme na tak bouřlivé změny a zrychlující se transformaci stávající skutečnosti odpovídajícím způsobem připra-

veni a zda a případně jak a s jakými výsledky tato cílevědomá, adekvátní a efektivní příprava probíhá.

Přestože průmyslová politika není v pravomoci EU, tj. EU nemá mandát k provádění průmyslové politiky, rozvoj moderní výroby jednoznačně podporuje. Na návrh Evropské komise se členské státy v roce 2010 dohodly na zahájení iniciativy v oblasti průmyslové politiky v rámci strategie Evropa 2020.

EU se zavázala k vytvoření a vývoji společné strategické vize v oblasti průmyslového rozvoje.

Komuniké Evropské Komise (2012) "Silnější evropský průmysl pro růst a hospodářské oživení " již vymezuje moderní výrobu jako jednu z šesti prioritních oblastí, které budou určovat směr inovací a významně ovlivňovat konkurenceschopnost ve výrobních průmyslových odvětvích (Komuniké Evropské Komise, 2012).

Moderní výrobní technologie pro „čistou“ výrobu jsou v této nové politice vymezeny jako jedno ze strategicky perspektivních odvětví, které má největší potenciál na podporu inovací a zvýšení produktivity napříč odvětvími a má i významný přínos pro růst, zaměstnanost a udržitelný rozvoj. Evropa je dnes považována za světového lídra v rozvoji moderních výrobních technologií.

Ačkoli se v nadcházejících desetiletích předpokládá kontinuální pokles výroby v tradičních výrobních odvětvích v rámci EU, v oblasti moderní výroby (advanced manufacturing) naopak dojde k významnému růstu (Advanced Manufacturing, 2014).

2. Překážky a omezení zavádění nových výrobních technologií a systémů

Přes vstřícný přístup EU k rozvoji moderní výroby zde však existuje i nezanedbatelné množství určitých překážek a omezení, které plynulému zavádění nových výrobních technologií zabraňuje či ohrožuje jejich efektivní provoz. Tam, kde jsou již nové výrobní technologie používány, mnohdy svou plnou kapacitu neposkytují. Ti, kteří technologie používají, totiž v určitých případech nedovedou cele jejich výhody využít. Prof. S. Russwurm, (CEO, Industry Sector, at Siemens, the German electronics and electrical engineering company, 2012) k této situaci uvádí: „Mnoho důležitých technologií již existuje, ale jen málo společností je dovede cele integrovat a využít.“ (Russwurm, 2012) Jednou z příčin takto identifikovaného stavu může být nedostatečnost požadovaných dovedností, kdy dochází v podcenění nezbytných školicích aktivit v odpovídající kvalitě a adekvátním rozsahu. Pokud si představíme budoucí rozvoj podobně jako prof. S. Russwurm, kdy „továrny budoucnosti jsou takové, kde každý krok

výrobního procesu je optimalizován užitím inovativního software“, pak je třeba si v této souvislosti uvědomit nezbytnost kontinuálního osvojování dovedností (Global Manufacturing Outlook, 2014).

Další obtíže nastávají v implementaci drahých komplexních systémů, což často souvisí s nutností disponovat dobrým technologickým zázemím a mít adekvátní infrastrukturu (Gunawardana, 2006).

3. Technologie pro moderní výrobu a jejich přínos

V čem však spočívá klíčový přínos využívání moderních technologií, co je v jejich používání výhodné a v čem mohou výrazně přispět k růstu, zaměstnanosti a udržitelnému rozvoji?

Kontinuální digitalizace pomáhá zásadně měnit dosavadní charakter celé škály pracovních činností, kdy je manuální práce postupně nahrazována užitím inovativního software. Pracovník celé škály soudobých výrobních společností musí mnohdy disponovat zcela odlišnými znalostmi a dovednostmi, než které byly požadovány v tradiční výrobě. Nové technologie a práce s nimi tak mění i dosavadní paletu pracovních činností na trhu práce podobně jako rozšiřuje nabídku pracovních příležitostí o příležitosti nové.

Tato skutečnost se pak nutně projevuje v transformačních tendencích stávajících strategií rozvoje lidských zdrojů. Implementace moderních technologií do procesu výroby též může významně ovlivňovat charakter dosavadní organizační kultury a to jak nastartováním směru „učící se organizace“ tak i např. vytvořením zcela nových vizí a cest k jejich efektivnímu naplnění.

Úloha managementu v realizaci transformačních procesů je za těchto okolností velmi významná. Jak říká J. Ridderstrale, úspěšná společnost se mění dříve, než musí. Aby se mohla společnost měnit dříve, než je k tomu okolnostmi donucena, je třeba uplatňovat efektivní řízení.

Pro zavádění nových výrobních technologií a systémů do tradičního systému výroby doporučuje Beatty podporu „projektových šampionů“ tj. pracovníků, kteří jsou schopni úspěšně a efektivně realizovat progresívní vize. Beatty podtrhuje též nezbytnost budování multifunkčních implementačních týmů a řídících jednotek, které zajistí synchronizovanost jednotlivých implementačních kroků (Beatty, 1992).

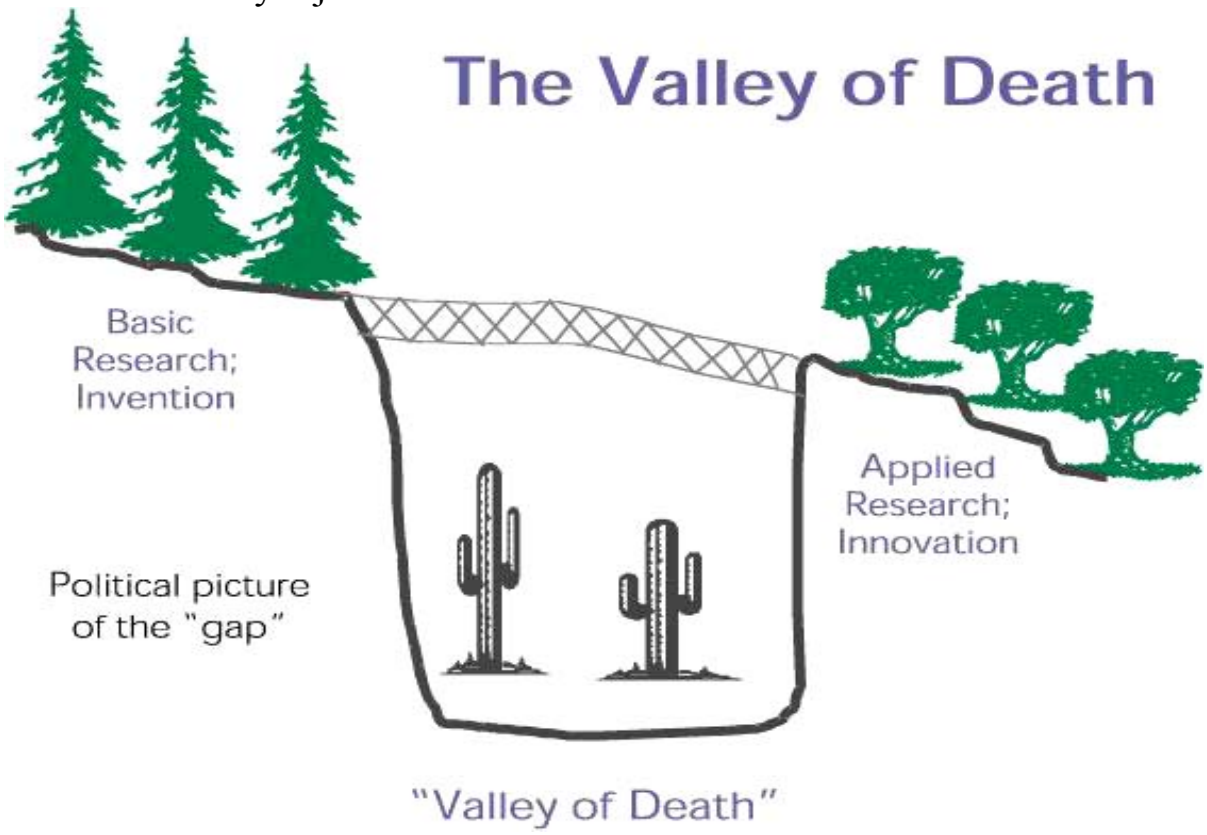
Složitost naznačených procesů ale především umění či schopnost plánovat na vysokém stupni systémové integrace než dojde k rozhodnutí zavádět nové technologie, však předpokládá právě specifický přístup k řízení. Jako efektivní přístup k řízení bývá řadou autorů v současné době označován přístup holistický (Russwurm, 2012), který se soustřeďuje na tvorbu komplexních strategií. Jde o celostní přístup k vnitřním a vnějším

úkolům, který zahrnuje rozličné oblastí jako např. technologie, motivaci, výzkum a vývoj, konkurenci, výrobu, marketing, personální plánování, řídicí systémy a systémy logistiky (Wilson, 1994).

V holistickém přístupu jde o získávání, analýzy a vyhodnocování informací pro schopnost organizace plnit interní i externí úkoly, jenž má před sebou. (Hodge, Anthony & Gales, 1996). Uplatňovat celostní přístup k řízení podporuje i zájem o budování center pro inovace, který je posilován snahou efektivně propojit a rozvíjet spolupráci průmyslového sektoru s výzkumnými středisky a univerzitami a to tak, aby docházelo k synchronizovanému postupu v transformačních a inovačních procesech rozvoje moderní výroby.

Tato systémová kooperace též předpokládá vytvoření adekvátních metrik, nástrojů a platforem. Nezanedbatelná je rovněž nezbytnost standardizace nových postupů, způsobů využívání nových technologií, integračních procesů apod.

Rozvoj moderní výroby s sebou nese množství zásadních systémových úkolů, které je třeba aktuálně řešit, neboť stále zde existuje relativně velká propast odborníky označovaná za „údolí smrti“ mezi základním výzkumem charakterizovaným invencemi a aplikovaným výzkumem charakterizovaným již konkrétními inovacemi.



http://www.atp.nist.gov/eao/gcr02-841/chapt2.htm

4. Připravenost manažerů k řízení změn

Nezbytným předpokladem pro efektivní řízení a rozvoj organizace je tedy adekvátní připravenost manažerů a zaměstnanců, která může být zajištěna odpovídajícím vzděláváním a kontinuálním tréninkem. Aktuální se tak v současné době objevuje otázka, zda mají manažeři a vlastníci dostatečné znalosti a dovednosti řídit změny v organizacích optimálním způsobem, který umožní udržitelný rozvoj a prosperitu organizace.

Pro implementaci nových výrobních systémů je v evropském průmyslovém prostoru relativně široká technologická základna. Evropa má též kvalitní inženýrskou tradici, disponuje rozsáhlou expertizní činností a důležitými znalostmi „jak se to dělá“. Na druhou stranu je třeba zvážit, nakolik je tento potenciál chráněn a efektivně rozvíjen. I zde vyvstává nutnost kontinuálního sdílení, výměny a předávání zkušeností, znalostí a dovedností. Příležitost je též třeba spatřovat v rozvoji nových odvětví postavených zejména na využívání nových technologií. Tento progresivní směr rozvoje však opětovně vyžaduje vynikající připravenost a intenzivní vzdělávání lidského potenciálu soudobých i nově vznikajících průmyslových organizací.

Přes veškeré naléhavé požadavky se ukazuje, že stále narůstá nedostatek kvalifikovaného personálu a tlak na kontinuální vzdělávání, resp. na další profesní trénink se tudíž zvyšuje. Paradoxně však vzdělávací potřeby bývají mnohdy v praxi opomíjeny (High Level Group, 2010).

Velmi ilustrativním příkladem, věrně zachycujícím aktuální stav odborné zdatnosti a profesní připravenosti je např. hodnocení úrovně vzdělávání ve Spojených státech, slovy P. Eisen, vícepresidentky výrobního institutu NAM: „Americký vzdělávací systém není příliš v souladu s potřebami hospodářské praxe a nevybavuje studenty dovednostmi, které jsou nezbytné pro konkurenceschopnou moderní výrobu. Budeme tvrdě pracovat, abychom tento dovednostní rámec dostali do osnov každé vysoké školy a polytechniky tak, aby tyto studijní programy lépe reflektovaly požadavky na pracovníka v soudobé moderní výrobě nebo službách (Eisen, 2006).

V Evropě je podle SWOT analýzy uveřejněné v Tematické zprávě pracovního týmu pro moderní výrobní systémy vedle stárnutí populace zahrnut mezi potenciální hrozby právě i stále se zvyšující nedostatek kvalifikovaných pracovníků (High Level Group, 2010).

A naopak efekt dostatečné kvalifikace resp. „osvojení si nových dovedností umožní jednotlivcům, zaměstnavatelům a osvíceným vzdělavatelům umístit se na trhu práce, získat dobré pracovní uplatnění, být výkonným pracovníkem nebo učit to, co je žádané v moderní výrobě a službách“ (Eisen, 2006).

Bibliografie

1. Advanced Manufacturing, Analytical Highligth, EU SKILLS PANORAMA, 2014.
2. Beatty C. A. Implementing advanced manufacturing technologies: Rules of the road, Sloan Management Review, Vol. 33, No. 4, 1992.
3. Eisen, P. Nam applauds advanced manufacturing skills framework announced today by dept. 2006. URL: http://www.hr.com/SITEFORUM?&t=/Default/gateway&i=1116423256281&application=story&active=no&ParentID=1119278002800&StoryID=1148436318349&xref=http%3A//www.google.cz/url%3Furl%3Dhttp%3A//www.hr.com/hr/communities/nam_applauds_advanced_manufacturing_skills_framework_announced_today_by_dept__of_labor_eng.html%26rct%3Dj%26frm%3D1%26q%3D%26esrc%3Ds%26sa%3DU%26ei%3DrHIRVKahIufNy-gOE34JQ%26ved%3D0CBoQFjAB%26usg%3DAFQjCNEv3y4TTDa-xyh3lLgXP__SEC3qhw (10.9.2014)
4. Global Manufacturing Outlook: Fostering Growth Through Innovation, Global research commissioned by KPMG International from the Economist Intelligence Unit in:
5. Gunawardana D. K. 'Introduction of Advanced Manufacturing Technology: A literature review', *Sabaragamuwa University Journal*, Vol 6,No 1. 2006. URL: http://futureideas.eu/theses12/how-amt-influenced-hrmtqm-factors-a-case-study-descriptive-of-a-dental-manufacturing-group
6. High Level Group on Key Enabling Technologies, Thematic Report by the Working Team on Advanced Manufacturing Systems, 2010.
7. Hodge B. J., Anthony, W. P., & Gales, L. M. (1996). Organization theory: a strategic approach (5th ed.). Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
8. High Level Group on Key Enabling Technologies. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/sectors/ict/files/kets/6_advanced_manufacturing_report_en.pdf (10.9. 2014)
9. Futureideas. URL:http://futureideas.eu/theses12/how-amt-influenced-hrmtqm-factors-a-case-study-descriptive-of-a-dental-manufacturing-group/
10. Global Manufacturing Outlook. URL: http://www.kpmg.com/Global/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/global-manufacturing-outlook/Documents/ fostering-growth-through-innovation.pdf (10.9.2014)
11. Komuniké Evropské Komise, 2012 in http://www.cecimo.eu/site/publications/magazine0/advanced-manufacturing/ dne 3.9. 2014
12. Ridderstrale J., Wilcox M., Re-energizing the Corporation: How Leaders Make Change Happen, GB by TI International Ltd.Padstow, Cornwall. 2008.
13. Wilson J. G. Holistic management systems. *Management Services, 38(7),* 12(3). 1994.

ICT AS A MECHANISM OF IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT SYSTEM

M. Mirzayev *Master,*
The head of the center for territory coordination of professional development, retraining and distance education of Surkhandarya region, Surkhandarya Institute of Training and retraining of teachers, Termez, Surkhandarya region, Uzbekistan

Summary. This article deals with methods and roll the use of ICT to modernize training. Defined aspects of professional electronic accompaniment teachers not episodic professional development and constant, well-organized, methodical everyday support.

Keywords: information; innovation; distance education; e-mail support; globalization.

In education system special attention is paid to retraining and professional development of pedagogical staff of secondary schools. Different methods of training and innovation technologies are used in professional development courses. This article reviews the role and methods of using ICT in improvement of professional development system.

During the last decade of XX and the beginning of XXI century information and communication technologies (ICT) became one of the important factors affecting development of world society. This influence covers economic and social sphere, science, education, culture and living standards of people. Many developed and developing countries fully recognized those tremendous benefits brought up by the development and distribution of these technologies. Nobody doubts about the fact that moving to information society is the way to the future of human civilization. National project "Education" outlined informatization of education as one of the most important directions of activities. Within this project framework many educational institutions were equipped with the modern computer equipment, connected to Internet; almost all schools and higher educational institutions are connected to ZiyoNET [1, p. 13].

Person of the time is surrounded with such amount of information which is impossible to process and use without new information technologies.

Each year computer is coming more persistently to our life and in addition to it information technologies. At present stage the main objective of

educational policy is achievement of modern quality of education, its conformity to actual and prospective requirements of the person, society and state. For development of professionalism of teachers of general education system as well as educational institutions managers of this level, they should be incorporated into the system of additional pedagogical training from the very first days of their work.

Participants of professional development courses are specialists at the age of active professional activity, in this view professional development system should be reviewed in general context of andragogics – adults' training science.

Number of scientists summarized the researches on adults' training issue and formulated initial preconditions for adults' training. Those include the following aspects:

1. adult-trainee has the leading role in the process of his/her training;
2. adult-trainee seeks to self-realization, independence and self-management;
3. adult-trainee has life experience which can be used as an important source of training both for him/her and his/her colleagues;
4. adult-trainee studies for resolving of important life problem and achievement of specific goal;
5. adult-trainee counts for immediate application of obtained during the training abilities, skills, knowledge and features;
6. training activity of adult-trainee is determined by time, space, social, professional factors which either limit the training process or favor it;
7. adult-trainee training process is arranged in form of joint activity of trainee and trainer at all stages: planning, implementation, evaluation and adjustment [2, p. 11].

It is important to point out that the goal of courses in professional development system is revealing and development of professional personal capacity of the teacher. In order to achieve that trainer-andragogue should help the trainee to find his/her way of further professional growth, form up individual professional training direction.

In this view the issue of joint (andragogue with the teacher) forming of individual professional training direction of educational institution employee promoting his/her personal and professional growth and development of educational activity comes to the forefront.

General feature of different options of modern pedagogical technologies is changing of the role of trainee. He/she becomes active participant of training process – participant of business game, seminar, conference, dis-

cussion, etc. Applying such approach in training trainer and trainee are in the process of active interaction. Considering the abovementioned the important condition is revealing of professional expectations and requirements of the teacher to the content and organization of the process of professional development. The most significant directions for the employees of educational institutions are revealed as follows:

- update of knowledge on his/her subject, here, the more is qualification grade and length of pedagogical activity of the teacher, the more is the need in new subject knowledge;
- studying of new methods and technologies of training. Low motivation in studying of new methods was brought out from the teachers not having qualification grade and also from the teachers having length of pedagogical activity of more than 30 years;
- organization of work with pupils.
- receiving information about new literatures and publications on his/her subject;
- increasing of qualification grade;
- obtaining of skills of using information communication technologies (ICT) in educational process [3, p. 87].

ICT competence becomes the most important in professional activity of each modern teacher. ICT competence of the teacher will be considered as ability of the teacher to solve out professional tasks using means and methods of computer science and ICT, particularly:

- carry out information activity on collection, processing, transfer and keeping of information resource, on producing of information with the purpose of automatization of processes of information-methodology provision;
- evaluate and implement opportunities of electronic publications of educational purpose and information resource of educational purpose distributed in the Internet network;
- arrange information interaction between the participants of training process and interactive mean functioning on the basis of ICT means;
- create and apply psychological and pedagogical testing and diagnosing methods of control and evaluation of level of knowledge of trainees, their promotion in education;
- carry out training activity with using ICT in aspects reflecting particularities of specific training subject [4, p. 117].

Most part of training process, built up on resolving of unique problems of trainee, is basing on the assistance to him/her in understanding and formulation of those problems. The goal of professional development

should become more full satisfaction of personal requests in the sphere of professional activity.

At the modern stage of development of professional education in the world distance technologies become an integral part of professional development. Significant increase of interest to open and distance education is observed in different countries. For the moment many specialized websites and educational portals for education system are developed in the Republic. In this connection special importance comes to the issue of mass training of pedagogues how to use internet technologies [5, p. 48].

Teacher should be provided with the professional guidance for his/her development not through the episodic professional development, but through permanent streamlined daily methodological assistance. The main mission of the institutions of professional development system is provision of continuous process of professional and personal growth of teacher [6, p. 77].

Thus, it can be stated that professional development system should become today the center for liberal education, the center for distribution of psychological, technological, instructive and social psychological training, the center for communication and inter-professional relations. This can be realized only in case information communication technologies as the main mechanism of education organization will be widely implemented in the process of retraining and professional development.

Bibliography

1. Смолин О. Н. Аналитическая записка о состоянии и перспективах развития электронного обучения в России, 2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.smolin.ru/odv/reference-source/pdf/analytical_note.pdf.
2. Тихомиров В. П. Массовое онлайн-обучение бросает вызов российской системе образования [Электронный ресурс]: URL:http://www.pcweek.ru/idea/article/detail.php?ID=152251.
3. Ambient Insight. (2013). International eLearning Market Research. URL:http://www.ambientinsight.com/Reports/eLearning.aspx .
4. Babson Study: Over 6.7 Million Students Learning Online. URL: from: http://sloanconsortium.org/news_press/january2013_new-study-over-67-million-students-learning-online/
5. McLuhan M. (1964). Understanding Media: The Extensions of Man. – N.Y.: McGraw Hill.
6. Report of the Web-Based Education Commission to the President and the Congress. (2000). The Power of the Internet for Learning: Moving from Promise to Practice. URL: http://www2.ed.gov/offices/AC/WBEC/FinalReport/WBECReport.pdf.

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ИЗМЕНЕНИЯ И ОПАСНОСТИ

А. В. Сенкевич *Кандидат философских наук, доцент, Воронежский институт высоких технологий, г. Воронеж, Россия*

Summary. This article is devoted to some dangerous changes of an individual in «informative society». The author describes such aspects as: self-identification, socialization, communication. Humanity's future depends on our ways to use modern technical possibilities.

Keywords: society; individual; philosophical anthropology.

Общество XXI века, которое характеризуется в науке как «массовое» и «информационное», оказывает влияние на такие важные аспекты существования людей, как самоидентификация, социализация и коммуникация, что и является предметом анализа в данной статье.

В сегодняшнем мире «новые машины, новые технологии, новые образы, интерактивные экраны не отчуждают, а интегрируют нас в свои сети» [2, с. 121]. Компьютеры, мобильные телефоны и другие образцы современной техники, словно изначально встроены в человеческий организм – настолько прочно вошли они в нашу жизнь.

Новейшие технологии способны менять то, что конституирует человека как такового: биогенетические основы телесности, половую принадлежность, способы общения, а также манипулируют сознанием.

С уменьшением роли первичных сообществ, ростом индивидуализации и увеличением социальной мобильности в современном массовом обществе судьбы людей всё больше попадают в зависимость от случайного стечения обстоятельств, в ситуациях выбора индивид лишается чётких и действенных ценностных ориентиров и опирается на сиюминутный утилитарный интерес.

Ещё одной характерной особенностью социализации индивида в информационном обществе является то, что создаваемая с помощью компьютеров виртуальная реальность часто оказывается намного привлекательнее константной, и человек приобретает быструю и устойчивую зависимость от неё. Действительно, общаясь на Интернет-форумах, можно скрыть и неприглядную внешность, и невысокий социальный статус, можно высказать своё мнение, не опасаясь каких-либо санкций.

Погружаясь в мир компьютерных игр и симуляторов, можно получить власть над массами виртуальных персонажей, сказочно разбогатеть, покорять время и пространство. Будучи одиноким в реальной жизни, можно обзавестись виртуальными друзьями или поклонниками. Огромные компенсаторные возможности такой реальности очевидны.

«Проблема аддикции (патологической зависимости) начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности. Происходит процесс, во время которого человек не только не решает важных для себя проблем (например, бытовых, социальных), но и останавливается в своём личностном развитии» [1].

Таким образом, виртуальные реальности способны серьёзно менять телесную и психическую природу человека и его восприятие базовых феноменов своего бытия. Вместо ответственности за свои слова и поступки – анонимность и растворение самоидентичности в «никах» и «аватарках»; вместо трагичности смерти – возможность «перезагрузиться» и начать действовать заново; вместо живого общения и понимания – возможность в любой момент «заблокировать» или «удалить» виртуального собеседника. Есть только один критерий способности виртуальных реальностей служить развитию личности: практика, то есть возврат к базовой реальности и её позитивное изменение. Например, специальные тренажёры для студентов-ветеринаров, благодаря которым не нужно мучить и убивать живые существа, или поиск единомышленников в социальных сетях для помощи детям-инвалидам, или виртуальный «телефон доверия», помогающий жить дальше отчаявшемуся человеку.

В противном случае зацикливание человека на виртуальном мире и разрыв реальных социальных связей способны обернуться потерей общения с близкими, утраченным телесным и психическим здоровьем, кризисом в отношении к собственному «Я».

Современное человечество приобрело невиданные возможности для коммуникации, но столкнулось с новыми видами психологического насилия. Переизбыток негативной информации приводит в некоторых случаях к проблемам с психикой и выплеску агрессии через интернет или с помощью мобильной связи. Таковы явления «троллинга», «пранкинга», имеющие целью вызвать у других людей отрицательные эмоции негодования, гнева, обиды, задевая и оскорбляя их ценности и идеалы. При этом чаще всего жертва насилия даже не знает своего обидчика и никакого вреда ему не причиняет. Анонимность способствует безнаказанности.

Информационное и моральное насилие совершают над людьми сами СМИ, манипулируя общественным сознанием в заданном направлении, насаждая дезинформацию и способствуя духовному разложению масс.

Однако не следует характеризовать нынешнее общество только отрицательным образом. Любая техника призвана быть лишь средством для проявления человечности, и то, какие изменения возобладают в будущем, зависит только от нас самих.

Библиографический список

1. Бурова В. А. Зависимость от компьютера и интернет. URL: http://www.psyline.ru/inzav.htm (дата обращения : 30. 07. 2014).
2. Марков Б. В. Человек и глобализация мира // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира : сб. статей. Вып. 1. – СПб, 2001. – С. 100–122.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Х. К. Якубов *Кандидат технических наук, доцент,*
М. К. Джуманиязов *студент 2 курса,*
Ургенчский государственный университет имени аль-Хорезми,
г. Ургенч, Хорезмская область, Узбекистан

Summary. In clause the factors interfering effective application of information technologies in real educational process are analyzed. The multilevel system of improvement of professional skill of the teachers of higher educational institutions is offered. The urgency of creation of an organizational infrastructure of educational system aimed on a high degree of readiness to practical information is proved. The expediency of the specialized editions and exchange of experience for activization of interest to introduction of modern information technologies in educational process is revealed.

Keywords: educational process; information; teacher; factors; information technologies.

Существуют определенные факторы и проблемы, тормозящие широкое внедрение информационных технологий в реальный учебный процесс. Отличительной чертой дистанционного обучения, в сравнении с самостоятельной работой с учебными пособиями и другими источни-

ками информации, является предоставление поддержки и осуществление процесса взаимодействия студента с преподавателем в ходе обучения. Хорошо продуманный процесс осуществления такой поддержки дает возможность поделиться результатами, идеями или проблемами, возникшими в ходе обучения, с другими студентами или преподавателями и руководителями, а также получить в ответ необходимую помощь, информацию или одобрение. Практика обучения свидетельствует, что фундаментальность идеи повсеместного внедрения новых информационных и телекоммуникационных технологий еще в должной мере не осознана специалистами в области образования. Частично указанная проблема связана с тем, что далеко не у всех вузов есть экономические возможности для приобретения достаточного количества компьютерной и телекоммуникационной техники и пока еще дорогостоящего доступа к всемирным информационным сетям. В тех немногочисленных вузах, где эта проблема решена, неготовность педагогов к реальному использованию новых технологий в обучении объясняется отсутствием специализированных электронных информационных ресурсов, отвечающих дидактическим и методическим требованиям [1; 2].

К сожалению, для большинства информационных ресурсов, предназначенных для использования в процессе обучения, характерен низкий педагогический уровень. Одной из основных причин складывающейся ситуации является то, что, в основном, компьютерные учебные программы создаются специалистами в области программирования без участия ведущих специалистов в области психологии, дидактики, содержания и методики обучения конкретной дисциплине. Вместе с тем, общеизвестно, что большинство ведущих педагогов, имеющих большой педагогический стаж, не владеет информационными технологиями в силу консерватизма мышления.

На данный момент большинство педагогов, преподающих в вузах, ощущает существенный психологический барьер перед освоением компьютерной техники и использованием электронных информационных ресурсов в обучении. Этот барьер обычно маскируется сомнениями в педагогических возможностях названных средств. Очевидно, что такой подход оставляет нереализованным колоссальный потенциал активизации наглядно-образного и теоретического образного мышления студентов.

Приведенные выше факты и аргументы неоспоримо свидетельствуют, что одной из первоочередных проблем на пути практической информатизации образования является подготовка педагогических кадров. Существует несколько первоочередных задач, решение которых может

дать положительный эффект в процессе формирования готовности современных педагогических кадров к использованию электронных информационных ресурсов в обучении. В частности, необходимо создание многоуровневой системы повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений. Преподаватель должен освоить элементарные навыки работы с компьютером, получить первичное представление о наиболее распространенных пакетах программ универсального назначения, научиться работать с текстовыми редакторами, электронными таблицами, освоить работу с известными для его предметной области готовыми компьютерными учебными программами, средствами телекоммуникационного взаимодействия с коллегами и учащимися, средствами доступа к мировым источникам информации. Преподавателям-пользователям ИКТ, стремящимся использовать средства информатизации в обучении, рекомендуется курс лекций по психолого-педагогическим основам информационных образовательных технологий. При надлежащей административной поддержке вуза такой курс может стать реальностью, если к его прочтению подключены различные специалисты, как правило, имеющиеся в вузе. В случае использования современных средств информатизации или, более того, реализации открытого виртуального учебного процесса, полностью основанного на использовании средств информатизации без очного контакта педагога с обучаемым, подобные требования значительно трансформируются. В то же время выделяются специфические требования, необходимые при работе с современными средствами информатизации и образовательными электронными изданиями. В числе таких требований, например, знание преподавателем дидактических свойств и умение пользоваться средствами информатизации. Большим тормозом в разработке и внедрении новых информационных технологий в обучение является инертность организационной структуры учебных заведений. В доказательство этого утверждения достаточно сослаться на пробелы в деятельности администрации вузов, приводящие к недостаточности времени у преподавателей для работы по информатизации учебного процесса, нехватке соответствующего учебно-вспомогательного персонала, дефициту одобрения и материального поощрения новаторской конструктивной деятельности педагогов. Опыт зарубежных стран свидетельствует о целесообразности специализированных изданий, предназначенных для активизации интереса педагогической общественности к проблемам разработки и внедрения современных информационных технологий [2, с. 4].

Очевидно, что эти издания могут и должны стать центром обмена опытом, разработки и передачи знаний и умений, звеном, объединяющим деятельность всех тех, кто занимается проблемами инфор-

мационной образовательной инженерии. Примечательно, что подобные тематические конференции позволяют не только ближе ознакомиться с содержанием докладов, но и увидеть передовые разработки средств информатизации, провести сравнение различных способов создания и применения учебного программного обеспечения.

Библиографический список

1. Виленский В. Я., Образцов П. И., Уман А. И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе : учебное пособие / под ред. В. А. Сластенина. – М. : Педагогическое общество России, 2004. – 192 с.
2. Даутова О. Б., Крылова О. Н. Современные педагогические технологии в профильном обучении : учебно-метод. пособие для учителей / под ред. А. П. Тряпицыной. – СПб. : КАРО, 2006. – 176 с.

X. URGENT ISSUES OF LEGAL PHILOSOPHY

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Б. М. Кандов

Старший преподаватель,
Ташкентский институт ирригации
и мелиорации,
г. Ташкент, Узбекистан

Summary. In the article consider one of the main theme of legal philosophy research – rights and liberals of human, which appears the main factor of ensuring develop of universal democracy in case of globalization.

Keywords: human rights; globalization; global agreement; global constitutional ideal; international law; legal value; legal culture; democratic legal state.

Человек рождается свободным, однако эта свобода является не продукцией природы, а духовным стремлением человека к свободе. Вопросы прав и морали были источниками широких споров и дискуссий, а также идеологических столкновений в Древнем Востоке. Так как в философии Востока трактовка права всегда была связана с моралью, прежде всего, с ответственностью. Религии, такие, как конфуцианство, буддизм и ислам как культурно-исторические, духовно-нравственные ценности народов Востока, связывают действия и права человека с ответственностью перед Небом, Вселенной и Богом. Согласно религиям, данные трансцендентности не только создали всю Вселенную и постигают ее, но именно поэтому они направляют человека и его действия в эту Вселенную, ко всем благам. Если человек не признает этот порядок, противодействует ему и следует своей корысти, то между единством и личностью возникает противоречие.

Доктор философских наук В. А. Алимасов, изучавший конфуцианство, писал: «В основе связей между небом и Землей, в управлении в качестве «Сына небес» царя (правителя) «четырех сторон» Земли, во взаимном примирении божественных и человеческих сил лежит стремление в обеспечении совершенной жизни. И это совершенство достигается через “дао”, «ли» и «благородного мужа» [2, с. 14]. Согласно взгляду Конфуция, разрушение данного порядка приводит к большим неприятностям. «Если, – говорил он, – не установится порядок в управлении обществом, в обычаях и вещах, нельзя будет ни на

что опираться». Ещё он подчеркивает ответственность «благородного мужа», т. е. царя (правителя), высших слоев за установление порядков дао и ли. Если вышестоящие будут соблюдать порядок обычаев и вещей в управлении обществом, то народ не посмеет выражать к ним свое неуважение. В случае же, если высший слой полюбит порядок дао и ли, а низший слой будет доволен, то в обществе будет царить мир и совершенство. Следует, что посредством подчинения порядкам дао и ли и с установлением их на земле создается совершенство и гармония не только между Небом и Землей, но также и в обществе, и среди людей. Это в действительности означает установление совершенства, примирения между Небом и Землей на таких ступенях, как царь (повелитель) – народ (простой люд)» [2, с. 15]. Конфуций, превознося обычаи, примирение, нравственные нормы, говорил: «Если народ управляется законами и среди народа устанавливается порядок путем наказаний, то народ будет стремиться избегать их и не будет раскаиваться от содеянных поступков. Если народ управляется благодеянием и порядок устанавливается поведением, народ будет стесняться своих поступков и излечиваться» [7, с. 60]. Действительно, противостояние мудреца законам было направлено на сохранение существующих патриархальных отношений, однако в его сущности лежит идея необходимости служения, укрепления связи с законами, укрепления нравственности, поддержание нравственностью, моралью сохранения бытия. По мнению Конфуция, ответственность – это нравственное качество. Каждый в соответствии со своим положением, возрастом и опытом ответственен перед другими, обществом, государством. Поэтому он призывает: «Пусть правитель будет правителем, слуга – слугой, отец – отцом, сын – сыном” [7, с. 47].

Как пишет русский философ В. Соловьев, права человека зародились в соответствии с инстинктом подчинения стаду животных, сначала в качестве «неосознанно-субъективных норм», а потом обычных прав рода, племени под воздействием социально-исторических процессов. Эти процессы означали отход от животных стадных инстинктов «к свободному союзу, единству личностей» [12, с. 7–8]. Поэтому, констатирует В. Соловьев, права человека зарождаются из двух основ: первое – любое право – от духа народа – вселенной, сущности вселенной, второе – из соглашений, составленных суверенными личностями для достижения определенных целей [12, с. 14]. В обоих случаях превалируют интересы общего, единого, и ставится цель их сохранения. Для достижения этой цели право должно служить нравст-

венности, в крайнем случае, «минимальному благодеянию, или же не допускать острых проявлений насилия» [12, с. 65]. Право должно принудительно устанавливать человечность, нравственность, а в человеке – склонность к созиданию, творчеству и благородству. Право является средством установления отношений, основанных на гуманности, справедливом и правовом обществе.

Н. А. Бердяев, много размышлявший о свободе человека, как философ, написавший множество произведений, утверждал: «Свобода в качестве реального бытия иррациональна для рациональной, интеллектуальной философии, однако её осознание по целостности духа для философии является возможным явлением" [3, с. 36]. От данного вгляда он пришел к выводу, что «…философия должна быть либеральной, должна искать истину, и именно поэтому либеральная философия, свободная философия становится божественной, только путем полного понимания духа, жизни осознает реальность и бытие» [3, с. 37]. Но иррациональность, размышление о божественности философа не являются абсолютной трансцендентностью, оторванной от социального бытия, они направлены на осознание человеком самого себя, наблюдение силы духа для созидания и понимания, в целом, на постижение вселенной. Н. А. Бердяев считает свободу и права человека, связанные с социальным бытием и его деятельностью, государственными и политическими институтами, семьей, соответствующими «потребности свободного духа», «призывом духа», поисками философии. Так как понимание своего духа, свободы духа, стремящейся к единому целому, освобождению, призывает человека к творчеству, созиданию, постижению, неповторимому пути, связывает с единым целым «персоналистическую философию». Именно на этой ноте дух личности с духом целостности, восточная философия с общечеловеческой философией преобразуются в целое вместе с гармонией свободы и права личности, с общечеловеческой свободой и правом соответственно. Если не будет этой гармонии, не будет достигнута целостность, то между личностью и социальным бытием, духом и трансцендентностью, свободой и ответственностью появится «китайская стена», свобода превратится в неволю, право в бесправие, т. е. свобода и право превратятся в насилие, беззаконие, анархию определенных лиц. Н. А. Бердяев под «свободой духа» или «свободным духом» подразумевал связь между частным (личным) и общим (общечеловеческим), а под свободой, правом – стремление личности, духа личности к единому целому, общечеловечности. Поэтому он пишет, что творчество, свобода, дух «…направлены не вниз от Бога, а от человека к Богу» [4, с. 232]. Это

на самом деле является заключением «персоналистической философии» Н. А. Бердяева. Мысль, направленная на утверждение ответственности человека за социальное бытие. Да, каким бы не было достижением, благородством предоставление человеку свободы, прав, возможностей, их не нужно оставлять на произвол судьбы и порождать этим безответственность. Не могут не обратить на себя внимания гармония права и морали (ответственность, благодеяние и др.), вопросы их взаимосвязи, широко обсуждаемые сегодня в философско-правовой литературе.

Никто не сомневается в том, что понятие «право» играет важную роль в жизни человека, социальном развитии. Противоправные нормы, принятие по ним законов, а особенно их реализация в современных государствах считается неосуществимой. Напротив, все государства объявляют себя сторонниками, защитниками прав человека. В социально-политических доктринах указывается на то, что демократия, гарантия прав человека являются основными задачами государства. Однако в обеспечении прав человека в реальной жизни появляются не только различные трактовки прав, но вместе с тем и барьеры, принижающие разум и права человека. Процессы глобализации явно демонстрируют эти барьеры.

В соответствии со Статьей 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (принят в 1996 году 19 декабря), государства, присоединившиеся к данному документу, имеют право на защиту материальных и духовных благ, проявляющиеся в участии в культурной жизни каждого человека, научном прогрессе и применении его результатов на практике, в любом научном, литературном или художественном труде [9, с. 65]. Это гарантирует свободное научное и художественное творчество человека, пользование культурными ценностями, сохранение созданного им интеллектуального имущества. Однако в жизни наблюдается нарушение данных правовых норм в рамках отдельных государств. Рассмотрим статью, опубликованную в газете «Свобода», под названием «Грабители интеллектуальной собственности» торгового представителя США Сюзан Швап.

Знание, творческие поиски, изобретения и открытия считаются источниками экономического и социального развития. Источники в виде интеллектуальной собственности в США составляют одну четвертую доходов всех корпораций или 5 триллионов долларов. «К сожалению, – пишет автор, – участились случаи варварского использования чужих образцов творчества, знаний. Пираты и изготовители фальшивок предпочитают использовать краденую и фальсифицированную продукцию.

А это причиняет большой ущерб экономике страны. Поэтому в области интеллектуальной собственности необходимо принять сильные меры защиты и широкой правовой пропаганды. А это важно для развития глобальной экономической системы, опирающейся на силу знаний» [8]. Из статьи мы видим, в Марракеше, где ведется защита авторских прав, в Сингапуре – борьба против компьютерного грабежа, в Корее, Панаме, Перу, Колумбии, России, Китае, даже если они являются членами международного пакта, широко распространены случаи незаконного пользования интеллектуальной собственностью. Например, в одной только России в 2006 году было уничтожено 3 миллиардов нелицензионных компакт-дисков [1]. А в Китае невозможно подсчитать количество распространяющихся в мире незаконно изготовленных дисков, видеофильмов. Глобализация открывает путь для предотвращения подобных противозаконных действий, и использования продукта творчества другого человека в своих интересах. Как продукция всех видов деятельности, она так же гарантирует получение выгоды от интеллектуальной собственности. Таким образом, глобализация в общепланетном масштабе дает возможность объективизации субъективных идей, научно-практических мыслей и применения их в реальной жизни.

Права человека нашли свое отражение в международных документах, принятых в первую очередь ООН и его институтами, организациями. К ним относятся:

1. Всемирная декларация прав человека (международный билль). В данный документ входит общая декларация о правах человека, международное соглашение о гражданских и политических правах, и плюс к нему два факультативных протокола, международные договоры об экономических, социальных и культурных правах. Общая декларация о правах человека дает оценку правам человека, исходя из идей школ естественного права. В соответствии с ней «…В ряд прав человека входит комплекс прав, появляющихся с его рождением до вхождения человека в человеческое общество. Под гражданскими правами понимается совокупность прав, которые имеет человек после присоединения к обществу» [13, с. 31].

Сегодня Международный пакт о гражданских и политических правах человека ратифицировало 144 государства, а Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах – 142 государства [5, с. 211].

2. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Данный документ был принят в 1965 году, вступил в

силу в 1989 году. В действительности он был принят в 1945 году, исходя из принципов устава ООН.

В статье 1 (пункте 3) Устава указано, что одной из целей ООН является осуществление международного сотрудничества по «уважению прав и свобод человека для всех без исключения, вне зависимости от расы, пола, языка и религии». Данное правило также включено в Устав ООН. В Статье 55 этого Устава отмечено, «…содействует всестороннему уважению и соблюдению, без исключения, прав человека и основных свобод, вне зависимости от расы, пола, языка и религии» [9, с. 17].

Международные правовые обязанности, определяющие и развивающие принцип уважения прав человека, обычно называются международными стандартами в области прав человека. Это является не только обязательством предоставления каких-либо определенных прав и свобод лицам, находящихся под собственной юрисдикцией стран, но и непосягательство на подобные права и обязанности (например, недопущение и предупреждение расовых, национальных и других видов дискриминаций и т. Д.)" [10, с. 198]. Глобализация дает возможность контроля осуществления данных прав человека. Практика показывает, что, если права человека не будут контролироваться международными организациями, в особенности, ООН и его институтами, то расовая и национальная дискриминация людей может сохраниться в странах, особенно в государствах, склонных к автократическому и тоталитарному управлению. После распада СССР расовые скандалы, появившиеся в Восточной Европе, показывают, что они могут приносить множество бед людям и народностям. Данный международный документ ООН, запрещающий расовую дискриминацию, подписали 195 государств.

3. Международная Конвенция о ликвидации всех форм дискриминаций в отношении женщин. Данный документ был принят в 1979 году и вступил в силу в 1981 году, ратифицирован 196 государствами. В современных философско-правовых и социальных науках используется термин "гендер". Согласно новой трактовке, понятия «пол» (sex) и «гендер» (gender) формулируют межполовые отношения, а также правовые отношения рассматриваются, как гендерные. Таким образом, даже если понятие «гендер» было введено в научное применение в 1968 году Р. Столлером, его социально-исторические корни берут начало в античном периоде. Так как гендерные отношения между мужчиной и женщиной упираются в период формирования классов в обществе как физиологические, антропологические, а также политико-правовые отношения [6; 11; 14; 15]. Однако сейчас на повест-

ку дня поставлена рациональная организация гендерных отношений в глобальном масштабе. Так как, даже если с политико-правовой точки зрения женщины и мужчины имеют равные права, то в реальной жизни обеспечение этого гендерного равенства является одной из глобальных проблем. Например, согласно официальным данным ООН, более 60 % детей, не посещающих школу, составляют девочки; девочки по сравнению с мальчиками учатся на 4,4 года меньше мальчиков; в период беременности и родов ежегодно погибают 140 тысяч женщин; в развивающихся странах 450 миллионов женщин из-за недоедания в детстве отставали в развитии от мальчиков; около двух миллионов девочек во время операций, связанных с половыми отношениями, становятся инвалидами [5, с. 76]. Поэтому Пекинская декларация, принятая ООН и Пекинская платформа действий (1995 год, Пекин) направлены на обеспечение гендерного равенства. Начиная с 1986 года, для решения вопроса обеспечения равноправия женщин в глобальном масштабе ООН проводит встречи официальных кругов в Страсбурге (1986 г.), Вене (1989 г.), Стамбуле (1997 г.). Ранее на III Всемирной конференции, проведенной в Найроби (1985 г.) было подчеркнуто, что гендерное равенство является одним из основных показателей социального развития, и была выдвинута идея комплексного подхода к решению этих проблем. Несмотря на то, что ООН пытается решить гендерные проблемы в глобальном масштабе [10, с. 201], обеспечение правового равенства между женщиной и мужчиной в ближайшее время все еще останется сложной задачей. Исследования показывают, к гендерным проблемам необходимо подходить комплексно, будучи выше политико-правовой действительности, реалистически, с точки зрения культурно-исторических традиций.

4. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Данный документ был принят в 1984 году и действует с 1989 года. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая 9 декабря 1975 года, послужила основой для данной Конвенции. Таким образом, широко распространилось подтверждение о применении пыток к заключенным, как и то, что это противоречит обеспечению прав человека, и на основе этих данных ООН приняла специальные соглашения, имеющие глобальное значение. К ним относятся Международная конвенция о предотвращении всех расовых дискриминаций, принятая 21 декабря 1965 года, Международный пакт об экономиче-

ских, социальных и культурных правах, принятый 19 декабря 1966 года, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая 10 декабря 1984 года. Как говорил бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Анан, широко распространенные в мире горе и печаль, насилие, гнёт, лишение людей самых простых свобод приводят к унижению чести и прав человека. «Эта обездоленность, горесть и печаль, безысходность приводит к безнадёжности и от самой обычной свободы к обреченности, и, в свою очередь, к нищете» [5, с. 213–214]. Поэтому «…сама мысль о пытке какого-либо человека неисчислимо порождает в обществе презрение. Однако, по основным причинам, которые можно устранить, ни одного человека не волнует то, что в день погибает 3 тысячи детей. А почему так? Из-за того, что это нищие дети, и они остаются без внимания» [5, с. 213–214]. Геноцид по отношению к народу в некоторых странах показывает, что человечество еще не лишено войн, инстинктов конфликта. Например, международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (1993), Руанде (1994) признал виновность в геноциде С. Милошевича и Жана Поля Акайеси, намечено собрание международного трибунала по режиму красных кхемеров Камбоджи за совершение преступлений против человечества [5, с. 213–214]. Борьба против насилия, пыток, геноцида, широко распространенных в глобальной реальности, остается задачей всех сторонников прогресса и гуманизма.

5. Конвенция о правах детей. Данный документ был принят в 1989 году, а вступил в силу в 1991 году. Сегодня его ратифицировало 191 государство. Далее к этой Конвенции ООН в качестве дополнений приняла факультативные протоколы о детях, участвовавших в военных движениях, и о продаже детей. Генеральная Ассамблея ООН 29 ноября 1985 года приняла следующие документы, имеющие международное значение: «Минимальные стандартные правила отправления правосудия по отношению к несовершеннолетним детям (Пекинские правила)», 1 декабря 1990 года «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы)» и 14 декабря 1990 года «Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы».

Даже если данные правовые документы имеют большое значение для формирования политико-правового пространства, положение детей во многих странах не самое желательное. Согласно официальным данным ООН, сегодня не ходят в школу 140 миллионов детей; ежедневно

из-за голода, войн и распрей погибает 3 тысячи детей; более пятидесяти государств предпринимают попытки рассмотрения своей Конституции и законов в соответствии с Конвенцией о детях, а запрет обычаев повреждения половых органов детей, таких стран Восточной Африки, как Буркина – Фасо и Сенегал, и методов лечения телесными ранениями детей в странах Европы, как Австрия, Кипр и Скандинавия, предвещает о приобретении проблемой глобального характера [5, с. 215].

Несомненно, человечество в целях обеспечения прав и свобод человека в прошлом веке достигло больших побед. Невозможно не заметить то, что ООН становится авторитетной международной организацией, укрепление значения и позиций принимаемых ею правовых документов и усиление ее прерогатив в формировании национальных правовых систем. Именно эти международные правовые документы, Конвенции и договоры являются основным барьером в превращении антигуманных, антидемократических событий в глобальную реальность. Вне зависимости, какие мнения распространены об ООН, сегодня помимо ООН нет ни одной другой международной организации, международной силы, которая может решить эти глобальные проблемы. Благодаря стараниям этой организации права человека стали понятием глобальным, была создана организационная юридическая, единая международная система превращения этих прав в общепланетарном масштабе в реальность.

Не требует доказательств то, что обеспечение прав человека стало глобальной задачей. Согласование, гармонизация взаимоотношений между обществом и личностью, человечеством и человеком является обязательством глобального прогресса. Поэтому именно вопросы глобального прогресса призывают решать права человека в соответствии с глобальным прогрессом.

Библиографический список

1. А и Ф / информационно-издание от 18.10.2007. – 2007.
2. Алимасов В. Конфуцианство и государственность Востока. – Т. : Институт “Философия и право”, 2006.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М. : Правда, 1989.
4. Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. – М. : Фолио, 2005.
5. Доклад к тысячелетию Генерального секретаря ООН. – 2003. – 211 с.
6. Женщина и общество. – Т. : Адолат, 1999;
7. История китайской философии. – М. : Прогресс, 1989.

8. Кража интеллектуальной собственности // “Ҳуррият” / выпуск газеты от 17.05.2007. – 2007.
9. Международные соглашения по правам человека. – Т. : Адолат, 2004.
10. Саидов А. Международное право. – Т. : Адабиёт жамғармаси, 2001.
11. Сафаева С. Вопросы женщин: общесоциальные и национальные стороны. – Т. : Узбекистан, 2003.
12. Соловьев В. Право и нравственность. – М. : АСТ, 2001. – С. 7–8.
13. Права человека. – Т. : Ўзбекистон, 1997.
14. Плоссь Г. Женщина в естествоведении и народоведении. Антропологическое исследование. – Т. – Сыктивкар. – Киров. – Пермь : МАА-ГИПП «Вятка».
15. Усалева Н. Женщина: её статус, судьба и образ в мировой культуре. – Алматы : «Тылым», 1994.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Б. М. Кандов
Н. Я. Алимухамедова
старшие преподаватели, Ташкентский институт ирригации и мелиорации, г. Ташкент, Узбекистан

Summary. The issues upgrading legal culture in the country are discussed in the present article, in connection with this, legal issues that are realized by the state and social and law institutions are studied. Upgrading of legal culture of individuals and society is considered as one of the most important factors in providing human rights and freedom.

Keywords: right; national-legal system; legal value; legal culture; democratic legal state; globalization; global open society; global democracy.

На сегодняшний день правовые ценности все больше превращаются в планетарную, глобальную действительность. Да, каждое государство развивается на основе собственного заложенного фундамента, но вместе с тем в экономике, политике, идеологии, правовом мышлении и культуре правовые ценности все больше приобретают общие черты. Политическая и правовая система государств XXI века характеризуется синтезом всех положительных сторон богатого опыта человечества. Данный опыт подтверждает возникновение демократического правового государства и справедливого гражданского общества для стабильного развития и соци-

ального прогресса. Этот процесс, как, впрочем, и другие отрасли, происходит посредством глобализации правовой культуры, т. е. путем формирования общепланетных правовых ценностей. Поэтому, как отмечает в своей работе А. Саидов, «…покончить с международной правовой безграмотностью сегодня стало актуальнейшей задачей» [9].

Как признает ученый-правовед В. В. Лазарев, «…правовая ценность – это определенное правовое явление, правовое средство и механизмы» [12]. «Правовая ценность, – утверждает российский ученый А. Н. Бабенко, – это степень воздействия на развитие государства и общества путем гармонизации правовой и общей культуры личности, а также правовых норм и принципов, освоенных на основе правовых идей, взглядов, представлений и размышлений» [2].

Когда говорится о понятии «правовые ценности», то подразумевается юридическая догма, уже превратившаяся в норму, устойчивые стандарты национальной или международной правовой системы и определяющая связь между человеком и обществом, личностью и государством [1]. Значит, юридические ценности – это система правовых богатств, почитаемая и беспрекословно выполняемая государством, человеком, личностью и обществом, и налаживающая социальную жизнь и взаимоотношения, определяя их через юридические нормы. В первую очередь, эта система проявляется в международном праве. Если выявить проблемную точку зрения, то становится ясно, что превращение международного права в глобальную действительность требует изучения места и значения правовой культуры.

Как пишут А. Саидов и У. Таджиханов, «Правовая культура – это отдельное социальное явление, которое может приниматься как символ правового состояния общества и личности… Правовая культура общества видится как один из видов социальной культуры, охватывающий все богатства созданного человечеством в науке правоведения и отражающая определенный уровень правового мышления, законности, усовершенствования законов и правового опыта… Правовая культура общества является основой гарантии свободы личности и его безопасности, обеспечения прав человека, его правовой защиты и социальной активности» [11]. Ученые связывают правовую культуру с уровнем позитивного права и указывают на то, что правовая культура личности также измеряется соответствием данному позитивному праву. «Правовая культура личности – это цель и неотъемлемая часть правовой культуры общества, её необходимые условия и первый создатель. Вместе с тем, она также является одной из сторон правового развития, отражающего

законную деятельность личности. Притом, что она связана с определенным уровнем правового состояния общества, она заложена в нем и является его важной основой. На практике правовая культура личности требует его позитивного правового сознания. Она создает творческую деятельность, соответствующую прогрессивным достижениям общества в отрасли права, в результате чего происходит постоянное правовое обогащение личности» [11]. Итак, правовая культура общества и человека (личности) – диалектически формирующаяся и развивающаяся социально-правовая действительность.

Узбекистан, исходя из своих стратегических целей построения демократического правового государства, разработал Национальную программу (1997 год) по развитию правовой культуры в обществе. В этой Национальной программе утверждается, что «…Современное состояние развития общества и государства, требует всестороннего повышения правовой грамотности и правовой культуры всех участников правовых отношений. Правовая культура обеспечивает успешное решение задач, стоящих перед обществом и государством, как совокупность правового знания, правового убеждения и последовательной практической деятельности» [11]. Здесь уместно остановиться на вопросах правового знания (грамотности), правового убеждения и правового поведения (практической деятельности).

Когда говорится о правовом знании (грамотности), имеется в виду хорошее знание основных законов, принятых государством. С точки зрения глобализации это означает знание ратифицированных и имплементированных государством международных норм. К их числу, прежде всего, относятся документы по правам и свободам человека.

«Концепций прав человека множество. Они бывают религиозные, позитивные, естественно-правовые и др., и характеризуются разнообразностью мировоззрений в обществе, но при этом все права человека составляют важную и единую неразрывную систему. Какое-либо из прав и свобод невозможно противопоставить другому. Иначе обеспечение одних прав и свобод приводит к нарушению других» [7]. Если исходить из этого тезиса, то правовая культура воспринимает права и свободы человека как одну целую действительность, и в этом отношении мы приходим к выводу, что, как исследования, ведущиеся в этой сфере, так и социально-правовая практика преследуют одну цель, т. е. служение интересам человека.

Осуществляемые в Узбекистане демократические реформы направлены на стратегическую цель – создание демократического пра-

вового государства и воспитание всесторонне развитого поколения. Правовая культура – это не просто грамотность и знание, она служит концепции совершенного человека. Поэтому, как создание правового государства, так и программа повышения правовой культуры направлены на реализацию этой концепции.

В современной системе международных документов, регулирующих отношения в сфере защиты прав человека, особое место занимает «Всемирная декларация прав человека», принятая ООН. Этот почетный документ является авторитетным изложением основных прав, касающихся каждого человека на земле. В нем, в частности, указывается, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст. 3) [7]. Обеспечение этих прав является главной целью в национальной правовой системе. Статьи 24 и 25 Конституции Республики Узбекистан исходят из этой международной нормы. В них сказано, что «…право на жизнь, неотъемлемое право каждого человека», «…каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность…» [6]. Такую правовую нормативную гармонию, соответствие мы наблюдаем также и в других главах и статьях. Значит, правовая культура в нашей Республике измеряется хорошим знанием наших граждан Конституции Узбекистана. Потому что трудно назвать гражданина, не знающего наш основной закон – Конституцию Узбекистана, человеком высокой правовой культуры. «Правовая культура и правовая грамотность населения, в первую очередь, обеспечивает уважительное отношение к Конституции и законам. Это значит, что не может быть даже и мысли о легкомысленном отношении к правовым нормам… Закон – это не только обязательное правовое распоряжение, но и выражение воли народа. Его принимает парламент, избранный народом. Источником и государственной власти, и законов является народ. В его основе лежит идея верховенства закона» [11].

Правовое знание (грамотность) может стать результатом непрерывных просветительских, агитационных и воспитательных работ. Это можно объяснить, *во-первых*, непрерывностью социально-правовой жизни и процессов, её социодинамическими особенностями; *во-вторых*, регулярным вступлением молодого поколения в социальную жизнь; *в-третьих,* преобразование процессов глобализации в постоянные и широкомасштабные процессы.

Социальная жизнь не стоит на месте, она имеет тенденцию изменяться в соответствии демократическими принципами. Вместе с этим, и демократические принципы не являются застывшими, и они так же должны соответствовать национальному прогрессу. Никакое государ-

ство, никакая социально-политическая система не могут вслепую внедрять внешние, чуждые модели (стандарты). В прошлом веке большевики пытались внедрить на территории бывшего СССР (и, в частности, в нашу страну) коммунистические взгляды, идеи и образ жизни (жизненный уклад). Отчасти они эту задачу выполнили, но как только появилась возможность национального демократического развития, республики отказались от коммунистических взглядов. Потому что коммунизм был чуждым мировоззрением, идеей, образом жизни, которые пытались навязать насильно, и он был построен на концепции властвования одного социального слоя, класса и идеологии над целым обществом. Точно так же правовая система и правовые нормы, созданные большевиками, служили этому деспотизму. «В учебниках и учебных программах науки истории государства и права СССР, – пишут А. Саидов и А. Жузжони, – почти ничего не говорилось об истории узбекской государственности и права». В изучении этой науки основное внимание уделялось истории российского государства и права. Этот процесс не был спонтанным явлением, а был результатом заранее запланированной политики русификации. «Основной целью такой политики являлось уничтожение национальной государственности и права, и создание в будущем единого государства» [10].

С обретением независимости отношение к истории в Республике Узбекистан изменилось коренным образом. У нас появилась возможность без каких либо идеологических догм (убеждений) объективно изучать свою историю, в том числе, когда-то развитых государств и правовых систем на нашей земле. При этом изучение национальной государственности и правовой системы не означает возврат назад, в прошлое. У каждого народа есть только ему присущее политико-правовое и философско-духовное наследие, и когда народ опирается на эту основу, приводит его положительные стороны в соответствие с требованиями нового времени, только тогда обеспечивается поэтапность развития, непрерывность и социодинамичность. «Если каждый член общества независимо от того, кем он является, будет хорошо знать свое прошлое, – говорит Президент Республики Узбекистан И. Каримов, – то такого человека трудно сбить с толку, подвергнуть влиянию различных догм. Уроки истории учат человека бдительности, укрепляют его волю… Поэтому создание правдивой научной истории нашего государства, нации должно превратиться в очень важную и актуальную задачу нашей широкой общественности» [5]. А это, в свою очередь, требует от нас вопринимать нацию, государственность и будущее как связанные между собою социодинамические явления.

В связи с вступлением молодого поколения в жизнь, правовая грамотность требует непрерывности. Каждое новое поколение должно овладеть хотя бы минимумом юридической догматики и правовых ценностей. Это поможет молодому поколению жить и действовать свободно в правовом поле, занимать активные позиции в отношении полных противоречий процессов глобализации, поддерживать позитивные стороны в них. По нашему мнению, глобализация приводит не только к пониманию внутренних противоречивых явлений, но и к исключению отрицательных явлений в ней. При этом правовая грамотность и национально-духовные ценности проявляются в гармонии. Если эти два качества не гармонизируются, то «продвижение демократии и свободы», осуществляемое под флагом демократии и прав человека, легко войдут в сердце и мысли личности. Для всех стран, учитывая только им свойственные качества и особенности, нет и не может быть единой и универсальной модели демократии, которая подходила бы всем одинаково.

На сегодняшний день в нашей стране формируются такие идеологии, как главенство закона и законопослушность, верховенство прав и свобод человека, взаимоответственность граждан и государства, обеспечение мира, стабильности и безопасности страны, и все это становится составной частью нашего социального мышления. Важно, что эти идеи имеют признание закона и поднялись до уровня идеологической правовой ценности.

При формировании правовых ценностей особое значение имеет принятие во внимание менталитета и особенностей узбекского народа. Правовые ценности объединяют самые оберегаемые (уважаемые) качества нашего народа – честность и справедливость, милосердие, стыд, тактичность, честь и совесть, верность народу и стране, патриотизм. Узбекский народ, также как и другие народы, имеет обычаи и традиции, которые сохранялись и совершенствовались веками. В них отражены национальные особенности, характер, честь, социально-экономическая жизнь, религиозное убеждение, правовое сознание и духовно-культурный мир нашего народа.

«Последовательные шаги в построении демократического общества, – подчеркивает Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов, – мы делаем не для того, чтобы кому-то понравиться, перед кем-то отчитаться, не для ложного авторитета, а в целях продвижения по пути, избранному по воле народа и отвечающему национальным интересам Узбекистана. И мы никогда не свернем с этого пути.

Вместе с тем, надо со всей прямотой сказать, что мы никогда не согласимся с попытками свернуть Узбекистан с самостоятельного по-

литического курса, сделать нас зависимыми от кого-то, оказывать давление под разными предлогами и вмешиваться извне в наши внутренние дела» [4].

В этот сложный период большое значение имеет формирование у молодежи бдительности, чувства верности национальным традициям, истинной демократии, навыков различения прав человека.

Насколько бы не было реальным преобразование демократических ценностей, прав человека и его свобод, оно не отрицает их специфику при установлении демократических ценностей в национально-правовых системах. Правовая культура – это уровень внедрения правовых ценностей в реальное социальное бытие, управление обществом и государством, гражданского взаимоотношения. Значит, правовая культура – это не только знание прав и свобод человека, но и отражение этого знания в правовом поведении. Как описал ученый правовед Н. Сабуров, «…правовое поведение – это осознанные действия индивидуальных и социальных субъектов, имеющие социально-правовое значение, управляемые правовыми нормами, порождающие … позитивные последствия» [8]. Это поведение – гарантия социализации личности в рамках позитивного права.

Изучение философско-правовых источников показывает, что правовое поведение в своей субстанциональной основе соответствует потребностям, интересам общества и личности. «Своё поведение личность осознанно приспосабливает, в соответствии со своими потребностями, интересами и мыслями, к образцу, определенному в праве, или осуществляет действия, опирающиеся на внешне законную внутреннюю веру и причины. Для него (поведения) основой будет выполнение обязанностей и эффективное использование законного права положительного оценивания варианта, отличающегося от образца поведения, выраженного в форме предлагаемых ему прав и обязанностей. Говоря иначе, станет основой для законного поведения» [2]. Хотя личность в этом выборе исходит в первую очередь из своих личных интересов и потребностей, но при этом, конечно, не забудет об их соответствии социальным потребностям и интересам. В противном случае произойдет столкновение не только интересов, но и прав.

Формирование правового поведения – это процесс, происходящий неравномерно, он занимает место в системе качеств личности под воздействием разнообразных явлений, происходящих в определенном обществе, социально-политическом строе, человеческих взаимоотношениях. Даже относительно отдельно взятой личности сказать, что у неё сформировавшееся правовое поведение, было бы неправильно, ибо вы-

шеуказанные разнообразные факторы (явления) могут повлиять в одном случае позитивно, а в другом негативно, в результате чего приведут к различным последствиям. Но, вместе с тем, у этапа объективизации правового поведения и правовой культуры есть очень важные критерии. Это следующие критерии: не противоречить юридической догматике; не нарушать этические нормы; не попирать права и свободы человека; не отрицать законы социально-демократического развития. На самом же деле, глобализирующиеся социально-правовые ценности также опираются на эти критерии.

Правовые ценности, через юридическую догматику и международное право, придают процессам глобализации стабильность. То есть только правовые ценности, соответствующие международным правовым нормам, могут превратиться в глобальные юридические нормы. А, значит, не все национальные правовые ценности могут быть глобальными правовыми ценностями, определенные нормы в национальном праве служат и локальным интересам. В этом плане правовая культура является степенью гармонизации глобальных и локальных правовых норм. Да, личность постоянно обязана подчиняться определенным национально-правовым нормам, исходить из них в своей деятельности. Но национально-правовые нормы не являются «абсолютной истиной», в демократическом обществе личность может выбрать другое национально-правовое место, более соответствующее её интересам и влечениям. Примером может служить то, что каждый год из Южной Америки 1,5, а из Азии 4 миллиона человек мигрируют в страны Запада и в США. При этом бросается в глаза существование некоторых барьеров в осуществлении в полной мере прав и свобод человека, иммигрировавшего в другую страну. Значит, правовая культура должна дать социально-правовую возможность в преодолении этих преград и в реализации творческого потенциала.

Подытоживая, можно сказать, что процессы глобализации, происходящие в мире, оказывают свое влияние и на национальное демократическое развитие, социально-демографическую ситуацию, иммиграцию, на экономическую, политическую и культурную жизнь Узбекистана. То, что Узбекистан стремится занять свое место и интегрировать в мировое сообщество, превращает процесс глобализации в нашей национальной жизни в обыденную действительность. Глобализация призывает нашу правовую культуру выйти из узкой национальной скорлупы. Теперь граждане также должны знать международные правовые нормы, иметь необходимый минимум знаний о них.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М. : Статус, 1999. – С. 230.
2. Бабенко А. Н. Правовые ценности (вопросы и теории). – М., 2001. – С. 35.
3. Вестник Олий Маджлиса Республики Узбекистан. – Т., 1997. – № 9.
4. Каримов И. А. Без исторической памяти нет будущего // Будущее мы построим своими руками. – Т. : Узбекистон, 1999. – Т. 7.
5. Каримов И. А. Права и свободы, интересы человека – высшая ценность. // Права и свободы человека – высшая ценность. – Т. : Узбекистон, 2006. – Т. 14. – С. 70–71.
6. Конституция Республики Узбекистан. – Т. : Узбекистан, 2013. – С. 7.
7. Международные договоры по правым человека : сборник. – Т. : Адолат, 2004.
8. Сабуров Н. Фуқароларнинг ҳуқуқий хулқ-атворини шакллантириш муаммолари (назария ва амалиёт) : юридик фанлари номзоди. дисс. автореферати. – Т., 2001.
9. Саидов А. Х. Международное право. – Т. : Адолат, 2001.
10. Саидов А., Жузжоний А. Восток и право человека. – Т., 1998. – С. 206–207.
11. Таджиханов У., Саидов А. Теория правовой культуры. – Т. : Академия МВД РУз, 1998. – Т. 1.
12. Теория права и государства / под ред. проф. В. В. Лазарева. – М. : Норма, 1996. – С. 106.

XI. MODERN AESTHETIC CONSCIOUSNESS OF SOCIETY: ARCHETYPICAL FUNDAMENTALS AND INNOVATIVE TENDENCIES

ИНТЕГРАЦИЯ ДИЗАЙНА И ИСКУССТВА

Н. Б. Абдуллаева *Кандидат философских наук, доцент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The specification and connection of design and art, and ifs integration problems are analyzed In this article.

Keywords: design; art; integration; culture; cultural spaces; esthetic taste; humanity.

В современной науке разнообразны мысли исследователей о взаимосвязи дизайна и искусства. Некоторые отождествляют дизайн с искусством, а другие говорят, что цель дизайна создавать красивые формы, гармонизацию предметного мира. Эти мысли ярко показывают особенности и интеграции дизайна и искусства. Эти два вида деятельности изменяются по общественним требованиям и спросу, целям, но искусство является художественной идей этих целей. Искусство есть форма эстетического познания мира, но не только в виде эстетического созерцанию, но и в процессе его художественно-деятельностного преобразования. Дизайн непосредственно связан с материальным производством, с материальной потребностью человека. Искусство раскрывает сущность действительности, а в дизайне сущность выражается наглядно.

Действительно, уточнить сферу дизайна очень трудно, иногда он смешивается с искусством. Дизайн и искусство влияют друг на друга. Оба они являются творческой деятельностью, удовлетворяют духовную и материальную потребность человека. Но есть имманентные особенности дизайна. Прежде всего, он связан с научно-техническим прогрессом, выражает единство прекрасного с пользой, удобства и тиражированность, находит своё место в быту. Он обобшает труд инженера, художника, психолога, социолога. В искусстве стих –это творческий продукт поэта, картина – художника. Произведениями

искусства мы духовно наслаждаемся, получаем удовольствие. Мы оцениваем искусство как духовную ценность. Когда создаёт произведение художник, особое внимание он уделяет эстетической выразительности цвета, а дизайнер – функциональным, психологическим, физиологическим свойствам. Он гармонизирует предметно-пространственную среду, эстетизирует трудовой процесс, повышает культуру быта. Ещё одна особенность дизайна заключается в творческом процессе сотрудничества дизайнера, инженера, психолога, художника. Дизайнер должен владеть философско-эстетическими знаниями и знать общественно-психологические особености культурного слоя, который он обслуживает. Создаваемые им предметы, вещи, среда должны быть удобными, современными, функциональными, пропорциональными по форме и значимыми по содержанию.

Объектом работы дизайнера может быть как единичный предмет, так и система объектов. В сферу его творческого внимания попадает и одежда, и компьютер, и предприятие с его оборудованием. Это ещё одна особенность дизайнерской деятельности. Продукты деятельности дизайнера в быту, общественных сферах, производстве выполняют определённые функции. Результаты творчества дизайнера воплошаются в изделиях, предназначенных для утилитарных целей, и оформляются в чуственно воспринимаемой форме. Продукт труда дизайнера с годами обновляется, приобретает современный облик. Совершенствование технических сооружений, машин, приборов поттому и возможно, что разнообразные их детали и узлы могут заменяться новыми, остроумно сконструированными, более эффективно действующими, изготовленными из более прочных и дешевых материалов [1]. Веками произведения искусства не теряют своей ценности, годы не властны над полотнами Бегзод или Да Винчи, эти работы не теряют своей эстетической ценности, наоборот, они приобретают новую жизнь. Но созданые в те же времена вещи уже не удовлетворяют нашу эстетическую потребность. Это ещё одно расхождение дизайна с исскуством. Хотя отличить, где пароходит граница между дизайном и искусством очень трудно, так как оба они представляют собой своеобразную эстетическую деятельность. Некоторые исследователи главное внимание обращают на коммерческую функцию дизайна. Но нельзя забывать, что как творческая деятельность он гармонизирует форму и содержание, показывает эстетический вкус и идеал, культуру общества. С момента организации обновлением и усовершенствованием вещественной среды он вносит вклад в гуманизацию и благо-

получие общества. Дизайн сочетает искусство с техникой, духовность с материалностью, прекрасное с полезным, обогащает нравственно-эстетическую культуру личности и общества.

Сегодня направления и виды дизайна расширяются. Он развивает культуру быта, делает жизнь человека содержательнее и привлекательнее. Как искусство дизайн усовершенствует духовность и развивает вкус у человека. Общее для обоих видов деятельности – это творческий подход и высокое художественно-эстетическое мировоззрение. В общем «он понимается либо как некий новый стиль в исскустве, либо как новая сфера приложение исскуства, либо как приложение нового современного искусства к сфере промышленного производства» [2, с. 6]. Интеграция дизайна и искусства плодотворна. Они влияют друг на друга. Стили и методы исскуства обогащают дизайн. Современный дизайн впитывает модернистическое направление искусства. Это особенно отражается на таких изделиях, как люстры, кухонные приборы, разные орнаменты в украшениях интерьера. Многофункциональность дизайна своеобразно влияет на прикладное искусство. Дизайн проникает во все сферы жизни и деятельности людей. Дизайн как художественное формообразование – мощный культурный фактор структурирования мира, он осуществляет чувственно-выразительными средствами общую цель культурной деятельности человека – преобразование хаоса в порядок, аморфного – в целостное. Дизайн связывает в единый узел духовную и материальную, научно-техническую и технологическую, гуманитарную и индустриальную культуру и гуманизирует общество.

Сегодня приоритетные направления дизайнерской деятельности в Узбекистане развиваются согласно концепции её гуманитарного развития. «Эффективность широкомасштабных реформ, проводимых во всех сферах нашей жизни, в первую очередь органично связана с возрождением народной духовности, глубоким изучением нашего богатого исторического наследия, сохранением традиций и обычаев, развитием культуры и искусства, науки и образования, и, самое важное, – изменением и развитием общественного мышления» [3, с. 76–77]. Однако перед нами ещё стоит задача по комплексному исследованию взаимосвязи дизайна с искусством, его генезиса, социологических и аксиологических основ, интеграционных связей.

Библиографический список

1. Каган М. С. Эстетика как философская наука. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997.
2. Ковешникова. Дизайн: история и теория. – М. : Омега-Л, 2007.
3. Каримов И. А. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т. : Маънавият, 2008.

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА – ПРАКТИЧЕСКАЯ СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Е. О. Гончарова

Бакалавр,
Саратовский государственный университет,
имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия.

Summary. In this article, the author makes an attempt to understand the phenomenon of creativity. Throughout life a person needs to constantly create. The scales differ, every person has the imagination and with the help of his works. Why some in their creations rising to the level of genius, while others extend only to the level of skills? The author also attempts to understand the theory of the gene genius. Maybe all this already invested in a person before birth. If only the human genotype and the presence of his "floating gene" is the organizer of the creation and further development of society?

Keywords: creativity; psychoanalysis; gene; genius; imagination; brain; drugs; consciousness; subconscious activity.

Способности человека, насколько учат нас опыт и аналогия, безграничны; нет никакого основания полагать даже какой-нибудь воображаемый предел, на котором остановится человеческий ум.

Г. Бокль.

В любой семье родные и близкие, склонившись над колыбелью младенца, прочат ему великое будущее. И фантазия тут поистине границ не знает. Здесь возникают великие полководцы, знаменитые актрисы, композиторы, ученые и тому подобное. Но данные предположения остаются только на уровне предположений, так как поле реализации личности безгранично, но при этом, как бы это странно не звучало, имеет две крайности: гениальность и бездарность.

Проблема самореализации человека была и остается актуальной с древнейших времен и до нашего времени. Что такое способность творить? Это дар или результат кропотливых усилий? Однозначного ответа нет до сих пор.

Творчество является производной реализации индивидом уникальных потенций в определенной области [1]. У человека есть естественное желание и потребность внести свой вклад в историю человечества, то есть тем самым реализовать себя. Это представляет собой прекрасную возможность прожить гармоничную жизнь, возможность жить вечно в своих творениях и оставить наследие своим потомкам.

Рассматривая процесс художественного творчества, нельзя обойти стороной психологический аспект. Основатель аналитической психологии Карл Юнг отмечал, что психология в качестве науки о душевных процессах может и должна быть связана с эстетикой.

Не только психологам был интересен феномен творчества, но и философы пытались понять и определить его. Например, Кант считал творчество одним из самых загадочных процессов. Он подметил, что Ньютон в своем великом труде мог объяснить каждый шаг, мог доказать свои открытия, тем самым они становились открыты для восприятия и репродукции. Но ни Гомер, ни Данте, ни Виланд никогда не могли показать, как появляются и соединяются их фантазии и великолепные идеи, потому что, по большому счету, сами не знали, как это происходит, а, следовательно, не могли научить этому других. И посторонним остается только наблюдать, восхищаться, но вот достоверно это повторить вряд ли возможно. В живописи считается, что копирование – это прекрасный способ изучения стилей, наложения мазков и способов рисования. Но психологи, искусствоведы и художники скажут вам, что можно скопировать изображение, передать стиль, но невозможно передать ту отличительную манеру письма и его «дух». Следовательно, у каждого творца есть что-то неуловимое, что-то такое, что всегда будет отличать его от других. Можно научиться различным техникам, но нельзя научиться «полету» мыслей своего учителя. И опять возникает вопрос – так что же такое творчество? Если это способность, которая приобретается упорными тренировками, тогда почему Бах, Моцарт, Рафаэль – это те люди, чьи таланты не повторяются. Можно долго пытаться и строить музыкальные инструменты, но вторым Антонио Страдивари не станешь. Эту проблему пытаются решить уже даже генетики, доказывая существование и прямое влияние на жизнь человека «гена гениальности». Генетики считают, что «гениальность» – это врожденная интеллектуальная сила необычайно вы-

сокого типа, исключительная способность к творчеству, требующая богатого воображения и оригинального мышления. Ученые предполагают, что данный ген заложен почти в каждом человеке, но все дело в его реализации. В большинстве случаев человек не реализует себя, поэтому гении в широком понимании всегда были редки [8].

В одном из рассказов Марка Твена человек, попавший в загробный мир, просит показать ему величайшего полководца всех времен и народов. В показанном ему человеке он с удивлением узнает умершего сапожника с соседней улицы. Сапожник действительно имел все задатки стать величайшим полководцем, но ему не довелось командовать даже ротой солдат.

Современные ученые подсчитали, что частота реализовавших себя гениев, чьи творения признаны действительно гениальными, всегонавсего 1:1 000 000 000, хотя предполагается, что в XXI веке будет примерно сотня гениев на 1 000 000 000 жителей Европы, США, Канады, Австралии, России, Японии и Азии. Частота рождения потенциальных гениев приблизительно одинакова у всех народностей и народов, это приблизительное соотношение 1:2 000 – 1:10 000 [2].

Творческий процесс немыслим без воображения, которое позволяет комбинационно-творчески воспроизводить цепь представлений и впечатлений, хранящихся в памяти. Ученые-психологи утверждают, что любое изобретение является изначально плодом воображения. В творчестве участвуют сознание и подсознание, разум и интуиция. При этом подсознательные процессы играют особенную роль. Американский психолог Ф. Беррон обследовал 60 американских писателей и смог сделать вывод о том, что у писателей интуиция и эмоциональность развиты намного сильнее, чем рассудочность [3]. Об этом, впрочем, уже упоминали древнегреческие философы. Например, Платон писал о высокой роли подсознания в художественном творчестве и трактовал это как боговдохновенное и вакхическое состояние.

Элемент подсознательного в творческом процессе привлек внимание З. Фрейда и представителей психоаналитической школы. Психоанализ абсолютизировал роль бессознательного в творческом процессе. По фрейдизму, художник превратился в личность, сублимирующую свою сексуальную энергию в область творчества, которая впоследствии превращается в невроз. Неудовлетворенные желания становятся движущей силой фантазии.

Но сознательное начало контролирует цели, формулирует задачи и конструирует способы превращения фантазии в жизнь. Сознание обеспечивает самоконтроль, самонаблюдение художника, дает ему

возможность быть самокритичным, по достоинству оценивать свои произведения (хотя не у всех людей срабатывает самокритика). Сознание дает возможность дальнейшему росту творчества. Особенно сильно работает сознание при создании масштабных произведений, миниатюры можно создавать по наитию, но большие произведения всегда изначально продумываются.

Особенно плодотворна работа, когда художник находится в состоянии вдохновения. Это специфическое психологическое состояние ясности мысли, работы высокой интенсивности, богатого «выброса» ассоциаций в мозг и упорядочение жизненного опыта. Только вкупе это дает подъем творческой деятельности. «Вдохновение» может сработать только при условии, что идея «вынашивалась», как подсознанием, так и сознанием определенное количество времени, после этого происходит «озарение». Вопреки мнению некоторых представителей творческих профессий, наркотические вещества не дают желаемого эффекта «вдохновения», происходит полное «затуманивание» разума и торможение всей центральной нервной системы. Некоторые творческие люди, которые принимают наркотические вещества для поднятия своего творческого потенциала, описываю галлюцинации, которые с ними разговаривали и помогали творить. Это как раз и является «игрой» нашего мозга. Мозг конструирует только те образы, которые уже живут в нашем подсознании. Либо это был наш жизненный опыт, либо это была фантазия, но тем не менее, какое-то время мозг отчетливо хранил это в себе. И под действием психотропных препаратов происходит выброс этих образов, которые предстают перед человеком и начинают вести с ним диалог. На самом деле наркотики являются своего рода катализатором, они просто увеличивают скорость выброса идей и образов. Но после окончания действия препаратов начинается полное торможение, и чем чаще происходит принятие препарата, тем меньше мозг работает самостоятельно.

Наш мозг – это не только действующая сила, но и наш защитник. Мозг блокирует неприятные воспоминания, болезненные образы, человек может «вытащить» эти воспоминания, но при этом для повседневной нормальной жизни мозг не дает нам «увидеть» эти воспоминания [4, с. 19–20]. Знаменитая фраза «время лечит» несет идею о том, что, в принципе, лечит не время, а человеческий мозг. Мозг не стирает ни одно воспоминание, он просто прячет их в самом дальнем «углу».

Творческая деятельность является необходимым атрибутом человеческой деятельности. Творчество и определяет дальнейший прогресс человечества. Это высшая форма активности и самостоятельной дея-

тельности человека. Предварительным условием творческой деятельности выступает процесс познания, накопления знания о предметах, которые впоследствии могут измениться. В основе любого творческого процесса лежит принцип деятельности. Творческая деятельность – это самодеятельность, один из основополагающих процессов, формирующий личность. Творческая деятельность есть главный компонент культуры. Мы не говорим о культуре без творчества, так как оно есть дальнейшее развитие культуры (духовной и материальной). Творчество в качестве необходимого включает в себя вживание его субъекта в культуру, актуализацию некоторых результатов прошлой деятельности людей.

Доподлинно известно, что полное раскрытие способностей человека возможно лишь в общественно значимой деятельности. Но очень важно, чтобы осуществление этой деятельности детерминировалось не только извне (обществом), но и внутренней потребностью самой личности. Деятельность личности становится при этом самодеятельностью, а реализация ее способностей в данной деятельности тогда приобретет характер самореализации [5].

З.Фрейд был одним из первых, кто начал изучать феномен самореализации. Он считал, что самореализация – это «стремление к удовольствию», которое присуще человеку с рождения. Следующий, кто основательно изучал самореализацию, был Э. Фромм. Он связал ее с потребностью человека в идентификации и целостности. Человек всегда стремится выйти за пределы утилитарных запросов, хочет узнать не только то, что необходимо для выживания, но и стремится познать смысл жизни и сущность своего «Я». Самореализация – это психическое состояние, вечное и неизменное в своей основе. Социальные условия диктуют лишь способы ее удовлетворения.

Большинство современных зарубежных ученых, занимающихся вопросами творчества, признают, что в области проблемы критериев для определения творческой и нетворческой деятельности проделана большая работа, но до сих пор четких границ нет. Творчество, несомненно, проявляется при самостоятельном решении различных задач [6]. Вместе с тем, критерий общественной значимости в ряде случаев действительно имеет решающее значение.

Психолог С. В. Максимова рассматривает творчество как единство двух составляющих – неадаптивной и адаптивной активности. В результате неадаптивной активности спонтанно возникает поле видимых, но еще не реализованных возможностей, своего рода новые идеи, а при использовании адаптивной активности происходит достижение цели, воплощение идеи, выражение образа и создание творческого продукта.

Очень важно такое понятие, как творчество в общении. В зависимости от того, как мы говорим, какие эмоции мы проявляем, будет проявляться «творческая» реакция человека. Существует теория о том, что слово само по себе не несет ни негатива, ни позитива, эти значения вкладывает сам человек при использовании слов. В зависимости от ситуации и интонации мы воспринимаем по-разному то, что несет в себе данное слово. В психологии существует понятие «творческое общение». Творческими приемами и действиями в общении, могут являться любые неожиданные действия, вызывающие неожиданную реакцию и разрушающие все стереотипы.

Психоаналитическая теория творчества, пришла к выводу, что творческая деятельность – это рок, который не подвластен сознанию и воле человека. С позиции гештальтпсихологии, творчество – это «замыкание» в процессе мышления в единое целое разрозненных фактов, поведение во взаимодействии отдельных хранящихся в памяти фрагментов знания, что приводит к озарению. Такая трактовка, звучит, несомненно, более правдоподобно и логически яснее.

Творчество является производной реализацией индивидом уникальных потенций в определенной области [7]. Следует заметить, что не так важно, в чем именно проявляется творческий подход. Не все члены общества могут развить свой потенциал до гениальности, но как бы грубо это не звучало, это обществу и не нужно. Все зависит от уклада личности, от привычек и от жизненного пути. Если человек освоил творчество в полной мере, полностью раскрыл свой потенциал – значит, он вышел на уровень духовного развития. И ему стало доступно переживание моментов единения внутренних сил. И именно такие люди способны помочь раскрытию потенциала последующего поколения.

Библиографический список

1. Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб. : Питер, 2007. – 496 с.
2. Lila Razumnay. The gene genius: the great generals die cobblers. – 5 June, 2005. – URL : http://www.besttopnews.com/social/24-06-2005/2751-genious-0/.
3. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. – СПб. : Еврознак, 2003. – 384 с.
4. Гусова А. Д. Эти невероятные левши // Психология. – Пермь. 2007. – № 11.
5. Леутин В. П., Николаева Е. Н. Функциональная асимметрия головного мозга: мифы и действительность. – СПб. : Речь, 2005. – 368 с.
6. Stuart Wolpert, UCLA. In our digital world, are young people losing the ability to read emotions? // Psychology. – Los Angeles, 21 August 2014. – URL: http://www.universityofcalifornia.edu/news/are-young-people-losing-ability-read-emotions

7. Emily Nauman. What makes a happy parent? // Psychology. – Berkley, 19 august 2014. – URL : http://www.universityofcalifornia.edu/news/what-makes-happy-parent

ЗАРОЖДЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА

С. А. Шахгусейнова *Кандидат философских наук, доцент, Азербайджанский государственный университет культуры и искусства, г. Баку, Азербайджан*

Summary. The article considers the problem of the emergence of aesthetic ideas of primitive people in the territory of Azerbaijan. There are some examples on the materials of Azikh, Damjili, Taghlar and other caves, and rock carvings of Gobustan.

Keywords: aesthetic ideas; primitive people; Paleolithic Azerbaijan; Azikh cave; Gobustan.

Попытка первобытных людей понять явления природы, освоить законы окружающей среды приводит к расширению их представлений о мире. Со временем прежние примитивные потребности, постепенно приобретая иные формы, перерастают в более глубокие. Люди уже не ограничиваются добычей пищи и удовлетворением различных материальных потребностей, они начинают реализовать также зачатки зарождающихся духовных, в том числе эстетических потребностей.

Азербайджан, имеющий на своей территории очаги самых древних цивилизаций, вложил свой вклад в мировую культуру, созданную его обитателями на протяжении огромного периода, охватывающего более 1,5 млн. лет. Открытие Азыхской пещеры в 1960–м году, ввёл Азербайджан в число тех стран, которые на собственной территории имеют «свой Олдувай» (ущелье Олдувай, расположенное в Восточной Африке, на севере Танзании, где впервые были обнаружены остатки многослойных поселений эпохи палеолита, около 1,7–1,8 млн. лет назад. Это даёт учёным основание для вывода о том, что Африка – колыбель человечества). Азых – это 10–тислойная пещерная стоянка, последовательно представляет периоды древней истории, начиная с

нижнего палеолита. Последние, т. е. 7–10–е слои, как раз и приравниваются к «Олдувайской» галечной культуре, называясь Гуручайской культурой. «Вслед за... местонахождениями, ...обнаруженными в Африке, к числу самых древних памятников первобытных людей ряд исследователей относит также ...материалы из самых нижних (ранних) слоев пещеры Азых в Азербайджане. Одни исследователи считают, что Азыхскую пещеру первобытные люди начали заселять 1 млн. лет т. н., другие – 1,5 мла. лет т. н., а третьи ⁻ около 2 млн. лет т. н.» [2, с. 7].

Каменные изделия Азыхской пещеры – чопперы, чоппинги, примитивные скребла, гигантолиты (грубые орудия весом в 3–5 кг) и т. д., обнаруженные в этих слоях, ещё не представляя ни какой эстетической ценности, имели сугубо утилитарное назначение.

Возникновение ранних эстетических представлений людей учёные мира относят к периоду раннего Ашеля. 6–й слой Азыхской пещеры, относящийся к этому периоду, ещё раз подтверждает эту мысль. Обнаруженные тут разнообразные образцы материальной культуры – орудия труда и другие каменные изделия – обладая определённым ритмом и симметрией, дают повод предполагать о существовании примитивных эстетических навыков людей того времени, которые, создавая эти предметы, думали не только об их утилитарной, но и эстетической функции. Постепенно возникает необходимость создания не только нужных, но вместе с тем и красивых предметов. Уже в самом процессе труда начинает существовать эмоциональный момент, который в дальнейшем охватывает области искусства – ритмичные танцы, песни, рисунки и т. д.

5–й слой Азыхской пещеры, представляя период среднего Ашеля, богат не только орудиями труда, но и культурой, являющейся свидетелем духовного развития Азыхского человека (азыхантропа). Именно к этому периоду относятся первые постройки, примитивные религиозные представления, первобытное искусство. «В Азыхской пещере (Азербайджан) обнаружены достоверные следы – одни из самых ранних на территории СССР, а возможно, и во всей Евразии – культа пещерного и бурого медведей (а также оленя). Их раскопали в среднеашельском слое, относящемся к культуре архантропов» [5, с. 115–149.] Череп медведя – это и есть доказательство религиозных представлений людей того времени. «Организация костных медвежьих комплексов, впервые появившихся в ашельскую эпоху (Азых, Кударо I), является одним из вариантов выражения особого отношения человека к зверю, в данном случае – медведю" [3, с. 7]. Некоторые же исследователи, в том числе проф. Столяр, счита-

ют, что штрихи начертанные на этих черепах – это «первые представления людей об искусстве» [1, с. 258], т. е. своего рода реализация каких-то, хоть и примитивных эстетических представлений людей того времени, современников азыхантропа (фрагмент нижней челюсти которого был найден в 1968 г., возраст 350–400 тыс. лет). «Нарезки на медвежьем черепе, говорившие о чувстве ритма, – несомненно, также один из примеров изобразительной деятельности азыхского человека, свидетельствующий о появлении не только первых счетных операций у человека эпохи нижнего палеолита, но и о зачатках искусства... уже в нижнем палеолите происходило вызревание художественного творчества» [4, с. 21].

Стоянки среднекаменного периода (Мустье) в Азербайджане были найдены ещё раньше, чем нижний палеолит. Это пещеры Дамджылы (в 1953–м году) и Дашсалахлы (1958 г.) в Газахском, Таглар и 3–й слой Азыхской пещеры (1960) в Физулинском, Газма (1983) в Шарурском, Бузеир (1885) в Лерикском районах Азербайджана. Именно в этом периоде отмечается познание человеком понятия цвета и его оттенков, цветовых соотношений, когда раньше его мозг не был способен осознать их сущность. В Дамджылы, например, были обнаружены куски охры, предметы, крашенные красным цветом, который вызывал сильные эмоции. В пещере Таглар найдены заготовки для изготовлений орудий из разноцветных камней красного, чёрного, коричневого, серого, белого цветов и их различных оттенков. «Познав великую эмоциональную силу краски и ее оттенков, человек не только собирает разноцветные камни, не имевшие утилитарного значения, но и изготовляет свои орудия труда из различных пород разноцветных камней» [4, с. 24]. Эти факты свидетельствуют о наличии чувства красоты, колорита, представлений об элементах искусства мустьерцев древнего Азербайджана.

В период верхнего палеолита также наблюдаются эстетические моменты в деятельности людей. Формируется желание видеть и творить красоту. Процесс изготовления орудий труда сопровождается выбором материала и формы, реализуются эстетические потребности людей. В качестве материала наряду с грубыми камнями также используются кости, которые, в отличие от них, являются гладкими, блестящими и нежными, что и придаёт красоту орудию. Появляются также орудия с рукоятками, которые хоть и имели в основном утилитарную функцию, но одновременно служили украшением для него. Итак, формируются эстетическое отношение людей к действительности, которые в своей деятельности имеют возможность реализовать эстетические потребности, создавать зачатки искусства. Во времена

матриархата всё больше встречаются силуэты женских изображений, статуэтки. Пещерные и наскальные поверхности украшались цветными изображениями зверей. Также изготовляются предметы украшения, в т. ч. бусы, и т. д.

Яркий пример наскальных изображений – это всемирно известный Гобустан – музей под открытым небом, своеобразная картинная галерея, которая славится многочисленными изображениями мужчин, женщин, зверей, фауны, лодок и т. д. Эти изображения, конечно, далеко не художественные произведения, но они достаточно точно отражают эстетические представления того времени.

Итак, первобытные люди со временем научились не только удовлетворять свои материальные потребности, постепенно приобретая эстетические представления, но также начали их реализовать, изготавливая предметы, как для утилитарного, так и эстетического применения.

Библиографический список

1. Археология Азербайджана / под ред. док. истор. н. Маисы Рагимовой /на азерб. яз. – Баку, 2008. – Т. 1.
2. Археология и этнология Северного Кавказа / редакторы : Багажников Б. Х., Фоменко В. А. : сборник науч. трудов. – Вып.1. – Нальчик, 2012.
3. Житенёв В. С. Культ медведя в палеолите Европы : автореф. дисс. … канд. истор. наук.
4. История Азербайджана с древнейших времен до начала XX в. / под ред.чл. корр. АН Азербайджана Играра Алиева. – Баку, 1995.
5. Косарев В. Д. Зверь и женщина: образы палеолита и традиционные религиозные верования / Краеведческий бюллетень. – № 4. – Южно-Сахалинск, 2004.

XII. TOLERANCE AS MORAL IMPERATIVE

PLACE OF FACTORS OF TOLERANCE AND MARKET RELATIONS IN FORMING CIVIL SOCIETY

M. S. Aminova *Teacher,*
L. U. Salaeva *student,*
Urgench State University named after Al-Khorezm,
Urgench, Khorezm, Uzbekistan

Summary. This article discusses conceptions that form ideas of tolerance and provision of unity in society in the processes of market relations.

Keywords: Title nation; justice; dignity; conscience; helping someone; tolerance; togetherness; market relations; neglect.

As it's known that all reforms in our country focused on people's needs and benefits, their realization depends on current socio-economic and degree of spiritual-educational efforts, vitality of reforms and their positive results. It's important to take into consideration that market relations are not about injustice, unscrupulousness, miserliness but if they are performed in the frame of such notions as justice, integrity, conscience, helping someone, tolerance as a result of it abundance, development, equality, solidarity come into existence.

As our President emphasizes that "from today's point of view its natural to give an evaluation objectively to our efforts concerning long term strategic objectives which we set forth, that's to say joining modern democratic countries, ensuring steady growth of our economy, improvement of life style, finding its deserving place in world society" in his "conception of development of civil society and even deepening the democratic reforms in our country" [1, p. 3].

In the process of forming market relations it will be important to take advantage of opportunities effectively which are necessary for fully understanding its essence and problems among social spectrums. If the level of understanding principles of development of market relations among social spectrums is the same as its development, togetherness will continue to develop in the society.

That's why finding out opportunities to preserve solidarity remains as an actual objective that scientists set forth. For instance, English sociolo-

gist indicates the followings about providing togetherness in society in this kind of condition:

1. In order for society to exist it's necessary to have minimal solidarity among its members. Function of social events is to create, maintain, and serve togetherness, solidarity among social groups.

2. It's necessary to keep compliance and solidarity at the minimal level in mutual relations among elements of society.

3. Any type of society shows different looks and compound aspects of human activity, keeps their compliance [2, p. 21].

But their realization in many ways mainly depends on such factors as countries' resources, present facilities, peculiarity of population which has been shaped for centuries, resources and location of population, polyethnic condition, and peculiarities of development of relations among them rather than desire.

If there is a balance among those factors, it will be possible to limit probability of conflicts and prevent acute stratification in society. But no matter how balanced they are, there always be conflicts in different directions as a result of market relations fortifying aspiration for gaining more financial wealth at any cost in minds of people.

Spirit of rich and poor, "we" and "they" is formed in minds of title nation who live in the country, eventually it brings to conflicts, firstly to hidden ones, if there is no prevention then to obvious ones. At the present time gathering huge amounts of financial wealth in the hands of non-title members of nation can also influence this process.

That is in mind of poor part of title nation there is a sense of "hatred" to some extent, even if it's a hidden one. Thus, there will be necessity to solve not only economic problems, but also to prevent negative views of poor part of title nation towards members of foreign nations having large amount of money in condition of forming market relations.

In order to avert this kind of negative condition forming spirit of tolerance in the poor towards their countrymen who are acquiring wealth with their hard work and developing feelings of support, mercy, love in minds of the rich give expected results.

As our President stated, "… Many times history proved that disregarding spiritual world of a person, putting him to the second place eventually brings to inevitable crises in the society" [3, p. 67].

So, being able to develop feelings of tolerance gives an opportunity to solve the problems which are arisen in the condition of market relations step by step and achieve steady growth in the country.

Bibliography

1. Karimov I. Conception of deepening democratic reforms in our country and developing civil society. – Toshkent : Uzbekistan, 2010.
2. Structural – functional approach. – M. : Science, 1987.
3. Karimov I. High spirituality- invincible power. – Toshkent : Spirituality, 2008.

PROCESSES OF TOLERANCE IN UZBEKISTAN AND ITS PHILOSOPHICAL FACTORS

M. S. Khadjieva *Doctor of Philosophical Sciences, Urgench State University named after Al-Khorezm, Urgench, Khorezm, Uzbekistan*

Summary. The problems of development of tolerance in Uzbekistan are researched in this article. Author pays main attention to the historical roots of formation of tolerant relations in social and cultural life.

Keywords: tolerance; native; economic; political; international; nations.

The solution of problems, arising in tolerance development, introduction of the received results in practice are considered as one of actual problems today. In the conditions of terrorism and extremism strengthening, necessity of studying of tolerance and its possibilities for struggling against reactionary forces are put forward. From this point of view, at the reference to historical roots of tolerance, it is obvious that it had positive influence on cultural and economic interrelations of the various nations. In the process of cultural and historical development of world nations, along with creation of various spiritual and material assets, original bases of a civilization have been developed. This sort of civilization has been connected with the features of a geographical settlement. In the given process an environment, social and economic conditions, aspects of housekeeping were taken into consideration, etc. The civilization located in the centre of Central Asia, possessed original possibilities of the influence. Its environment very much approached for a settlement of ancient people and their life style. Step-by-step, Central Asia turned to the original centre of cultural and spiritual traditions, interferences of customs and values.

Tolerance is formed at cooperation of the people and national army, in accordance with their sights and beliefs.

To explain the concept of tolerance it is necessary to pay attention to its concrete value following from a context. In the «Public dictionary» published in Russia value of tolerance reveals as follows:

a) the loyal relation to vital way, behavior, customs, feelings, sights, ideas, belief of the alien person;

b) the tolerant relation to the events resulting as an inattention to undesirable factors;

c) the tolerant relation to influence of undesirable, unacceptable emotional factors.

Recently variety of the actions directed to formation at young generation of the sincere attitude to the rich history of a native land, sacred religion of our ancestors on strengthening of ideological immunity of youth by means of influence on them of various ways, methods, means and factors is spent in Uzbekistan.

In this process the great value is got in a life of people, the people and a society by the ideological direction chosen by them, national ideology. Any ideology is capable to appear in the form of original force characterizing tolerance by the aspects which are mentioned below:

- Ability to carry away certain idea;
- Ability to unite;
- Mobilization;
- Spiritual stimulation;
- Ideological and political education;
- Presence of the program of action;
- Formation of ideological and political immunity.

If all listed above finds its reflex in life practice of the people of the nation positive tolerance is formed, otherwise negative tolerance is developed. According to the nature of tolerance, that represents a spiritual duty, political and legal necessity call for the valid relation, understanding of various aspects display of cultures of the different people and human individuality. This represents high level of culture and morals, mutual understanding, the relation generated on the basis of recognition of the universal rights and the basic personal freedoms. There are many examples of such kind of tolerant relation. It doesn't mean the tolerant relation to social injustices or renunciation of own belief to please to alien belief. It mostly testifies that tolerance welcomes freedom of beliefs, recognizing this right for all people, and does not suppose the violent reference of the person in alien belief. Tolerance is a comprehension of the distinction, alien advantages and features as the integral, important part of a single whole. In other words, people with various

belief and sights on a basis consciousness of life integrity should come to the conciliatory proposal. It shows that the national consciousness turns to national tolerance. For this purpose it is necessary to be patient, constrained, and tolerant as intolerance means the scornful relation to the truth of a public life. Proceeding from the concept of the system approach to the validity, features of social and political display of tolerance can be classified as follows. This point was mentioned in several researches before us where the following forms of tolerance have been offered [3].

- International tolerance;
- Interstate tolerance;
- Political tolerance;
- Tolerance of values;
- Religious tolerance
- Territorial tolerance;
- Collective tolerance.

Many researchers [5] give the core attention to a tolerance problem, especially expression of forms of tolerance. First of all, we have addressed to definition of their essence. International tolerance represents features of mutual relations. Here there is in view of, first, interference of the nations on public relations, and on the other hand, an influence of the given relations on prosperity of each state. Speaking in another way, at the heart of social aspect in international relations and still much strengthening of national independence in social development mutual integration of the nations, change of sights lies, and it gets great value in transformation of social reforms, public relations. Besides the Uzbek nation, representatives of other nationalities also possess the public status in business of strengthening of independence of the native land. International tolerance in the view of integration into public structure of representatives of each nation, on the basis of values and the advanced views of the Uzbek nation, deduces on the foreground such tolerant properties, as own cultural wealth, customs.

In the conclusion it is necessary to notice that in the process of harmonization various tolerance merits, despite a variety of culture, customs and values on the basis of reflex in a spiritual life of the Uzbek people of national originality and universal values education of the valid relation to them is carried out. According to this idea, tolerance in our national consciousness develops on a basis: a) the spiritual; b) the religious; c) the economic; d) the political; e) the territorial; f) objective living conditions of the people, and then gets the concrete directions promoting business of prosperity of the native land. At more complex approach to tolerance system it is possible to assert

with the big basis that it represents an original spiritual treasury of such advantages of the Uzbek people, as tolerance of the Native land; the valid relation to traditions and customs of other people; cooperation on a basis equal in rights with representatives of other nationalities; honesty, justice, mercy, reasonable firmness of judgments, honoring of seniors; a conscientious attitude to public opinion; good neighborhood and related communications; national values, traditions and customs; a unification and the consent; interstate, international and international relations; the valid relation to the state legal certificates and symbolic; kindness and nobleness.

Bibliography

1. Emir Temur's Code. – Tashkent, 1999.
2. Abdul Makhmud az-Zamakhshari, Subtle statements. – Tashkent, 1997.
3. Karimova E. Peculiarities of Uzbek tolerance. – Tashkent, 2006.
4. Kadirova Z. R., Sharipov A., Public activity of youth and social political problems of development of tolerance. – Tashkent, 2006.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

У. Р. Кушаев *Кандидат философских наук, докторант, Ташкентского исламского университета, г. Ташкент, Узбекистан,*

И. Г. Дорошина *кандидат психологических наук, доцент, генеральный директор Научно-издательского центра «Социосфера», г. Пенза, Россия*

Summary. The article analyzes an interaction as a condition of the physical and spiritual life of the world, an important factor of stability of social interrelations as well. It has separately been disclosed such areas of cooperation as mutual understanding, mutual respect and reciprocity. The theoretical propositions on the reflection in the life of the interaction of various cultural systems are set forth in it. In conclusion it was given the findings of the role and importance of interaction in the formation and development of social tolerance.

Keywords: interaction; correlation; mutual understanding; mutual respect; reciprocity; cultural interaction; social tolerance.

Взаимодействие является неотъемлемой частью не только жизни общества, но и природы. Оно как показатель и признак движения обеспечивает жизнедеятельность людей, социальных институтов, событий, вещей, предметов и тел. Взаимодействие изучается в ряде социогуманитарных, технических и естественных наук: в философии – категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого; в социологии – взаимное влияние друг на друга социальных объектов (социальных институтов, групп, слоев и т.д.); в психологии – это процесс непосредственного или опосредованного воздействия социальных объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь.

Наряду с индивидами структура общества включает в себя и комплекс связей и отношений, которые они выстраивают. В свою очередь, эти связи и отношения представляют собой взаимные влияния друг на друга. Кроме этого, взаимодействие объясняется как общие усилия субъектов, направленные на реализацию совместной деятельности.

Взаимодействие нужно рассматривать как процесс обоюдного влияния субъектов общения друг на друга, при котором поступки одного выступают причиной поступков другого, но и в то же время, следствием ответной реакции, обозначая, таким образом, их взаимную обусловленность. Противоречия, порожденные взаимодействием, становятся толчком дальнейшего развития отношений.

Одним из последствий взаимодействия выступает взаимосвязь, которая, в свою очередь, подтверждает тот факт, что все вещи, события и явления находятся во множественных связях между собой, что приводят к изменениям духовного и материального мира. Данный процесс обусловлен объективными и субъективными факторами и охватывает процесс взаимоотношений, взаимовлияний и воздействий.

Следует отметить, что взаимосвязь является главным условием становления и проявления социальной толерантности. Согласно данному принципу все социальные общности и все сферы деятельности находятся во взаимосвязи, от характера которой зависит развитие терпимых, уважительных, близких отношений между социальными субъектами. Она имеет всеобщий бесконечный и непрерывный характер и представляет собой объективный динамичный процесс, в котором субъективные факторы играют огромную роль. Для обогащения толерантного смысла взаимосвязей на разных уровнях необходимы созидательные, добрые усилия отдельно взятых людей, групп и т.п. социальных сил.

В свою очередь, взаимосвязь характеризует взаимоотношения, обозначающие родственные, дружеские, любовные, соседские, профессиональные или иные связи между личностями, социальными группами и институтами, основанные на взаимных чувствах и общей деятельности. Взаимоотношения непосредственно подчеркивают процесс общения, что «означает необходимость понимать и чувствовать другого таким, каков он есть, умение ставить себя на место другого. Чтобы понять другого, нужно проникнуться его ценностями, пропитаться его значимостями, то есть вжиться в его мир. Вне общения человеческое общество немыслимо. Общение – это сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека» [3].

В психологии различают первичный и вторичный виды взаимоотношений. При первичных на первый план выходят наличие эмоциональной привязанности, глубокое восприятие личности партнера, а также

крепкая духовная связь между субъектами. Вторичные взаимоотношения акцентируют внимание на исполнении социальных функций и подразумевают возможности замены партнера без душевных потрясений.

В контексте толерантности первичные взаимоотношения имеют важное значение потому, что они отражают устойчивые, крепкие и положительные связи между людьми, являются важным звеном проявления механизмов терпимости, например, родительско-детские отношения, близкие родственные, давние дружеские связи, отношения между мужчиной и женщиной, основанные на любви и т. п.

Во вторичных взаимоотношениях тоже находят свое отражение социальные связи, но они носят более формализованный и неустойчивый характер, поэтому влияние вторичных на укрепления социальной толерантности относительно ниже, чем у первичных. В качестве таких можно перечислить отношения человека с представителями сервиса, образовательных, медицинских и культурных учреждений, с государственными, негосударственными и некоммерческими структурами, связи социальных групп и институтов с другими подобными инстанциями и т.д.

Л. С. Рубинштейн писал: «Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, её сердцевину. «Сердце» человека всё соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать» [4].

Взаимоотношения более плодотворны, когда они сопровождаются взаимопониманием субъектов, так как, проявляясь универсальным компонентом системы социальной толерантности, означает чувство взаимности, основанное на познание смыслов и причин поведения участников взаимоотношений. Оно подразумевает адекватные реакции на конкретные поступки партнера и готовность к осознанию ситуации, характеризуется открытостью и проявлением великодушных качеств.

По мнению психологов, взаимопонимание как сложное явление представляет собой совокупность как минимум четырех элементов: 1) согласование отдельных точек зрения на объект понимания – природного явления, социального события, обсуждаемой темы и т. п.; 2) понимание самого себя; 3) понимание целей, мыслей, личностных черт и ценностно-смысловой позиции партнера по общению; 4) социально-рефлексивный компонент взаимопонимания: представления субъекта о том, как партнер по общению понимает его [1].

Взаимопонимание является глубоким социально-психологическим феноменом, без которого невозможно представить стабильные,

равномерные социальные связи. Бытие человека представляет собой совокупность интеллекта и души, поэтому понимание со стороны, извне является для него важной потребностью. У человека, лишенного понимания окружающих в жизненно важных вопросах, возникает состояние психической подавленности, отчужденности, снижаются коммуникативные возможности, даже, несмотря на наличие у него высоких человеческих и профессиональных качеств. Иначе говоря, отсутствие понимания отдаляет человека от других.

Взаимопонимание – важный фактор формирования между людьми социальной солидарности, которая, в свою очередь, специалистами рассматривается как сплоченность, согласованность и как универсальный принцип социальной жизни, имеющий характер всеобщности и проявляющий себя в любой точке пространственно-временного континуума. По их мнению, если социум – это организм, то есть единая целостная система, то реализация данного принципа в общественной жизни является условием стабильного функционирования социума [2].

Важным моментом в понимании других является понимание, прежде всего себя. Еще древнегреческий философ Сократ призывал: «Познай самого себя». Человек только посредством познания своих индивидуальных личностных качеств, состояний, чувств может постичь другого, взаимодействовать с ним на основе понимания, доверия и согласия. Понимающий человек с удовольствием воспринимает других людей, выражает готовность осознать их эмоциональное состояние, потому что он тоже испытывает или когда-то испытывал такие же переживания.

Достижение полного взаимопонимания во всем невозможно. У людей могут быть схожие взгляды по тем или иным вопросам, при этом состояния взаимопонимания между ними может и не быть. Важным фактором достижения взаимопонимания является осознанный, активный образ жизни. Именно глубокая социализация, высокая мобильность людей служат прочной основой его формирования.

Взаимодействие, взаимоотношения и взаимопонимание воплощаются в реальность посредством такого необходимого чувства, как взаимность. Как характеристика толерантности, она означает общую, обоюдную связь между участниками общения, как правило, трактуется как достойный ответ на те или иные действия партнеров. Взаимность подразумевает не простую связь, а обусловленность сторон ответными поступками.

Когда говорят о взаимности, имеют в виду, наличие ответных чувств симпатии, любви, доверия. Здесь уместно вспомнить следую-

щие строки французского писателя Андре Моруа: «Ничто не имеет для нас цены, если этого нельзя разделить с тем, кто любит нас, любит от всего сердца; однако и эта любовь принесёт нам мало радости, если мы не отвечаем на неё взаимностью».

Но взаимными могут выступать и негативные чувства, например, взаимное нерасположение, ненависть и т.п. Так что взаимность, хотя и является положительным понятием, не всегда отражает добрые ответные шаги. Тем не менее, она должна рассматриваться как категория философии толерантности, потому что благодаря обоюдным уважительным, солидарным и терпимым отношениям укрепляются основы толерантности в обществе.

Важным этапом формирования и развития созидательных взаимоотношений выступает состояние взаимоуважения как яркое проявление социальной толерантности, признак стабильных, морально-нравственных взаимоотношений, показатель уровня человечности и гуманности. Взаимоуважение – толерантный феномен и, несомненно, способствует развитию других таких качеств терпимости, как справедливость, равенство, внимание, согласие, доверие и т.п. Оно имеет общечеловеческий смысл и является одной из высших духовных ценностей. Немецкий философ И. Кант рассматривал уважение как основную норму человеческих отношений и считал, что только на основе уважения может появиться взаимопонимание. На самом деле, уважение – это необходимый моральный долг и верная нравственная позиция человека перед другими.

Взаимоуважение – результат воспитания. Склонности к уважению, пониманию близких и других людей с ранних лет присутствуют у всех, но достойное уважительное отношение к окружающим достигается посредством непрерывного систематического воспитательного процесса и этому способствует окружающая социальная среда.

Как говорил французский философ Рене Декарт: «Уважение других дает повод к уважению самого себя». С этой точки зрения, взаимоуважение возвышает человека, дает импульс к новым добрым, созидательным действиям и поступкам, расширяет горизонты социальной толерантности.

Взаимодействие в жизни общества особенно ярко проявляет свое значение между различными культурами. Выступая как форма прямых отношений и связей, сопровождающаяся влияниями и взаимными изменениями между двумя и более культурами, взаимодействие культур приводит к таким последствиям, как частичное или полное преобразование культурных явлений, переход на новый качественный

уровень некоторых ценностей той и другой культуры, возникновение новых форм культурной деятельности, изменение жизненных ориентиров и элементов системы быта и т.д.

Различаются этнический, национальный и цивилизационный уровни культурного взаимодействия. Этнический уровень наблюдается в системе взаимоотношений этносов, этнографических и этноконфессиональных групп, этнонациональных общностей и др. Такое взаимодействие на национальном уровне характеризуется превалированием политических составляющих и их регулятивными функциями. Спонтанным свойством отличается цивилизационный уровень, но специфика этого уровня заключается в значительной результативности в области обмена материальными и духовными ценностями.

Разумеется, взаимодействие культур детерминировано пространством и временем. Например, взаимовлияние и взаимопроникновение культурных элементов разных структур в Средние века сильно отличались от подобных процесса в настоящее время. Кроме этого, различается и способность к взаимообогащению и взаимодополнению культурных систем разного социокультурного пространства.

Существующие в каждой культуре защитные механизмы направлены на предотвращение чересчур активных инокультурных влияний и на поддержание стабильного уровня культурной идентичности социальной группы.

Взаимодействие культур – объективный процесс, но в нем субъективные факторы имеют огромное значение. Его объективный характер не всегда может способствовать развитию признания, взаимоуважения и взаимопонимания между разными культурными системами, потому что этот процесс нередко сопровождается и войнами, конфликтами и разного рода сложностями между ними. Иначе говоря, даже при условии нетерпимости культуры взаимодействуют между собой. Но благодаря усилиям субъектов взаимоотношения между культурами вполне могут развиваться на основе принципов терпимости и толерантности.

Взаимодействие культур является главным условием обогащения и расцвета любой культурной системы. В период глобализации интенсивность этого процесса непрерывно растет и это, несомненно, влияет на динамику развития межкультурной толерантности. Информатизация общества, интенсификация социальных связей и сильное продвижение вперед коммуникационной сферы приводят к появлению новых направлений и векторов, которые придают часто непредсказуемый характер этому процессу.

Взаимодействие культур – это одновременно и процесс взаимодействия элементов толерантности, благодаря которому у представителей различных культур развиваются такие качества, как взаимопонимание, взаимоуважение, терпимость, согласие, сочувствие, дружелюбие и т. д. С этой точки зрения, способствование укреплению непосредственных и опосредованных связей между разными культурами является важным условием развития культуры толерантности.

Выше изложенные рассуждения о сути и формах проявления взаимодействия дают возможность изложить следующие выводы:

Во-первых, взаимодействие не всегда носит положительный, созидательный характер в системе социальных взаимоотношений. Тем не менее, оно является основным условием развития социальной толерантности. Например, взаимные усилия по укреплению межрелигиозной терпимости разных конфессий в одном государстве являются залогом развития духа взаимопонимания; совместные устремления по возрождению забытых этнических традиций и обычаев служат углублению чувств национального самосознания.

Во-вторых, как более совершенная форма социального взаимодействия взаимоотношения могут основываться как на принципах толерантности, так и нетерпимости. Для того чтобы они на всех уровнях социальной структуры имели толерантный смысл, необходимо способствовать развитию у субъектов взаимоотношений гуманистических качеств, добрых и созидательных чувств.

В-третьих, взаимопонимание имеет более универсальный характер по отношению к другим толерантным качествам и необходимо во всех формах и уровнях системы социального взаимодействия. К примеру, без любовных, дружественных, близких соседских чувств сосуществование людей возможно, но без взаимопонимания сложно представить целенаправленные упорядоченные социальные связи. Даже наличие любви, дружбы и других высоких чувств между людьми обязательно требует взаимопонимания для их полной реализации.

Таким образом, взаимодействие как главное условие полноценной жизни социальных субъектов способствует развитию таких феноменов социальной толерантности, как согласие, солидарность, доверие, уважение, искренность, открытость, прощение, благодарность и благородство.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М. : Наука, 1994.
2. Антипов М. А. Традиции взаимопомощи как аспект общественных отношений древних славян // Этногенез и ранняя история народов

Евразии: материалы международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2010 года. – Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – 167 с. – С. 85–89.
3. Ефимова Д. В., Белолипецкий В. В. Диалогическое взаимодействие в педагогической среде как показатель профессиональной компетентности педагога // Социосфера. – № 1. – 2010. – С. 51–56.
4. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. – Москва [и др.] : Питер, 2012.
5. Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений : курс лекций. – М. : Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с.

CONCEPTION OF "MUROSA" AND ITS PLACE IN DEVELOPMENT OF HUMAN AND SOCIETY

I. D. Madaminov *Teacher,*
Urgench State University named after Al-Khorezm,
Urgench, Khorezm, Uzbekistan

Summary. This article is about principle of trade-off and its philosophical analysis and also place and role of principle of trade-off in society and human development.

Keywords: compromise; consensus; social partnership; oneness; agreement; contract; murosa.

Different social events are usually formed, maintained, enhanced in dynamics of civilization and also in certain stages they disappeared because of absence of necessity and need. But there are certain types of events that are formed when humankind appeared and they will exist in present and future.

Without them it's difficult to perform any practical actions, activities in relationship of human with nature, mutual relations, relations among countries, in different partnerships with people. "Murosa" is also included in this type of events. Each social event may take place in particular place and time and at the same time can be positive and negative, abstract, good and bad, useful and useless. For that reason when evaluating each social event on the basis of particular place and time, it allows to make correct, scientific, objective conclusion only if it takes into account each social layer, government, nation [1].

In scientific literature, in mutual communications of books, towards social processes the term “murosa” is applied instead of words such as agreement and disagreement and also its meaning is narrowed. This situation also can be seen in dictionaries.

In “Dictionary of social terms” which is published in 1973 “compromise” is translated as “murosa”. In this, it’s also necessary to pay separate attention to important aspect of problem. That is, west showed how reach English language is and puts the term “murosa” into “compromise”.

In fact in accordance with meaning and point “murosa” is considered more meaningful than compromise and from logic’s point of view “compromise” goes into “murosa”.

In English and Russian text of “Lecture of Uzbekistan’s a thousand year aims” published by representative office of United Nations in Uzbekistan the term “consensus” translated into Uzbek as “murosa”.

The term “consensus” is not included in “Russian-Uzbek dictionary” (state publishing of foreign and national dictionaries) which has 50000 words and published in 1954. In “Law encyclopedia of Uzbekistan” the term “consensus” (the term “murosa” is not given) is defined as followed: consent, agreement, common idea, understanding, a balance achieved between two desirable but incompatible features, method of making decision based on common agreement in international law [2].

Different types of versions exist regarding emergence of term “murasa” For example, in “Explanatory dictionary of main concepts of spirituality”: “Murosa” (comes from Arab. satisfaction of one from another, mutual agreement) - is shown as a trade-off, concept that expresses ability of person to come to an agreement when there is a conflict, to solve the problem in peaceful way [3]. In this idea its shown that “murosa” comes from Arab language. In our opinion its questionable, because this term has existed in Uzbek (Turk) language for a long time.

In the above sources we can see that the meaning of the term “murosa” in Uzbek is really narrowed. In the book of “Theoretical foundations of philosophy of history” paragraph of “Culture of social trade-off” is put forward, and terms such as “social trade-off – balance conception”, “trade-off balance”, “conception of social trade-off”, “cultural trade-off” are tried to be explained. But even in these, essence of “murosa” explained in a very simple way in the frame of meaning of consensus, social partnership, and contract.

The term “murosa” in terms of meaning and essence is more meaningful, complex, widely encompassing and at the present time in terms of requirement of subject of logics puts them into itself compared with words

such as “compromise”, “consensus”, “social partnership”, “oneness”, “agreement”, “contract”.

Based on the above, the term “murosa” regarding any social event that expresses universe, nature, society, different aspects, fields, directions of human activity in one form or another means generalization and also means that it came into existence in terms of its genesis.

Perhaps, processes (whether in nature, or society) that happen too quickly and suddenly are strange to “murosa”. About this peculiarity of “murosa” I. Karimov stated the following opinion: “in solving all living problems whether it’s a big one or small firmness and reasonableness are peculiarities of our books.

This is the experience of oasis and deserts, method of working out cultural world of Asia, Islam philosophy, multinational society and revolutions brought to it from outside. All of them allow first of all carefully treat what’s gained before when facing books, novelty. … its impossible to approach the market taking into account “hundred” or “five hundred” days. At this point it’s important to note life style of the East, spirit, philosophy, and its great Islam religion!” [4].

Bibliography

1. Explanatory dictionary of main concepts of spirituality. – T. : G. Gulyam, 2009, – P. 422.
2. Karimov I. A. I’m sure that future of Uzbekistan is great // Uzbekistan : T. : Uzbekistan, 1996. – P. 156.
3. Law encyclopedia of Uzbekistan. – T. : Justice, 2009. – P. 251.
4. Xaitov Sh. Trade-off and international non-government organizations // Human rights and humanitarian right: philosophical and legal issues. – T. : Philosophy and law, 2009. – P. 54–58.

УЗБЕКИСТАН – СТРАНА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Н. Х. Хайдарова

Студентка,
Ташкентский исламский университет,
г. Ташкент, Узбекистан

Summary. The article reveals the features of ethnic and religious tolerance in Uzbekistan. Highlight the historical and philosophical background of a culture of tolerance of the Uzbek people. Demonstration analyzed the results achieved in the years of independence to promote tolerance in different areas.

Keywords: Interethnic tolerance; religious tolerance; the Great Silk Road; freedom of conscience; confession; the culture of peace.

Узбекистан – необыкновенный край, с богатейшей историей, которая складывается на протяжении многих тысячелетий и корни которой уходят в далекое прошлое. Великий шелковый путь, который пролегал через крупные города, как Ташкент, Самарканд, Термез, Бухара, Хива, имел важное значение в формировании культуры толерантности. Многочисленные караваны, перевозившие разные материальные ценности, также оказывали огромное влияние на обогащение духовной культуры, языка, обычаев, традиций узбекского народа. Атмосфера доверия и уважения, уже зародившаяся в далеком прошлом, способствовала проявлению гуманности и толерантности.

На протяжении многих веков на территории Узбекистана, в мире, согласии и взаимоуважении, проживают представители разных вероисповеданий, наций, этносов. Поэтому Узбекистан называют страной межнациональной и религиозной толерантности.

Толерантность – это проявление уважения, терпения, принятие и понимание иного вероисповедания, традиций, обычай, праздников и жизненного уклада. Взаимопонимание и уважение друг друга, умение человека проявлять любовь и милосердие – это залог мира и спокойствия, процветания, стабильности и благополучия страны.

В эпоху глобализации и век Интернета мы должны ясно осознавать и отрицательное влияние различных факторов, которые несут ущерб духовному развитию человечества. Информационная война, недостоверный или искаженный поток информации, распространение негативных элементов массовой культуры и т. п., все эти явления

должны рассматриваться как опасная угроза к духовности человека и общества. Война, в какой бы форме она не проявлялась, это всегда страшное бедствие для человечества. Поэтому основным долгом каждого из нас является способствование предотвращению войны, развитию культуры, мира и спокойствия.

Люди разного вероисповедания, иной культуры, других традиций и обычаев, проживающие в одной стране, в одном городе, в одном поселке, и даже в одном доме должны уважать, правильно воспринимать друг друга, проявлять заботу и содействие по отношению друг к другу. В этом плане народ Узбекистана всегда отличался своей высокой толерантностью, великодушием, добротой и гостеприимностью.

Представители различных национальностей и вероисповеданий на протяжении многих веков живут, как одна большая семья, в мире и спокойствии. С уверенностью можно сказать, что на территории Узбекистана никогда не проявлялись угнетение или преследование людей по религиозному, национальному или этническому признаку.

Толерантность является одним из демократических принципов, предполагающим проявление великодушия и терпимости к образу жизни, поведению, чувствам, мнению, идеям и верованиям людей различных этнических групп. Права граждан выше, чем права государства и нации, что и является основой национальной политики страны.

После обретения независимости в 1991 году, наряду с реализацией политических, экономических и социальных реформ, большое внимание в нашей стране уделяется вопросам свободы совести и вероисповедания. Так, Статья 3 Конституции Республики Узбекистан определяет, что свобода совести – это гарантированное конституционное право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Статья 8 Конституции Республики Узбекистан гласит: «Народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности». А в Статье 31 предусмотрено, что «…свобода совести гарантируется для всех». В Статье 61 говорится о том, что все религиозные организации и граждане, независимо от своей принадлежности к той или иной конфессии, равны перед законом и государство не вмешивается в деятельность религиозных объединений [2].

По поводу развития культуры толерантности в условиях светского общества примечательно мнение У. Р. Кушаева. В частности, ученый пишет: «Стремление верующего человека к выполнению в совершенстве своих религиозных действий означает в нем сформированность религиозной культуры. Одновременно уважительное, толерантное отношение к

религиозным чувствам других сосуществующих с ним конфессий – это яркий признак высокой религиозной культуры человека. В наше время актуальность толерантности, в том числе, религиозной толерантности, не вызывает сомнения ни у одного здравомыслящего человека. Несмотря на это, толерантность вовсе не означает терпеливое, уважительное отношение ко всяким религиозным действиям. Культура толерантности проявляется, прежде всего, по отношению к признанным законом религиозным организациям. Наоборот, всякая незаконная религиозная деятельность заслуживает только непримиримого отношения" [3, с. 30].

Одной из основных гарантий обеспечения межрелигиозного и межнационального согласия в стране является деятельность религиозных организаций. К концу 2012 года в Узбекистане официально зарегистрировано 2223 религиозных организаций, представляющих 16 конфессий.

Наряду с мечетями, в Узбекистане имеются церкви, синагоги, монастыри, которые свободно осуществляют свою деятельность. В стране действуют специальные учебные заведения (медресе), где молодежь имеет возможность свободно получать религиозное образование.

Также в Ташкенте осуществляет свою деятельность высшее учебное заведение – Ташкентский исламский институт имени Имама аль-Бухари, в котором можно получить высшее духовное образование [4].

Для подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих современным требованиям, при Кабинете Министров Республики Узбекистан, на основе специального Указа Президента Республики Узбекистан от 7 апреля 1999 года, создан Ташкентский исламский университет. В университете, параллельно со светскими науками, молодежь получает и религиоведческое образование, что способствует расширению кругозора, знаний и мировоззрения у них. Вот уже на протяжении нескольких лет учебное заведение выпускает специалистов, которые занимают активную позицию во многих отраслях производства и науки [5].

Важно отметить, что на сегодняшний день предпринятые в Узбекистане шаги в сфере религиозных свобод граждан находят всемирное признание, в том числе среди ведущих российских аналитиков. Например, как отмечает эксперт по внешней политике Центра политической конъюнктуры России Евгения Войко, «разнообразие религиозных организаций на территории Узбекистана, безусловно, свидетельствует о высокой культуре толерантности не только со стороны руководства страны, но и общества».

«Принятые государством меры по расширению религиозных свобод граждан свидетельствуют об активном и постоянном стремлении властей

минимизировать отдельные разрушительные проявления нетерпимости к представителям иных конфессий», – говорит Е. Войко [6].

Примечательно мнение по поводу атмосферы религиозной толерантности в нашей стране политического обозревателя информационного телеграфного агентство ИТАР-ТАСС Романа Ромишевского. По его словам, «…необходимо отметить, что каждый год при всесторонней помощи руководства республики, верующие из Узбекистана совершают паломничество к святым местам: мусульмане в Саудовскую Аравию для отправления обрядов «Хаджа» и «Умры», христиане – в Россию, Грецию и Израиль, иудеи – в Израиль. И тот момент, что всего за годы независимости более 65 тысячам граждан республики была предоставлена возможность осуществить паломничество «Хадж» в Саудовскую Аравию, и более 200 гражданам в святые для христиан и иудеев места в России, Греции и Израиле, говорит о многом».

По мнению российского корреспондента, «Узбекистан является центральноазиатским маяком культуры, который на протяжении тысячелетий продолжает быть форпостом взаимодействия различных религий, культур и сторонником мирного сосуществования» [6].

В стране созданы все условия для получения образования по всем направлениям, и государственные программы содействует многостороннему развитию молодежи.

На самом деле, ксенофобия, нетерпимость – это результат неправильного понимания другой культуры. Поэтому необходимо непрерывно проводить широкую агитационно-пропагандистскую работу среди разных слоев населения по повышению уровня просвещения [8, с. 48].

История подтверждает тот факт, что узбекский народ всегда проявлял терпимость и уважение к представителям других народов и конфессий. Следовательно, проявление культурной и религиозной терпимости в современных условиях является основной чертой нашего народа. Многонациональный народ Узбекистана объединяет лозунг – «Узбекистан – наш общий дом». Узбеки, русские, таджики, казахи, каракалпаки, татары, киргизы, корейцы туркмены, украинцы, уйгуры, евреи, турки, немцы, греки и др. живут бок о бок друг с другом, проявляя уважение и любовь. Мы живем в государстве, где процветает мир и стабильность, межнациональное и гражданское согласие.

Как отметил Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов: «Важнейшими задачами для каждого из нас должны стать укрепление в обществе атмосферы доброты, милосердия и толерантности» [1, с. 36].

В заключение можно сказать, что только при проявлении доброты, милосердия, толерантности, уважения и понимания можно сохранить мир и спокойствие, процветание и благополучие в стране, мы можем быть уверены в своем светлом будущем и гордиться прошлым.

Библиографический список

1. Каримов И. А. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т. : Маънавият, 2008.
2. Конституция Республики Узбекистан. – Т. : Узбекистан, 2013.
3. Кушаев У. Р. Светскость и религиозность: трактовки понятий и условия гармоничности // Paradigmata poznani. – 2014. – № 1. – С. 27–31.
4. Электронный ресурс. – URL : http://buxoriy.uz/ (дата обращения : 17.03.2014).
5. Электронный ресурс. – URL : http://tiu.uz/ (дата обращения: 17.03.2014).
6. Электронный ресурс. – URL : http://uzbekistan.uzreport.uz/news_r_80368.html (дата обращения: 17.03.2014).
7. Хажиева М. Ўзбекистонда толерантлик жараёни. – Т. : ABU MATBUOT-KONSALT, 2008.
8. Қўшаев У. Р. Маданият ва дин. – Т. : Fan va texnologiya, 2013.

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Узбекистана, Украины и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага) в 2014 году

12–13 октября 2014 г.
Международная научно-практическая конференция
«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития» (К-10.12.14)

13–14 октября 2014 г.
Международная научно-практическая конференция
«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях» (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция
«Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия» (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция
«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе» (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция
«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов» (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция
«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии» (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция
«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия» (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция
«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования» (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы» (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.
III международная научно-практическая конференция
«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы» (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.
II международная научно-практическая конференция
«Проблемы развития личности» (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция
«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования» (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.
III международная научно-практическая конференция
«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему» (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.
IV международная научно-практическая конференция
«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях» (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.
Международная научно-практическая конференция
«Проблемы и перспективы развития экономики и управления» (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.
III международная научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии» (К-12.05.14)

7-8 декабря 2014 г.
Международная научно-практическая конференция
«Безопасность человека и общества» (К-12.07.14)

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Prague) in 2014

October, 12–13, 2014.
International scientific conference
«Computerisation of higher education: current situation and development prospects» (К-10.12.14)

October, 13–14, 2014.
International scientific conference
«Purposes, tasks and values of education in modern conditions» (К-10.13.14)

October, 15–16, 2014.
IV international scientific conference
«Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction» (К-10.15.14)

October, 20–21, 2014.
II international scientific conference
«Transformation of spiritual and moral processes in modern society» (К-10.20.14)

October, 25–26, 2014.
IV international scientific conference
«Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions» (К-10.25.14)

October, 28–29, 2014.
II international scientific conference
«Socialization and education of teenagers and youth in institutes of the general and professional education: theory and practice, contents and technologies» (К-10.28.14)

November, 1–2, 2014.
IV international scientific conference
«Religion – science – society: problems and prospects of interaction» (К-11.01.14)

November, 3–4, 2014.
II international scientific conference
«Professionalism of a teacher in the information society: formation and problems of improvement» (К-11.03.14)

November, 5–6, 2014.
II international scientific conference
«Current issues of social researches and social work» (K-11.05.14)

November, 10–11, 2014.
III international scientific conference
«Preschool education in a country and the world: historical experience, state and prospects» (K-11.10.14)

November, 15–16, 2014.
II international scientific conference
«Problems of development of a personality» (K-11.15.14)

November, 20–21, 2014.
IV international scientific conference
«Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education» (K-11.20.14)

November, 25–26, 2014.
III international scientific conference
«History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future» (K-11.25.14)

December, 1–2, 2014.
IV international scientific conference
«Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches» (K-12.01.14)

December, 3–4, 2014.
II international scientific conference
«Problems and prospects of development of economy and management» (K-12.03.14)

December, 5–6, 2014.
III international scientific conference
«Topical issues of the theory and practice of lingvo cross-cultural lexicography» (K-12.05.14)

December, 7–8, 2014.
International scientific conference
«Safety of a person and society» (K-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал **«СОЦИОСФЕРА»** (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 6 раз в год (февраль, апрель, июнь, август, октябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент, Белолипецкий Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Ефимова Диана Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, Кушаев Умиджон Рахимович, кандидат философских наук, Саратовцева Надежда Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, (Москва, Россия), Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Голандам Араш Карим, доцент (филология – Решт, Иран), Гончаров Вадим Николаевич, доктор философских наук,

доцент (Ставрополь, Россия), Гринин Леонид Ефимович, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), Исламов Захиджан Махмудович, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), Миняров Валерий Максимович, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), Мохначева Марина Петровна, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сердобинцева Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), Танцошова Джудита, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), Христова Наталия Цветанова, PhD., профессор (история – София, Болгария), Хрусталькова Наталья Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), Цибак Любош, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал **«PARADIGMATA POZNÁNÍ»** (Парадигмы познания) (ISSN 2336-2642) публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера» http://sociosphera.com, на сайте Электронной научной библиотеки по адресу http://elibrary.ru, а также на сайте Directory of open access journals по адресу http://www.doaj.org.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна,
кандидат психологических наук, доцент

Заместитель главного редактора – Кушаев Умиджон Рахимович,
кандидат философских наук.

Редакционная коллегия: Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Бойцов Виктор, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), Бушина Филип, PhD., MBA (экономика – Колин, Чехия), Вернигора Александр Николаевич, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), Девятых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь), Замаровский Петер, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), Ивановска Божена, PhD. (социология – Варшава, Польша), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Крейчова Ленка, PhD. (психология – Прага, Чехия), Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Кэмп Марианне, PhD., доцент, (история – Вайоминг, США), Лидяк Ян, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сигмунд Томаш, PhD. (философия – Прага, Чехия), Сзуппе Мария, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), Танцошова Джудита, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), Хаджкова Ванда, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов, отправляемых в журналы «Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 х 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегль) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название жирным шрифтом, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В

статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 4–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Имя файла, отправляемого по e-mail,

для журнала «Социосфера»

соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

для журнала «Paradigmata poznání» файл со статьей – **PP-Петров ИВ** или **PP-German P,** квитанция – **PP-Петров ИВ квитанция** или **PP-German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы.

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal **«SOCIOSPHERE»** (ISSN 2078-7081) publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Fulltext versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» http://sociosphera.com and on the website of Electronic research library at http://elibrary.ru and also on the website of Directory of open access journals at http://www.doaj.org.

The content of journal has following parts:

- Science.
- In the help to a higher school teacher.
- In the help to a teachers.
- In the help to a competitor.

Periodicity of journal – 6 issues in a year (February, April, June, August, October, December).

Editor-in-Chief – Boris Doroshin,
Candidate of Historical Sciences, assistant professor

Editorial board

Ilona G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (responsible for release), Michail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, assistant professor, Vladimar V. Belolipeckiy, Candidate of Historical Sciences, assistant professor, Diana V. Efimova, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor, Umidjon R. Kushaev, Candidate of Philosophical Sciences, Nadezhda V. Saratovceva, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor.

The International editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria), Alla Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Asya S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences,

professor (Erevan, Armenia), Sergey N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia), Arash K. Golandam, assistant professor (Philology – Rasht, Iran), Vadim N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia), Leonid E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia), Zahidzhan M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Natalia. Ts. Khristova, Ph.D, professor (History – Sofia, Bulgaria), Viktor V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia), Valeriy M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia), Marina P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia), Murat O. Nasimov, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan), Miroslav Sapik, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Natalia A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia), Lubosh Cibak, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Czech science journal **«PARADIGMATA POZNÁNÍ»** (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Fulltext versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» http://sociosphera.com and on the website of Electronic research library at http://elibrary.ru and also on the website of Directory of open access journals at http://www.doaj.org.

The content of journal has following parts:

1. Theory and analyses.
2. Empirical and applied studies.
3. Surveys, reviews and comments.
4. Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor
Deputy Editor-in-Chief – Umidjon R. Kushaev, *PhD. (philosophy),*

International editorial board

Ravshan V. Abdullaev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Victor Boicov, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), Phillip Bushina, Ph.D., MBA (Economics – Colin, Czech Republic), Aleksandr N. Vernigora, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), Sergey Yu. Devyatych, candidate of psychological sciences, assistant professor (Vitebsk, Belarus), Bozhena Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), Vanda Hajkova, DrPaed., associate professor (Education – Prague, Czech Republic), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Nursafa G. Khayrullina, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), Lenka Krejcova, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), Petr N. Kobets, doctor of law, professor (Moscow, Russia), Andrey V. Korotaev, doctor of history, professor (Moscow, Russia), Marianne Kamp, Ph.D, associate professor (History – Wyoming, USA), Jan Lidyak, Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), Nikolay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), Miroslav Sapik, Ph.D. associate professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Tomash Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), Mariya Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Peter Zamarovsky, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications sent to the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphere@yandex.ru or sociosfera@seznam.cz. Each article should have a UDC. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2cm, left – 3cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which

these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume.

The name of the file

for the journal «Sociosphere» – family name and initials of the first author, for example: **German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **German P receipt;**

for the journal «Paradigmata poznání» – the file with an article – **PP-German P,** the payment confirmation – **PP-German P receipt.**

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Образец оформления статьи для журналов «Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Sample of articles for journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

УДК 94(470)»17/18»

Культура г. Семиреченска в XIX веке

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права, г. Семиреченск,

N-ский край, Россия

Culture in Semirechensk in the XIX century

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law, Semirechensk,

N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произ-

вести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. …

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: http://semirechensk-history.ru/ocherki (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York. : H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия
Имя
Отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
Домашний адрес
Домашний или сотовый телефон
E-mail
Научные интересы
Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу*.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг **«Премиум»** включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	**Цена в рублях за количество страниц**				
	50 стр.	**100 стр.**	**150 стр.**	**200 стр.**	**250 стр.**
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

*** Формат страницы** А4 (210х297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегль) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers cooperation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia
(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) – 1,1 € per 1 page*.
- Making an artwork – 0,7 € per 1 page.
- Cover design – 11,1 €.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Quantity	**Price in € for the number of pages**				
	50 pages	**100 pages**	**150 pages**	**200 pages**	**250 pages**
50 copies	176	267	351	440	533
100 copies	240	349	451	560	667
150 copies	311	451	573	718	849
200 copies	382	556	702	878	1031

***** Page size A4 (210 x 297 mm). Margins: left – 3 cm, the others – 2 cm; 1.5 spacing; indentation 1.25; size (font size) – 14; type – Times New Roman.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Science Publishing Center «Sociosphere-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Penza State Technological University
Urgench State University named after al-Khorezmi
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS: INTERRELATION OF TRADITIONS AND INNOVATIVE APPROACHES

Materials of the international scientific conference
on September 17–18, 2014

Editor – **V. V. Myakota**
Corrector – **J. V. Kuznetsova**
The original layout – **M. M. Zarifov**
Cover design – **Y. N. Bannikova**

Signed in print 24.09.2014. 60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 20,5.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: http://sociosphera.com,
e-mail: sociosfera@seznam.cz